

Институт славяноведения РАН

Институт востоковедения
им. А. Е. Крымского НАН Украины

Международный Соломонов университет

Хазарский альманах

Том 13



Москва
2015

Институт славяноведения РАН
Институт востоковедения
им. А. Е. Крымского НАН Украины
Международный Соломонов университет

Хазарский альманах

Том 13



Москва
2015

Альманах издан по гранту РФФ № 15-18-00143
«Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий
в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи»

*Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
30 июля 2015г. (протокол № 5)*

Хазарский альманах / Ред. кол.: О. Б. Бубенок (глав. ред.), В.С. Аксёнов и др. – Москва, 2015. – Т. 13. – 352 с.

Настоящий том «Хазарского альманаха» посвящен памяти двух выдающихся востоковедов – арабиста А. П. Ковалевского, чей 120-летний юбилей отмечается в 2015 г., и тюрколога С. Г. Кляшторного, жизненный путь которого завершился в 2014 г. В издании содержатся публикации, посвященные не только научно-исследовательской деятельности А. П. Ковалевского и С. Г. Кляшторного, но и прошлому народов Евразии в хазарский и после-хазарский периоды. Многие материалы публикуются впервые.

ISBN 978-5-7576-0341-4

© Институт славяноведения РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Редакционная коллегия:

- О. Б. Бубенок (главный редактор), доктор ист. наук, профессор
(г. Киев)
- В. С. Аксёнов, канд.ист. наук (г. Харьков)
- К. В. Бондарь, канд. филол. наук (г. Харьков)
- А. Б. Головкин, доктор ист. наук, ст. н. с. (г. Киев)
- Ю. Н. Кочубей, канд. филол. наук, ст. н. с. (г. Киев)
- Т. М. Калинина, канд. ист. наук, ст. н. с. (г. Москва)
- В. В. Майко, доктор ист. наук (г. Симферополь)
- В. Я. Петрухин (заместитель главного редактора), доктор ист.
наук, профессор (г. Москва)
- Е. Б. Рашковский, канд. ист. наук (г. Москва)
- С. Б. Сорочан, доктор ист. наук, профессор (г. Харьков)
- А. А. Тортика (заместитель главного редактора), доктор ист.
наук, профессор (г. Харьков)
- А. И. Уткин, доктор ист. наук, профессор (г. Киев)
- В. С. Флёров, канд. ист. наук, ст. н. с. (г. Москва)
- А. А. Хамрай, докт. филол. наук, ст. н. с. (г. Киев)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

13-й том «Хазарского альманаха» выходит в Москве под грифом Института славяноведения РАН, Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины и Международного Соломонова университета; центр славяно-иудаики и отдел средних веков Института славяноведения традиционно участвуют в исследовании отношений славян с еврейской диаспорой и «кочевым» (тюркским) миром Евразии. К традиционным для Института славяноведения темам тома 13 «Хазарского альманаха» относится блок статей и публикация, посвященные 120-летию А. П. Ковалевского: публикации работ известного востоковеда в области славистики были изданы отделом средних веков (см.: [Королюк, 1973]).

Исследования славяно-хазарских (русско-хазарских) отношений актуализировались на рубеже тысячелетий с проведением международных хазарских коллоквиумов – Первого в Иерусалиме (1999), Второго (под эгидой центра «Сэфер») в Москве (2002); тогда же, по инициативе харьковского археолога-хазароведа В. К. Михеева (1937–2008), при участии украинских и российских ученых был создан Международный центр хазароведения при Восточноевропейском филиале Международного Соломонова университета в Харькове, был начат выпуск «Хазарского альманаха» (главным редактором стал В. К. Михеев – см.: [Михеев, 2002]). Альманах выходил в Харькове под грифами Международного центра хазароведения и Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАНУ (том 7 был выпущен издательством «Гешарим» в Иерусалиме). В подготовке альманаха активным образом участвовали сотрудник Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАНУ О. Б. Бубенок (с 2012 г., том 10 альманаха, – главный редактор), профессор Харьковской Академии культуры А. А. Тортика (зам. гл. редактора) и профессор Б. С. Элькин (1947–2011), которого с полным основанием считали

главным вдохновителем издания (том 9 альманаха посвящен его памяти). 9–12 тома выходили при поддержке московского Фонда взаимодействия цивилизаций (при Институте востоковедения РАН).

Альманах основывается на международном сотрудничестве специалистов в области истории, филологии, археологии (в работе принимают участие ученые из Украины, России, Болгарии, Израиля, США). Насущным представляется теснейшее сотрудничество ученых России и Украины, особенно в период, когда работа над хазарской проблемой (в том числе раскопки на востоке Украины) чрезвычайно затруднена.

Нынешнее издание подготовлено в рамках проекта «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи» (грант РФФ, 15-18-00143).

Литература

- Королюк В. Д.* Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений / Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1973.
- Михеев В. К.* От главного редактора // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков 2002. С. 3–5.

I

К 120-летию А. П. Ковалевского

А. І. Мітряєв

ТВІР ІБН ФАДЛАНА У ДОСЛІДЖЕННЯХ А. П. КОВАЛІВСЬКОГО

У квітні 1935 р. врешті вдалося подолати бюрократично-кадрові перепони і Андрія Петровича було зараховано науковим співробітником Інституту сходознавства АН СРСР. Деякий час він ще продовжував працювати за сумісництвом в етнографічному музеї і тільки з січня 1936 р. повністю зосередився на дослідженні творів східних ранньосередньовічних авторів в Арабському кабінеті під керівництвом І. Ю. Крачковського [3, № 303].

У тому, що український сходознавець став всесвітньо відомим фахівцем саме в арабістичному джерелознавстві відіграв вирішальну роль І. Ю. Крачковський. Саме це підкреслює Андрій Петрович в одному з листів до нього: «Велике Вам спасибі за Ваш лист... цей лист дав мені багато наснаги і зважливості стійко триматися накресленого шляху» [2, № 447]. І. Ю. Крачковський не тільки підтримував його своїм беззастережним науковим авторитетом в галузі арабістики, а й запросивши до своєї наукової установи, надав необхідні умови для плідної роботи, спрямував наукову діяльність талановитого співробітника у сферу дослідження арабських джерел. Особиста зустріч з ушлякованим арабістом ще більше зміцнила рішучість А. П. Ковалівського прямувати шляхом досліджень арабських середньовічних джерел: «Я якось захопився величезним матеріалом, який знайшов в арабському кабінеті, – розповідає Андрій Петрович, – і запропонував йому (І. Ю. Крачковському. – А. М.) кілька тем.

Він розглянув їх і каже: “Ось Ви працювали над арабськими джерелами з історії СРСР. Цього Вам до кінця життя вистачить, а потім захоплюйтесь усім, чим забажаєте”» [1, № 30а]. І, можливо, для того, щоб Андрій Петрович не дуже спокушався чимось іншим, запропонував йому працювати поруч із собою. «Згодом, – згадує Андрій Петрович, – я просидів з ним за одним столом в Арабському кабінеті не один рік» [1, № 30а].

Про цей період своєї праці над арабськими джерелами пізніше розповідає сам Андрій Петрович: «Розпочав з найбільш ранніх пам'яток – творів математиків і астрономів VIII–IX ст.: ал-Фергані, ал-Ферзарі, ал-Баттані, ал-Хорезмі. Були також перекладені відповідні місця (маються на увазі дані з історії народів Кавказу та Східної Європи. – А. М.) з Ібн Хордадбега...». Пізніше, у 1955 р., Андрій Петрович самокритично зазначає з приводу якості тієї роботи: «Тепер, – писав він, – мої переклади тих арабських авторів вимагають нових коментарів. Зараз я бачу, що мій колишній учень Павло Георгієвич Булгаков дослідив увесь текст Ібн Хордадбега так, що без врахування саме його висновків усяке дослідження цього арабського автора неможливе» [1, № 134].

Але найбільше захоплювало у той час А. П. Ковалівського вивчення головного твору ал-Мас'уді. Проаналізувавши декілька варіантів тексту цього арабського автора, він прийшов до висновку, що паризьке і єгипетське видання його зовсім некритичні, непридатні для наукового використання дослідниками-істориками, а тому необхідне більш копітке критично-текстологічне вивчення. Розпочавши цю роботу у середині 1930-х рр., він продовжував її з перервами до кінця свого життя.

Поряд з вивченням середньовічних творів арабських авторів, А. П. Ковалівський пише на основі аналізу сучасних джерел досить велику працю про політику народної освіти у Єгипті XX ст. [Ковалевский, 1936, с. 137–182]. Працює над висвітленням життєвого шляху великого мислителя Сходу Авіценни і доповідає про результати цієї роботи на 2-й сесії Асоціації арабістів [Ковалевский, 1937а, с. 10–14]. Доповідь викликала схвальний відгук І. Ю. Крачковського, який особливо наголосив, що А. П. Ковалівський «спромігся залучити нові матеріали і дати нове висвітлення, незважаючи на все багатство літератури про цей предмет» [Долинина, 1994, с. 281].

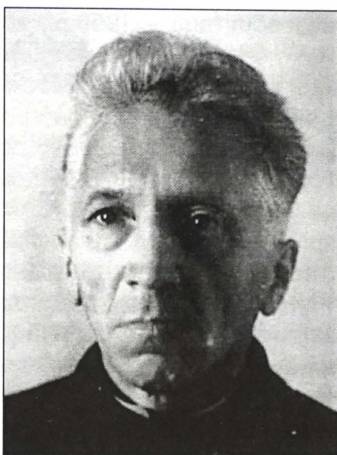
Завдяки зусиллям А. П. Ковалівського побачило світ посмертне дослідження академіка В. В. Бартольда «Арабські відомості про ру-

сів» [Ковалевский, 1940, с. 15–50]. Редагування рукопису вимагало високої кваліфікації і неабияких зусиль. Адже, за свідченням самого А. П. Ковалівського, «довелося скласти цю статтю з двох аналогічних рукописів В. В. Бартольда 1918 року і 1926 року, а також розкрити і уточнити виписки та посилання останньої з його чернеток та дати посилання на більш нові матеріали, зокрема з Ібн Фадлана» [1, № 134].

Саме Ібн Фадлан і стає у той час головним предметом дослідницьких занять А. П. Ковалівського. У 1936 р. Інститут сходознавства одержав фотокопію т. зв. Мешхедського рукопису, в якому містився більш-менш повний текст книги Ібн Фадлана X ст. До цього книга була відома в нашій країні лише з уривків, наведених Якубом (XIII ст.) у т. зв. Географічній енциклопедії. Всебічне джерелознавче дослідження саме книги Ібн Фадлана як цінного джерела для вивчення ранньосередньовічної історії народів Східної Європи стало найбільш визначним науковим дослідженням українського сходознавця, що поставило його ім'я поряд з видатними арабістами не тільки нашої країни, а й світу. За порівняно стислий термін (близько двох років) ним була проведена надзвичайно складна робота по вивченню і перекладу з арабської мови важкої для розуміння фотокопії рукописного тексту Ібн Фадлана. Цією роботою А. П. Ковалівський забезпечив науковий пріоритет за вітчизняною наукою, випередивши Зекі Валіді, який у той самий час працював у Німеччині над фотокопією книги Ібн Фадлана. Про значні труднощі перекладу і дослідження рукопису Ібн Фадлана розповідав сам А. П. Ковалівський [Ковалевский, 1937б, с. 27–28; Ковалевский, 1937в, с. 197–198; Ковалевский, 1938, с. 57–71]. Переклад рукопису було зроблено на основі ретельного критично-філологічного аналізу тексту Ібн Фадлана та уривків з Йакута. Враховуючи те, що одночасно А. П. Ковалівський працював і над іншими дослідженнями, викликає подив надзвичайна його працездатність та наукова майстерність. Адже текст арабського письменника вимагає копійної роботи. Необхідно було розібратись у складній і важкій для розуміння термінології, відсутності у тексті позначень більшості голосних, внаслідок чого можна читати одне і те ж слово по-різному. Наявність або ж відсутність однієї крапки може кардинально змінити значення терміна. До того ж необхідно було виявити і виправити помилки переписувачів, втрату проміжних ланцюжків в арабському тексті. Все це вимагало ретельної роботи з коментування змісту, без чого текст цього важливого джерела залишився б непридатним для використання істо-

риками. Наслідки цієї величезної високопрофесійної роботи було викладено у виданій 1939 р. книзі обсягом близько 20 друк. арк., в якій крім перекладу тексту книги Ібн Фадлана подано археографічний вступ, науковий коментар (1237 термінів), огляд джерел і посібників, арабський і російський покажчики і 33 фотокопії оригінального тексту з Мешхедського рукопису [Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939]. Незважаючи на дуже високу оцінку цієї праці і визнану перевагу над іншими аналогічними дослідженнями (про що говорилося у рецензії німецького сходознавця П. Г. Ріттера [Ritter, 1942, S. 98–126]), сам А. П. Ковалівський розглядав свою працю лише як перший крок у джерелознавчому вивченні твору Ібн Фадлана і накреслював плани подальшої дослідницької роботи над ним. На жаль, їх виконання дослідникові довелося надовго відкласти.

У жовтні 1938 р. А. П. Ковалівського було заарештовано і відправлено на п'ять років до одного з гулагівських таборів. Таке порівняно з практикою тогочасних репресій «м'яке» покарання можна пояснити тим, що науковець під час слідства тримався мужньо, вини своєї не визнавав і навіть наважувався жартувати. Коли слідчий спитав, проти кого він готував терористичний акт, Андрій Петрович відповів: «Постишева». Слідчий розреготався, бо П. Постишев на той час сам був репресований як ворог народу. Крім того, у пом'якшенні покарання певну роль могла відіграти високопозитивна характеристика його наукової праці, яка була дана керівництвом Арабського кабінету, а також клопотання всесвітньо відомого академіка І. Ю. Крачковського, з яким він звертався до відповідних органів, про пом'якшення долі свого шановного співробітника. Про це розповідає у книзі про І. Ю. Крачковського учениця А. П. Ковалівського А. А. Долиніна [Долинина, 1994, с. 284], підкреслюючи при цьому, що «особливо відчутною втратою для І. Ю. Крачковського і для всього Арабського кабінету на той момент був арешт Андрія Петровича, одного з основних виконавців плану вивчення арабських джерел з історії СРСР» [Долинина, 1994, с. 283]. Однак домогтися звільнення А. П. Ковалівського так і не вдалося. На жаль, щось більш певне про ті трагічні часи в житті Андрія Петровича сказати неможливо. Він сам від розмов з цього важкого для нього предмета із зрозумілих причин усіяло ухилився. Завісу, що закриває цей період життя вченого, можна було б розкрити лише після вивчення відповідних документів, які зберігаються в архівних сховищах колишнього Ленінградського КДБ.



Важко було й видати друком його закінчену працю про Ібн Фадлана. Про те, щоб опублікувати її з вказівкою на автора – «ворога народу», не варто було й думати. Ця обставина особливо хвилювала І. Ю. Крачковського. Пояснюючи факт видання праці без зазначення прізвища її автора, він писав у листі до В. І. Філоненка: «Для мене єдино важливо показати, що праця редагована мною, але не моя, а те, що прізвище автора зникло, – це вже не в моїх силах. Розумне видавництво пропонувало всі особові звороти замінити на безособові або поставити “ми”, але я відчував, що тоді сліди моєї праці в очах-непосвячених можуть стертися, і сказав: “sint unt sunt, aut non sunt” (“Хай буде як є або зовсім не буде” – А. М.)» [Долинина, 1994, с. 284]. Отже, книга вийшла у світ за редакцією І. Ю. Крачковського, але було зрозуміло, що автор її хтось інший. Таким чином він чесно відокремив своє ім'я від авторства. Це єдине, що можна було зробити у тих обставинах, щоб забезпечити можливість публікації.

Її автор, А. П. Ковалівський, звільнився з табору у 1943 р. з дозволом оселитися у м. Саранську. Він працює спочатку рахівником у госпіталі, а після того, як його було знято за станом здоров'я з військового обліку, вчений зміг влаштуватись доцентом у Єврейському педінституті, де викладав історію колоніальних і залежних країн та німецьку мову. Щодо продовження наукової роботи в умовах провінційного міста годі було й думати. Усі матеріали при арешті були конфісковані і, як зазначено у довідці, одержаній Андрі-

єм Петровичем після реабілітації у 1956 р., «за давністю років не збереглися» [1, № 38]. У червні 1944 р. він одержує паспорт, до якого вдалося внести запис «евакуйований з Москви» [Долинина, 1994, с. 355]. Це відкривало йому шлях до повернення в арабістику.

У листопаді 1944 р. його було зараховано докторантом до Інституту сходознавства АН СРСР. Але до Ленінграда в'їзд ще був заборонений, а у Москві не було навіть гуртожитку для проживання докторантів. Тоді Андрій Петрович за викликом ректоратів Харківського університету та педінституту їде до рідного міста і викладає курс історії Сходу [1, № 38]. Він обмірковує плани відновлення дослідницької роботи над твором Ібн Фадлана. Конкретно ж працювати у Харкові над арабськими джерелами можливості не було [1, № 129]. Усе необхідне для нього знаходилося в Ленінграді. Тільки у жовтні 1947 р. було одержано дозвіл виїхати до Ленінграда. Перейшовши з докторантів у наукові співробітники Інституту сходознавства АН СРСР, він врешті одержав і місце у гуртожитку, що дало йому реальну можливість відновити перервану у 1938 р. дослідницьку роботу в Арабському кабінеті у І. Ю. Крачковського, завдяки передбачливості якого, як зазначав Андрій Петрович, і даним їм вказівкам усі справи влаштувалися якнайкраще [Долинина, 1994, с. 356]. Одержавши можливість дістатися до матеріалів, що вже були напрацьовані раніше у вивченні Ібн Фадлана, Андрій Петрович відразу подає план подальших джерелознавчих досліджень з цієї проблеми, завершенням яких повинна була стати докторська дисертація [3, № 303]. Розпочалась напружена, без вихідних і відпусток, 12-годинна праця [1, № 139]. Одночасно А. П. Ковалівський викладає студентам східного факультету Ленінградського університету курс історії арабських країн XIII—XX ст. і веде спецсеминар з арабських історичних джерел [1, № 129].

Через рік він завершує дослідницьку роботу з докторської дисертації. Залишалось тільки підготувати її до захисту. Але виникли проблеми з житлом, продовжувати мешкати у гуртожитку без сім'ї, яка залишалася у Харкові, він вже не міг. Тому наприкінці 1948 р. він повертається до рідного міста [1, № 129]. Займає посаду доцента кафедри нової і новітньої історії Харківського університету і вже, як її співробітник, завершує підготовку дисертації до захисту і публікує окремі її частини [Ковалевский, 1949а, с. 265–293; Ковалевский, 1951а, с. 346; Ковалевский, 1951б, с. 189–214; Ковалевский, 1952, с. 143–157]. За рахунок університету друкує авторефе-

рат дисертації і від'їжджає до Москви, де блискуче її захищає 19 березня 1951 р. перед вченою радою Інституту сходознавства АН СРСР. 16 травня 1953 р. ВАК затверджує його у вченому званні професора кафедри нової історії [1, № 129].

Так швидко і на такому високому рівні упоратись з надзвичайно складним дослідженням А. П. Ковалівський зміг завдяки величезній працездатності, обдаруванню і цілеспрямованості. Звичайно, у пригоді став і досвід аналітично-текстологічної роботи над твором Г. Сковороди і середньовічними літописами, набутий ще у 1920-х – на початку 1930-х рр. під час наукової роботи у Харкові, досвід у галузі східних мов, набутий Андрієм Петровичем під час навчання у Лазаревському інституті і, безперечно, допомога видатного арабіста академіка І. Ю. Крачковського. Велике значення для праці над середньовічними текстами, як про це свідчить сам Андрій Петрович, мав розроблений у вітчизняній науці метод критики давньоруських писемних джерел.

Якщо видання перекладу Ібн Фаддана 1939 р. завершило перший етап праці А. П. Ковалівського над цим важливим для дослідження історії народів Східної Європи арабським джерелом, то докторська дисертація може розглядатись як подальший крок у науковій розробці цієї теми. А. П. Ковалівський підкреслював, що тільки в докторській дисертації вдалося попередній (1939 р.) переклад з коментарями до книги Ібн Фадлана перетворити на справжнє джерелознавче дослідження, в якому не тільки вирішувалися завдання перекладу, а й науково розтлумачувалися різні варіанти текстів Ібн Фадлана, що дійшли до нас. У дисертації було визначене літературне середовище, в якому створювався цей твір; відтворено історичне обличчя автора та досліджені обставини відправлення і подорожі посольства з Багдада, у складі якого він їздив до нашої країни [Ковалевский, 1949б, с. 8–9]. Всі ці завдання були блискуче вирішені Андрієм Петровичем на основі ретельного дослідження джерел і викладені ним у двотомній докторській дисертації «Ібн Фадлан», обсягом більше тисячі сторінок машинопису, який зберігається в Центральній науковій бібліотеці Харківського університету. Після захисту докторської дисертації відкрилася вакансія завідувача кафедри нової і новітньої історії у Харківському університеті у зв'язку з переходом її керівника А. Скаби на партійну роботу.

А. П. Ковалівський, вже як професор і доктор наук, був єдиним на той час достойним кандидатом на цю посаду. За конкурсом у 1951 р. він стає завідувачем на цій кафедрі [1, № 129].

Керівництво кафедрою нової і новітньої історії ускладнило діяльність А. П. Ковалівського у галузі східного джерелознавства. На кафедрі не було жодного сходознавця, таких фахівців потрібно було готувати. Наукові інтереси всіх співробітників обмежувалися проблемами переважно новітньої історії західноєвропейських і зарубіжних слов'янських народів. Наукові інтереси А. П. Ковалівського тяжіли до середньовіччя, але профіль кафедри вимагав розгорнути дослідницьку роботу саме з нової і новітньої історії. Енциклопедичні знання Андрія Петровича і його висока кваліфікація дозволяли йому успішно працювати і з істориками-новістами. Протягом 1950-х – початку 1960-х рр. вдалося підготувати і декількох сходознавців, але у галузі новітньої історії Сходу: японознавця Я. П. Побеленського, індолога Ю. Г. Литвиненка, китаїста Б. П. Вєтрова та тюрколога І. Ф. Чернікова. Андрій Петрович багато зробив і для зростання наукової кваліфікації славістів С. І. Сідельникова та А. І. Митряєва. Але ж ця необхідна і корисна робота проходила за межами його безпосередніх наукових пошуків у галузі арабського джерелознавства. Окрім того, в ті роки Андрій Петрович був чи не єдиним доктором історичних наук у Харкові, а тому йому доводилося дуже часто виступати офіційним опонентом на захисті дисертацій з різних галузей історичної науки, включаючи таку далеку від нього історію КПСР.

І все ж А. П. Ковалівський продовжував наполегливо працювати над своєю науковою проблематикою. У першій половині 1950-х рр. він завершує і видає у 1954 р. в Чувашії книжку про середньовічних чувашів і булгар за даними Ібн Фадлана [Ковалевский, 1954а]. До виходу у світ цієї праці свідоцтва з історії чуваського народу не сягали глибше XVI ст. У цій книжці він зробив спробу показати, що згадані у Ібн Фадлана «сувази, які відмовилися прийняти іслам, були до певної міри предками чувашів». Не всі науковці погоджувались з цим висновком, однак А. П. Ковалівський був задоволений тим, що його книжка, яку він готував у тісному контакті з чуваськими фахівцями, сприяла пошуків інтересу істориків Чувашії до розробки ранньосередньовічної історії свого народу, а також дістала схвальний відгук у польського сходознавця А. Зайончковського

[Zajačkowski, 1957, s. 203–209]. Із Ібн Фадланом була пов'язана також велика стаття про башкирів. А. П. Ковалівський і на трьохсотрічний ювілей Переяславської Ради 1654 р. відгукується джерелознавчою статтею «Опис подорожі Павла Алеппського як джерело історії України» [Ковалевский, 1954б, с. 257–291].

Але головну увагу А. П. Ковалівського у 1950-х рр. привертає підготовка до друку написаної ним на основі вивчення опису подорожі Ібн Фадлана на Волгу у 921–922 рр. у складі Багдадського посольства великої книги, яка стала новим кроком у дослідженні цієї важливої для історичної науки джерелознавчої проблеми [Ковалевский, 1956]. По-перше, в ній подається новий переклад рукопису Ібн Фадлана. Як зазначає сам А. П. Ковалівський, новий переклад книги Ахмеда Ібн Фадлана ґрунтується не тільки на філологічному матеріалі першого видання 1939 р., а й на спеціальному дослідженні, що охоплює як історичні, так і філологічні питання, пов'язані з цим автором, зокрема на детальному аналізі вельми важливих перських перекладів з Ібн Фадлана у Наджиба Хамадані (XII ст.) і Аміна Разі (XVI ст.), що відтворюють більш повну загублену редакцію його, а також на широкому застосуванні до тексту Ібн Фадлана методу зіставлень паралельних місць, який є одним з ефективних засобів філологічної критики. Використана була й опублікована за останні роки література з досліджуваного предмета, причому ставилося завдання передати не тільки зміст Мешхедського рукопису, а й тексту, критично відтвореного за усіма іншими даними. Найважливішою частиною книги є новий коментар, який не тільки служить обґрунтуванню перекладу та його тлумаченню, а й відображає підсумок усієї роботи над текстом Ібн Фадлана на сьогодні. Матеріали коментарів 1939 р. майже не повторюються. Якщо попередні дослідження мали ухил до філологічності, то це, третє видання дослідження твору Ібн Фадлана є класичним зразком історико-джерелознавчої наукової праці. В ній автор майстерно застосовує розроблену ним завершену методику джерелознавчого дослідження [Бейліс, 1995, с. 36–37]. Книга А. П. Ковалівського, що підсумовує майже 20-річну дослідницьку працю над одним із важливих арабських джерел ранньосередньовічної історії народів Східної Європи, дістала схвальні оцінки в багатьох рецензіях та історичних оглядах і листах [Багдашина, 1994, с. 195; Бескровный, 1978, с. 252; Кузнецов, Кулагина, 1970, с. 85, 93; Свердлов, 1979, с. 65–66; 207;

Хорошкевич, Зимин, 1965, с. 159–173; Шумовский, 1972, с. 300; Ярославич, 1965, с. 34–37; Canard, 1958a, p. 299–300; Canard, 1958b, p. 42–43; Reyhman, 1964; Ritter, 1942, S. 98–126]. Ось як передає своє захоплення і ставлення до книги А. П. Ковалівського найавторитетніший сучасний український сходознавець академік О. Й. Прицак: «Прочитав книгу як роман і захоплений Вашим твором!» [1, № 105]. Майже всі фахівці оцінили цю працю А. П. Ковалівського як одне з видатних досліджень у нашому сходознавстві. Не можна назвати жодного серйозного дослідження з ранньосередньовічної історії народів Поволжя, Київської Русі і взагалі Східної Європи, в якому не було б посилань на дослідження нашого сходознавця, насамперед на цю його книгу про Ібн Фадлана.

Архівні матеріали

1. Архів-музей культури і мистецтва України. Ф. 149. Оп. 1. Од. зб. 1–280.
2. Архів Санкт-Петербурзького Інституту східних рукописів РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Од. зб. 522; Оп. 3. Од. зб. 303.
3. Харківський державний обласний Архів. Ф. Р-2792. Оп. 20. Од. зб. 1219, 1595, 2498, 3103, 3109.
4. Центральний державний архів вищих органів державної влади і державного управління України. Ф. 177. Оп. 2. Од. зб. 1518.

Література

- Багдашина О. М. Діяльність Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури ім. акад. Д. І. Багалія (1921–1934 рр.). Харків, 1994.
- Бейліс В. М. А. П. Ковалівський про вірогідність свідчень середньовічних арабських авторів з історії Східної Європи // На честь заслуженого діяча науки України Андрія Петровича Ковалівського (1895–1969). Тези міжнародної наукової конференції, присвяченої 100-річчю від дня народження. Харків, 1995.
- Бескровный Л. Г. и др. Международные отношения России X – нач. XX ст. // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978.
- Долинина А. А. Невольник долга // Петербургское востоковедение. СПб., 1994.
- Ковалевский А. П. Политика народного образования в современном Египте (в низшей и средней школе) // Записки Института востоковедения. 1936. № 5.

- Ковалевский А. П. Биография Авиценны, составленная ал-Дзуджани и ее литературная история // Вторая сессия ассоциации арабистов. Тезисы и содержание докладов. М.–Л., 1937а.
- Ковалевский А. П. Новооткрытый текст путешествия Ибн-Фадлана на Волгу // Вторая сессия ассоциации арабистов. Тезисы и содержание докладов. М.–Л., 1937б.
- Ковалевский А. П. Работа над источниками по истории Восточной Европы и Кавказа в Академии наук СССР // Историк-марксист. 1937в. № 1.
- Ковалевский А. П. Новооткрытый текст Ибн-Фадлана (Доклад на второй сессии ассоциации арабистов в Ленинграде в октябре 1937 г. // Вестник древней истории. 1938. № 1.
- Ковалевский А. П. Редакция и примечания к статье В. В. Бартольда «Арабские известия о русах» // Советское востоковедение. 1940. № 1.
- Ковалевский А. П. О степени достоверности Ибн-Фадлана // Исторические записки. 1949а. Т. 35.
- Ковалевский А. П. Ибн-Фадлан. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Харьков, 1949б.
- Ковалівський А. П. Ібн-Фадлан Ахмед // Українська радянська енциклопедія. Т. 5. Київ, 1951а.
- Ковалевский А. П. Посольство халифа к царю волжских булгар в 921–922 годах // Исторические записки. Т. 37. 1951б.
- Ковалівський А. П. Вивчення подорожі Ібн Фадлана на Волгу за Мешхедським рукописом // Учені записки Харківського університету. Т. 43. Праці історичного факультету. Харків, 1952.
- Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн Фадлана. Чебоксары, 1954а.
- Ковалевский А. П. Описание путешествия Павла Алеппского как источник по истории Украины в эпоху ее воссоединения с Россией // Збірник наукових робіт, присвячений 300-річчю воз'єднання України з Росією. Харків, 1954б.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Кузнецов Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения. Ленинград, 1970.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.–Л., 1939.
- Хорошкевич А. Л., Зимин А. А. Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до XVIII в. // История СССР. 1965. № 5.
- Шумовский Т. А. Арабистика 1917–1968 // Азиатский музей. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Ярославич Д. (Дашкевич Я.). А. П. Ковалівський як дослідник джерел з історії східних слов'ян та України (До 70-річчя з дня народження) // Науково-інформаційний бюлетень архівного управління УРСР. 1965. № 1.

- Canard M.* [Рец. на:] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956 // *Arabica*. T. 5. Leiden, 1958a.
- Canard M.* [Рец. на:] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г.г. Харьков, 1956 // *Annales de l'Institut d'Etudes Orientales*. Vol. 16. 1958b.
- Reychman J.* Z dziejów ukraińskiej orientalistyki i stosunków kulturalnych Ukrainy ze wschodem // *Przegląd orientalistyczny*. 1964. № 1.
- Ritter H.* Zum Text von Ibn Fadlan's Reiserbericht // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 96. H. 1. Leipzig, 1942.
- Zajączkowski A.* Relacja Ibn Fadlana w nowym wydaniu. [Рец. на:] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956; Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн Фадлана. Чебоксары, 1954 // *Przegląd orientalistyczny*. 1957. № 2.

A. I. Mitrjajev

Ibn Fadlan's Book in Researches of A. P. Kovalivskij

Summary

The article, based on archive material, describes the tragic life and scholarly activity of Andrij Kovalivskij (1895–1969), the Ukrainian Arabist who prepared the first edition of Ibn Fadlan's book of travel to Volga Bulgars in 921–922 published in 1939 (because at the time he was victimized by the Stalinist purges and imprisoned, this edition had to be published as “edited by I. Ju. Krachkovskij”, in the same year Zeki Velidi Togan published Ibn Fadlan's account with an excellent historical commentary, it is recognized that Kovalivskij's edition is much stronger from the philological point of view, while Togan's edition is superior from the point of view of historical commentary, in 1956 he published an expanded version of his first edition-note from the editors).

Ю. М. Кочубей

МІЖНАРОДНИЙ РЕЗОНАНС НАУКОВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ А. П. КОВАЛІВСЬКОГО

Несприятливі історичні умови життя українського народу, його бездержавність призвели до того, що досягнення українців у різних галузях інтелектуальної діяльності не знайшли гідного визнання у світовій науці, а якщо й знайшли, то все записувалося на рахунок панівних націй. Сходознавство в Україні, яке взяло рішучий старт у 1920-ті рр. завдяки зусиллям насамперед акад. А. Ю. Кримського, грубою силою було зліквідовано у зв'язку з черговим наступом кремлівських вождів на українство. В умовах СРСР навіть А. Ю. Кримський не зміг реалізувати повною мірою свою інтелектуальну потугу, талант і досвід і повноправно увійти в коло визначних сходознавців ХХ ст.

Ще в гіршому становищі міг опинитися вчений, який взагалі розпочав свою наукову кар'єру після 1917 р. Це – випадок Андрія Петровича Ковалівського (1895–1969), доктора історичних наук, професора Харківського університету. Він став одним з ініціаторів глибокого вивчення арабських джерел до історії країн Східної Європи, виступивши 14 лютого 1930 р. з доповіддю на цю тему в НДІ сходознавства. На жаль, дирекція не затвердила цю тему як «неактуальну». Акад. І. Ю. Крачковський, який 27 листопада цього ж року виступив з програмною доповіддю на подібну тему з «всесоюзним замахом», опублікованою в «Записках Коллегии востоковедов» 1932 р., запросив А. П. Ковалівського до Ленінграда, де йому було доручено зайнятися саме дослідженням арабських історичних джерел. Він гаряче взявся за роботу, і після появи нового тексту Мешхедського рукопису «Подорожі Ібн Фадлана на Волгу» його переклав, прокоментував і підготував до публікації. Та сталінська машина терору була вже запущена і невдовзі поглинула талановитого

українського вченого. Щоб врятувати працю, у 1939 р. її видали без згадки імені автора, було лише зазначено «под редакцией акад. И. Ю. Крачковского». Практично одночасно в Німеччині вийшла подібна праця турецького вченого А. З. Валіді Тогана, вихідця з Росії. То ж, можливо, щоб не втратити пріоритету, радянська влада закрила очі на нестандартну публікацію.

Пріоритет було закріплено, але для наукового реноме А. П. Ковалівського це нічого не дало – він до 1944 р. перебував на засланні. Два лиха ХХ ст. – тоталітаризм і війна – стали на перешкоді розвитку його наукового потенціалу і визнанню колег. А він міг би вже тоді зайняти помітне місце в європейській орієнталістиці.

Звичайно, радянським сходознавцям було відоме ім'я автора публікації 1939 р., але говорити про нього до його звільнення не наважувалися. Задля правди слід сказати, що вже 1950 р. в своїх «Очерках по истории русской арабистики» І. Ю. Крачковський коротко, але вагомо оцінив роботу А. П. Ковалівського над арабськими джерелами [Крачковский, 1950, с. 260].

До захисту ним докторської дисертації та виходу в 1956 р. у Харкові (через 17 років!) доповненого і виправленого видання «Книги Ібн Фадлана» зарубіжні спеціалісти не знали імені українського вченого, хоча й посилалися на видання 1939 р. Правда, німецький орієнталіст Гельмут Ріттер ще у 1942 р. писав: «Але, як я дізнався, автором роботи є Ковалівський, учень Крачковського» [Ritter, 1942, S. 98], хоча й він не міг второпати, хто ж підготував книгу «под редакцией И. Ю. Крачковского». Німецький учений прискіпливо, рядок за рядком, прочитав переклади А. П. Ковалівського і А. З. В. Тогана та зробив свої зауваження. У багатьох випадках він визнав рацію за українським ученим, хоча й покритикував його за застарілість бібліографії та різні недогляди в науковому апараті [Ritter, 1942, S. 101–102]. Що ж до того особистого, що вніс український учений – коментарів, то він відзначив «їх дуже ретельне, сумлінне опрацювання» [Ritter, 1942, S. 101]. Послугується довоєнним виданням і угорський орієнталіст К. Цегледі [Czegledy, 1951, s. 217], для якого, певно, теж не все ясно з автором, але він високо оцінює заслуги А. П. Ковалівського у вивченні твору Ібн Фадлана. Використали працю нашого вченого (усі видання 1939 р.) американці Р. Блейк і Р. Фрай, швед Т. Ю. Арне, посилалися на неї поляки Т. Левицький (1949–1950), Т. Ковальський (1946), А. Зайончковський (1947), чеський орієнталіст І. Хрбек (1954); були відгуки в орієнталістичних

виданнях воєнного часу Італії та Німеччини (Е. Россі, М. Гвіді, Г. Мжік, А. Грегуар) [Ковалевский, 1956, с. 90–91].

Виданням 1939 р. користувався і арабський публікатор тексту та дослідник Ібн Фадлана Самі ад-Даган, давши йому високу оцінку [Бейліс, 1965, с. 149]; про видання 1956 р. він теж, проте, згадує [Бейліс, 1965, с. 148].

Французький учений М. Канар у престижному сходознавчому журналі «Arabica» опублікував рецензію на книгу українського колеги, в якій називає її «капітальним дослідженням», вказує на видатний коментар до перекладу і зазначає, що французький переклад, який він готує, базуватиметься саме на перекладі А. П. Ковалівського [Canard, 1958a, p. 299–300]. У вступній частині цього перекладу, опублікованому в Алжирі, він також дуже схвально говорить про роботу А. П. Ковалівського [Canard, 1958b, p. 42–43].

Розгорнуту рецензію на дві праці А. П. Ковалівського – «Книги Ібн Фадлана...» та «Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана» (Чебоксары, 1954) – надрукував у авторитетному польському сходознавчому журналі «Przegląd orientalistyczny» А. Зайончковський [Zajaczkowski, 1957]. У ній рецензент відзначає тонкий філологічний аналіз складного тексту, «надзвичайну сумлінність автора публікації, який зібрав винятково широку, майже вичерпну літературу, і це різними мовами» [Zajaczkowski, 1957, s. 206].

Слід зазначити, що польські вчені зробили дуже багато для популяризації наукового доробку А. П. Ковалівського. Цьому, насамперед, допомогла стаття відомого орієталіста Яна Рейхмана «З історії української орієталістики і культурних зв'язків України зі Сходом» [Reychman, 1964], в якій дається позитивна оцінка другої значної праці вченого – «Антології літератур Сходу» (Харків, 1961), зокрема, великого вступу, який, на думку Я. Рейхмана, є «досконалим вступом в історію української (вужче – харківської) орієталістики, написаним найвизначнішим її представником...» [Reychman, 1964, S. 53].

На значному внеску українського вченого у світову орієталістику Я. Рейхман наголосив у своєму змістовному некролозі [Reychman, 1970, S. 285–286]. Використали працю А. П. Ковалівського і автори третього тому «Джерел до історії слов'янства» А. Кметович, Б. Кметович та Т. Левицький, що видно із франкомовної рецензії Анни Пажимес на це видання [Parzymies, 1988].

Праця А. П. Ковалівського про Ібн Фадлана згадується німецьким вченим Вібке Вальтером у нарисі про радянську арабістику, опублі-

кованому в Берліні 1967 р. [Walther, 1967, S. 454], та турецьким вченим Улі Шамільоглу у статі, опублікованій у 1984 р. [Schamiloglu, 1984, p. 217].

У діаспорі акад. О. Прицак використовував кожну нагоду, щоб підкреслити значення доробку А. П. Ковалівського для світової науки. Одну із своїх праць він присвятив “Дорогому Андрієві Ковалівському в подяку за його епохальні досліді над Ібн Фадланом” [Pritsak, 1967].

Англомовному світові інформацію про нашого вченого давали відповідні статті в “Енциклопедії України”, виданій у Торонто [Encyclopedia...].

Можна сказати, що праця українського сходознавця знайшла визнання серед російських колег, про що свідчать численні статті, починаючи з енциклопедичних [Ковалівський, 1966]. Поява “Антології літератур Сходу” викликала рецензії грузинською і таджицькою мовами, писали про нього й у Чувашії [там же].

Ознайомившись з міжнародним резонансом наукової творчості А. П. Ковалівського, не можна не погодитися з думкою Я. Р. Дашкевича, що “харківське видання Ібн Фадлана увійшло у золотий фонд не тільки української, а й світової орієнталістики” [Дашкевич, 1965, с. 36]. Маємо надію, що вся наукова спадщина вченого в умовах незалежної української держави з розвитком міжнародних контактів по лінії сходознавства стане відомою широкому колу фахівців у всьому світі.

Література

- Бейліс В. М. П'ять видань книги Ібн-Фадлана // Український історичний журнал. 1965. № 3.
- Дашкевич Я. А. П. Ковалівський як дослідник джерел з історії східних слов'ян та України // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1965. № 1.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Ковалівський А. П. Андрій Петрович Ковалівський. Біобібліографія. Харків, 1966.
- Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.–Л., 1950.
- Canard M. [Рец. на:] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956 // Arabica. Т. 5. Leiden, 1958a.

- Canard M. [Рец. на:] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г.г. Харьков, 1956 // *Anales de l'Institut d'Etudes Orientales*. Vol. 16. 1958b.
- Czegledy K. Zur Meschcheder Handschrift von Ibn Fadlans Reisebericht // *Acta Orientalia Ac. Sc. Hungaricae*. T. I. Fasc. 2–3. Budapest, 1951.
- Encyclopedia of Ukraine. Toronto. Vol. I ("Arabs"), 1984; Vol. II ("Kovalivsky Andrii"), 1988; Vol. III ("Oriental Studies"), 1993.
- Parzymies A. *Africana Bulletin*. № 35. Warszawa, 1988.
- Pritsak O. The name of the third kind of Rus and of heir city // *Journal of the Royal Asiatic Society*. London, 1967. April.
- Reychman J. Z dziejów ukraińskiej orientalistyki i stosunków kulturalnych Ukrainy ze wschodem // *Przegląd orientalistyczny*. 1964. № 1.
- Reychman J. Andrzej Kowaliwski, 1895–1969 // *Przegląd orientalistyczny*. 1970. № 3.
- Ritter H. Zum Text von Ibn Fadlan's Reiserbericht // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 96. H. 1. Leipzig, 1942.
- Schamiloglu U. The name of the Pechenegs in Ibn Hayans al-Muktabas // *Journal of Turkish Studies*. Vol. 8. Harvard, 1984.
- Walther W. Die sowietische Arabistik, 1917–1967 // *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*. Bd. XIII. № 3. Berlin, 1967.
- Zajączkowski A. Relacja Ibn Fadlana w nowym wydaniu. [Рец. на:] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956; Ковалевский А. П. Чуваша и болгары по данным Ахмеда Ибн Фадлана. Чебоксары, 1954 // *Przegląd orientalistyczny*. 1957. № 2.

Yu. Kochubey

International Echo of Scholar Activities of A. P. Kovalivskyj

Summary

The author reveals the story of the "competitions" between A. P. Kovalivskyj and A. Z. Validi Togan concerning publication of Ibn Fadlan's "Risale". The article deals in details with the reaction in the West after appearance of A. P. Kovalivskyj's monography dedicated to Ibn Fadlan and his work. It stresses importance of the contribution by Ukrainian scholar to the World Oriental studies.

Е. Г. Циганкова, О. Д. Василюк

**ПЕРШИЙ ХАРКІВСЬКИЙ ПЕРІОД
НАУКОВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ
АНДРІЯ КОВАЛІВСЬКОГО**

Ім'я видатного українського арабіста Андрія Петровича Ковалівського (1895–1969) відомо, насамперед, як науковця, який зробив вагомий внесок у розвиток вітчизняного сходознавства. Хоча протягом життя вчений однаково плідно працював в таких, здавалося б, різних галузях, як орієнталістика та україністика, якій він більше присвятив перші роки своєї наукової діяльності.

Андрій Петрович після закінчення гімназії вступив на математичний факультет Харківського університету. Однак, студіюючи математику, він відвідував лекції з санскриту Ріттера, а також лекції з литовської та давньогрецької мов професора Яніса Ендзеліна. Лекції обох викладачів та увібрані на них знання мали неабиякий вплив на подальше становлення дослідника. Пізніше він писав в листі до Ярослава Дашкевича: «У Західній Європі за давніх часів було три класичні мови – старогрецька, латинська й старолитовська. З них повстали – новогрецька, італійська та інші романські мови... Одначе й старолитовська мова мало змінена все ж збереглася у сучасній литовській мові. Таким чином, ця мова зараз є єдиною класичною мовою в Європі. Крім того, литовська мова й стародавня литовська література, особливо дохристиянська литовська релігія, мають важливе значення для розуміння старослов'янської, отже й старокраїнської культури...» [Дашкевич, 1995, с. 51].

Саме під впливом Яніса Ендзеліна залишив математику та вступив до Лазаревського інституту східних мов у Москві. Тут протягом 1916–1918 рр. А. П. Ковалівський вивчав арабську мову та історію країн Сходу під керівництвом Агатангела Кримського. Після закриття інституту під час громадянської війни молодий науковець повернувся до Харкова. 1922 р. закінчив романо-германський відділ історично-

філологічного факультету Харківського ІНО і вступив до аспірантури при Науково-дослідній кафедрі історії української культури, яку очолював Дмитро Багалій. Протягом 1920-х рр. у роботі А. П. Ковалівського домінувала українознавча тематика. Він викладав історію української літератури в школах, був науковим працівником секції етнографії Науково-дослідної кафедри історії української культури, писав про слов'янських богів та про козацькі «чайки». 1925 р. Ковалівський захистив кандидатську дисертацію з питань виробничих культів давньої України. У перших же своїх публікаціях з історії української культури він проявив себе як дослідник широкого кола проблем історії, етнографії, філософії. У своїх працях спирався на першоджерела, більшість яких до нього не використовувалися.

Значну увагу приділяв творчості Григорія Сковороди, опублікував низку статей про нього та велику роботу «Розвиток етичних поглядів Сковороди у зв'язку з його життям» (1924). Треба зазначити, що з давнім козацьким слобожанським родом Ковалівських у народного філософа був своєрідний нерозривний зв'язок – саме в їхньому маєтку Пан-Іванівці (нині Сковородинівці) на Харківщині закінчилося його земне буття. Тому, не дивно, що з самого дитинства Андрій Петрович чув про Сковороду, бо в новій садибі Ковалівських в Розсохуватому протягом багатьох років навіть дбайливо зберігалися його особисті речі [Дудко, 2011, с. 277]. Творчістю мандрівного мудреця свого часу багато займався й керівник його аспірантури, голова Науково-дослідної кафедри історії української культури Дмитро Багалій, який 1894 р. видав найповніше на той час зібрання його творів. Саме Дмитро Іванович у 1922 р. на засіданні Наукового комітету Головного управління УСРР виступив з ініціативою створення музею Сковороди в Пан-Іванівці (хоча цю ідею вдалося втілити майже через п'ятдесят років). Він же запропонував своїм співробітникам відзначити ювілей Григорія Савича новими дослідженнями його творчості.

В своїх роботах Андрій Петрович багато уваги приділяв еволюції світогляду Сковороди в залежності від змін його соціального стану. Бо стали думку, що утвердилася на той час, та зображала філософа відірваним від земного життя, А. П. Ковалівський вважав докорінно неправильною. Андрій Петрович переклав українською мовою опубліковану 1836 р. в «Московском наблюдателе» повість І. І. Срезневського «Майор! Майор!», де Сковорода був головним героєм. Дитинство і юність самого Ізмаїла Івановича пройшло у Харкові, де йому пощастило спілкуватися зі старшими людьми, які ще пам'я-

тали мандрівного філософа особисто. Тому викладена в повісті історія, де головний герой хоче одружитися, але втікає з весілля, бо вважає, що «как мог я, я, бедный странник, старец, нищий, принять с радостью вашу руку, ваше счастье на себя» [Срезневский, 1836, с. 731] мала під собою підґрунтя, але все ж вважалася малоймовірною. А. П. Ковалівський дослідив фактичну основу легенди про спробу філософа створити родину й знайшов багато підтверджень її вірогідності [Ковалівський, 1930, с. 11–53].

В іншій праці Андрій Петрович звернув увагу на швейцарського «двійника» Сковороди Даніїла Мейнгарда – пастора з Лозанни, прихильника системи Коперніка, космолога, який помер у 1786 р. Він був засновником літературного товариства та автором кількох філософських та релігійнознавчих робіт. Учень Сковороди Максим Ковалінський зустрічався з ним в Швейцарії та був вражений схожістю з вчителем як рисами обличчя, так і думками. Почувши про це, Григорій Савич навіть став свої листи підписувати цим ім'ям. А. П. Ковалівський спробував перевірити достовірність й цієї історії, дослідивши за отриманими з Швейцарії паперами історію родини Мейнгард.

Сковородознавчі дослідження науковця торкалися загадкових свідчень про Григорія Савича у французькій великій енциклопедії «Лярус». Він опублікував працю про нього академіка М. Ф. Сумцова. Зробив просторий огляд закордонних праць про Сковороду. На сковородинівські статті інших авторів опублікував кілька рецензій, кожен з яких можна вважати самостійним дослідженням. В своїх роботах Андрій Петрович чи не вперше ставить питання про розвиток поглядів мандрівного мудреця. У людини, вважав Сковорода, є два тіла й два серця: тлінне та вічне, земне та духовне. Те, що людині, таким чином, властива двоїстість природи (земне тіло та духовне), значить ще, за Сковородою, що людина є «зовнішня» та «внутрішня». Й остання ніколи не загине: вмираючи, вона тільки позбавляється свого земного тіла [Сковорода, 1973, с. 190].

Зауважимо, що до кінця життя А. П. Ковалівський не полишав цієї теми, зокрема продовжував вивчати спадщину Григорія Савича, боровся за відкриття музею філософа в Сковородинівці. Але підготовлений ним рукопис з уривками праць Сковороди в перекладі на сучасну українську мову та великою передмовою опублікований не був [ЦДАМЛМ, ф. 149, спр. 134].

Студії з історії української культури не зменшували зацікавлення молодого вченого сходознавством, зокрема арабістикою. Хоча схід-

на тематика з'являється в його розвідках у 1928–1929 рр., насправді він значно раніше заявив про себе як ентузіаст популяризації східних мов. У 1925 р. А. П. Ковалівський разом з П. Тичиною та П. Ріттером заснував у структурі Харківського наукового товариства секцію сходознавства з метою дослідження народів Сходу й налагодження контактів із колегами в інших країнах. Із моменту створення ВУНАС працівники секції увійшли до її складу й започаткували курси східних мов із трьома відділами: турецьким, перським та японським. Курси було відкрито 1 жовтня 1926 р. задля поширення знання цих мов, лінгвістичного вдосконалення робітників-сходознавців, службовців державних та громадських установ. До програм усіх трьох відділень входила як обов'язкова англійська мова, а також лекції з географії відповідної країни. Навчальною роботою керували П. Ріттер і А. Ковалівський [Бюлетень ВУНАС, 1927, с. 54].

Радянська Україна в кінці 1920-х рр. не мала усталених осередків сходознавства. Лише у ВУАН існували кафедра Кримського й Гебраїстична комісія. Однак загальний потенціал був високим, що обумовлювалося і традицією, і потребами тогочасного політичного та економічного життя. Хоча ідея створення в Україні філії Всесоюзної асоціації сходознавства належала її голові Михайлу Павловичу. Поштовтом для створення в Україні асоціації на кшталт ВНАС стало рішення Раднаркому УРСР про заснування у Харкові Українсько-східної торговельної палати з представництвами у Києві та Одесі. Ініціативна група виробила статут нової установи. Згідно з ним, основне завдання ВУНАС полягало у всебічному вивченні країн і народів Сходу, а також поширенні наукових та прикладних знань про них. Установчі збори Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства відбулися 10 січня 1926 р. У них взяли участь 27 осіб, серед яких і Андрій Ковалівський, який увійшов до складу правління. Згодом П. Ріттер та А. Ковалівський започаткували історико-етнологічний відділ ВУНАС.

Наприкінці 1928 р. Правління ВУНАС своєю ухвалою започаткувало семітологічну комісію. Перші організаційні засідання, на яких було визначено її персональний склад, вироблено робочі плани та затверджено проблематику, відбулися в листопаді. Очолив комісію професор М. Шляпошніков, його заступником став А. Ковалівський, секретарем – Ілля Фалькович. Учасники комісії виступили з індивідуальними пропозиціями щодо тематики власних досліджень. Анд-

рій Петрович узявся студіювати Коран у зв'язку з українською апокрифічною літературою [ІР НБУВ, ф. 10, спр. 28401]. Згодом на засіданні секції він виступив з доповіддю «До питання про оповідальний стиль Корана. (Легенди про Соломона в Корані у порівнянні з староукраїнськими апокрифами)», в якій проаналізував різні версії одного сюжету й спробував реконструювати первісний текст [ІР НБУВ, ф. 10, спр. 28403].

Одним з напрямів роботи ВУНАС було вивчення українсько-турецьких взаємин. Адже проблеми тюркології неминуче поставали перед українськими науковцями, які студіювали вітчизняну історію, фольклор, етнографію, етнологію. У Харкові вже давно існувала група дослідників, котрі активно опрацьовували питання українсько-турецьких стосунків. Здебільшого ці вчені вийшли з Науково-дослідчої кафедри історії України Дмитра Багалія. Окрім Андрія Ковалівського, тут були Василь Дубровський, Микола Горбань та ін. Вони констатували, що гостро відчувається брак турецьких і почасти кримських джерел у дослідженні української історії XVII ст. Обговорювали необхідність організації видання джерелознавчих розвідок, які вводили б до наукового обігу нові невідомі документи з відповідним коментарем. Після успішної подорожі українських сходознавців до Туреччини у 1928 р. виникло питання про створення Комісії для вивчення історії українсько-турецьких відносин. Аби виявити додаткові наукові кадри тюркологів в УРСР, було розповсюджено відповідну інформацію по філіях ВУНАС, а також запропоновано присвятити тюркологічній тематиці Другий сходознавчий з'їзд, підготовка до якого саме тривала. Андрій Петрович виступив на ньому з доповіддю «Старовинні україно-турецькі засоби водного транспорту». В останні дні роботи з'їзду відбулися два засідання пленуму Комісії з вивчення українсько-турецьких відносин, у яких він також взяв участь. Обговорювалися питання роботи в архівах, копіювання документів, наукових експедицій, книгообміну тощо. Йшлося й про мовне підготування. Академік Самойлович, що брав участь у з'їзді, дав згоду керувати заняттями з турецької мови [Циганкова, 2007, с. 207–211].

У своїй резолюції з'їзд схвалив організаційну роботу ВУНАС щодо створення Українського науково-дослідного інституту сходознавства, «який мусить стати центром і кермом науково-дослідної сходознавчої роботи на підставі марксо-ленінської методи». При цьому не передбачалася ліквідація ВУНАС. Але загальні тенденції в

країні призвели до її трансформації в товариство марксистів-сходознавців при Інституті марксизму-ленінізму. В той же час Комісія для вивчення історії українсько-турецьких відносин вливалася до УНДІС, де тепер працювала більшість її членів.

Андрій Петрович Ковалівський опинився в третьому (лінгвістично-літературного) відділі УНДІСу, до якого входила іранська, семітична, хіно-японська та монголо-манжурська секції. До того ж створення УНДІСу збіглося з піком реформаторської активності наркомосівських урядовців. У тому-таки 1930 р. на базі Науково-дослідчої кафедри історії української культури, де А. П. Ковалівський давно працював, було створено Інститут історії української культури, а Дмитро Багалій залишився його керівником. Водночас заснували Інститут матеріальної культури, а невдовзі обидві установи об'єднали в Науково-дослідний інститут історії культури, зліквідований 1933 р. [ЦДАГО, ф. 1, спр. 439, с. 119–123].

Комісія з вивчення історії українсько-турецьких взаємин знову ж таки перейшла до УНДІСу майже в повному складі. Було вирішено видавати «Записки» відділу, до першого тому яких мали увійти доповіді співробітників, виголошені на Другому сходознавчому з'їзді [ІР НБУВ, ф. 10, спр. 28406–28407].

Але з вересня 1931 р. Інститут змінив свою назву на нову – Український науково-дослідний інститут Близького Сходу (УНДІБС). Це означало певне звууження географії досліджень та тенденцію до політизації тематики. Навіть в арабському секторі, який планувалося започаткувати 1933 р., А. П. Ковалівський, розробляючи періодизацію арабської літератури, вміщував її в рамки соціально-економічних формацій і класової боротьби [ІР НБУВ, ф. 10, спр. 22087, арк. 19–20].

Протягом 1932 р. в УНДІБС відбувалися серйозні зміни. Установу очолив Микола Любченко. І хоча в затвердженому складі наукової ради залишився А. П. Ковалівський, більшість все ж становили партійці з числа колишніх аспірантів або й зовсім нові люди. Працювати продовжували над раніше затвердженими темами, зокрема вивчали у фондах Укрцентрархіву турецько-татарські документи з архіву Коша Нової Запорозької Січі для спільного українсько-турецького видання. Однак тепер фінансові справи узгоджувалися з ВУАМЛІНом, реорганізованим 1931 р. з Українського інституту марксизму-ленінізму. В вересні 1932 р. УНДІБС влився до ВУАМЛІН, новим директором призначили Льва Величка [Циганкова, 2007, с. 228].

Перебування у складі ВУАМЛІН, що безпосередньої підпорядковувалася ЦК КП(б)У, вимагало зміни всієї тематики роботи інституту. І хоча в УНДІБС в перспективі мали організувати арабський сектор, його праця ставала дедалі однобокішою, поступово втрачала зв'язки зі сходознавчою конкретикою, набуваючи виразно пропагандистського характеру й втрачаючи науковість. Стало очевидним, що сходознавчі студії в Україні не мають перспективи. За ці роки Андрію Петровичу майже не вдалося опублікувати сходознавчих робіт. Хоча він чи не найдовше робив певні спроби врятувати і науковий напрям, і фахівців. Він не втрачав надії створити арабський сектор в УНДІБС. В той же час розуміючи, що специфіка ВУАМЛІН не сприятиме розвитку справжньої науки, і тому обрав інший шлях [Циганкова, 2007, с. 230].

В серпні 1930 р. рішенням РНК УСРР при ВУАН на базі її мовних комісій та Інституту української наукової мови, а також науково-дослідчої кафедри мовознавства в Києві було створено Інститут мовознавства з філією в Харкові [ДАХО, ф. р-1396, спр. 1, арк. 1]. Виконувачем обов'язків голови філії призначили Павла Ріттера. Згідно з планом, у 1931–1932 рр. у складі історичного сектора у бригаді з вивчення живої мови мала бути група східних мов [ДАХО, ф. р-1396, спр. 9, арк. 51–52]. Однак її діяльність не встигла розгорнутися, професора П. Ріттера усунули з посади, поклавши його обов'язки на заступника Гавриленка. В травні 1932 р. він інформував колег, що НКО та «УРЕ» поставили перед філією завдання організувати секцію східних мов, а в червні з доповіддю в цій справі виступив А. П. Ковалівський. Наукова рада філії ухвалила: «Вважати за потрібне утворити при ХФІМ з початку 1932/33 навчального року окремий відділ східних мов. Розробку відповідних планових матеріалів передати до бюро з складання плану ХФІМ та до наукової Ради» [ДАХО, ф. р-1396, спр. 41, арк. 18–19]. Андрій Петрович підготував широку програму праці майбутньої секції, до завдань якої входило створення словників, укладання підручників, розроблення правопису східних запозичень в українській мові, організація рецензентсько-авторської комісії, опрацювання актуальних проблем мовознавства тощо. Після його доповіді відбулася дискусія, в перебігу якої було висвітлено побажання залучити до цієї роботи опального тоді Павла Ріттера, який на той час був виключений зі штатного складу філії. Марно А. П. Ковалівський неодноразово наголошував на необхідності участі П. Ріттера в роботі створюваної секції східних мов при

секторі теорії та методології мовознавства ХФІМ. Проект надіслали до НКО, там його навіть схвалили, однак до реалізації справа так і не дійшла. Несприятлива політична ситуація призвела до того, що проект спочатку відклали, а потім чистки в НКО та самій філії з наступним усуненням та арештом В. Гавриленка, поклали край спробам відродити сходознавчі студії [Циганкова, 2007, с. 111, 230].

У 1933 р. ситуація в країні стала ще складнішою. На тлі жахливого голодомору пройшла нова хвиля політичних репресій. Після арештів в Харкові практично не залишилося сходознавців. Цей рік приніс численні втрати у сфері гуманітаристики, зокрема філології. Недарма у редакційній статті першого числа нового часопису «Мовознавство» стверджувалося, що «запеклий ворог українського мовознавства – буржуазна індоєвропейстика – в основному розгромлена» [Від редакції, 1934, с. 4]. Водночас, згідно з ухвалою НКО, було зліквідовано Технікум сходознавства і східних мов. Кількох студентів відправили до Інституту сходознавства в Ленінграді, іншим, які навчалися на останньому курсі, було влаштовано достроковий випуск [ДАХО, ф. р-4850, спр. 10, арк. 50, 52].

Зберігся цікавий архівний документ без заголовку і підпису, схожий за формою на доповідну записку. Деякі згадування в ньому дають підстави датувати його червнем-липнем 1933 р., тобто часом перед ліквідацією Інституту. У 1932 р., «йдеться в документі, інститут складався з невеличкої групи працівників. Частково це були аспіранти, а також науковці – Дубровський, Ковалівський, Грушевський: Ковалівський – єдина людина в Харкові, що знає арабську. Інститут послабив пильність до Дубровського, Ковалівського, які хоча і не є основними працівниками і майже не дають продукції в Інституті [...], але випускають літературу, що потребує найпильнішого контролю, Інститут мало вивчив обличчя цих наукових співробітників [...] Величезна хиба – відрив від практики, від вивчення країн Близького Сходу і тут постає питання про доцільність сходознавчої роботи в Україні» [ІР НБУВ, ф. 10, спр. 34181, арк. 4].

В обставинах політичної істерії ВУАМЛІН змінювала свою внутрішню структуру. З 9 грудня 1933 р. УНДІБС припинив своє існування. Замість нього у складі новоствореного Аграрно-економічного інституту постав відповідний сектор. 1934 р. Андрій Петрович Ковалівський був змушений залишити Україну й почав вивчати арабські рукописи під керівництвом Ігнатія Крачковського в Ленінграді. До Харкова він повернувся вже після репресій і війни, та викладаючи

в університеті, намагався охопити найширший діапазон сходознавчих студій. Часто працював в стіл, очікуючи на будь-яку можливість для публікацій. Бо, як стверджував в листі до Ярослава Дашкевича, належить «до філософської школи «абсолютного оптимізму».

Джерела та література

- Державний архів Харківської області (далі – ДАХО). Ф. р-1396. Оп. 1. Спр. 1.
- ДАХО. Ф. р-1396. Оп. 1. Спр. 9.
- ДАХО. Ф. р-1396. Оп. 1. Спр. 41 (Протоколи Вченої Ради ХФІМ від 19 травня та 8 червня 1932 р.).
- ДАХО. Ф. р-4850. Оп. 1. Спр. 10.
- Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського (далі – ІР НБУВ). Ф. 10. Спр. 22087 (Ковалівський А. Періодизація арабської літератури).
- ІР НБУВ. Ф. 10. Спр. 22086 (Протокол засідання відділу мови та літератури УНДІСу).
- ІР НБУВ. Ф. 10. Спр. 28401 (Протокол засідання семітологічної комісії ВУНАС).
- ІР НБУВ. Ф. 10. Спр. 28403 (Протокол засідання семітологічної комісії ВУНАС).
- ІР НБУВ. Ф. 10. Спр. 28406–28407 (Протоколи засідання комісії УНДІС).
- ІР НБУВ. Ф. 10. Спр. 34181.
- Центральний державний архів громадських організацій України (далі – ЦДАГО України). Ф. 1. Оп. 1. Спр. 439.
- Центральний державний архів-музей літератури та мистецтв України (далі – ЦДАМЛМ України). Ф. 149. Оп. 1. Спр. 134 (Звіт вченій раді ХДУ).
- Бюлетень ВУНАС. 1927. № 2–3.
- Від редакції // Мовознавство. 1934. № 1.
- Дашкевич Я. Р. Андрій Ковалівський у листах 1961–1963 рр. // Східний світ. 1995–1996. № 1–2 (6–7).
- Дудко Д. М. А. П. Ковалівський – сквородинознавець з роду Ковалівських // Переяславські Сквородинівські студії. Вип. 1. 2011.
- Ковалівський А. П. Легенда про Сквороду у французькому словнику // Червоний шлях. 1923. № 1.
- Ковалівський А. П. [Рец. на:] Пам'яті Г. С. Сквороди (1722–1794). Збірка статтів. Одеса, 1923 // Червоний шлях. 1923а. № 3.
- Ковалівський А. П. [Рец. на:] Ак. Д. І. Багалій і М. І. Яворський. Український філософ Г. С. Скворода. Державне видавництво України. 1923 // Червоний шлях. 1923б. № 6–7.
- Ковалівський А. П. Розвиток етичних поглядів Г. С. Сквороди в зв'язку з його життям // Науковий збірник Науково-дослідної катедри історії української культури. Т. 1. 1924.

- Ковалівський А. П. З рукописів акад. М. Сумцова про Г. Сковороду. Попередні уваги // Бюлетень Музею Слобідської України. 1926/1927а. № 2/3.
- Ковалівський А. П. Сковородинські статті в «Записках історико-філологічного відділу Укр. Ак. Наук». Кн. XIII–XIV. 1927 // Бюлетень Музею Слобідської України. 1927/1928б. № 4/5.
- Ковалівський А. П. Хто такий був Г. Сковорода // Знання. 1928. № 2.
- Ковалівський А. П. Сковорода в західній літературі // Україна. 1929а. Кн. 35.
- Ковалівський А. П. Нові дані про двійника Г. Сковороди в Лозанні Данііла Майнгарда та його сім'ю // Україна. 1929б. Кн. 36.
- Ковалівський А. П. З приводу оповідання // Срезневський І. І. Майоре, Майоре! Харків, 1930.
- Ковалівський А. П., Ніженець А. М., Вербицька Є. Г. Забутий заповідник // Літературна газета. 08.12.1961.
- Сковорода Г. С. Повне зібрання творів: у 2 т. / Ред. кол.: В. І. Шинкарук (гол. ред.) та ін. Т. 1. К., 1973.
- Срезневский И. И. Майор, майор! // Московский наблюдатель. 1836. Ч. 6. Март, кн. 2. С. 205–238; Апрель, кн. 1–2. С. 445–468, 721–736.
- Циганкова Е. Г. Сходознавчі установи в Україні (радянський період). К., 2007.

Е. Г. Циганкова, О. Д. Василюк

Перший харківський період наукової діяльності Андрія Ковалівського

Резюме

В статті йдеться про перший харківський період роботи видатного українського арабіста Андрія Петровича Ковалівського (1895–1969). Насамперед, він відомий як науковець, який зробив вагомий внесок у розвиток вітчизняного сходознавства. Хоча протягом життя вчений однаково плідно працював не тільки як орієнталіст, а й як україніст, особливо в перші роки своєї наукової діяльності.

Э. Г. Цыганкова, О. Д. Василюк

Первый харьковский период научной деятельности Андрея Ковалевского

Резюме

В статье исследуется первый период работы выдающегося украинского арабиста Андрея Петровича Ковалевского (1895–1969). Прежде всего, он известен как ученый, который сделал весомый вклад в развитие отечественного востоковедения. Хотя на протяжении своей жизни ученый одина-

ково плодотворно работал не только как востоковед, но и как украинист, особенно в первые годы своей научной деятельности.

E. G. Tsygankova, O. D. Vasylyuk

**First Kharkiv Period of Andriy Kovalivsky's
scientific activity**

Summary

The article is dedicated to the first period of work of the distinguished Ukrainian Arabist Andriy Petrovych Kovalivsky (1895–1969). First of all, he is well-known as the scholar who made a weighty contribution to the development of domestic oriental studies. Though over the time of his life, especially in the first years of the scientific activity, the scholar equally fruitfully worked not only as Orientalist, but also as a specialist in Ukrainian studies.

А. П. Ковалевский

БАШКИРЫ В X ВЕКЕ ПО ДАННЫМ ИБН-ФАДЛАНА

Настоящая работа А. П. Ковалевского публикуется впервые. Основой для этой публикации стал вариант текста, обнаруженный в личном архиве А. И. Митряева после его смерти. Однако еще после празднования 100-летнего юбилея А. П. Ковалевского в 1995 г. интерес к данной работе проявили исследователи из Башкортостана. В Уфе планировалось издать это исследование А. П. Ковалевского в виде отдельной брошюры. Однако, по неизвестным причинам, эта работа так и не была опубликована. Поэтому издание исследования А. П. Ковалевского «Башкиры в X веке по данным Ибн-Фадлана» в год его 120-летия представляется актуальным. К сожалению, мы пока не знаем подробностей написания А. П. Ковалевским данной работы. Однако, исходя из того, что самая поздняя работа, цитируемая в тексте А. П. Ковалевского, датирована 1953 г., логично предположить, что исследование было завершено им в период между 1953 и 1956 гг., т. е. до выхода его известной монографии «Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.».

При публикации текста мы стремились придерживаться структуры и орфографии оригинала, внося лишь незначительные изменения. Выражаем признательность Ю. Петровой и Д. Шестопальцу за помощь в подготовке рукописи статьи к публикации.

1. Вопрос об этническом составе башкир и мадьяр

Вопрос о происхождении башкирского народа и его ранней истории представляется одним из самых интересных, но в то же время и самых трудных в истории народов СССР. Этот вопрос приобретает особое значение еще и потому, что он тесно связан с вопро-

сом о происхождении и ранней истории мадьяр до их прихода на берега Среднего Дуная. Даже самые названия этих двух народов, столь различные с первого взгляда, в прошлом тесно между собою связаны. Точно также определение этнической принадлежности обоих народов, их первоначальный своеобразный смешанный состав также имеют между собою нечто общее. Так, общеизвестно, что язык мадьяр принадлежит к группе угорских языков Южного Урала и Зауралья. Наиболее близок он к языкам обских угров – хантов и манси. Самое название «венгры» является лишь древней формой, видоизменением названия «угры», не сразу распознаваемого под влиянием славянского соответствия звуков «у» и носового «Ж» – «А». Для приуральских народов это название известно и из древнерусских памятников, и из сочинений восточных писателей в виде «югра».

Так как венгры за время своих странствий по Восточной Европе, от Уральских гор до Карпат, могли только утратить свой первоначальный «угорский» язык, но ни в коем случае его не приобрести, то не подлежит никакому сомнению, что это и был их первоначальный язык, то есть первоначально в своей массе они были одним из угорских племен.

Однако византийские писатели упорно называют их *τούρκοι* – тюрками¹. То же мы видим у некоторых арабоязычных авторов, начиная с Ибн-Русте. Этот последний, живший в конце IX и начале X века, пишет еще о тех мадьярах, которые жили на равнинах Восточной Европы. В своей «Книге драгоценных сокровищ», написанной в период около 902–912 годов, говоря, что «между страной печенегов и страной эскел из [числа] булгар [находится первая из областей мадьяр]», он добавляет *والمجفرية جنس من الترك* – «а мадьяры это одно из племен тюрков»². То же название мадьяр – «тюрки» мы имеем из середины X века совсем из другого источника, по-видимому, от одного испано-арабского писателя. Оно содержится у ал-Мас'уди в «Промывальнях золота» (*Les prairies d'or* – «Золотые

¹ См.: *Dietrich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde. Teil I / Quellen und Vorschungen zur Erd- und Kulturkunde. Bd. V* Leipzig, 1912. Index sub *serlis*.

² *Bibliotheca geographorum arabicorum* (далее – BGA) / Ed. M.J. de Goeje. Vol. VII. *Kitāb al-a'lāk an-naḥṣa VII auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh et Kitāb al-Boldān auctore Ahmed ibn Jakūb ibn Wadhīh al-Kātib al-Jakūbi*. 1892. P. 142, note 7.

луга») в главе «О славянах». В результате специального изучения этой главы можно установить, что основная ее часть заимствована из сочинения какого-то испано-арабского писателя, ездившего в Среднюю Европу, на берега Лабы, в Чехию, в 30-х гг. X века, хорошо знавшего местную жизнь и даже, по-видимому, знакомого со славянским языком. Таким образом, обозначение венгров «тюрьками» здесь, очевидно, происходит из славянской среды, где оно было в ходу³.

Так как полабские и богемские славяне с настоящими тюрьками непосредственно не сталкивались, то название венгров – «тюрьки» они могли услышать лишь от них самих⁴. Поэтому есть все основания полагать, что в составе тогдашних венгров была какая-то часть, которая считала себя тюрьками. Это была, конечно, часть, которая играла руководящую роль, аристократия. Иначе это название не применялось бы ко всему венгерскому народу. Значит, в венгерском народе в то время еще имелось какое-то деление на основную массу «угров» или, что тоже самое, «венгров», и каких-то «тюрок», название, которое предположительно соответствует названию «мадьяры».

Это последнее название известно также не только через западноевропейских средневековых хронистов, но и через арабоязычных авторов. Так, как сказано, писатель конца IX – начала X века Ибн-Русте называет их *ал-маджгарийа*⁵. Однако замечательно то, что восточные авторы также постоянно обозначают мадьяр названием *ал-башгирд* – *ал-башгард*, или *ал-башкирд* – *ал-башкард*. Это название в применении к ним мы встречаем не только в «Географическом словаре» Йакута XIII века⁶, который его заимствовал от более ранних авторов, но даже в рассказах о монгольском нашествии⁷.

³ Тот факт, что в сообщении ал-Мас'уди даже и сами венгры отнесены к числу «славян», конечно, не меняет дела. В данном случае термином «сакалиба» обозначаются вообще народы Средней Европы на берегах Лабы и Рейна. Так, к числу «славян» здесь отнесены и саксонцы, и жители Франконии и даже Лотарингии, где в Вердене в то время был главный невольничий рынок «славянских» рабов.

⁴ Тем более это выражение не могли внести от себя упомянутый испано-арабский путешественник или ал-Мас'уди.

⁵ BGA. Vol. VIII. Kitāb at-tanbīh wa'l-ischrāf auctore al-Masūdī. 1894. P. 142.

⁶ Jacut's geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. I. Leipzig, 1866. S. 469, f.

⁷ D'Ohson C. Histoire des Mongols: depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour-Lang. Vol. II. Paris: Didot, 1824. P. 620.

Особенно важно в этом отношении сообщение испано-арабского путешественника XII века по имени Абу-л Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати. По происхождению из города Гранады в Испании, этот писатель провел всю свою жизнь в странствиях, жил в Египте и в Сирии, где разбогател на торговых делах. Так как Венгрия эпохи Коломана достигла берегов Адриатического моря и установила торговые связи с Востоком, то в ней оказались и арабские купцы. Абу-л-Хамид ал-Гарнати не только сам не раз бывал в Венгрии, но один из его сыновей постоянно жил в этой стране. Далее ал-Гарнати в своих путешествиях добрался и до берегов Волги, в царство волжских булгар, причем оттуда он несколько раз ездил сухим путем по известному торговому пути в Среднюю Азию, в Хорезм. Он оставил интересные записки, к сожалению, еще мало исследованные нашими историками-арабистами. В этих записках ал-Гарнати часто говорит о башкирах, причем безоговорочно отождествляет их с мадьярами, называя их одним и тем же именем – *ал-баш-джард*. Учитывая упомянутые выше биографические данные ал-Гарнати, мы можем считать, что в данном случае он знал, что говорил.

Очевидно, нечто общее между упомянутыми обоими народами имелось, и название тех и других считалось тождественным⁸. Этому соответствуют замечательные сообщения монахов венгерского происхождения, которые побывали в стране башкир до мон-

⁸ Сведения о венграх у восточных авторов обычно касаются времени их пребывания в Лебедии на Северном Кавказе. Однако данные о них на берегах Дуная также имеются, начиная еще со времен языческого периода. Арабские авторы обычно определяют их религию как огнепоклонство, а потому называют их «маджус» – маги. Рашид-ад-дин в своем сочинении «Джами'-ал-таварих» («Всеобщая история») в разделе об истории франков, т. е. европейцев, рассказывает, что Отто I обратил многих огнепоклонников (гебран) в христианство. В. Бартольд полагал, что здесь речь идет о венграх (*Bartold W. Enzyklopaedie des Islam*, S. 698). Йакут в своем «Географическом словаре» (Bd. I, S. 469) сообщает о каких-то венграх, будто бы перешедших в мусульманство. Возможно, что здесь опять-таки имеет место смешение с какой-то группой башкир. В III веке еще не все башкиры были мусульманами. Рубруквис (1253) сообщает, что башкиры до прихода монгол были подвластны булгарам и что поэтому многие из них приняли мусульманство. Однако еще Ибн-Фадлан в описании своего путешествия на берега Волги говорит, что в посольстве халифа, проезжавшем через страну башкир, служил один башкир, уже принявший ислам. Только в XVI веке, когда русские вплотную столкнулись с башкирами, последние были уже окончательно мусульманским народом.

гольского нашествия, о которых передает Рубруквис, именно, что язык башкир (*Pascatur*) тот же самый, что и венгерский⁹. В то же время, в средние века область башкир в западных странах носила название *Magna Hungaria*¹⁰.

Таким образом, имеются основания полагать, что до монголо-татарского нашествия какая-то часть башкирского народа, причем его местная основная часть, еще говорила на каком то диалекте угорского языка, который в то время не настолько отличался от древнего венгерского, чтобы нельзя было не заметить их близости между собою.

Но вместе с тем, как и венгров X века, восточные писатели называют тюрками также и башкир. Так, уже едва ли не первый автор, который не только упоминает башкир, но дает о них довольно подробные сведения, Ибн-Фадлан, безоговорочно называет их тюрками. Именно он говорит: «Мы прибыли в страну народа тюрков, называемого ал-Башгард» и далее: «это худшие из тюрков, самые грязные из них и более других посягающие на убийство»¹¹. Ибн-Фадлан тоже, очевидно, хорошо знал, о чем он говорил. В составе посольства халифа, с которым он ехал, имелся придворный халифа «отрок» Текин, по прозванию «Торок», который, по словам тогдашнего хорезмшаха, в прежнее время долго жил в Хорезме, был

⁹ См.: *Wolff O. Geschichte der Magyaren oder tataren. Breslax, 1872. S. 263, f.*

¹⁰ Основная литература по данному вопросу: *Munkácsi B. Die Weheimat der Ungarn. Keleti szemle. VI. 1905. P. 185–222; Németh J. Magna Hungaria // Beiträge zur historischen Geographie herausgegeben von H. Von Mžik. Leipzig–Wien, 1929. P. 92–96; Németh J. A honfolglalo magyarsag kialakulasa. Budapest, 1930 (резюме: "La préhistoire hongroise". Nouvelle resume de Hongrie. Budapest. June. 1932. P. 460–468); Maccartney C. A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930; Moravcsik J. Zur Geschichte der Onoguren // *Ungurtahe Jahrbücher. II. Heft 1–2. (1930). S. 53–90; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 27–74.* Маркварт, как обычно, извращал источники в угоду своим предвзятым теориям, отрицал прямые свидетельства западных и восточных авторов о Великой Гунгарии на Востоке Европы и считал, что сопоставление башкир и мадьяр, так же, как и самое название «Великая Гунгария», объясняется только арабским словоупотреблением. Сводку сообщений о башкирах и старой литературы о них см.: *Ḥudūd al-Ālam. "The Regions of the World". A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Translated and explained by V. Minor-sky. With the preface by V.V. Barthold (1930) translated from the Russian. London, 1937 (GMS, NS. XI). P. 486 (jadex), 312, 318–320, 322, 469, 485 (map XII).**

¹¹ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / [Пер. и коммент. А.П. Ковалевского] / Под ред. И. Ю. Крачковского. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 66. По Мешхедской рукописи. Приложение: с. 203а, строки 7–9.

там «кузнецом», или «железником», причем занимался продажей железа в «стране неверных»¹². Эти «неверные» были огузы в степях нынешнего Западного Казахстана и башкиры к северу, за рекой Уралом. Вместе с тем мы имеем также довольно достоверные данные о том, что этот Текин прежде некоторое время жил у царя волжских булгар.

Так, еще до прибытия посольства, посланного халифом к этому царю, Текин рассказывал Ибн-Фадлану, что «в стране царя [есть] один человек чрезвычайно огромного телосложения»¹³. Из переказа более полного сообщения Ибн-Фадлана у персидского писателя XII века Неджиба Хамадани (известного прежде под именем Ахмеда Туси)¹⁴ мы можем заключить, что Текин находился прежде на службе у царя булгар и по его приказанию заковывал в цепи вышеупомянутого великана¹⁵. Словом, он был великолепно знаком с обстановкой. В дороге он свободно говорил с огузами на их языке и иногда служил Ибн-Фадлану переводчиком. Ибн-Фадлана, конечно, сопровождали и другие среднеазиатские турки. Так, он беседует с башкирами через переводчика, который, конечно, должен был знать, с какого именно языка он переводит. Наконец, как сказано, один башкир, принявший ислам, служил при посольстве.

Таким образом, Ибн-Фадлан в данном вопросе не мог ошибаться, – не подлежит сомнению, что какая-то часть башкир в это время были турки и говорили на тюркском языке уже в X веке. Из сообщения Ибн-Фадлана явствует, что это были те самые башкиры, которые «более всего посягают на убийство», которые убивают человека, встретив его в степи, и забирают с собою его голову.

Говоря о том, что башкиры являются тюрками, Ибн-Фадлан имел в виду, конечно, тюрок, говоривших на наречиях кипчакского типа, близкого к языку огузов, которых он систематически называет тюр-

¹² Указанное издание, с. 57, Мешх. рук. 198а–11.

¹³ Мешх. рук. 208а–5.

¹⁴ Правильное имя этого автора установил Н. Д. Миклухо-Маклай. См.: *Беляев В. И. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Акад. Наук СССР // Ученые записки Института Востоковедения. Т. VI. М–Л., 1953. С. 59, прим. 4.*

¹⁵ Этот вывод получается из сопоставления текстов рукописей «Ахмеда Туси»: Рук. Отдела Института востоковедения Акад. Наук СССР. Ms. or. D129. С. 166б двух рукописей: Стамбульского Фатих-библиотеки, рук. № 4173 и Хамидие-библиотеки, отдел Лалели, № 554 (см.: [Validi Togan Z. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1989. S. 125]).

ками. Эти наречия характеризуются звуками «ш-з» в тех случаях, где в языках булгаро-гуннского типа имелись звуки «л-р». Как известно, эти два типа тюркских языков с древних времен глубоко различны и представляют, по выражению С. Е. Малова, как бы два мира¹⁶. Булгар Ибн-Фадлан не называет тюрками, хотя хорошо их знал. Он причисляет их к «сакалиба», то есть к нетюркским северным народам.

Народ башкир Ибн-Фадлан называет именем *الباشغرد* – *ал-Бāш-гард*¹⁷. Другие формы арабского написания этого имени у восточных авторов следующие: *башджирд*, *башджирт*, *башкирд* или *башкурд*¹⁸.

Арабские огласовки, конечно, совершенно гадательны. Весьма важно отметить, что, хотя территория поселения башкир, и особенно область их грабительских набегов, как увидим далее, была весьма обширна, восточные авторы говорят об их весьма малом числе. Так, например, ал-Истахри, один из первых авторов, упоминавших о башкирах¹⁹, дает их число всего в 2000. По-видимому, здесь под названием башкиры понималось не все население, а именно тюркская его часть, группа кочевников-завоевателей. Современные башкиры называют себя и свой народ «башкорт». Это название считают происходящим от двух слов *баш* – голова и *курт* – волк. По-видимому, это более новая этимология, причем довольно искусственная, так как по-башкирски «волк» все-таки не *корт*, а *буре*. Поэтому иные толкуют *корт* в значении – «личинка», или *корто* – «пчела» (= *бал корто*). Попытки других толкований пока что не более убедительны. Так, J. Németh читал **bāsh-ghur* – «пять племен». Было также обращено внимание на то, что племена венгров, названные

¹⁶ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки / Изв. Акад. Наук СССР. Отдел литературы и языка. Т. XI. М.–Л., 1952. Вып. 2. С. 139.

¹⁷ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 66; Мешх. рук. 203а–8. Варианты см. там же: С. 102, прим. 255. Здесь важно отметить огласовку «ал-башгард» (вместо «ал-бāшгирд») в Мешхедской рукописи «Географического словаря» Йакута. Этой огласовке я и следую.

¹⁸ Сводки этих названий см.: Хвольсон Д. А. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста..., по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб.: Типограф. Имп. АН, 1869. С. 112; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 68–69.

¹⁹ Библ. арх. географов, I. С. 225 и 227.

у Константина Порфирородного (948 г.), совпадают с делением башкир в новейшее время: *Kourtauγερμάτου* – венг. *Kürt + gyarmat*, – у башкир – йурмату; *Γεναχ'* – венг., *Jenő* – башк. йеней.

Современный башкирский язык при всех своих местных особенностях, несомненно, является настоящим тюркским языком, причем именно кыпчакской группы «ш-з». Конечно, в нем должны иметься некоторые остатки в фонетике, морфологии и лексике тех древних наречий угорской группы, на которых говорило коренное население края до его тюркизации. Однако выявление этих элементов требует специального исследования²⁰. Несомненно, что и территория расселения башкир, и особенности их быта также значительно изменились сравнительно с IX–X веками. После покорения Казанского ханства башкиры, как известно, вошли в состав Русского государства. В XVII веке они вели ряд войн с калмыками, а в XVIII веке имели много столкновений с казаками («киргиз-кайсаками»). Кроме того, они много раз восставали против царского правительства: в XVII веке – восемь раз, в XVIII веке – четыре раза. Принимали они также активное участие в восстании Пугачева 1773/74 г. Русское правительство вело политику натравливания одних кочевых народов на другие. Последнее самостоятельное восстание башкир в 1755 году было подавлено почти исключительно с помощью казахов, которые произвели среди башкир огромные опустошения. Что самое важное, это то, что в последующие века башкиры являются всецело кочевым народом. Их оседание относится уже к самому последнему времени²¹.

²⁰ Литература по башкирскому языку: *Каратинский Н. Ф.* Башкирско-русский словарь. Оренбург, 1899; *Его же.* Русско-башкирский словарь; *Каримов Г. Р.* Русско-башкирский словарь. Уфа, 1942; *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948; *Его же.* Об указательных местоимениях в башкирском языке. Труды Моск. Ин-та востоковедения. М., 1947. Сб. 4. – Русско-башкирский словарь / Под ред. Н. К. Дмитриева [и др.] М., 1948 г.; *Эхмэр К.* Башкорт теле грамматиканы. Кишак, 2. Эфа, 1948; *Мансуров Э.* Башкорт теле грамматиканы. Кишак, 1. Эфа, 1949.

²¹ О башкирах в новое время см.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. СПб. 1832, II. С. 212 и след.; *Аристов Н.* Заметки об экономическом составе тюркских народностей и сведения о их численности. СПб., 1897. С. 131 и след.; *Reclus E.* Nouvelle geographie universelle. La terre et les hommes. Vol. 5. Париж, 1880. P. 753 sq.; *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Московскому государству // Тридцать лет Советской Башкирии. Материалы по

Однако это не означает, что положение было таким же в отдаленные времена IX–X веков. Несомненно, что в те времена, когда предки башкир, местные угорские племена, жили в лесах, занимались охотой и мотыжным земледелием, но не имели больших стад, они жили более или менее оседло. По крайней мере, именно такими представляют археологические исследования жителей Приуралья и Прикамского края в эпоху так называемой дьяковской культуры.

Поэтому развитие в стране башкир массового скотоводства явилось не только переходом к более высокой форме производства в данной отрасли хозяйства, но и усилением кочевнического элемента, и сопровождалось окончательной победой также и языка господствующей кочевой знати – тюркского языка кыпчакского типа.

Все эти общие соображения о формировании башкирской народности базируются в основном на весьма скудных документальных источниках – кратких сообщениях, часто только отдельных упоминаниях, у византийских, восточных и западных средневековых авторов, из которых большинство черпало свои сведения из вторых и третьих рук. Лишь немногие являлись действительно очевидцами. И среди них, несомненно, первое место занимает Ахмед Ибн-Фадлан. Можно считать установленным, что его сообщения о народах Восточной Европы отличаются большой степенью достоверности²². К тому же, история его путешествия из Багдада к берегам Волги вместе с посольством халифа изучена более или менее детально²³, достаточно изучен также и самый текст его сочинения. Текст сочинений Ибн-Фадлана по Мешхедской рукописи, перевод и комментарий к нему были изданы в 1939 г. в книге «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» /Перевод и комментарий под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Это издание в настоящее время совершенно устарело. Обзор новейших работ дан в статье А.П. Ковалевского «Вивчення подорожі Ібн-Фадлана на Волгу за Мешхедсь-

истории Башкирской АССР / Под ред. А. Н. Усманова и др. Уфа, 1949; Дмитриев Н. К. Библиография по башкирскому языку и фольклору. Уфа, 1936; Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир. Пг., 1916; Ч. 2. Быт башкир. Л., 1925.

²² Ковалевский А. П. О степени достоверности Иби-Фадлана // Исторические записки. Т. 35. М., 1950. С. 265–293.

²³ Ковалевский А. П. Посольство халифа к царю волжских булгар в 921–922 годах // Исторические записки. Т. 37. М., 1951. С. 189–214.

ким рукописом»²⁴, из которой видно, что в настоящее время прежним переводом пользоваться уже нельзя. Поэтому в дальнейшем дан новый перевод соответствующего рассказа Ибн-Фадлана о башкирах.

Для того чтобы разобраться в важном вопросе о том, на какой территории жили в то время башкиры, текст рассказа Ибн-Фадлана дан с того места, где посольство уже, безусловно, покинуло территорию кочевий огузов и печенегов. Небольшое число печенегов Ибн-Фадлан еще встретил на берегах озера Челкар. Путешественники переправились через реку Яик (переименованную царицей Екатериной II в Урал) около того места, где теперь находится город Уральск. Упомянутая здесь река Джайх, это и есть особая форма названия реки Яик. Следующая река – Джаха – это Чаган, правый приток Яика, впадающий в него немного ниже нынешнего города Уральска. Далее следует река Ирхиз – Иргиз, далее Бачаг – нынешняя Моча, Самур – река Самара, Кинал – река Кинель, Сух – река Сок и, наконец, Кунджулу, или Кюньчюлю – нынешняя Кундурча. Из контекста можно сделать заключение, что, переправившись именно через эту последнюю реку, посольство халифа будто бы и попало на территорию народа башкир. Последующий анализ текста Ибн-Фадлана покажет, что такое представление неправильно.

Итак, переходим к сообщению Ибн-Фадлана, находящемуся в Мешхедской рукописи, начиная со с. 203а, сноски 4 и до с. 203б, сноски 5.

2. Рассказ Ибн-Фадлана о башкирах

«Потом мы отправились и сделали остановку у реки Джайх, а это самая большая река, какую мы только видели, самая огромная и с самым сильным течением. И подлинно, я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней, и те, кто был в нем, потонули. И [вообще] погибло много человек из числа [наших] людей и потонуло [некоторое] количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через нее только с трудом.

²⁴ Труды Историчного факультету Харківського держ. університету ім. О.М.Горького. Т. 2. Харків, 1952. С. 143–157.

Потом мы ехали много дней и переправились через реку Джаха, потом, после нее, через реку Ирхиз, потом через Бачаг, потом через Самур, потом через Кинал, потом через реку Сух, потом через реку Кунджулу и попали [1] в страну народа тюрков, называемого башкиры [2]. Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрков, самые грязные [3] из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову, берет ее [с собой], а его [самого] оставляет.

Они бреют свои бороды и едят вшей. [Вот] один из них тщательно исследует швы [4] своей куртки и разгрызает вшей своими зубами. Право же, был с нами один человек из их числа, уже принявший ислам и служивший у нас. Однажды я видел, как он поймал вошь в своей одежде [5], он раздавил ее своими ногтями [6], потом слизнул ее [7] и сказал, когда увидел меня: "Прекрасно" [8].

Каждый из них вырубает [9] палочку величиной с фалл и вешает ее на себя [10]. И если он захочет отправиться в путешествие [11] или встретит врага, то целует ее, поклоняется ей и говорит: "О господи [12], сделай для меня то-то и то-то". Я сказал переводчику: "Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание этому [действию] и почему он сделал это своим господом?" Он [спрошенный] сказал: "Потому что я вышел из подобного этому и не знаю относительно самого себя иного создателя [13], кроме этого".

Кое-кто из них говорит, будто бы [14] у него двенадцать господ: "у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый больший из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ" [15]. Наш господь превыше [16] того, что говорят нечестивые [17], возвышенностью и величием [18].

Мы видели, как [одна] группа [19] из них поклоняется змеям, [другая] группа поклоняется рыбам [20], [еще одна] группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они [когда-то] вели войну с [какими-то] людьми из числа своих врагов [21], причем они [враги] обратили их в бегство [22], и что журавли закричали позади них [врагов], так что они испугались и сами обратились в бегство, после того как обратили в бегство [этих башкир]. Поэтому они [эти башкиры]

стали поклоняться журавлям и говорить: “Эти [журавли] наш господь, так как он обратил в бегство [23] наших врагов”. За это они им и поклоняются».

Он [Ибн-Фадлан] оказал: «И мы уехали из страны этих [людей] и переправились через реку Джарамсан [24], потом через реку Уран [25], потом через реку Урам [26], потом через реку Байнах [27], потом через реку Ватыг [28], потом через реку Нийасна [29], потом через реку Джавшыз [30]. Расстояние от реки до реки, о которых мы упомянули, – два дня, или три, или четыре, менее этого или более».

3. Текстологические примечания к рассказу Ибн-Фадлана о башкирах по мешхедской рукописи

1. 203а, 7 *فو قفنا*. Можно бы читать – *فو قفنا* «мы остановились». Но для остановок Ибн-Фадлан употребляет глаголы *اقام* и *نزل*. Поэтому я предпочитаю чтение у Йакута *و فقعنا* (Ков. 254) – «мы попали», «мы оказались». Как видно из дальнейшего, посольство без всякого удовольствия попало к башкирам и не делало у них длительной остановки.

2. 203а, 8. Огласовка мешхедской рукописи «Географического словаря» Йакута *الباشغَرْد*. Ков. 255. Глагол относится не к «тюркам», а к «народу» и должен переводиться в ед. числе.

3. 203а, 9. Я держусь чтения *واقزهم* – «грязнейшие», ввиду совпадения в М и мешхедской рукописи Йакута. Ков. 256; Х. Риттер (109, 5.18, Z. 10) вполне со мной согласен.

4. 203а, 10. Следую Йакуту (Ков. 261).

5. 203а, 10 – *فرايته وقد قمله في ثوبه* – Здесь, несомненно, сокращение. По Йакуту полнее: *فرايته يوما وقد اخذ قملة في ثوبه* (Ар. текст, З. В., И, 14).

6. 203а, 11 – *بظفره* – собирательное. Сравни 210а, 2, прим. 689а *ومن حد ظفر* (Ков. 786).

7. 203а, 12 – *لحسها* Глагол *لَحَسَ* – «слизывать, пожирать, уничтожать».

8. 203а, 12. Исправляю текст по Йакуту. Ков. 266. Чтение М *الرأي حيل* – это «мнение», «отклонение», крайне искусственно. Да и

вряд ли рассказанное дальше с точки зрения мусульманина всего лишь «отклонение от истины».

9. 203а, 12. نحت т. е. ينحت То же выражение об изображениях на могиле огуза 201б, 11. Глагол نحت указывает на грубую работу, а не на мелкую резьбу ножиком.

10. 329. 203а, 12–13 و يعلقها عليه Нет основания считать, что здесь пропущено название того, на что именно вешался этот обрубок. Текст достаточно ясен. Выражение على قدر указывает на кусочек именно размером в фалл, но не на то, что это был идол в образе человека, вроде онгона. Продолжение рассказа не вызывает сомнения, что этот обрубок сопровождал башкира туда, где он мог встретить врага, то есть повсюду. Поэтому перевод «на себе» соответствует и тексту и сути дела. Проф. Д. Зеленин в своей работе в "Internationales Archiv für Ethnographie". XXIX. (Leiden, 1928. S. 94) совершенно верно толкует данное место Ибн-Фадлана как фаллический культ.

11. 203а, 13 – سفرا – именно личное путешествие, а не перекочевка с юртой и всем добром.

12. 203а, 13. – يارب «О, мой господин!»

13. 203а, 15. Принимаю чтение Йакута (Ков. 271) موجداً как первоначальное.

14. 203а, 15 – و منهم من يزعم Глагол زعم обычно указывает на передачу с чужих слов. Но так как здесь говорящий передает собственные мысли (له – «у него» самого), то этим глаголом Ибн-Фадлан оттеняет сомнительность данных верований.

15. 203а, 18 – شريكه. Иначе «его соучастник в общем деле». Ср. 204а, 11 – لا يشركه فيها. «[И никто] в отношении его [стола] не является его сотоварищем». Здесь скрытая полемика: башкир как бы отвечает на обычное возражение мусульман против многобожия, выраженное в Коране (XXI, 22): «Если бы в них обоих [на земле и на небе] были какие-либо боги, кроме Аллаха, то они оба разрушились бы».

16. 203а, 18. Принимаю текст Йакута جل ربنا ввиду его более тесной связи с предыдущим рассказом. Ср. Ков. 279.

17. Добавление Йакута والجاحدون – «отрицающие», «отвергающие» (мусульманские учения) не вношу в перевод, так как оно имеется только в издании Вюстенфельда и происхождение его неизвестно (Ков. 281).

18. Ср. в Коране тот же стих (XXI, 22) (см. прим. 15) дальше: «итак, хвала Аллаху, господу престола, отвергая то, что говорят о нем [язычники]».

19. 203a, 19. طائفه т. е. (طائفة). Здесь имеются в виду небольшие общины, объединенные культом тотемического характера. Слово طائفة происходит от глагола طاف – «ходить вокруг, бродить, кочевать». Первоначально оно обозначало небольшую бродячую группу, отделившуюся от племени. Однако в дальнейшем содержание этого понятия стало обозначать не столько «бродячесть», сколько разъединенность, групповщину. Отсюда значение «религиозная община», наконец – «удел», «удельное княжество». Так, например, назывались мелкие «царства» в Иране во времена Аршакидов и удельные феодальные княжества в Испании в 1031–1090 годах. Однако в данном случае речь идет все же о подразделениях племени – родовых общинах, кланах.

20. 203a, 19. السمك – «рыбы» как собирательное.

21. 2036, 1. قوما من اعدائهم – правильность этого перевода явствует из параллели 2076, 12.

22. 2036, 1 – فهزمهم глагол هزم здесь предпочитаю переводить через «обратить в бегство», а не «нанести поражение».

23. Нет никакого основания менять М 2036, 2 – لانه هزم на вариант Йакута لانها هزمت, так как местоимение и глагол здесь относятся не к هذه, а к ربنا. См. Ков. 286.

24. 2036, 3 – جرمسان – Большой Черемшан.

25. 2036, 3 – اورن – Река Урень. Арабскую транскрипцию тоже можно читать Урен.

26. 2036, 4 – اورم. Река Урым, или Урем.

27. 2036, 4 – بايناخ читаю банач – река Майна. Здесь контаминация начального «б» и «м» и окончание «ах», характерное для старых тюркских языков. Сравни реку Бачаг-Моча (М. 203a, 7). Месяц в болгарских надписях – آيخ – «айых», в современном чувашском – «уйах», татарское «ай».

28. 2036, 4 – وتيغ, конечно, – وتيغ. Русское название реки Утка произошло из татарского Удга اودغا.

29. 2036, 4 – بناسنه – читаю ниясане – река Нийасна, русское название – Неясловка.

30. 2036, 4 – جاوشين. Дальше 2086, 10, 16 – эта река дважды пишется جاوشير – но в Мешхедской рукописи конечное ن часто

ставится на место ز. Поэтому я читаю جاشيز и полагаю, что это местная добулгарская форма этого названия. Так как в болгаро-чувашском языке «р» соответствует звуку «з» прочих тюркских языков, то болгарская форма должна быть Джавшыр. У этой реки, по словам Ибн-Фадлана, позднее был съезд болгарских племен. Реку эту нужно искать значительно севернее других. Вероятно, она впадает в Каму. Возможно, что это речка Гаушерма бывшего Чистопольского уезда. Следует заметить, что последние две упомянутые здесь реки находились севернее ставки царя болгар, и послы по дороге к нему их не переезжали. Они побывали на них уже позднее.

Таким образом, здесь у Ибн-Фадлана дан общий список рек, через которые переправлялось посольство до и после прибытия в ставку царя.

4. Путешествие посольства через область башкир и вопрос о территории их расселения в X в.

Весьма важно для выяснения ранней истории башкир установить область их расселения. Поскольку речь идет о данных Ибн-Фадлана, необходимо прежде изучать их топографически и отождествить с современными названиями.

Первая после Яика река названа جاجا, то есть جاجا. В ней можно видеть только современную реку Чаган. Нельзя проехать дальше на запад, не переправившись через эту реку. На современных русских картах название этой реки совершенно тождественно с упомянутой выше рекой у подножия Усть-урта. Но это не значит, что в те времена (да и в настоящее время) у местного населения названия эти произносились одинаково. Там я предполагаю произношение «Йаганды», здесь, по-видимому, «Чахан». Все зависит от различных тюркских диалектов и отсутствия в арабской графике буквы для «ч». Отпало ли конечное «н» у переписчика или его не было в этом названии в X веке, решать не берусь. Зеки Валиди тоже устанавливает это отождествление, замечая, что название этой реки "Cagak" известно еще в «киргизско-ногайском» эпосе (*Validi Togan* Z. Op. cit., S. 34, Anm. 2).

Следующее название – ازحن. Зеки Валиди отказывается его определить, считая, что это какая-нибудь маленькая речка между Чаганом и Мочей. При этом он ссылается на то, что не имеет подробной карты области Урала (ibid., S. 34, Anm. 3) Между тем, мне кажется, что это одно из самых ясных начертаний. Так как буква ح, обозначает исключительно арабский звук, то на нее нужно переставить точку с буквы ز. Конечное же ن в рукописи М постоянно заменяет и по форме на него похоже. Получается совершенно ясное чтение ارخز = Иргиз. Взглянув на карту, мы видим, что посольство поехало по самому прямому направлению к цели своего путешествия, не боясь многочисленных переправ, именно сразу же пересекло Чаган и обязательно должно было переправиться через реку Иргиз в ее верховьях. Тем самым, путешественники переехали в бассейн реки Волги.

В таком случае следующая река باجاع – это Моча. Однако отождествление устанавливается не только по местоположению, но и по соответствию названий. Дело в том, что здесь перед нами одна из обычных контаминаций в тюркских языках Поволжья того времени – «б» вместо «м» и наоборот. При этом چ – это «ч» и غ, конечно, – غ. Таким образом, название реки у Ибн-Фадлана должно читаться «Бачаг». О конечном «г» речь будет впереди.

Далее путешественники переправляются через реку Самару. Следующая река كبال, как сказано, несомненно – Кинель (чит. (Кбал).

Итак, раз они переправлялись и через эту реку, значит, Самару они пересекли выше слияния этих двух рек. Река سوح, которая должна читаться سوح Сух, или Сох, – современная река Сок, текущая в Волгу. Парной рекой к реке Сок является Кондурча, которая сливается с Соком недалеко от его впадения в Волгу в северной части Самарской Луки. Между обеими реками лежит междуречное плато, так что следующая река كجولا может быть только Кондурча. После буквы «К», несомненно, имеется зубчик, должно быть «Н» (Ков., 253). Сопоставление с современным названием это «Н» подтверждает. Звук «ч» передан через چ. Зеки Валиди (ibid., S. 34, Anm. 8) видит в этом ту же реку, которая в маршрутах Тимура писалась قندورجه или قندزجه. Но у нас «р» заменено через «л» и окончание «ча» отсутствует. Получается нечто вроде Конджолу. Ссылка Зеки Валиди на деревню “Kiğlāw”, лежащую на малом Черемшаке,

совершенно излишняя, так как самый этот Черемшан гораздо дальше и в стороне.

Следующая река опять-таки не вызывает никаких сомнений *جرمسان* – это Черемшан, а именно, конечно, Большой Черемшан.

После названия реки Кондурча у Ибн-Фадлана, по рукописи М, сказано *فوقفنا في بلد قوم من الاثراك يقال لهم الباشغرد* (203а, 7–8): «и мы остановились в стране народа из [числа] турок, называемого башкиры». В выписке Якута всюду имеем в начале этой фразы глагол *وقعنا* (Ков., 254) – «мы попали...», «мы оказались...». Зеки Валиди принимает первое чтение (*ibid.* (ар. текст), S. 18, F. 9) и переводит – “Dum hieltem Wir nus im Zomde... auf” (*ibid.*, S. 35, F. 1–2). Х. Риттер, однако, считает нужным обратить внимание и на чтение Якута (*op. cit.*, S. 109. 18. 9). На протяжении всего рассказа Ибн-Фадлан для обозначения остановки в пути употребляет глагол *نزل*. Например: «Потом мы, [уже] уезжая из области этих [тюрков-огузов], остановились [*نزلنا*] у командующего их войском» (202а, 2–3), или «мы остановились [*فنزّلنا*] в рибате, называемом Замджан» (199б, 1). Для понятия «пробыть некоторое время» у Ибн-Фадлана обычен глагол [*عند*], например: «И мы оставались [*فأقمنا*], воскресенье, понедельник, вторник и среду в юртах» (203б, 11). Это и в смысле более значительного пребывания. Так, про одного синдийца сказано, что он *سقط الى ذلك البلد فأقام عند الملك* (207а, 18) – «явился» (букв. «спустился») в эту страну и остался [жить] у царя». Примеров можно привести много. Глагол *وقف* он употребляет для обозначения простой, случайной, остановки во время езды. Когда послам повстречался в дороге некий бедняк-огуз, то он закричал: *قفوا* – «Остановитесь!» *فوقفت القافلة* (201а, 18). В рассказе о встрече Ибн-Фадлана со змеей в лесу сказано *فوقفت انظر اليه* (206а, 13) – «и я остановился, смотря на него [ствол дерева]». При описании похорон мусульманина в стране болгар – *وقفون على باب قبته* (209а, 16) – «Итак, они останавливаются у дверей его юрты». В описании Хазарии, евнух, приведший к хакану наложницу *الملك ويقف الخادم على باب قبة الملك* (Jacut's geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. II, S. 439) – «евнух останавливается у дверей “купола” царя».

Из всего сказанного ясно, что глагол *وقف* в рассказе о башкирах неуместен и это искажение переписчика. Следует читать *فوقعنا*. Первоначальное значение этого глагола «падать», дальше – «попадать», «оказываться» – с предлогом *في*. Именно это и значит выра-

жение *فوقنا في بلد* – «мы оказались в стране», наша дорога пришлось как раз в области этих тюрок. В значении такого же случайного попадания Ибн-Фадлан употребляет этот глагол, говоря о портном из Багдада, жившим у царя *وقع الى تلك الناحية* (2056, 12), который «“упал” в эту область», «которого судьба забросила сюда». С предлогом *على* этот глагол значит «напасть на след», о птице – «сесть», «броситься сверху вниз (на добычу)». Жители страны булгар ходят в леса к известным им гнездам пчел за медом *فربما وقع قوم من اعدائهم فقتلوه* (2076, 12), – «и иногда бросаются на них [внезапно] люди из числа их врагов и сбивают их».

Итак, я считаю, что здесь правильно следует читать не «мы остановились в своем движении», а мы «попали», «оказались в области башкир». Ни о какой остановке в гостях у этих башкир, как например у огузов, нет речи. Наоборот, Ибн-Фадлан подчеркивает, что «мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрок» (208а, 8), Тем не менее приезжающие вступали в контакт с башкирами. Ибн-Фадлан разговаривает с одним из них через переводчика. Один из башкир, уже принявший ислам, даже служил у посольства (203а, 11). Рассказ о башкирах Ибн-Фадлан заканчивает: «и мы уехали из страны этих [людей] и переправились через реку Черемшан» (203б, 3). Итак, из буквального смысла рассказа Ибн-Фадлана выходит, что область поселения башкир, в которую попало посольство, находилась между реками Кондурча и Черемшан, то есть полоса в самом широком месте – 75 км., в среднем – 50 км. Между тем, раньше совершенно четко сказано, что, начиная уже с первой переправы в мешках через реку Йагнады, у подножья Чинка, путешественники выслали авангард вооруженных людей для защиты от возможного нападения башкир (202б, 16).

Было бы, однако, ошибочно отсюда заключить, что область населения башкир простиралась от Черемшана до подножья Чинка. Для выяснения этого вопроса я позволю себе сделать одно предположение. Мы уже видели, что Ибн-Фадлан комбинирует в своем рассказе перечисление порядка следующих друг за другом переправ с вставными описаниями быта и нравов народов, живущих на данной территории. При этом он соединяет эти два элемента своего повествования, не заботясь о том, чтобы нам было ясно их соотношение, то есть, где, собственно, была область обитания данного народа. Так как невозможно допустить, чтобы большой народ

огузов жил на узкой полосе между Чинком и рекой Йаганды, то следует считать, что область его кочевья простиралась до озера Челкар, где в это время была стоянка печенегов. После переправы через Яик, как говорит Ибн-Фадлан: *ثم سرنا اياما وعبرنا* (203а, 6) – «потом ехали много дней и переправились через...», и далее идет перечисление рек, через которые едущие переправились в продолжение этих, упомянутых только что, «дней, вплоть до переправы через реку Кондурча. Далее сейчас же сказано (203а, 7): «итак, мы попали в страну народа из турок, называемого башкиры...». Мне кажется, что это «итак, мы попали» относится не к переправе через Кондурча, а к первоначальному глаголу «потом мы ехали много дней», то есть попали они в область башкир на протяжении всего этого пути от самого Яика. Этому не противоречит то, что башкиры совершали свои набеги вплоть до Чинка. Болгары ведь тоже славились своими далекими набегами.

Дальше мы видим у Ибн-Фадлана ту же манеру. Он говорит, что, переправившись через Черемшан, посольство уехало из области башкир, но не указывает, что новая страна эта была уже областью народа булгар. Таким образом, если мы будем держаться буквально рассказа Ибн-Фадлана слово в слово, то получится такая картина, что все это огромное пространство за Волгой и за рекой Урал было необитаемо, за исключением маленьких участков: огузы – у подножья Чинка (10–20 км), печенеги – у Челкарского озера, башкиры только между Кондурча и Черемшаном (50–75 км) и болгары – у слиянии Камы с Волгой (50–75 км). Конечно, центр кочевий с главной ставкой в каждом отдельном случае и был связан со сравнительно небольшим районом, для булгар это определялось еще и торговым центром на Волге, но в целом передвижение кочевников, безусловно, охватывало гораздо более широкое пространство. По крайней мере, так это было у огузов и башкир. Булгары, как увидим, жили в более ограниченной области. Это и понятно, так как у них были уже довольно развиты земледелие и торговля. Они переходили к оседлости, в ближайшие же годы у них возникли значительные по тому времени города. Что же касается стражи башкир, то о ней ал-Мас'уди в «Промывальнях золота», сообщал: *وهم نوع من الاتراك والقوافل متصلة منهم الى بلاد خوارزم من ارض خراسان – ومن خوارزم اليهم الا ان ذلك بين بوادي غيرهم من الاتراك والقوافل محفوظة منهم* – «Они [булгары] – это сорт тюрок. Караваны отправляются от них

в страну Хорезм в стране Хорасана, а из Хорезма к ним, но только этот промежуток [занят] кочевниками из числа других тюрок, и караваны бывают охраняемы от них» (Maçoudi. Les prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Vol. II. Paris, 1863. P. 15–16). Однако и из башкир мы видим одного, принявшего ислам и сопровождавшего посольство, вероятно, в качестве охраны وكان يخدمنا واحد وقد اسلم (203a, 11), – «и был с нами один из них, принявший ислам, который служил нам».

Возвращаемся к изучению маршрута. Мы не знаем, где именно переправилось посольство через Черемшан, а поэтому не можем провести прямую линию на конечный путь его путешествия – Три Озера. Но, рассматривая арабские начертания названия следующих рек, мы видим на первом месте два, которые вполне соответствуют названиям двух современных речек, вливающихся в Волгу выше Черемшана: اورم و اورن – это Урень и за ней выше по течению Волги – Урм, или Урем (см.: Файизханов Х. Изв. Русск. Археологич. О-ва, IV. 1863. С. 402).

Таким образом, мы видим, что, перейдя Черемшан, посольство взяло путь ближе к берегу Волги, обойдя, однако, первую впадающую здесь выше Черемшана реку – Калмаюр.

В таком случае следующие две реки وبيع و باناج отождествляются сами собой, это Майна и Утка наших современных карт. Графика этих названий вполне это подтверждает. Мы видели, что река Моча написана у Ибн-Фадлана باجاج, т. е. Бача(г). Следовательно, и Майна должна была произноситься как Вайна(г). В соответствии с чтением первой реки, я и здесь предполагал бы написание بايناخ – Байнах. Наличие конечных придыхательных в этих старинных названиях рек, вероятно, может быть объяснено особенностями древне-булгарского языка. Так, турецкое слово «ай» – месяц читается в болгарских надписях как – آيخ «айых», что соответствует чувашскому «уйăх» (Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша. Казань, 1902; Poppe N. Die Ischuaaoassische Sprache im iherent Irenhålniss in dem Türkischen Körösi Csóma Archivum. Kötet. 1–2 szám, 1926. S. 66). Название Утка – русифицированное и, конечно, ничего общего с птицей уткой не имеет. Зеки Валиди (ibid., S. 37, Anm. 5) ссылается на сообщение акад. И. Ю. Крачковского, что слово это является видоизменением местного названия اودغا – Удга. Согласно «Десятиверстной карте», река эта протекает через озеро, носящее в настоя-

щее время название Втивоз. У Ибн-Фадлана чтение будет, конечно, *واتيغ* – Ватиг. На реке Ватиг впоследствии возник город Сувар. Очевидно, посольство было уже вполне на территории булгар в области одноименного с будущим городом племени.

Дальше Ибн-Фадлан называет еще две реки, через которые переправилось посольство, – *جاوشين* и *بناسنه*, т. е. Неясловка и неизвестная, текущая южнее, речка Джаушиз, или Джаушир, которая находилась севернее ставки их. Все эти перечисления рек Ибн-Фадлан заканчивает замечанием: «Расстояние от [одной] реки до [другой] реки, о которых мы упомянули, – два дня, или три, или четыре – менее этого или более» (2036, 4–5). Все расстояние от реки Черемшан до ставки царя в районе Трех Озер, с учетом отклонения пути посольства в сторону Волги, составляет около 100–120 км. На этом пространстве как будто указаны, кроме Черемшана, еще шесть рек и, значит, шесть междуречных переездов. Значит, на переезд в среднем – 17–20 км. Об этих реках не сказано, что они велики, а переправы, по-видимому, не составляли затруднений. О последней названной реке позднее говорится, что она глубиной до пупа, а шириной пять локтей (2086, 16–17). Очевидно, что эти последние переезды никак не могли занять более одного дня. Значит, слова Ибн-Фадлана о расстояниях от реки до реки в 2, или 3, или 4 дня, менее или более, относится ко всему пути, по крайней мере, от Яика, если не вообще от реки Йаганды. Последние упомянутые Ибн-Фадланом реки могли быть перейдены и по две сразу в один день.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению сообщения Ибн-Фадлана о башкирах, следует еще раз бросить взгляд на пройденный ими путь. Итак, послы выехали из ал-Джурджании 4 марта 922 г. и прибыли к царю булгар 12 мая, что составляет ровно 70 дней (включительно обе даты). Присматриваясь к названиям рек и следя по карте за переправами через них, мы видим, что посольство ехало почти напрямик. Так, от Чинка прямо на озеро Челкар, по-видимому, ниже слияния рек, то есть прямее современного тракта. От переправы у современного Уральска тоже не повернули на Бузулук, а поехали напрямик через Общий Сырт, переправляясь через верховья рек Иргиза и Мочи. Однако дальше послы почему-то переправляются через Самару выше впадения в нее Кинели и через Сок выше впадения Кондурчи, т. е. переправ-

ляясь через эти притоки. Этого можно было бы избежать, если бы караван направился прямо к Самарской Луке. Так ехали, вероятно, из опасения приблизиться к Волге, где господствовали хазары. Но дальше, наоборот, – посольство сворачивает с прямого пути в сторону Волги и переправляется через ряд небольших речек, как Урень, Урем, Майна у самого ее берега.

Это последнее отклонение тракта объясняется, может быть, наличием дальше от реки непроходимых лесов. Вместе с тем, вступив в землю болгар, послы уже могли не опасаться неожиданного нападения со стороны реки. Суммарные расстояния пройденного пути приблизительно таковы: от ал-Джурджании до спуска Чинка – 350 км, от Чинка до Яика – 700 км, от Яика до Трех Озер – 550 км, а всего 1600 км. Переводя на время, мы видим, что около 1/4 пути (немного меньше) проехали в 15 дней, около 10 дней потратили на остановку у огузов, около 3/4 пути от Чинка до Трех Озер проехали в 45 дней, то есть тем же темпом и без длительных остановок. В день делали в среднем 27 километров, на Чинке, из-за снега и бури, медленнее – всего 23–24 км, потом, несмотря на переправы, быстрее. После Яика, вероятно, все 30 км в день. Значит, от Яика до Трех Озер – 550 км – 18 дней. За эти 18 дней проехали двенадцать междуречных пространств (от Яика до Утки), значит, в среднем «от реки до реки» менее двух дней. Если считать от Йаганды до Утки, то «от реки до реки» – 20 переездов – 45 дней, то есть немногим больше двух дней. Отсюда, непонятной становится фраза Ибн-Фадлана, что «между одной рекой и другой рекой, которые мы называли, – два дня, или три, или четыре, менее этого или более» (2036, 4–5). Если относить эти слова к ближайшему контексту, т. е. к последним четырем (формально с Нийасной и Джавширом – к шести) рекам, то получится большая неравномерность в пути, поддержка уже на болгарской территории при очень коротких переправах. Вот почему я считаю, что слова эти относятся ко всему пути от Чинка, причем посольство проехало последние речки все вместе самое большое в 2–3 дня.

Возможно даже, что знатные булгары, выехавшие навстречу посольству на расстояние «дня и ночи пути» встретили его недалеко от границы, то есть около Черемшана. Самое упоминание здесь о «ночи пути» указывает на то, что посольство последний участок ехало даже и ночью. От Черемшана до ставки царя оставалось

около 100 км. К тому же наступило сухое время, половодье кончилось. Четыре дня могли ехать от Чагана до Иргиза и, тем более, в пределах современного Казахстана, где 8 междуречных переездов по 4 дня составят 32 дня. Тогда переправа через Яик была 29 апреля, и дальше до булгар ехали не 18, а 13 дней, на Черемшане были 10 мая, а 12-го – у царя булгар.

В связи с этим маршрутом расселение башкир и обстоятельства встречи с ними посольства можно представить себе следующим образом. Еще только спустившись с плато Усть-Юрта, переправляясь через первую же реку на территории современного Западного Казахстана, послы попали в область набегов башкир, а потому начали принимать меры, чтобы не быть застигнутыми врасплох их неожиданным нападением. Это заставляло их переправлять сначала вооруженный отряд, под прикрытием которого происходила переправа всего остального каравана. Так проехали всю территорию огузов и далее – печенегов до реки Яик. К северу от Яика территория и огузов, и печенегов кончалась. Здесь, собственно, и начиналась территория уже не набегов только, а настоящих кочевий башкир. Однако, как Ибн-Фадлан сам говорит, путешественники старались держаться от башкир как можно дальше, они «остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрков». Весьма возможно, что так продолжалось до самого междуречья Кундурча – Б. Черемшан. Здесь, вероятно, находилось наиболее густое население башкир и, возможно, не только кочевое, но и более или менее оседлое, связанное с рыбной ловлей на реках и с земледелием. Здесь Ибн-Фадлан волей-неволей вступил в более близкий контакт с ними и имел возможность ближе с ними познакомиться. Местное население, жившее близко к постоянному тракту из Средней Азии в страну булгар, очевидно, уже свыклось с проезжающими, башкиры вступали с ними в разговоры на религиозные темы, нашелся даже башкир, уже принявший ислам и поступивший на службу к проезжающим, очевидно, для того чтобы что-нибудь заработать.

Следует заметить, что указанный вывод о более широком расселении башкир и о манере Ибн-Фадлана излагать маршрут своего путешествия без увязки со вставными рассказами о местных народах, подтверждает и венгерский исследователь К. Цегледи в своей работе (*Czeglédy K. Zur Meschheden Handschzift von Ibn Fadlan's*

Reisebericht // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. 1, fasc. 2–3. Budapest, 1950–1952). Более подробно им же исследован вопрос о маршруте посольства и о реках башкирской территории в специальной статье в журнале “Százador” (LXXVII, 1943, с. 277–306), которую я, к сожалению, использовать не мог («Этнический состав населения Башкирии в X веке и образование башкирского народа»).

Обратимся теперь к рассказу Ибн-Фадлана о башкирах. Он состоит из следующих частей:

1. Сообщение о том, что башкиры имеют обыкновение, встретив человека в дороге, убить его и взять его голову с собою в качестве трофея. Словом, нечто вроде «охоты за черепами».

2. Рассказ о том, что башкиры, очищая свою одежду от вшей, едят их и даже находят в этом удовольствие.

3. Рассказ о поклонении символическому изображению фалла. При этом это изображение берут с собой в путешествие и прибегают к нему в случае встречи с врагом.

4. Рассказ о двенадцати богах, которым поклонялась некоторая часть башкир («кое-кто»).

5. Рассказ о том, что различные «группы» у башкир поклоняются змеям, рыбам и журавлям. Передача со слов других лиц рассказа о том, каким образом поклонники журавлей объясняют происхождение у них этого культа.

Просматривая эти сведения одно за другим, мы можем заметить, что они расположены в известной последовательности, именно, по-видимому, в том порядке, как сам Ибн-Фадлан узнавал о них. Сначала членам посольства рассказали об ужасных нравах башкир и заставили их держаться от них в стороне. Убийство на дороге и отсечение головы касалось, прежде всего, конечно, иноземцев, проезжавших через землю башкир, или членов другого племени.

Далее Ибн-Фадлан сталкивается с живым башкиром, служившим у посольства. Он наблюдает за тем, как он вылавливает из своей одежды вшей и давит их своими зубами. Действительно этот башкир ел вшей или нет, решить конечно трудно, так как Ибн-Фадлан приводит данный рассказ в стиле анекдота. В свою очередь, и башкир, заметив отвращение иностранца, мог нарочно разыграть комедию и сделать вид, что он со смаком пожирает вшей.

Следующий рассказ о поклонении изображению фалла – также результат непосредственного наблюдения. Башкир здесь, конечно, уже не «мусульманин», а очевидно – язычник, Ибн-Фадлан увидел на нем амулет и через переводчика подробно расспрашивал его обладателя о его значении.

Далее следует разговор о 12-ти богах. Из контекста ясно видно, что Ибн-Фадлан специально допрашивал одного из башкир об этих богах и даже вступил с ним в полемику. Слова башкира, что высший бог неба «объединяется с теми [остальными богами] в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ», указывают на то, что он в данном случае отклоняет обычное мусульманское возражение против язычников, что, дескать, при наличии многих богов все они между собой перессорились бы (Коран XXI, 22). Перед нами две концепции – концепция деспотической монархии, где Аллах единолично управляет миром, не терпя при себе никаких «сотоварищей», и концепция, выросшая на базе развитого родового строя, где при наличии общего главного вождя сохраняются еще элементы родовой демократии, по крайней мере – для родовой знати. В этом своеобразном споре Ибн-Фадлан не смог найти никакого разумного аргумента в опровержение слов башкира, а потому ограничился общим осуждением его мнения и восхвалением всемогущества Аллаха.

Наконец, едва ли не самое интересное – сообщение о поклонниках змей, рыб и журавлей, Ибн-Фадлан передает его с чужих слов. Правда, его сообщение начинается словами: «Мы видели, как [одна] группа из них поклоняется змеям и т. д.», но все же нет уверенности, что Ибн-Фадлан видел это поклонение собственными глазами. Выражение «мы видели» – رأينا – в рассказе Ибн-Фадлана имеет несколько неопределенный характер. Говоря о непосредственном личном наблюдении, он употребляет выражение شاهدنا – «мы были очевидцами» чего-либо. Что же касается выражения «я видел», то он употребляет его иногда в отношении того, о чем он в действительности только слышал. Например, «Я видел, что они [булгары] считают очень хорошим знамением для себя завывание собак, радуются ему и говорят о годе изобилия» (М. 206а, 9–10). Следовательно, и в данном случае на основании этого выражения нельзя безоговорочно утверждать, что Ибн-Фадлан непосредственно наблюдал своими глазами поклонение змеям и журавлям, но все же

люди, поклонявшиеся этим животным, жили на той территории, по которой он проезжал. Он, по-видимому, узнал об этих культах после разговора о двенадцати богах, после того как он попал некоторым образом в самую гущу башкирского населения. Все же объяснение причин и обстоятельств возникновения культа журавлей Ибн-Фадлан получил, по-видимому, от третьих лиц.

Приняв во внимание вышесказанное, мы можем попытаться дать более глубокий анализ сообщения Ибн-Фадлана о башкирах. С первого же взгляда для нас ясно, что культ двенадцати богов и групповой культ животных относились к различным стадиям общественного развития и по существу не могли принадлежать одним и тем же людям. Правда, даже в высокоразвитом рабовладельческом обществе Римской Империи при господстве культа двенадцати главных богов (*deiî consenses*) существовали пережитки тотемной эпохи. Родовые и местные гении представлялись в виде змей, Пикус, первый царь Лациума, отождествлялся с дятлом, волчица по преданию выкормила своим молоком Ромула и Рема, основателей Рима. Но все же все эти священные животные мыслились уже не сами по себе, а как перевоплощение или превращение антропоморфных богов. Тем более, на этой стадии развития уже не было каких-либо племенных групп, которые вели бы свое происхождение от какого-либо животного и непосредственно ему поклонялись. Греческие «мирмидоны» сохранялись только в легенде. Но именно это мы и видим у той части башкир, которые, по словам Ибн-Фадлана, жили небольшими группами, связанными общим культом животных – змей, рыб и журавлей. Это явление для ранней родовой стадии так типично, так много раз было описано в этнографической литературе, что о его характере не может быть никакого сомнения. Перед нами здесь драгоценнейшее свидетельство наличия этих культов, а значит и тотемных групп в Приуралье. То, что объектами поклонения являлись рыбы и журавли, указывает на то, что они возникли на базе рыболовства и охоты. Археологические данные Приуралья этой эпохи также подтверждают распространение этого рода животных культов.

Однако в эпоху Ибн-Фадлана эти культы и породивший их общественный строй уже клонились к упадку. В первоначальном своем виде такого рода тотемные верования связаны с убеждением, что данная группа физически связана с соответствующим видом жи-

вотного, является его ближайшим родственником, непосредственно от него происходит. В процессе дальнейшего развития это представление о происхождении от животного постепенно отпадает, но прежние культы продолжает существовать. Образовавшееся противоречие стараются оправдать искусственными теориями. Бог – родоначальник, предок рода, сам по себе уже антропоморфен, но временно принимает образ животного. Порода тотемных животных уже не является прямыми родственниками данной группы людей, но они или являются превращенными людьми, или оказали какую-либо услугу людям, чем и заслужили их уважение. Таковы были известные гуси в храме Юноны на Капитолии.

Именно последнее объяснение приведено у Ибн-Фадлана. Возможно, что группа башкир, поклонников журавлей, все же верила в их божественность и может быть сохраняла убеждение, что журавли были их предками. Но верование это, по-видимому, уже не соответствовало уровню их развития и тем более уровню развития соседних народов. Поэтому они создали «историческое», более «рациональное» объяснение своего культа. В рассказе Ибн-Фадлана заметно ироническое отношение к этому объяснению, как и к самим поклонникам журавлей. Возможно, что эта ирония имела уже в словах его собеседника или переводчика.

Несомненным, однако, остается то, что такого рода тотемные племенные группы существовали в то время в стране башкир. Это не были башкиры, которые верхом на лошадях совершали смелые грабительские набеги за сотни километров. Этим башкир не могли бы испугать крики журавлей. Это не были также кочевники-скотоводы. Поклонники рыб и журавлей занимались мелкой охотой и рыбоводством и, вероятно, примитивным земледелием. Словом, это было старое местное население, тот «угорский» элемент, составивший основной слой башкирского народа, который тогда еще сохранял свой прежний «угорский» язык. Он сохранял этот язык еще долго после того, когда венгерские монахи были поражены его сходством с их родным языком.

Иное дело – поклонники двенадцати богов. Перед нами развитой политеизм родового строя, в котором уже далеко зашло классовое расслоение, образовалась родовая знать во главе с племенным вождем. Понятие о богах уже не связано непосредственно с производственным процессом. Божества мыслятся антропоморф-

но, причем в качестве управляющих отдельными областями природы, стихиями и явлениями. Среди них есть, однако, одно божество, наличие которого объясняет многое, – господь лошадей. Боги – покровители других животных, птиц, рыб и т. д. не упомянуты. Нет даже богов хозяйственных животных – рогатого скота или овец. Вероятно, они были, но они не были введены в этот пантеон высших богов. Такое исключительное предпочтение лошади указывает на то, что здесь имелась в виду не рабочая земледельческая лошадь, а боевой конь кочевника. Правда, Ибн-Фадлан этого не подчеркивает, употребляя здесь слово *لذواب* (203а, 16), которым он во всем своем сочинении обозначает лошадей вообще. Но это не меняет дела. Лошадь в то время у этих народов играла главным образом такую роль. Эти двенадцать или, вернее, тринадцать богов были богами башкир-кочевников, главным образом – участников далеких конных набегов. Для этих набегов нужны были и боги дня и ночи, дождя и ветра, бог воды на случай переправ, наконец, бог неба, который руководил совокупностью всех этих факторов. Еще шаг к укреплению понятия о центральной власти, и бог неба превратился бы в мусульманского Аллаха, а остальные боги потеряли бы свое самостоятельное значение. Вместе с тем этот пантеон богов имел и всенародное значение. Боги земли, воды, ветра, дождя и т. д. важны и для благополучия и умножения стад, и для охоты, и для земледелия.

Однако в то время культ этих двенадцати богов у башкир отнюдь не был всеобщим. Ибн-Фадлан сам говорит, что это был лишь культ части населения – «кое-кого». Из существа дела ясно, что он относился к господствующему классу или, вернее, к господствующему племени, которое в отношении своего общественного развития стояло выше поклонников рыб и журавлей. Именно с этими людьми Ибн-Фадлан и посольство халифа больше всего и имели дело. Набегов этих башкир они остерегались при переправах, этих же башкир Ибн-Фадлан имеет в виду, когда говорит, что «это худшие из тюрок, самые грязные из них и более других посягающие на убийство». Как пример их грязи он приводит случай с башкиром, который ел вшей. Башкир этот служил при посольстве и, безусловно, не принадлежал к башкирам – поклонникам журавлей.

Это были те башкиры, которые говорили на тюркском языке и, очевидно, принадлежали к числу кочевников-завоевателей. Даль-

нейшее формирование башкирского народа состояло в слиянии этих двух элементов. Уже Ибн-Фадлан говорит о башкирах как об одном народе. По-видимому, это название в то время уже применялось ко всему населению данной территории, хотя местные племенные группы, вероятно, еще сохраняли свои особые названия. Распространялось ли на них название «угры», трудно сказать. Название «югра» русских летописей и восточных писателей в X–XI веках относится к более северным и зауральским народам. Если оно прежде и применялось к населению Башкирии, то к тому времени общее название «башкиры», по-видимому, его уже вытеснило.

Между тем, ал-Андалуси ал-Гарнати в XII веке еще отождествлял не только народы башкир и мадьяр, но и применял к ним одно и то же название. Но если «башгарт» и «магйар» – одно и то же слово, то «мадьяр» должно было в прошлом означать господствующий тюркский слой. Иначе говоря, как это ни странно для настоящего времени, «венгры (угры)» это была основная часть народа, а «мадьяры» – кочевая знать тюркского происхождения. В Башкирии то же самое: местные племена – поклонники рыб и журавлей, с одной стороны, и «башгарт» – башкиры, давшие имя всему народу.

Чем же все таки объяснить, почему масса башкирского народа, сидя на месте, утратила свой прежний местный язык и целиком приняла кыпчак-тюркский диалект, в то время как венгры, совершив огромные переселения на Северный Кавказ, а оттуда на берега Дуная, сохранили свой угорский язык, который приняла и тюркская часть их народа. Объясняется это тем, что венгры уже сравнительно рано перешли через Карпаты и изолировались от моря тюркских кочевников. На новом месте, среди совершенно чуждых им по языку славянских народов, они сохранили свой общенародный венгерский язык. В IX веке часть знати, по-видимому, еще говорила по-тюркски. Поэтому у византийцев и у западных славян венгры в то время иногда причислялись к тюркам. Но потом тюркская знать стала тоже говорить по-венгерски, дав всему народу общее название «мадьяры». В степях Приуралья было иначе. Местное население частично говорило «по-венгерски» до самого татарского нашествия. Но прилив все новых и новых тюркских кочевников окончательно утвердил здесь господство тюрко-кыпчакского

языка. Впрочем, так было не только у башкир, но и у соседних болгар, которые приняли кипчакский язык и образовали татарский народ.

Эта картина формирования башкирского народа, мне кажется, имеет большое значение и для истории чувашского народа.

Уже более или менее установлено, что местное население правого берега Среднего Поволжья принадлежало к племенам, говорившим на финском языке. Завоевание Среднего Поволжья булгарами и образование болгарского государства привело к вытеснению местного языка, или языков, и распространению болгарского. Одно из племен на левом берегу Волги, в районе реки Утки, не принадлежавшее к булгарам, но говорившее на диалекте болгарского языка, постепенно переселилось на правый берег и, слившись с местным населением, передало ему и свой язык, и народное название «суваз», превратившееся в дальнейшем в «чаваш» – «чуваш».

Таким образом, пути формирования обоих народов, башкир и чуваш, аналогичны.

II

Статьи и публикации

В. С. Аксёнов

ПУГОВИЦЫ ИЗ РАКОВИНЫ МОЛЛЮСКОВ У АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВ-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца)

В катакомбных захоронениях аланского населения салтово-маяцкой культуры достаточно часто встречаются так называемые пряжки-пуговицы из раковины моллюсков. При этом, согласно материалам дореволюционных раскопок, катакомбный могильник у с. Верхний Салтов образует вместе с Ютановским катакомбным могильником один кластер, для которого характерен самый низкий процент пуговиц или вообще отсутствие пуговиц, сделанных из раковины [Афанасьев, 1993, с. 90, табл. 39]. На других катакомбных могильниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры количество найденных пуговиц, изготовленных из раковины, колеблется от 6 (катакомбы Маяцкое селище) до 13 (Дмитриевский и Нижнелубянский могильники) [Афанасьев, 1993, с. 91, табл. 39; Плетнёва, 1989, рис. 56]. Однако исследования последних лет катакомбных захоронений у с. Верхний Салтов экспедицией Харьковского исторического музея показали, что данное заключение далеко от истины. Так, диски из раковин моллюсков были найдены: в 6 катакомбах из 22 исследованных на Старо-Салтовском могильнике [Аксёнов, 1999, рис. 3, 28; рис. 4, 7, 21; рис. 5, 6, 19, 20; рис. 6, 52]; в 2 из 18 погребальных комплексов Рубежанского могильника [Аксёнов,

2001, рис. 4, 29: рис. 6, 46, 47]; в 22 из 76 катакомб Верхне-Салтовского-I могильника; в 19 из 109 катакомб Верхне-Салтовского-IV могильника; в 4 из 25 катакомб Верхне-Салтовского-III могильника. Таким образом, в коллекции Харьковского исторического музея на сегодня хранится 91 диск из раковины, которые происходят из 53 катакомбных захоронений выше названных могильников (табл.).

Таблица

*Инвентарь погребений катакомбных захоронений
Верхне-Салтовского археологического комплекса с дисками из раковины*

№ кат./погр. (могильник)	Воз- раст	Д и с к	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
№ 2/3 (BCM-I)	3-5	3	■						■	■				■											
№ 16/3 (BCM-I)	5-7	1	■			■		■	■		■		■	■											
№ 17/2 (CCM)	3-4	1	■			■		■	■					■											
№ 68/4 (BCM-I)	3-4	1	■							■															
№ 3/1 (CCM)	5-7	2		■		■	■	■	■	■	■	■	1		■	■									
№ 78/1 (BCM-IV)	2-3	1		■			■	■			■	1													
№ 99/2 (BCM-IV)	4-6	1		■		■			■	■	■	5						■	■		■	■	■	■	
№ 5/1 (PM)	3-4	3			■	■							1		■										
№ 5/3 (PM)	2-3	1			■	■		■	■	■															
№ 24/4 (BCM-I)	подр. 1	■				■	■								■	■									
№ 37 (BCM-I)	подр. 2	■				■		■			■							■				■	■	■	
№ 73/3 (BCM-I)	подр. 1	■																				■			
№ 50/2 (BCM-I)	подр. 1			■	■	■	■				■			■			■	■		■					
№ 74/3 (BCM-I)	подр. 2		■							■		2		■	■	■		■							
№ 8 (CCM)	подр. 2	■	■			■	■	■	■	■	■	1											■		
№ 30/1 (BCM-I)	подр. 3																								
№ 14/2 (CCM)	подр. 2		■			■	■	■	■	■	■	2			■								■		
№ 10/2 (BCM-I)	взр. 1	■				■			■					■	■										
№ 9/1 (BCM-III)	взр. 1	■				■	■					1													
№ 72/3 (BCM-I)	взр. 1	■							■					■		■			■						
№ 70 (BCM-I)	взр. 3	■	■			■			■	■	■			■		■		■						■	
№ 12 (BCM-III)	взр. 2					■								■								■		■	
№ 16 (PM)	взр. 2	■	■			■	■		■	■	■	2			■					■					
№ 18/2 (CCM)	взр. 1	■				■			■	■	■	2										■	■	■	
№ 46/3 (BCM-I)	взр. 1	■				■				■	■	1			■										
№ 31/1 (BCM-IV)	взр. 1	■				■			■	■	■				■					■		■			
№ 43/2 (BCM-IV)	взр. 3	■				■			■			2			■										
№ 44/2 (BCM-IV)	взр. 1	■				■	■					1			■										
№ 52 (BCM-IV)	взр. 2	■				■			■	■	■			■	■										
№ 93/2 (BCM-IV)	взр. 1	■				■	■		■	■	■			■	■	■						■			

№ кат./погр. (могильник)	Воз- раст	Ди- ск	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
№ 96/1 (BCM-IV)	взр.	1	■			■	■			■	■	■	1		■	■				■			■		
№ 117/2 (BCM-IV)	взр.	1	■	■		■	■			■	■	■							■				■		
№ 119/2 (BCM-IV)	взр.	2	■		■	■	■			■	■	10		■	■	■		■			■		■		■
№ 2/2 (ССМ)	взр.	1	■		■	■	■					2			■	■									■
№ 111/2 (BCM-IV)	взр.	3	■		■	■	■					2			■	■					■				
№ 115/2 (BCM-IV)	взр.	3	■	■		■	■			■	■			■				■			■				
№ 38/1 (BCM-I)	взр.	3		■	■					■		4				■				■					■
№ 59/1 (BCM-I)	взр.	3	■	■					■		■			■	■			■			■				
№ 59/2 (BCM-I)	взр.	1	■		■	■						1					■					■			
№ 11/1 (BCM-III)	взр.	1	■	■	■	■						1		■	■			■				■			
№ 11/2 (BCM-I)	взр.	2	■	■	■	■			■		4				■	■				■		■			■
№ 31/2 (BCM-I)	взр.	3	■	■	■	■			■	■					■	■						■	■		
№ 43/1 (BCM-I)	взр.	1	■	■							■			■	■							■	■		■
№ 66/2 (BCM-I)	взр.	1	■	■					■			1		■	■			■				■	■		■
№ 68/3 (BCM-I)	взр.	1	■		■				■			3	■		■		■				■		■		■
№ 72/2 (BCM-I)	взр.	1	■	■										■											
№ 75 (BCM-I)	взр.	1	■	■																					■
№ 19/2 (BCM-III)	взр.	1	■	■	■				■					■		■						■	■		■
№ 53/1 (BCM-IV)	взр.	1	■	■	■										■										
№ 55/3 (BCM-IV)	взр.	1	■	■	■				■			1				■									
№ 76/2 (BCM-IV)	взр.	1	■	■	■				■	■	■		■	■	■			■					■		
№ 113/2 (BCM-IV)	взр.	2	■	■	■										■										
№ 114/2 (BCM-IV)	взр.	2	■	■	■				■	■		2													

1 – диск у головы; 2 – диск на груди; 3 – диск на поясе; 4 – бусы; 5 – серьги; 6 – бляшки-нашивки/монеты-нашивки; 7 – бубенчики (штампованные, литые); 8 – пуговицы бронзовые (штампованные, литые); 9 – пронизи бронзовые; 10 – амулеты разных типов; 11 – астрагал; 12 – браслет; 13 – перстень/кольцо; 14 – копоушка; 15 – туалетная кисточка; 16 – туалетная коробочка (реликварий); 17 – ворворка; 18 – «рогатая» пряжка; 19 – подвеска-печатка; 20 – элементы поясной гарнитуры; 21 – нож; 22 – фибула; 23 – зеркало.

Представленные в захоронениях Верхне-Салтовского, Старо-Салтовского и Рубежанского могильников пуговицы из раковины имеют форму круга или овала, в центре которого расположено небольшое отверстие круглой формы диаметром 0,5–1,0 см (рис. 1). Диаметр дисков колеблется от 2,2 см (рис. 1, 1) до 6–7 см (рис. 1, 9, 10). При этом диски небольших размеров зачастую почти плоские, тогда как крупные диски – выпукло-вогнутые. Пуговицы диаметром 2,2–2,7 см чаще всего перламутрового цвета, так как материалом для них служили створки раковин пресноводных моллюсков – перловиц (лат. *Unio*). Вероятно, они изготавливались мастерами из

местного сырья. Диски диаметром от 3,0 до 7,0 см имеют молочно-белый цвет, часть их поверхности покрыта светло-коричневым налетом. Данные диски изготавливались из створок крупных морских моллюсков, что свидетельствует об их привозном характере.

Отдельные экземпляры пуговиц имеют еще одно дополнительное отверстие меньшего размера, расположенное между центральным отверстием и краем диска (рис. 1, 5, 6). В двух случаях (кат. № 50, 59 ВСМ-I) в меньшее по диаметру отверстие диска была вставлена бронзовая проволочная петелька для подвешивания к ней каких-то предметов (рис. 1, 6). Два диска (кат. № 96, 118 ВСМ-IV) носят следы ремонта, указывающие на то, что ими дорожили (рис. 1, 7, 8). Данные треснувшие пуговицы были дополнительно усилены спаренными бронзовыми пластинками, скрепленными между собой с помощью бронзовых заклепок. Следы более примитивного ремонта имеет пуговица из катакомбы № 36 Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989, рис. 56].

Размер, оформление и особенно материал, из которого изготовлены рассматриваемые диски, свидетельствуют, что они вряд ли могли иметь назначение пуговиц в современном понимании этого слова. Створки раковин достаточно хрупкие. Поэтому можно предположить, что в костюме аланского населения Подонцовья им отводилась другая роль. Материалы из аланских некрополей Северного Кавказа X–XIII вв. свидетельствуют, что диски из раковин входили в состав нагрудных ожерелий, соседствуя в них с целым рядом амулетов [Доде, 2001, с. 28, рис. 22, 4]. На то, что таким же образом могли использоваться диски из раковин населением Верхнего Салтова, указывают следы от шнурка на пуговице из кат. № 44 ВСМ-I (рис. 1, 4). Возможно также, что диски из раковины вдевались в петельки из тесьмы, к которым в свою очередь подвешивались бусы и амулеты, как это было зафиксировано на женском платье VIII–IX вв. из Мощевой Балки [Иерусалимская, 1992, с. 18, № 22, сх. 6]. Но и в этом случае они имели назначение своеобразных украшений–амулетов, а не пуговиц. Использование раковин в качестве амулетов «или особняком, или, чаще всего, в соединении с бусами, камнями и другими мелкими предметами, нанизанными на нитку в виде ожерелья, или нашиваемыми на материю», отмечено у многих народов Северного Кавказа [Чурсин, 1929, с. 22]. Перламутровые просверленные в центре кружки у северокавказских народов еще в начале XX в. были связаны с апотропической и лечебной магией [Чурсин,

1929, с. 23; Лавров, 1959, с. 109, 130]. Перламутру (матери жемчуга) многие народы приписывали свойство приносить здоровье, а значит и долголетие, богатство и счастье, привлекать удачу.

На то, что найденные в салтовских захоронениях диски из раковин служили амулетами-оберегами, указывает их форма, цвет, материал, из которого они изготовлены. Так, форма дисков указывает на их связь с солярным культом [Голан, 1993, с. 27, рис. 47, 4]. Белый/перламутровый цвет данных изделий также не случаен. Если желтый цвет у многих народов мира отождествлялся с солнцем, то белый/перламутровый цвет был символом луны. Диск из раковины моллюска в семантическом плане следует рассматривать как символ богини, связанной с луной, ибо, как считалось у многих народов, перламутр содержит частицу лунного света [Тохтабаева, 1991, с. 92]. На почитание луны народами Северного Кавказа указывает культ богини Мерем, существовавший еще в XIX в. [Лавров, 1959, с. 201]. Подобные круги и кольца белого цвета, но вырезанные из рыбьей кожи или бересты, у некоторых народов Сибири являлись символом солнца/луны – богини плодородия и подвешивались над колыбелью ребенка, если ребенок проявлял беспокойство ночью/днем, а со временем включались в состав комплексных амулетов (связок) детей [Иванов, 1977, с. 85]. У народов Северного Кавказа существовал аналогичный обычай: к колыбели ребенка от дурного глаза подвешивали крупную морскую раковину, известную под названием «алискури», т.е. ухо русалки [Чурсин, 1929, с. 23]. Материал дисков – створки раковин пресноводных и морских моллюсков – свидетельствует и об их связи с водной стихией. У осетин мифологическим персонажем, в котором сочетаются солярная и водная стихии, является Дзерасса [Калоев, 1997, с. 375]. Дзерассу, дочь владыки водного царства Донбеттыра (связь с водной стихией), характеризует эпитет «сияющая, подобная солнцу и луне» [Калоев, 1997, с. 375]. Ее образ в текстах сказаний описывается так: «...волнами падают на пол ее золотые волосы. Солнце смеется на ее лице, луны блестят на ее груди» [Сказания о нартах, 1981, с. 33]. Связь Дзерассы с близнецами Ахсаром и Ахсартагом (старшим поколением нартов), рождение ею сыновей-близнецов Урызмага и Хамыца в контексте общемирового близнецного культа позволяют видеть в ней образ матери/прародительницы всего живого (Великой Богини). Об этом свидетельствует и то, что через год после своей смерти Дзерасса родила от Уастырджы (небожителя, по-

кровителя мужчин, путников, воинов) Шатану (мать и хозяйку всего племени нарттов), жеребенка Арфана («старшего из коней») и щенка Силама («старшего из собак») [Калоев, 1997, с. 375; Сказания о нартах, 1981, с. 42–43]. Этот женский образ вводит нас в круг изначальных теогонических, антропогонических и этногонических мифов осетин [Абаев, 1981, с. 6].

Прорезанное в середине дисков круглое отверстие также несет глубокий семантический смысл. Значение дыр как символа «женского плодоносящего начала» считается вполне очевидным [Успенский, 1982, с. 51]. Использование самых разнообразных предметов с отверстиями в магических целях при родах, в обрядах ритуального «перерождения», совершавшихся над больными, слабыми, новорожденными детьми зафиксировано у многих народов и связывается исследователями с прониимальной магией [Щепанская, 1999, с. 149–190]. Вся прониимальная символика при этом связана с символикой женского сообщества и с родами/материнством [Щепанская, 1999, с. 152]. Раковина является одним из устойчивых женских символов (раковина, в которой живет слизняк, называется «матица» – т.е. мать [Даль, 1995, с. 308]). У многих народов раковина символизирует женское начало, идею плодородия и одновременно осмысливается как образ покровительницы деторождения и детей [Тохтабаева, 1991, с. 94; Щепанская, 1999, с. 172].

Таким образом, диски из раковин с круглым отверстием посередине из аланских катакомбных захоронений салтово-маяцкой культуры в контексте всего вышесказанного следует рассматривать в качестве символа Великой богини (подательницы жизни), прародительницы всего живого.

В этом случае интересно местонахождение дисков из раковин в захоронениях Верхне-Салтовского, Старо-Салтовского и Рубежанского катакомбных могильников (табл.). Материалы раскопок свидетельствуют, что диски встречаются в погребениях детей обоего пола, девочек-подростков и молодых женщин детородного возраста. Для захоронений взрослых мужчин и пожилых женщин такие изделия не характерны. При костяке человека обычно находятся 1–2 диска, лишь в редких случаях их количество достигает трех (кат. № 30 ВСМ-I, № 111 ВСМ-IV) (табл.). Диски из раковин располагались в районе головы, грудной клетки (шея, плечи) и пояса погребенных людей, т.е. в районе верхней части тела человека – в местах, связанных, собственно, и с жизнью (голова, грудь), и с детородной функцией людей (пояс).

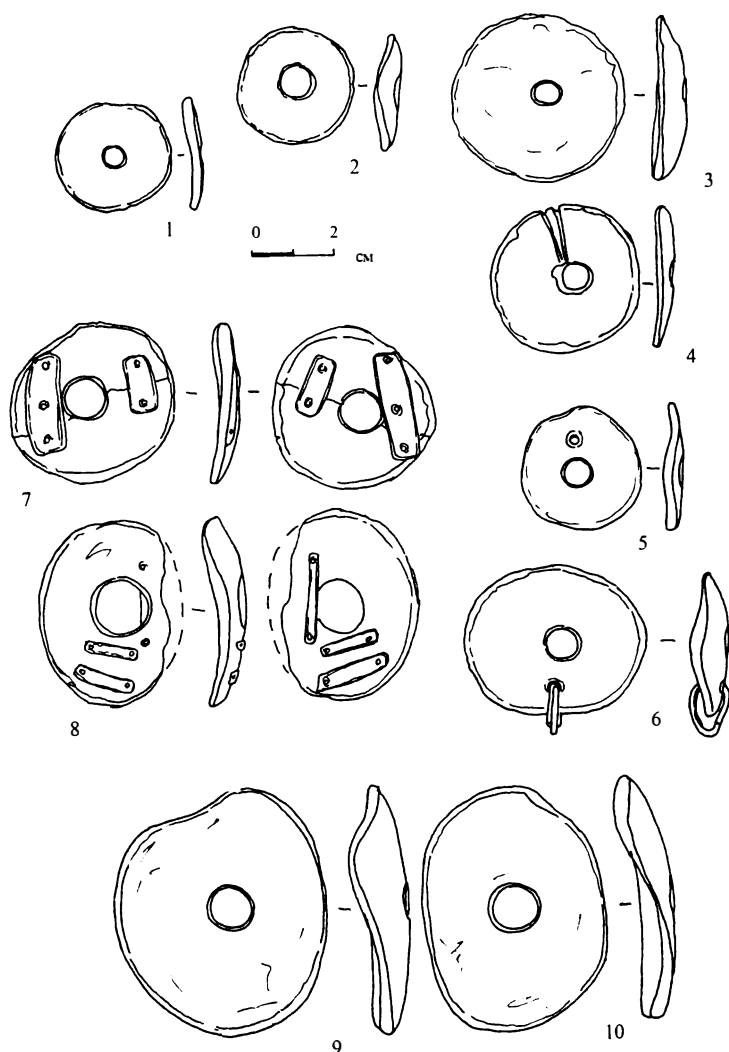


Рис. 1.

Диски из раковин моллюсков:

1 – кат. № 5 Рубежанского могильника; 2, 3 – кат. № 113 ВСМ-IV; 4 – кат. № 44 ВСМ-IV; 5 – кат. № 15 Рубежанского могильника; 6 – кат. № 50 ВСМ-I; 7 – кат. № 118 ВСМ-IV; 8 – кат. № 96 ВСМ-IV; 9, 10 – кат. № 119 ВСМ-IV

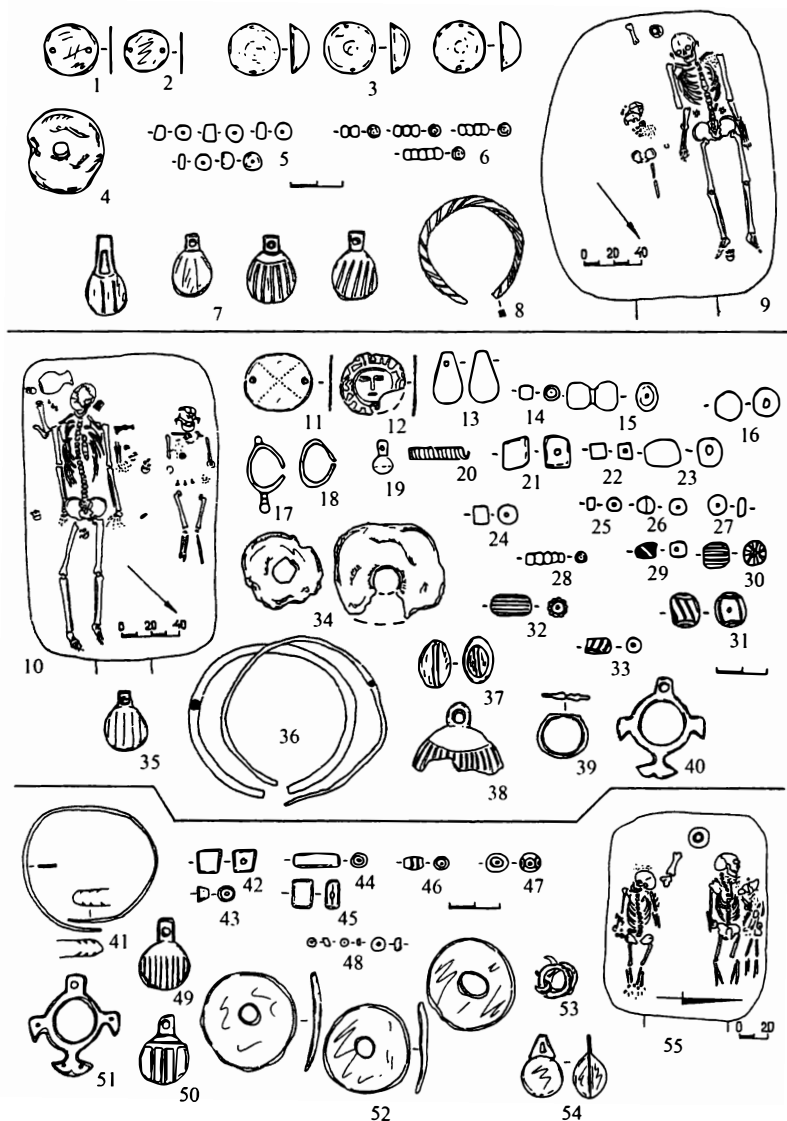


Рис. 2.

Захоронения детей с дисками из раковин моллюсков: 1–9 – кат. № 17 (погр. № 2) Старо-Салтовского могильника; 10–40 – кат. № 3 (погр. № 1) Старо-Салтовского могильника; 41–55 – кат. № 5 (погр. № 1) Рубежанского могильника

Нахождение дисков из раковин возле черепа погребенных людей (рис. 2: 4, 9; рис. 3: 1, 8) указывает на то, что они могли быть пришиты к головному убору. По этнографическим данным, у народов Северного Кавказа морские ракушки, пришитые к головному платку или шапочке [Студенецкая, 1989, с. 59], должны были оберегать ребенка от сглаза [Чурсин, 1929, с. 23]. Нашивки из перламутровых пуговиц на головных уборах встречаются у многих народов [Снесарев, 1969, с. 38; Широкова, 2002, с. 85]. Нашитые на головной убор диски белого/перламутрового цвета отвлекали взгляд чужого человека от ребенка и в тоже время отдавали его под покровительство Великой Богини, символом которой они являлись. В этом случае они вполне сопоставимы по своему семантическому значению с круглыми бронзовыми бляшкам, нашитыми на налобные ленты аланских девочек, уже прошедших обряд инициации, но еще не достигших брачного возраста [Иерусалимская, 1992, с. 7, 62, фото 4]. Связь этих бронзовых бляшек-нашивок с культом солнца/луны подтверждается присутствием на некоторых экземплярах солярных символов – косо́го креста, креста в круге [Аксёнов, 1999, рис. 5, 31; Аксёнов, 2001, рис. 6, 13, 14]. В этом плане показательно, что некоторые диски из раковин, найденные в северокавказских погребениях VIII–IX вв., также украшены солярным орнаментом в виде лучей, отходящих от центрального отверстия (кат. № 18 Тарского могильника), или же орнаментированы дополнительными окружностями вокруг центрального отверстия (кат. № 27 Тарского могильника) [Кантемиров, Дзаттиаты, 1995, табл. XX, 18, 19; XXXIV, 3, 4].

Диски, найденные на уровне пояса погребенных людей (рис. 2: 52, 55; рис. 3: 9, 24, 25), вполне могли быть вплетены в косы или входить в состав накосных украшений. Данный тип украшений, по данным этнографии, в основном характерен для убора девочек и молодых девушек, еще не вступивших в брак. Украшения в виде диска с отверстием посередине у тувинцев и теленгитов вплетались в накосные украшения девочек с 5–6-летнего возраста [Дьяконова, 1988, с. 169]. У тюркских народов Сибири молодые девушки на 3–5 кос привязывали накосное украшение («тана поос», «чач пууш»), в состав которого входили от 3 до 9 перламутровых блях/пуговиц «тана» [Бутанаяев, 2006, с. 568; Клюева, Михайлова, 1988, рис. 9а, 123]. В день свадьбы алтайцы к одному из шнуров накосных украшений невесты привязывали кружок 1,5–3 см в диаметре из *кости, рога, перламутра, фаянса* с отверстием внутри (украшение «тана»),

входивший в состав украшения «чач пууш». После свадьбы само украшение «чач пууш» уже не носили, а пуговица «тана» подвешивалась к соединенным вместе косам [Потапов, 1951, с. 44; Ключева, Михайлова, 1988, с. 120]. У киргизов наряду с таким украшением плечевой одежды, как круглые перламутровые пластины «тана», существовала полная ей аналогия в металле – брошь «тооноч», представляющая собой круглую серебряную пластину небольших размеров с вырезанным в середине круглым отверстием [Борозна, 1974, с. 43]. У девочек же наиболее распространенным накосным украшением были ракушки каури (народы Амура, хакасы, тувинцы, народы Средней Азии и др.) [Борозна, 1975, с. 288; Ключева, Михайлова, 1988, с. 115, 118, 120, рис. 96, 10а, 106, 11]. Раковины в качестве амулета, оберегающего от сглаза, известны у многих народов [Столба, 2009, с. 118; Чурсин, 1929, с. 22].

По этнографическим материалам, роль вплетенных в косы раковин сводится к продуцирующей функции.

Диски из раковин, найденные в районе шеи и грудной клетки, могли входить в состав как нагрудных украшений (рис. 2: 10, 34; рис. 3: 43, 50; рис. 4: 1, 2), так и просто пришиваться к верхней одежде. В этом случае они играли роль оберега, осуществляя магическую защиту такого важного органа девушки и молодой женщины, как грудь. Аналог такого нагрудного охранительного украшения, в состав которого входило от 3 до 5 перламутровых пуговиц, известен у хакасов под названием «пого» [Тудоякова, рис. 5]. Назначение *лого* связано с важным событием в жизни человека – вступлением в брак, созданием семьи. Надевали его замужние, семейные, многодетные женщины поверх праздничной (свадебной) одежды. Обычно *лого* делала мать еще до замужества дочери. Данное украшение у народов Сибири имеет глубокие корни (аналоги его встречаются уже в комплексах раннего железного века). В XX в. у хакасов произошла трансформация данного нагрудного украшения – по праздникам молодые женщины надевали распашной кафтан, на лацканы которого нашивались перламутровые пуговицы («тана») или раковины каури, а под лацканом на левом борту у застежки нашивались 3, 6, 9 (по 3 в 3 ряда) перламутровые пуговицы «тана» [Бутанаяев, 2006, с. 565; Фёдорова, 2006, с. 153, рис. 23]. Вероятно, подобный вид нагрудных украшений мог существовать и у раннесредневековых алан в бассейне Северского Донца и Северного Кавказа, так как в одежде женщин XVIII–XIX вв. у адыгов, осетин и чеченцев были зафиксированы

круглые серебряные бляхи с простым орнаментом, нашивавшиеся попарно около воротника рубахи или около плеча [Студенецкая, 1989, с. 201, рис. 39а], т.е. в тех местах, где нами были зафиксированы пряжки из раковин моллюсков в кат. № 119 Верхне-Салтовского IV могильника (рис. 1: 9, 10). Как тут не вспомнить описание Дзерассы в осетинском эпосе: «Солнце смеется на ее лице, луны блещут на ее груди» [Сказания о нартах, 1981, с. 33]. Именно это мы и видим в захоронении молодой женщины 22–25 лет из катакомбы № 119 (рис. 4: 2). То, что подобные нагрудные украшения-обереги были широко распространены в раннем средневековье у разных народов Евразии, подтверждается наборами женских ожерелий с умбонovidными бляхами у народов Крыма, в пеньковских древностях V–VII вв. [Айбабин, 1999, рис. 69; Гаверитухин, Обломский, 1996, рис. 57, 59, 9]. В более позднее время, например, у таджиков получили распространение украшение «рохти мугра», состоящее из нескольких нитей одноцветного бисера через определенные промежутки, перехваченные 2–3 белыми плоскими круглыми пуговицами или бусинами «садаф» (перламутровые раковины) [Чвырь, 1977, с. 29, рис. 12; 17, 2; табл. 7, 24]. Приблизительно так же были расположены три диска из раковин на теле погребенной женщины из кат. № 111 Верхне-Салтовского IV могильника (рис. 4: 1). Здесь мы имеем дело с явлениями одного порядка. Таким образом, диски из раковин, найденные на груди захоронений аланского населения салтово-маяцкой культуры, по-видимому, входили в состав нагрудных украшений девушек-невест и молодых женщин, находящихся в периоде активного осуществления ими репродуктивных функций.

В ряде случаев диски из раковины размещались в районе пояса в комплекте с амулетами, туалетной коробочкой, копоушкой, туалетной кисточкой, ножом и т.п. (кат. № 11, 38, 43, 50 ВСМ-I) (табл.). Вероятно, диск из раковины мог быть просто подвешен на шнуре к поясу или украшать сумочку, в которой находились туалетные принадлежности. В данном случае диск из раковины – символ Великой Богини – на поясе женщины вполне мог выступать зрительным маркером принадлежности ее к группе замужних женщин, имеющих детей. Таким маркером у некоторых народов, как свидетельствуют данные этнографии, являлись подвешенные к поясу мешочки с зашитыми в них пуповинами детей, по количеству и форме которых можно было определить не только число детей у данной женщины, но и их пол [Каруновская, 1927, с. 25, рис. 2; Потапов, 1951, с. 43, рис. 36, 37].

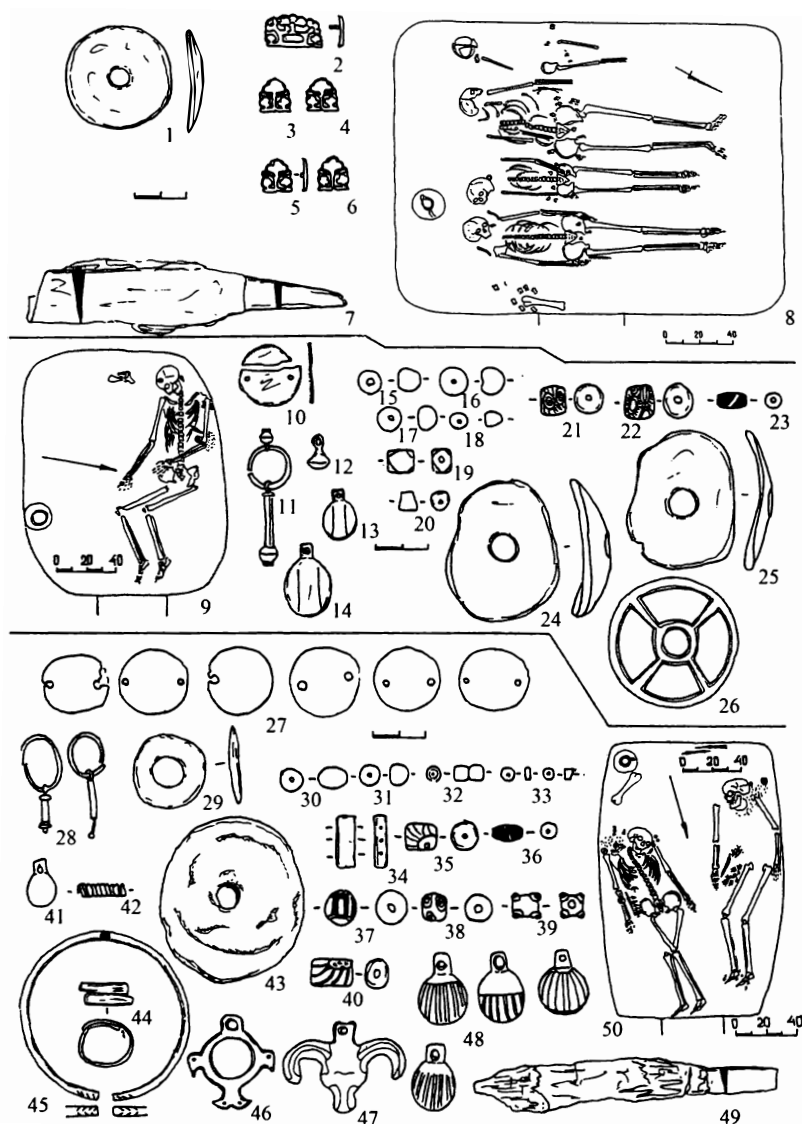


Рис. 3.

Захоронения подростков с дисками из раковин моллюсков: 1-8 – кат. № 73 (погр. № 3) ВСМ-I; 9-26 – кат. № 8 Старо-Салтовского могильника; 27-50 – кат. № 14 (погр. № 2) Старо-Салтовского могильника

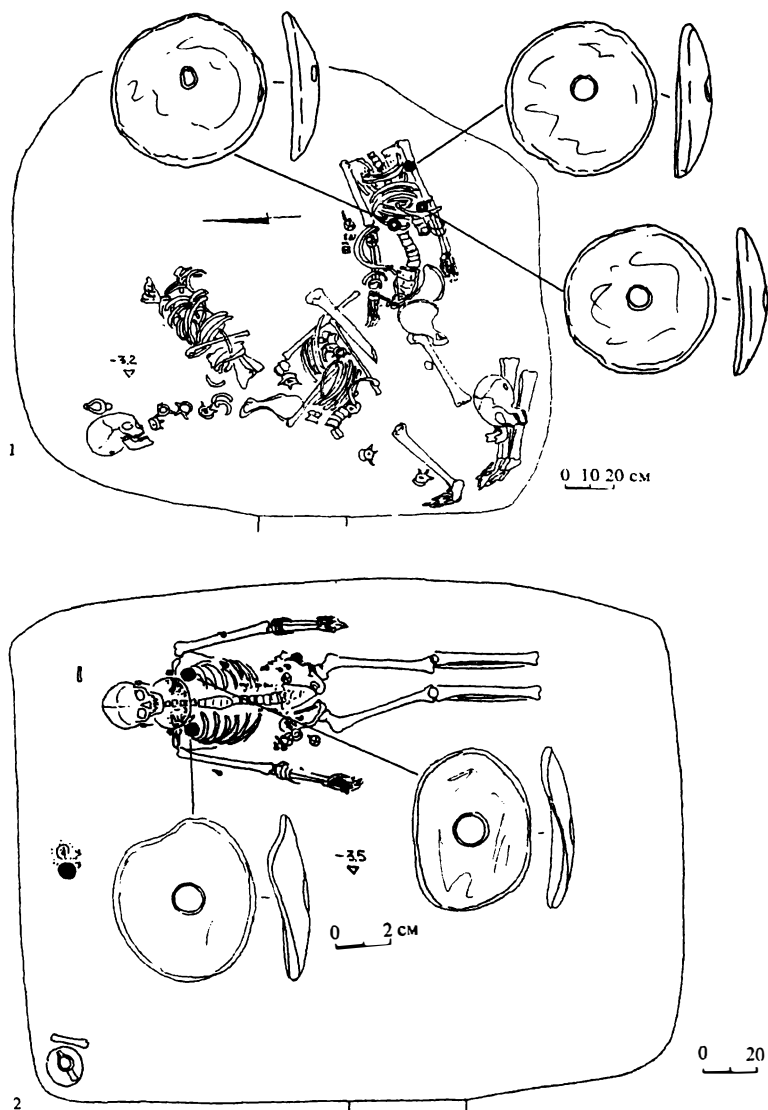


Рис. 4.

Захоронения молодых женщин с дисками из раковин моллюсков:
 1 – кат. № 111 (погр. № 2) ВСМ-IV; 2 – кат. № 119 (погр. № 2) ВСМ-IV

Рассмотренные материалы показывают, что диски из раковин у алан Подонцовья следует, по-видимому, рассматривать в качестве символа Великой Богини, подательницы жизни, прародительницы всего живого. В таком случае присутствие дисков в аланских катакомбных погребениях детей обоего пола, девочек-подростков, молодых женщин детородного возраста вполне объяснимо, ибо именно эта группа населения наиболее нуждалась в защите богини плодородия и подательницы жизни. Предположительно, то, что эти диски находились как амулеты на головных уборах, в составе украшений кос, в комплекте нагрудных украшений может рассматриваться в качестве зрительного маркера возраста индивида и его социального положения в обществе (дети, девочки-подростки, девушки-невесты и женщины репродуктивного возраста). Не исключено и применение данных дисков аланами в обрядах проницательной магии, целью которых было лечение от сглаза, испуга и т.п., а также обречение людьми определенных положительных качеств (силы, ловкости, здоровья, ума), как это имело место у других народов (славян, народов Сибири и Средней Азии) [Щепанская, 1999, с. 163–168; Иванов, 1977, с. 88]. Мода на данные амулеты распространилась у алан Северного Кавказа в VIII–IX вв. [Албегова, 2001, с. 89, рис. 4, 18–20] и потом уже была принесена переселенцами в бассейн Северского Донца. В салтово-маяцких древностях, как свидетельствуют материалы Верхне-Салтовского, Старо-Салтовского и Рубжанского катакомбных могильников, амулеты в виде дисков из раковин характерны для комплексов второй половины VIII – IX в. При этом амулеты в виде дисков из раковин моллюсков в большей степени являлись неотъемлемой частью костюма девушек, достигших брачного возраста, и женщин-матерей, ассоциируясь со статусом взрослой женщины. Присутствие дисков из раковин в костюме детей предполагало, по-видимому, обращение к защитной силе материнства и распространение на них магических сил Великой Богини.

Небольшое количество найденных дисков из раковин по сравнению с количеством исследованных женских захоронений на упомянутых могильниках бассейна Северского Донца объясняется, по-видимому, тем, что данные предметы как символы материнства и амулеты, способствующие деторождению, могли передаваться от матерей дочерям при достижении ими определенного возраста или при вступлении в брак, а также от женщин, имеющих

много детей, – бездетным молодым женщинам. Подобные действия отмечены учеными-этнографами у самых разных народов мира.

Литература

- Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Сказания о нартах. Цхинвали, 1981.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Аксёнов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. 1999. № 2.
- Аксёнов В. С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. 2001. № 1–2.
- Албегова З. Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // *РА*. 2001. № 2.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.
- Борозна Н. Г. Виды женских украшений у народов Средней Азии и Казахстана (в связи с подготовкой Историко-этнографического атласа) // *СЭ*. 1974. № 1.
- Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // *Доисламские верования и обряды в Средней Азии*. М., 1975.
- Бутанаяев В. Я. Хакасы // *Тюркские народы Сибири*. М., 2006.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Голан А. Миф и символ. М., 1993.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1995.
- Доде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001.
- Дьяконова В. П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // *Традиционное воспитание детей у народов Сибири*. Л., 1988.
- Иванов С. В. О детских «амулетах» нанайцев // *Сборник МАЭ*. Т. 33. 1977.
- Иерусалимская А. А. Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб., 1992.
- Калоев Б. А. Дзерасса // *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 1997.
- Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. // *Аланы: история и культура*. Владикавказ, 1995.

- Каруновкая Л. Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник МАЭ. Т. 6. 1927.
- Клюева Н. И., Михайлова Е. А. Накосные украшения у сибирских народов // Сборник МАЭ. Т. 42. 1988.
- Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды ИЭ АН СССР. Т. 51. 1959.
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сборник МАЭ. Т. 13. 1951.
- Сказания о нартах. Цхинвали, 1981.
- Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Столба В. Ф. Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. 2009. № 2.
- Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989.
- Тохтабаева Ш. Ж. Семантика казахских украшений // СЭ. 1991. № 1.
- Тудоякова Э. К. Поро – женское нагрудное украшение хакасов // festival.1september.ru/articles/514548/.
- Фёдорова Е. Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (народы Приамурья, Приморья, Сахалина, долганы, якуты, народы Южной Сибири) // Сборник МАЭ. Т. 51. 2006.
- Чவர்ь Л. А. Таджикские ювелирные украшения. М., 1977.
- Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.
- Широкова З. А. Детская одежда таджиков и связанные с ней обряды // ЭО. 2002. № 4.
- Щепанская Т. Б. Пронимальная символика // Сборник МАЭ. Т. 47. 1999.

Сокращения

- ВДИ – Вестник древней истории
ИЭ – Институт этнографии
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
РА – Российская археология
СЭ – Советская этнография
ЭО – Этнографическое обозрение

V. S. Aksyonov

**Buttons of mollusk shells in Alani population
of Saltovo-Mayaki culture
(materials of the catacomb burial grounds
of the Severskiy Donets basin)**

Summary

The paper considers the buttons (disks) from the mollusk shells, which originate from 53 catacomb burial of the Verhne-Saltovskogo (45 burials), Staro-Saltovskogo (6 burials) and Rubezhansky (2 burials) and are stored in the Kharkov Historical Museum (91 examples). Materials of excavations show that the disks are found in the graves of children of both sexes, adolescent girls and young women of childbearing age. Such products are not typical for burials of adult men and older women. At human skeleton is 1–2 disks, and only in rare cases their number reaches three (cat. № 30 BCM-I, № 111 BCM-IV). Discs from the shell are placed in the area of the head, thorax (neck, shoulder) and belt of buried people, i.e. in the area of the upper part of the human body – in places associated with life and proper (head, chest), and the reproductive functions of people (belt). In semantic plane, we are inclined to believe that these buttons are a symbol of the Great Goddess, the foremother of all living things – the daughter of the lord of the water kingdom Dzerassu. Presence in the suits of children, girls of marriageable age, brides and women of childbearing age of buttons from mollusk shells (symbol of the Great Goddess) on the other – serves as a marker of age of the individual and his social status in the society.

О. Б. Бубенок

К ВОПРОСУ ОБ ОГНЕПОКЛОННИКАХ В СТРАНЕ КАШАКОВ

В первой половине X в. арабский географ ал-Мас'уди в своем географическом трактате «Мурудж ад-Дзахаб» упоминал, что на Северо-Западном Кавказе есть народ *кашак*, в котором современные исследователи склонны видеть касогов – адыгоязычное население региона. Исследователей уже давно ставит в тупик сообщение ал-Мас'уди о религии кашаков (касогов) в данном фрагменте сочинения; В. Ф. Минорский перевел его следующим образом: «Этот народ исповедует религию магов» [Минорский, 1963, с. 206]. В данном фрагменте необычно то, что кашаки отнесены к числу магов, т. е. зороастрийцев.

Поэтому предстоит выяснить, действительно ли ал-Мас'уди имел в виду зороастрийцев, говоря о кашаках (касогов)? В первую очередь, можно попытаться найти следы зороастрийцев на Северо-Западном Кавказе. В связи с этим особый интерес представляет статья Р. Р. Рудницкого, посвященная возможному распространению зороастризма среди населения Западной Алании в VII–IX вв. По мнению исследователя, распространению зороастризма в Центральном Предкавказье могли способствовать согдийские купцы, появившиеся здесь во второй половине VI в. в связи с началом функционирования северного отрезка Великого Шелкового пути, а также зороастрийцы, бежавшие с территории Персии после мусульманского завоевания. Следы присутствия зороастрийцев Р. Р. Рудницкий видит в местном погребальном обряде, а также в храмовой архитектуре. Кроме того, он даже считает, что до принятия правящими слоями Западной Алании христианства в начале X в. здесь официальной религией мог быть зороастризм [Рудницкий]. Не будем вдаваться в подробный анализ предложенной гипотезы, но отметим, что автору исследования ничего не известно

о распространении зороастризма среди населения Нижнего Прикубанья, где жили касоги.

Отметим также, что по мнению С. Х. Хотко, в сообщении ал-Мас'уди о «магах» упомянуты именно адыги-касоги. Он отмечает, что «магами изначально назывались священники в зороастризме». По его мнению, на это сообщение ал-Мас'уди натолкнуло «то обстоятельство, что зихи (кашаки) массово использовали предварительное “воздушное погребение”». По наблюдениям С. Х. Хотко, в местах расселения адыгов – буквально до современности – сохранялся обычай, при котором «трупы умерших людей привешивались на деревья, откуда уже через несколько лет кости насыпались в родственные могилы» [Хотко, 2014, с. 183]. При этом С. Х. Хотко поддерживает тех исследователей, которые полагают, что «типологически кавказский обряд “воздушного” погребения может быть сопоставлен с предварительными “воздушными” погребениями в зороастризме. Башни-дахмы выполняли ту же функцию, что и деревья в абхазо-адыгском ареале» [Хотко, 2014, с. 183].

Однако эту гипотезу мы не можем принять до конца по следующим причинам. Во-первых, башни-дахмы в среде зороастрийцев представляли собой довольно позднее явление. М. Бойс ситуацию охарактеризовала следующим образом: «Начиная со времен средневековья, трупы оставляли на особых похоронных башнях, но в древности (по-видимому, еще в авестийское время) их бросали на оголенном горном склоне или же в пустынном каменистом месте. Для верующих было важно, чтобы мертвое тело, выброшенное на пожирание птицам и зверям, не соприкасалось с благой землей, с водой или растениями. После того как кости очищались на ветру и под лучами солнца, их собирали и захоранивали в земле, где они должны были дожидаться Дня Суда. Такой похоронный обряд, возможно, имел своей первоначальной целью... быстрое уничтожение оскверняющей плоти в освобождении души, чтобы она могла подняться к небу» [Бойс, 1994, с. 59].

М. Бойс также отметила, что первое упоминание о башнях-дахмах в Иране относится к 830 г., но они начали повсеместно распространяться там лишь в X в. «Очевидно, обычай возведения погребальных башен, – отмечает далее исследователь, – имел широкое распространение в то время, но он, видимо, не древнее исламского периода, потому что, как кажется, не было никаких установленных традиций, определяющих использование этих башен. Воз-

ведение башни не позволяло видеть трупы и предотвращало возможное раздражение мусульман (которые всегда готовы были напасть на зимми); в то же время высокое сооружение защищало мертвых от осквернения. Ранние башни в Иране и Индии были простыми, массивными зданиями круглой формы с высоким парапетом, заслонявшим каменную площадку» [Бойс, 1994, с. 186]. В XVI–XVIII вв. в местах компактного расселения зороастрийцев в Иране и Индии обычным явлением стали «величественные круглые башни в уединенном месте за городом» для погребения умерших [Бойс, 1994, с. 211–212]. Как видим, сравнение «воздушных» погребений адыгов с зороастрийскими башнями-дахмами не совсем удачно, хотя они могли действительно выполнять одну и ту же функцию – не позволять мертвой плоти соприкасаться с землей.

Во-вторых, в действительности в сочинении ал-Мас’уди религия кашаков в отмеченном фрагменте названа термином *маджусийа* («и они народ, который приверженец маджусийа») [Мас’уди, 1966, с. 146], значение которого словари объясняют как «религия магов, огнепоклонников». Этот пассаж В. Ф. Минорский прокомментировал следующим образом: «Мусульманские авторы применяют название *маджус* к древним русам и норманнам, по-видимому, из-за их обычая сжигать мертвых, описанного у Ибн Фадлана... Эти “сжигания на корабле”... могли быть неправильно поняты как “огнепоклонство”, что явствует из Марвази...: “саклабы сожигают мертвых, ибо они огнепоклонники”... Я не смог выяснить, существовали ли подобные обычаи у черкесов, среди которых ко времени Мас’уди были и христиане» [Минорский, 1963, с. 206, прим. 81].

В связи с этим напомним, что зороастрийцы не могли практиковать обряд трупосожжения, ибо нельзя было осквернять мертвым телом одну из священных стихий – огонь. По этому поводу М. Бойс отметила: «Особые правила, составляющие своеобразие зороастрийской веры, касаются воды и огня... сжигать на нем (огне. – О. Б.) мусор для зороастрийцев немыслимо» [Бойс, 1994, с. 58]. Еще более немыслимо для зороастрийцев – сожжение тел умерших на коостре, ибо, по их представлениям, тело мертвого человека ритуально не чисто. «С момента смерти, – отмечает М. Бойс, – с мертвецом обращались как с чем-то в высшей степени заразным. К нему приближались лишь профессиональные могильщики и носильщики трупов, которые знали необходимые меры предосторожности. Если это было возможно, то похоронный обряд совершался в день

смерти и тело несли сразу же на место трупоположения» [Бойс, 1994, с. 59].

В случае с народами Севера ситуация выглядит в точности до наоборот – там, где мусульманские авторы упоминали огнепоклонников, очень часто практиковался обряд трупосожжения.

Следует отметить, что в большинстве случаев для обозначения язычников-огнепоклонников мусульманские географы использовали конструкцию '*абада ан-нар* – «поклоняться огню». Данное словосочетание, например, встречаем в сочинении Ибн Русте, где речь идет о том, что мадьяры и сакалибы полоняются огню [Хвольсон, 1869, с. 27, 30]. Выражение '*ибада ан-нар* – «поклоняются огню» также присутствует в той части сочинения Марвази (XII в.), где речь идет о сакалиба [Minorsky, 1942, p. 14, 22 (arab.)]. Последний пассаж представляет интерес еще и потому, что Марвази сообщает: «... и сжигают своего мертвого, потому что поклоняются огню» [Minorsky, 1942, p. 14, 22 (arab.)].

Само выражение *харака ал-мавта* – «сжигать мертвых» встречается не только в сочинении Марвази, но и у Ибн Русте, где речь идет о буртасах и сакалиба [Хвольсон, 1869, с. 21, 29], а также у Ибн Фадлана при описании погребальных традиций русов [Путешествие Ибн Фадлана на Волгу, 1939, с. 83, 212б (араб.); Ковалевский, 1956, с. 145, 212б (араб.)]. Находим данное выражение и в той части сочинения ал-Мас'уди «Мурудж ад-Дзахаб», где повествуется о том, что русы «сжигают своих мертвецов вместе с их животными, утварью и украшениями» [Минорский, 1963, с. 193; Мас'уди, 1966, с. 135]. Очень хорошо сущность обряда трупосожжения русов охарактеризована в «Рисале» Ибн Фадлана, где сам рус об этом говорит следующее: «...Вы берете самого любимого и самого уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай...» [Ковалевский, 1956, с. 145, 212б (араб.)]. Поэтому ничто не мешает нам считать, что аналогичные верования существовали и у других народов, практиковавших обряд трупосожжения.

Проведенный анализ показывает, что не все народы, практиковавшие обряд кремации, названы мусульманскими авторами огнепоклонниками, например буртасы. В то же время мадьяры, не сжигавшие своих умерших, отнесены Ибн Русте к числу огнепоклонников. Что же касается ал-Мас'уди, то в своем «Мурудж ад-Дзахаб»

по отношению к русам он использовал термин *ал-джахилиа* – «язычество, язычники» [Минорский, 1963, с. 193; Мас'уди, 1966, с. 135]. Как видим, ал-Мас'уди не было присуще использовать выражение '*абада ан-нар* – «поклоняться огню».

Необходимо отметить, что немусульманские авторы отметили также почитание огня и даже обряд кремации у раннесредневековых кочевников Евразии. Так, Менандр сообщает о том, что западные турки поклонялись огню и приписывали ему очистительные функции, как это отражено в сцене прибытия византийского посла Зимарха ко двору правителя западных тюрок в 568 г. [Менандр, 1860, с. 376–377]. К сожалению, у Менандра весьма неопределенно дано описание завершения погребения правителя западных тюрок Дилзивула в 576 г. [Менандр, 1860, с. 421–422], так что мы даже не можем сказать, какой обряд захоронения существовал среди верушки западных тюрок – кремация или ингумация? Зато нам четко известно, благодаря китайской хронике «Таншу», что до начала VII в. обряд кремации широко практиковался в главном племени восточных тюрок [Бичурин, 1950, с. 230], которые имели одно происхождение с правителями западных тюрок.

Таким образом, в раннем средневековье среди народов Евразии бытовали обряды, связанные с верой в очистительную силу огня. Однако не все эти огнепоклонники практиковали обряд кремации. В сочинении ал-Мас'уди «Мурудж ад-Дзахаб» мы видим, что для названия религии русов, которые сжигали умерших, в отличие от других мусульманских авторов, он использовал не выражение '*абада ан-нар* – «поклоняться огню», а термин *ал-джахилиа* – «язычество, язычники». Относительно же религии кашаков он использовал термин *маджусия*, значение которого – «религия магов, огнепоклонников». В. Ф. Минорский комментирует этот факт следующим образом: «Это показывает, что Мас'уди использовал различные сообщения. Его описание черкесов, видимо, основано на рассказах черноморских купцов. Даже в своем позднейшем *ат-Танбих* Мас'уди не обнаруживает ясного знания географии черноморского бассейна» [Минорский, 1963, с. 206, прим. 83]. К этому следует добавить, что в арабском языке для обозначения зороастрийцев, которых арабы также склонны относить к числу огнепоклонников, существует множество других терминов. Получается, что термин *маджусия* – это обобщающее название для всех религий, где огню отводятся особые очистительные функции.

Это предположение подтверждает информация арабоязычного автора IX в. Ибн Хордадбега. В своей «Книге путей и стран» о тюрках Средней Азии он сообщает следующее: «От Верхнего Нушаджана до столицы хакана тугузгузов трехмесячный путь через большие села с плодоносными землями. Их жители – турки. Среди них есть ал-маджус, которые поклоняются огню, есть и безбожники (занадик)...» [Ибн-Хордадбег, 1986, с. 65–66]. Как видим, Ибн Хордадбег использовал термин *ал-маджус* – «огнепоклонники» вместе со словосочетанием *‘абада ан-нар* – «поклоняться огню», которое другие мусульманские авторы применяли для описания религии язычников. К тому же у нас нет информации о распространении зороастрийской религии среди тюрков в IX в.

Совсем недавно Т. М. Калинина сосредоточила внимание на том, что О. Прицак уделил много внимания понятию *ал-маджус*. По ее наблюдениям, одна из его работ «освещала информацию марокканского историка ал-Марракуши (ум. после 1312) о набеге полководца эмира Кордовы Хишама I (788–796) ал-Мутиса на “ард ар-Рум”, “Ифранджа” и “билад ал-маджус”». Т. М. Калинина не согласна с гипотезой О. Прицака, согласно которой слово *ал-маджус* должно соответствовать кельтскому *magos*, сопоставимому с латинским *forum* – «место торговли». Это дало основания О. Прицаку считать *маджус* норманами или русами, потому что, по его мнению, они были пиратами и торговцами [Калинина, 2014, с. 8].

Свое несогласие Т. М. Калинина аргументировала следующим образом: «О. Прицак был осведомлен об упоминании “ал-маджус” в Коране, что не помешало ему придерживаться указанной теории... Маджусы упоминаются в аяте Корана 22:17... Толкователи полагали, что речь идет не только о религии зороастрийцев в Иране до ислама, но и, позднее, о любых огнепоклонниках и тех, кто предавал умерших сожжению... Арабские источники не сомневались в равенстве значений норманнов и маджусов. О нападении маджусов, т. е. норманнов, на Севилью в 844 г. вспоминали арабские авторы IX–XVII вв.: Ибн ал-Кутиба, Ибн Хайян, ал-‘Узри, ал-Бакри, Ибн ал-Асир, Ибн Са‘ид ал-Магриби, Абу-л-Фида’, ан-Нувайри, Ибн ал-Изарри, Ибн ал-Хатиб, ал-Маккари и др. Во всех описаниях маджусы выступают как отъявленные разбойники, приходившие не с целью торговли, а для грабежа и разорения» [Калинина, 2014, с. 8–9].

Действительно, при описании некоторых народов Европы арабоязычные авторы использовали термин *маджус* в значении «язычни-

ки», а не «торговцы» или «зороастрийцы». Так, автор конца IX в. ал-Якуби использует термин *маджус* для обозначения русов. В переводе А. Я. Гаркави фрагмент его «Книги стран» имеет вид: «На запад от города, называемого Аль-Джазира (Algesiras недалеко от Гибралтара. – А. Г.), находится город, именуемый Ишбилия (Севилья. – А. Г.), при большой реке, которая есть река Куртубы (Кордоба-Гвадалквивир. – А. Г.). В этот город вошли язычники (Маджус. – А. Г.), которых называют Рус, в 229 (=843–4) году и пленяли, и грабили, и жгли, и умерщвляли» [Гаркави, 1870, с. 63]. Комментируя этот пассаж, А. Г. Гаркави высказал предположение, что отождествление Маджус и Рус – это выдумка или самого ал-Якуби, или копииста его сочинения [Гаркави, 1870, с. 70–71].

Характерно, что ал-Мас'уди в своем «Мурудж ад-Дзахаб» использует термин *ал-маджус* для обозначения не только кашаков, но также русов и сакалиба (славян). Так, под названием *маджус*, по данным А. Я. Гаркави, они упомянуты вместе как жители хазарской столицы: «Что же касается язычников (буквально народ из Маджус. – А. Г.), находящихся в стране хазарского царя, то некоторые племена из них суть Славяне и Русы. Они живут в одной из двух половин этого города и сжигают своих мертвецов с их вьючным скотом, оружием и украшениями» [Гаркави, 1870, с. 129]. Однако в использованном нами варианте «Мурудж ад-Дзахаб» по отношению к русам и сакалиба был применен термин *ал-джахилиа*, а не *маджус* [Мас'уди, 1966, с. 135].

По данным А. Я. Гаркави, в другой части своего сочинения ал-Мас'уди вне связи с русами отождествляет славян (сакалиба) с *маджус*: «Славяне разделяются на многие народы; некоторые из них суть христиане, между ними находятся также язычники (Маджус. – А. Г.), точно также солнцепоклонники... Большая часть их племен суть язычники (Маджус. – А. Г.), которые сжигают своих мертвецов и поклоняются им» [Гаркави, 1870, с. 125].

Как видим, мусульманские авторы при описании народов Европы, прежде всего русов и сакалиба, использовали термин *маджус* чаще всего в значении – «язычники-огнепоклонники, которые сжигают своих умерших». К этому же кругу народов были отнесены и кашаки-касоги, что не исключает вероятности, что ал-Мас'уди религию кашаков назвал термином *маджусийа* [Мас'уди, 1966, с. 146], потому что те сжигали своих умерших. Вполне возможно, что ответ на этот вопрос можно получить из данных археологии.

По наблюдениям И. О. Гавритухина и А. В. Пьянкова, в Северо-Восточном Причерноморье в VI–VII вв. полностью господствовали ингумации в каменных ящиках или грунтовых ямах [Гавритухин, Пьянков, 2003а, с. 193–195]. Однако уже в VIII–IX вв. там, кроме ингумационных захоронений в каменных ящиках и простых грунтовых ямах, появился новый обряд захоронения по обряду кремации [Гавритухин, Пьянков, 2003б, с. 195–200]. Особый интерес представляет идея А. В. Пьянкова о «касожском» происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе, ибо данные средневековых авторов свидетельствуют о проживании в упомянутом районе в первой половине X в. именно касогов [Пьянков, 2001, с. 204–205]. Упомяну, что в связи с этим А. В. Пьянков обратил внимание на отмеченный нами фрагмент из сочинения Мас'уди, согласно которому кашаки – это народ, который «исповедует религию магов» [Минорский, 1963, с. 206]. По этому поводу А. В. Пьянков отметил, что «...часть сведений, сообщенных Масуди, относилась не к касогам, а к зихам. Но поскольку последним не было свойственно сжигать умерших, то приведенная цитата из Масуди могла относиться только к самим касогам». Одним словом, исследователь склонен был видеть в первоначальных носителях этнонима «касог» пришельцев, которые в хазарское время внедрились в адыгскую среду, распространив таким образом в среде абorigенов не только новое этническое название, но и кремационный обряд захоронения [Пьянков, 2001, с. 205].

О возможности такого симбиоза могут свидетельствовать раскопки Борисовского могильника, где на участке хазарского времени встречались не только кремации салтовского типа, но и ингумации в каменных ящиках, что соответствует местным традициям. На основании этих находок В. В. Саханов пришел к выводу, что инвентарь из кремаций хазарского времени имеет прямые аналогии на Верхнесалтовском могильнике, и соответственно датировал третью часть захоронений Борисовского могильника IX в. [Саханов, 1914, с. 75–219].

Однако картина была бы не полной без упоминания могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска. Как и Борисовский, могильник Дюрсо является биритуальным: здесь представлены более ранние труположения в грунтовых ямах и более поздние трупосожжения. Для нас особый интерес представляют последние, которых было 173 и они располагались двумя компактными груп-

пами в западной и юго-западной частях могильника. Кремации могильника Дюрсо представляют собой небольшие кучи пережженных костей, рядом с которыми были сложены предметы со следами пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Рядом с захоронениями ставились сосуды. Инвентарь могильника представлен украшениями, оружием, конским снаряжением, орудиями труда. Исследователь могильника А. В. Дмитриев на основе анализа инвентаря датировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII–IX вв., т. е. хазарским периодом [Дмитриев, 2003, с. 200–205].

Как отметил А. В. Дмитриев, кремационный раннесредневековый могильник Дюрсо – не единственный на Северо-Западном Кавказе [Дмитриев, 2003, с. 205]. Анализируя ситуацию в Северо-Западном Причерноморье, А. В. Пьянков пришел к следующим выводам: «В VIII в. происходит частичная смена населения, отразившаяся в распространении в отдельных районах нового погребального обряда. На анапско-геленджикском побережье в Западном Закубанье, вплоть до устья реки Псекупс, выявлено 20 могильников с кремациями второй половины VIII – IX вв. Эти могильники занимают компактную территорию, северной границей которой служила река Кубань, южной – северные склоны Кавказского хребта, западной – берег Черного моря, а восточной – река Псекупс. Кремации, распространившиеся в регионе, резко отличаются по основным деталям обряда от предыдущих и не связаны с ними происхождением. Для второй группы сожжений присущи такие черты погребального обряда, как сожжение инвентаря вместе с покойником, обязательная ритуальная порча инвентаря, устройство небольших и неглубоких могильных ям, помещение инвентаря в тайничках и отдельных ямках, присутствие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня и т. д. Для этой группы кремаций не характерны захоронения лошадей» [Пьянков, 2001, с. 204].

Исследователей кремационных могильников Северо-Западного Кавказа сразу же заинтересовали вопросы, связанные с происхождением населения, оставившего их. Были найдены им аналогии хазарского времени в бассейне Северского Донца, наиболее значительным из которых является салтовский могильник Сухая Гомольша под Харьковом [Дмитриев, 2003, с. 200–205; Пьянков,

2001, с. 205]. А. В. Пьянков и А. В. Тарабанов эти сходства на кремационных могильниках двух регионов объясняют «общностью происхождения» населения, их оставившего. Что же касается некоторых отличий, то упомянутые исследователи объяснили их «проживанием племен – носителей кремационного обряда после расселения в различном этнокультурном окружении» [Пьянков, Тарабанов, 1996, с. 64].

А. В. Пьянков считал, что «кремации типа Дюрсо не имеют корней на Северо-Западном Кавказе в предшествующий период и их носители не могут быть признаны автохтонным кавказским народом» [Пьянков, 2001, с. 204–205]. К тому же А. В. Дмитриевым была высказана, и не без оснований, довольно интересная гипотеза относительно центральноазиатского происхождения населения, оставившего могильники в Дюрсо и Сухой Гомольше [Дмитриев, 2009].

Необходимо отметить, что с гипотезой о неадыгской принадлежности носителей кремационного обряда на территории Северо-Западного Кавказа категорически не согласен С. Х. Хотко, утверждавший по этому поводу: «Да, адыги впитали в себя множество этнических элементов, но нет оснований изображать этот процесс как напластование чужеродных культур. Это был процесс непрерывной инфильтрации незначительных этнических “присадок” в мощное тело автохтонного этноса» [Хотко, 2014, с. 183].

Следует отметить, что подобного мнения придерживается также Е. П. Алексеева, которая считает, что обряд кремации имеет местные кавказские корни [Алексеева, 1980, с. 36]. По ее мнению, на территории Абхазии с X в. до н.э. до VI в. н.э. бытовал погребальный обряд кремирования умерших на стороне с последующим захоронением праха в урнах или без них в грунтовых ямах. Этот обряд аналогичен кремациям Северо-Западного Кавказа V–XIV вв. Предки абазин, с которыми Е. П. Алексеева связывает цебельдинскую археологическую культуру, с V в. н. э. проникали небольшими группами в среду зихов Причерноморья, а с VII–VIII вв. – и в Закубанье. В качестве доказательства абазинского происхождения кубано-черноморских кремаций приведены следующие аргументы: во-первых, сходен сам погребальный обряд двух регионов; во-вторых, отдельные категории погребального инвентаря из цебельдинских некрополей находят аналогии в инвентаре кремационных погребений Северо-Западного Кавказа V–VII вв. (мечи и крестовидные фибулы, умбоны для щитов), в погребениях VIII–IX вв. (на-

конечники копий), в погребениях X–XIV вв. (умбоны от щитов, керамические урны, ножницы, вилки для извлечения мяса из котлов) [Алексеева, 1970, с. 325, 326; Алексеева, 1980, с. 51, табл. 1–3]. В окончательном варианте Е.П. Алексеева «абазинскую» гипотезу представила следующим образом: «Искать истоки кремационного обряда погребения средневековых могильников Северо-Западного Кавказа нужно не на Днепре у славян и не у тюрков в Средней Азии и в Сибири, а гораздо ближе – в соседней Абхазии. В качестве рабочей гипотезы мы предложили средневековые кремационные погребения Северо-Западного Кавказа считать оставленными предками абазин и самими абазинами, коль скоро обряд трупосожжения в древности для местного населения Северо-Западного Кавказа был чужд, а в Абхазии у предков абхазов и абазин он существовал с 1-го тыс. до н. э.» [Алексеева, 1980, с. 36].

Не вдаваясь в нюансы разгоревшейся дискуссии относительно происхождения носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе, лишь отметим не подлежащий сомнению факт: в хазарское время на землях Северо-Восточного Причерноморья, где с первой половины X в. письменные источники фиксируют касогов, или кашаков, наряду с ингумационными погребениями получили распространение кремационные захоронения. А это вполне согласуется с нашими данными о том, что мусульманские авторы при описании народов Европы, включая Северный Кавказ, использовали термин *маджус*, или *маджусийа*, для обозначения тех язычников-огнепоклонников, которые сжигали своих умерших.

Нам неизвестно, практиковали ли постройку храмов огня носители обряда кремации на Северо-Западном Кавказе, но аналогии из другого времени и иной территории позволяют допустить это. Так, М. Б. Мейтарчян исследовала на территории древней Бактрии в Джаркутане храм огня, функционирование которого приходится на вторую половину 2-го тыс. до н. э., т. е. на дозороастрийское время. Особо важно, что на местном могильнике умерших погребали по обряду кремации, что явилось новым явлением в идеологии населения эпохи бронзы [Мейтарчян, 2013, с. 49–50]. Следует обратить внимание на выводы М. Б. Мейтарчян, согласно которым «зороастрийцев стали называть “огнепоклонниками” после того, как они основали храмовые культы огня... часто культ огня связывают с зороастризмом, но на самом деле он гораздо древнее» [Мейтарчян, 2013, с. 53].

Таким образом, сообщение ал-Мас'уди о кашаках – «и они народ, который приверженец маджусийа» – позволяет считать, что здесь речь идет не о зороастрийцах, а о язычниках-огнепоклонниках, проживавших в хазарское время на Северо-Западном Кавказе и практиковавших обряд кремации.

Литература

- Алексеева Е. П. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Ставрополь, 1970.
- Алексеева Е. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 1994.
- Гавриутхин И. О., Пьянков А. В. Северо-Восточное Причерноморье. Могильники VI–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003а.
- Гавриутхин И. О., Пьянков А. В. Северо-Восточное Причерноморье. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003б.
- Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.
- Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003.
- Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска-Геленджика. 2009 // <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=127163>
- Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986.
- Калинина Т. М. О маджусах арабских источников // XVIII сходовзавччання А. Кримського (м. Київ 17–18 жовтня 2014 р.). Киев, 2014.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Мас'уди. Мурудж ад-Дзахаб. Т. 1. Б. м. и., 1966.
- Мейтарчян М. Б. Культ огня в Бактрии // Иранский мир II–I тыс. до н. э. Санкт-Петербург–Киев, 2013.
- Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860.

- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. А. П. Ковалевского. М.–Л., 1939.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996.
- Пьянков А. В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Рудницкий Р. Р. О зороастризме у алан в VII–IX вв. // <http://www.alanica.ru/article/14.htm>
- Саханов В. Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Т. 56. М., 1914.
- Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869.
- Хотко С. Х. Опыт критического осмысления новой концепции этнической истории Северо-Западного Кавказа в хазарское время (VIII–X вв.) // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик 16–20 октября 2013 г.). Ч. I. Нальчик, 2014.
- Minorsky V. Shafar al-Zaman Tahir Marvazi: on China, the Turks and India. London, 1942.

О. Б. Бубенок

До питання про вогнепоклонників у країні кашаків

Резюме

Порівняльний аналіз повідомлення ал-Мас'уді про кашаків (касогів) Північно-Західного Кавказу, як про “маджусіа”, з іншими відомостями мусульманських авторів про “маджусів” Європи змусив автора статті засумніватися в тому, що тут мова йде про магів-зороастрійців. Як вдалося встановити, мусульманські автори при описі народів Європи, включаючи Північний Кавказ, використовували терміни **маджус** та **маджусіа** для позначення тих язичників-вогнепоклонників, які спалювали своїх небіжчиків. Це знаходить підтвердження в даних археології, згідно з якими у хозарський час на землях Північно-Східного Причорномор'я, де з першої половини X ст. письмові джерела фіксують касогів, поряд з інгумаційними похованнями набули поширення кремациї.

О. Б. Бубенок

К вопросу об огнепоклонниках в стране кашаков

Резюме

Сравнительный анализ сообщения ал-Мас'уди о кашаках (касогах) Северо-Западного Кавказа, как о "маджусийа", с другими известиями мусульманских авторов о "маджусах" Европы заставил автора статьи усомниться в том, что здесь речь идет о магах-зороастрийцах. Как удалось установить, мусульманские авторы при описании народов Европы, включая Северный Кавказ, использовали термины *маджус* и *маджусийа* для обозначения тех язычников-огнепоклонников, которые сжигали своих умерших. Это находит подтверждение в данных археологии, согласно которым в хазарское время на землях Северо-Восточного Причерноморья, где с первой половины X в. письменные источники фиксируют касогов, наряду с ингумационными погребениями получили распространение кремационные захоронения.

O. B. Bubenok

**To the Question of the Fire-Worshippers
in the Country of Kashaks**

Summary

A comparative analysis of the message of al-Mas'udi about the Kashaks (Kasogs) of North-West Caucasus, as the "Magusia", with other evidences Muslim authors about the "Magus" of Europe forced the author of this article to doubt that we can see the Mages or Zoroastrians here. On the contrary according to our observations, the Muslim authors in the description of the peoples of Europe, including the Northern Caucasus, used the terms "Magus" and "Magusia" to refer to those Pagans or Fire-Worshippers who burned their dead. This is confirmed by archaeological evidence, according to which at the Khazar time in the lands of the North-Eastern Black Sea region the cremations were spread with the inhumation burials where in the first half of the X century AD written sources began to fix the Kasogs.

Т. М. Калинина

**ЙАКУТ:
ПЕРВОИСТОЧНИКИ НЕКОТОРЫХ СВЕДЕНИЙ
О ХАЗАРИИ И ХАЗАРСКОМ МОРЕ**

Йакут ибн 'Абдаллах ар-Руми ал-Хамави родился около 1179 г. Он был малоазийским греком, поэтому получил нисбу «ар-Руми». Ребенком попал в плен и был продан в Багдаде купцу Аскару ибн Ибрахиму ал-Хамави, из города Хама в Сирии, откуда происходит вторая нисба Йакута. Назвали его «Йакут», т.е. «Яхонт». Купец воспитал своего раба в традициях ислама и дал ему хорошее образование, чтобы тот стал помощником в делах и сопровождал его в поездках. В 1199 г. Аскар ибн Ибрахим умер, Йакут стал свободным. С 1213 г. он стал путешествовать, побывав в Египте, Сирии, Палестине, Аравии, Иране, на берегах Персидского залива, в Месопотамии, Азербайджане, Средней Азии [Wüstenfeld, 1864. S. 397–493]. Он работал во многих библиотеках и записывал сведения о местностях, городах, замках и «диковинках», которые ему удалось увидеть. В 1218 г., проработав два года в книгохранилищах Мерва, Балха и Хорезма, он стал составлять «Словарь стран» (*Му'джам ал-булдан*), который представлял собой алфавитный перечень хоронимов, ойконимов, гидронимов, оронимов и проч.

Узнав о нашествии монголов и захвате ими Бухары и Самарканда, Йакут в 1220 г. выехал в Хорасан, затем в Мосул. Он закончил свой труд в 1224 г., хотя и позднее занимался им. Кроме «Словаря стран», Йакут написал и другие очень значительные произведения, часть которых, к сожалению, не сохранилась. Последние годы жизни он провел в Мосуле или Халебе (Алеппо), где умер в 1229 г. [Крачковский, 1957. С. 334–336].

Большая часть материалов его «Словаря стран», включившего около 16 000 статей, принадлежала жившим до него географам, историкам, генеалогистам, филологам и поэтам, чьи книги Йакут изучал в библиотеках. Он также вносил информацию, собранную им самим

во время путешествий или полученную от доверенных лиц. Как и арабо-персидские ученые более поздних веков, он не всегда уточнял, к какому времени относились те или иные свидетельства. Тем не менее, в отличие от большинства предшественников, он все же часто называл имена авторов и сочинений, а их насчитывается более ста. Правда, в ряде случаев его сообщения не находят аналогов в известных трудах предшественников; бывает также, что некоторые данные принадлежат не тем авторам, на которых Йакут ссыался. Среди трудов писателей, чьи сведения он привлекал, были сочинения ал-Балазури (ум. 892) (эта книга приводилась им в полной, не дошедшей до наших дней, редакции), географические произведения ал-Истахри (1-я пол. X в.), Ибн Хаукала (2-я пол. X в.), ал-Бируни (973–1048), ал-Бакри (ум. 1094), ас-Сам'ани (ум. 1167) и многих других [Heer, 1898]. Йакут ввел в свой словарь обширные выдержки из «Книги идолов» Хишама ибн ал-Калби (ум. 819), «Записок» Ибн Фадлана (путешествовал в 922/923) и Абу-Дулафа (X в.), Ибн Бутлана (X в.) [Крачковский, 1957. С. 333]. Эти сочинения вошли в научный обиход исследователей поначалу только благодаря фрагментам из произведения Йакута, и только впоследствии были найдены оригиналы.

Сравнение этих оригиналов с материалами Йакута показало, что он довольно критично относился к приводимым сведениям, временами оговаривая их достоверность или сомнительность. Ряд описаний он сопровождал информацией о современном ему состоянии города или области, по личным наблюдениям или свидетельствам информаторов.

Нижеследующие переводы (кроме ал-Бируни) осуществлены мной, с учетом следующих трудов: *Йакут ал-Хамави*. Алфавитный перечень стран. Му'джам ал-булдан. Извлечения из «Китаб му'джам ал-Булдан» Якута по изданию Р. Wuestenfeld'a (Jacuts geographisches Woerterbuch) / Пер. С. М. Богдановой-Березовской // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.–Л., 1939; *Йакут-ал-Хамави*. Му'джам ал-Булдан (Сведения об Азербайджане). *Хамдаллах Казвини*. Нузхат-ал-кулуб (Материалы по Азербайджану) / Пер. с араб. З. М. Бунятова, П. К. Жузе и И. П. Петрушевского, 1983; *Гараева Н.* Йакут // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. В работе Н. Гараевой есть впервые переведенные автором фрагменты из книги Йакута о Волжской Булгарии и Хазарии.

Йакут в предисловии к своему «Словарю» отмечал, что его труд – это книга «о названиях стран, гор, долин и низин, селений, стоянок и мест происхождения морей, рек и озер, идолов, капищ, изваяний...» [Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866. S. 1]. Он утверждал ценность географических сведений для доказательства могущества Аллаха, а также необходимость осведомленности о правильной, точной форме названий разных объектов для собира- телей налогов, врачей, астрологов, хадисоведов, ученых и т.д. [ibid., S. 2–3; Розен, 1902. С. 39–74].

Йакут очень часто ссыался на Абу Райхана ал-Бируни, зачас- тую точно следуя его представлениям о разделении Земли. Он приводил систему членения Земли на круги-кешвары, по иранской традиции, по примеру ал-Бируни. В этом случае в центре помещался главный, четвертый кешвар – Ираншахр, Ирак или Вавилон, прочие круги располагались вокруг четвертого кешвара. Ал-Бируни привел такую схему разделения Земли, в одном случае только с ука- занием принадлежности кешваров тому или иному народу, в дру- гом – с подробным перечислением земель внутри кешваров; на всех схемах север – внизу.



Рис. 1.

[Аль-Бируни, 1975. С. 115]: В нем Хазары и Тюрки являются «определяющими» народами шестого кешвара

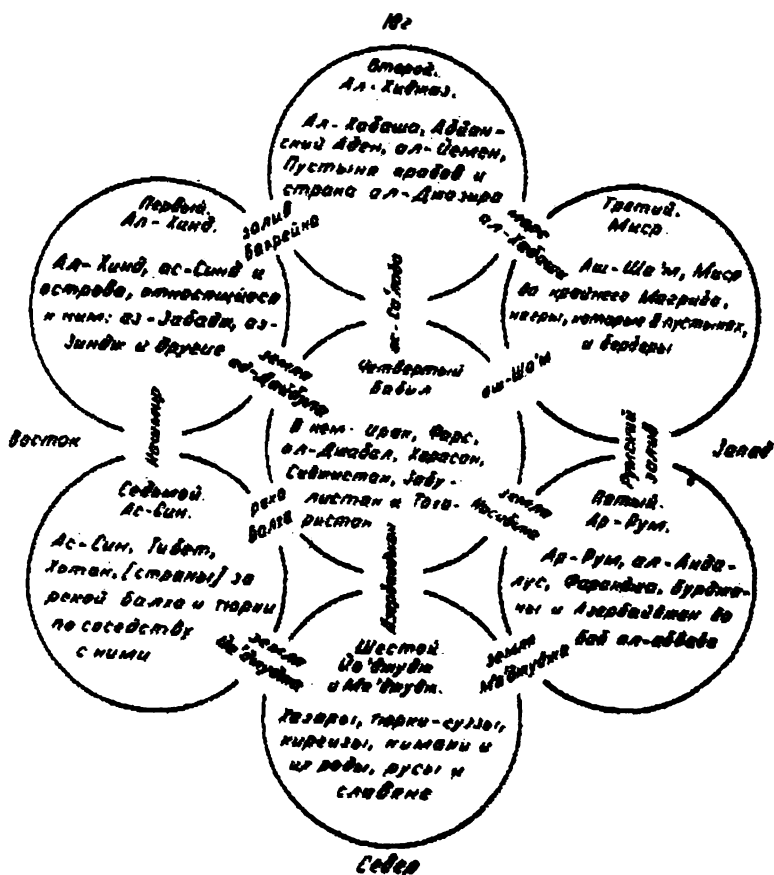


Рис. 2.

[Абу Рейхан Бируни, 1966. С. 155. Рис. 23]

Здесь ал-Бируни более информативен: показано не только название каждого климата-кешвара, но и дан краткий перечень местностей и народов внутри их, а также соединение климатов между собой посредством заливов, рек или областей.

Интересно отметить, что порядок кешваров на рис. 1 и на рис. 2 различен: на рис. 1 третий кешвар назван именем Магриба, тогда как на рис. 2 он относится к Мисру, т.е. Египту; пятый кешвар определен для Византии и славян, однако на рис. 2 в пятом кешваре на-

звана только Византия без славян. Шестой кешвар на рис. 1 отнесен к хазарам и тюркам, а на рис. 2 – к Йаджудж и Маджудж, а внутри него названы хазары, тюрки, киргизы, кимаки, русы и славяне; седьмой кешвар на рис. 1 возглавляют Китай и Тибет; на рис. 2 он относится к Китаю, а внутри него названы Тибет, Хотан, река Балх¹.



Рис. 3.

[Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866, табл. 3 между с. 26 и 27]

Йакут воспроизвел почти в точности последнюю схему кешваров ал-Бируни, однако есть и небольшие отличия. Арабский текст в этом рисунке из издания Ф. Вюстенфельда не очень хорошо чита-

¹ Йаджудж и Маджудж – легендарные народы, с упоминания которых целый ряд арабских географов начинал отсчет шестого или седьмого климатов [Калинина, 2011. С. 30–33].

ется, поэтому я отмечаю по-русски необходимые детали. Йакут, как и ал-Бируни, первый круг (слева вверху) считал принадлежащим Индии, второй круг (справа вверху) – Хиджазу, третий (с правой стороны) – Мисру, т.е. Египту, четвертый (в центре) – Вавилону (Ираншахру у ал-Бируни), пятый (справа внизу) – ар-Руму, т.е. Византии; шестой (слева внизу) – Йаджуджу, седьмой (с левой стороны) ас-Сину, т.е. Китаю. В шестом кешваре были названы народы Восточной Европы и Средней Азии: хазары, тюрки, огузы, киргизы, кимаки и виды их (т.е. тюрок), русы и сакалиба. Север на схеме также находится внизу.

Йакут приводил разные версии о форме и размерах земли со ссылками на знаменитого автора Альмагеста Птолемея, позднеантичного астронома и геометра Дорофея из Сидона, Мухаммада ибн Мусу ал-Хорезми и других предшественников [Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866. S. 1–2, 16–17 etc.].

Как и многие другие арабские ученые, он приводил информацию о системе деления Земли на климаты (арабское *иклим* – широтные зоны), воспринятой от древнегреческих ученых Эратосфена, Гиппарха, Марина Тирского, Клавдия Птолемея [Honigmann, 1929. S. 27, 76–82, 97; 110–117 et passim; Крачковский, 1957. С. 156 и далее; Neugebauer, 1975. S. 335 et passim]. Термин «климат» арабские ученые воспроизводили как *иклим*.

Хазары при подробном описании оказывались в шестом климате (см. далее). Нововведение Йакута – принадлежность полосы к северу от седьмого «климата» народу ас-Сакалиба. Помимо схематичных данных, Йакут приводил и подробные описания шестого и седьмого климатов. Перечисление народов в них тоже почти аналогично материалам ал-Бируни:

«Шестой климат... начинается от мест обитания восточных тюрок Кани (у ал-Бируни: Кай) и Кун, Хирхиз, Кимака, ат-Туузгуз, земли ат-Туркманийи и Фараба, страны ал-Хазар и севера их [ал-Хазар] моря, ал-Лан, ас-Сарир, [расположенный] между этим морем и морем Тарабзунда, и идет через ал-Кустантинию, землю ал-Ифранджа и север ал-Андалуса, пока не оканчивается у моря ал-Магриба... Седьмой климат... нет в нем населенных земель, [потому что] с востока он [представляет собой] лесные чащи и горы, где ищут себе приют лишь одичавшие из Тюрок. Простирается он по горам Башгирда и границам земель ал-Баджнакийи, городам Сирар (Сувар, по ал-Бируни) и Булгар, [через] ар-Рус, ас-Сакалиба, ал-Бул-

гарийа и оканчивается у моря ал-Мухит. А за этим климатом [обитают] немногие из таких народов как Ису, Варанк, Йура и им подобные, и это – на ближайшей оконечности [седьмого климата]...» [Аль-Бируни, 1975. С. 116–117; Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866, S. 33–35].

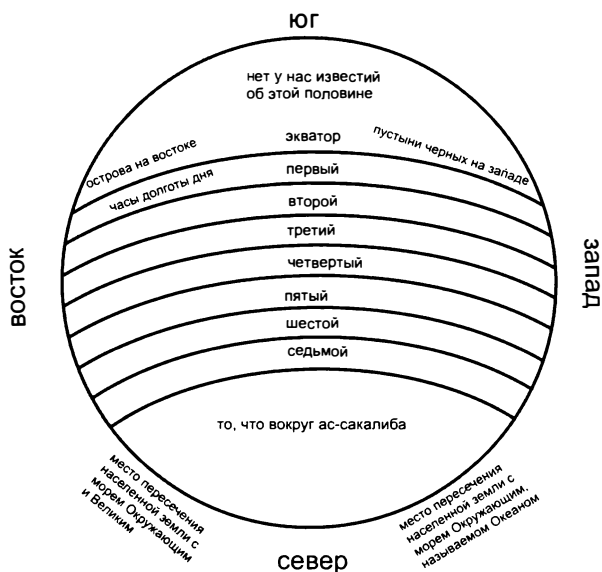


Рис. 4.

[Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866, табл. 4 между с. 28 и 29]

Как видно на этом рисунке (названия мной переведены на русский язык), Йакут следовал обычному расположению климатов, располагая первый климат вблизи экватора, а последний – ближе к северу. Ал-Фергани, ал-Хорезми, ал-Бируни и другие ученые прибавляли при описаниях областей на юге и севере – «то, что находится к югу от экватора» и «то, что находится к северу от седьмого климата». Примеры, относящиеся к шестому и седьмому климатам: [Das Kitab Surat al-ard..., 1926. S. 36–37, 64–65, 152; Калинина, 1988. С. 40, 43–45; Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis..., 1669. P. 29, 38; Калинина, 1988, с. 40, 130; Аль-Бируни, 1975. С. 115, 117].

При подробном описании ал-Бируни и Йакут помещали Хазар в шестой климат и располагали их рядом с Каспием.

В описании климатов Йакут приводит названия и сведения о местоположении народов Варанк, ас-Сакалиба, ар-Рус, Йура, не уточняя, что эта информация устаревшая. Такая система описания климатов восходит к IX в. и встречается впервые в «Книге о небесных движениях и своде науки о звездах» ал-Фергани (сер. IX в). Перечисление народов здесь, естественно, отличается от описания ал-Бируни и Йакута, оно значительно короче и поверхностнее, однако географическая номенклатура книги ал-Фергани – ат-Турк, ал-Хазар, море Джурджана, ас-Сакалиба, ал-Кустантинийа, ал-Лан, море ал-Магриба – в трудах двух поздних авторов сохранена. В труде ал-Фергани, естественно, нет упоминаний о народах ар-Рус, ал-Булгар, жителях Севера. Однако сама схема описания климатов сохранилась и использовалась, с различными модификациями, в трудах арабских географов X в., затем перешла, как было показано выше, и к более поздним авторам.

Ал-Бируни привел систему деления Земли по существующим морям, которые считались как греками, так и арабами ответвлениями единого Окружающего Землю Океана. Она тоже присутствует в труде Йакута.

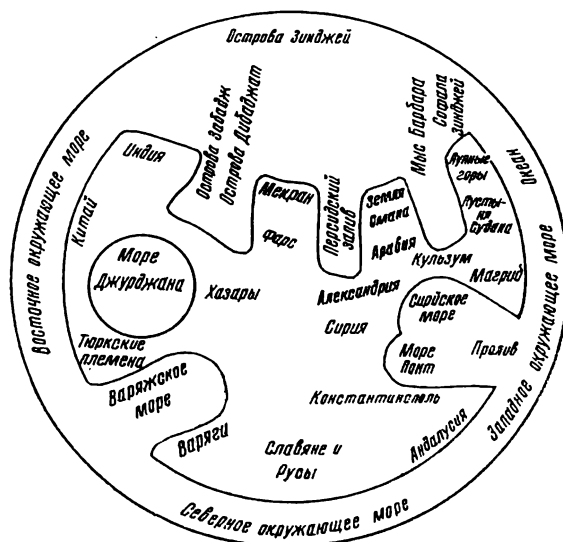
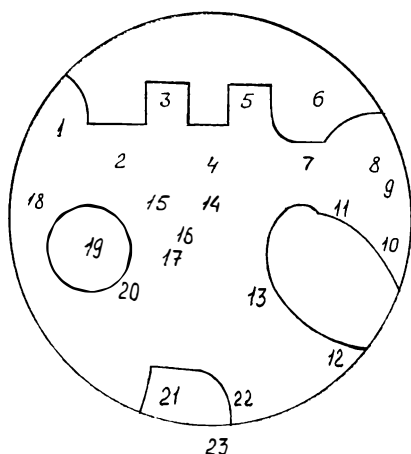


Рис. 5: [Аль-Бируни, 1975. С. 101].



На плане изображены народы и страны вокруг водных массивов, которые являются заливами Окружающего океана. Йакут воспроизвел картину ал-Бируни (Рис. 6) [Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866, табл. 2 между с. 22 и 23]:

Поскольку на этой схеме Йакута издания Вюстенфельда названия не всегда хорошо различимы, я показываю вместо арабских наименований цифры с прилагаемым русским переводом: 1. Ас-Син (Китай). 2. Ал-Хинд (Индия). 3. Мекран (прибрежная область Белуджистана). 4. Фарс (Персия). 5. Аден, Оман, Аравийский полуостров. 6. Мыс ал-Барбар (берберов). 7. Ал-Кулзум (Клизма на Красном море). 9. Пустыня Черных на западе. 10. Страны ал-Магриба (Запада). 11. Ал-Искандарийа (Александрия Египетская). 12. Ал-Андалус (мусульманская Испания). 13. Ал-Кустантийна (Константинополь). 14. Ал-Ирак. 15. Хорасан. 16. Ар-Рус. 17. Ас-Сакалиба. 18. Виды тюрок. 19. Море ал-Хазар (и у ал-Бируни, и у Йакута отмечено, что это море не является заливом Окружающего океана, это замкнутый бассейн). 20. Ал-Хазар. 21. Море Фаранка (варягов). 22. Фаранк (варяги). 23. [Море] Северное Окружающее.

Йакут привел ряд сведений, не аналогичных материалам ал-Бируни: так, он назвал Каспий морем Хазар, а не Джурджана; показал в середине обитаемой Земли народы ар-Рус и ас-Сакалиба; Варяги названы не так, как у ал-Бируни: Фаранк, а не Варанк. Возможно, Йакут имел в виду Франков, а не Варягов, но написание может быть просто ошибкой переписчика.

Для описания Каспия и у ал-Бируни, и у Йакута имеются отдельные разделы. Эталоном для Йакута и здесь послужила информация ал-Бируни, о чем он сам предупреждал: «Что касается состояния дел [по] размещению морей на обитаемой земле, то лучшее, что дошло до меня об этом, это рассказ Абу Райхана ал-Бируни: «Вблизи Табаристана – море порта Джурджан, на нем – город Абаскун, он известен. Затем простирается к Табаристану и земле ад-Дайлам, Ширван и Дербент и местности ал-Лан, затем к ал-Хазару, затем реке Итил при ее впадении (в это море. – Т. К.), затем к стране Тогузгузов, затем возвращается к Абаскуну. И также называется (это море. – Т. К.) по имени всех прилегающих этих (стран. – Т. К.), а более всего известно у нас по хазарам (*ал-хазар*), а у древних по Джурджану. А Птолемей называл его морем Гиркании (*Ирканийа*). И не соединяется оно ни с одним морем». Кроме ал-Бируни, сведения могут восходить и к книге ал-Истахри, хотя не в точности [Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866. S. 21–22; *Viae regnorum...*, 1870. P. 217–218; *Аль-Бируни*, 1975. С. 101–102].

Есть у Йакута и другие сведения: «Говорят, что Итил... – название великой реки, подобной Тигру, в стране Хазар. Она течет из страны Русов и Булгар. Говорят, что Итил – столица страны Хазар и река, которая называется также». Здесь также есть отголоски известий ал-Истахри [Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866. S. 112]. Основой сведений, возможно, являются материалы ал-Истахри: «Что касается Хазар, то это название климата, и ее столица называется Итиль, а Итиль – название реки, которая течет к ним от Русов и Булгар» [*Viae regnorum...*, 1870. P. 220].

«Между Ардабилем и Хазарским морем расстояние в два дня пути через густые чащи, в которых жители укрываются в случае неожиданного нападения» [Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866. S. 182].

«Иркания – одно из названий Хазарского моря, у которого есть и другие имена. Я упомяну о них (в статье. – Т. К.) «Хазарское море». Аристотель называл его Ирканией, как говорил Абу-р-Райхан (ал-Бируни. – Т. К.)» [Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866. S. 210]. Первоисточниками этих данных послужили воззрения ал-Бируни: «Недалеко от Табаристана – море гавани Джурджана, на котором находится город Абаскун, оно известно как море Джурджана. Оно простирается к Табаристану, стране Дейлем, Ширвану, Баб ал-Аб-вабу и области Аланов, затем к стране Хазар при впадении в него реки Итиль, затем к областям Гузов и возвращается к Абаскуну.

Это море тоже носит название прилегающих к нему стран, больше всего – под названием Хазарского моря – по Хазарам. Древние называли его по Джурджану, так как Птолемей называл его морем Гиркании. Оно не соединяется ни с каким другим морем» [*Аль-Бируни*, 1975. С. 99–100].

Впадающую в море Хазар реку Итиль Йакут описывал после рассказа о великане, который однажды появился в стране булгар: царь их Алмуш написал письмо народу Вису, спрашивая о нем, и получил ответ, что этот человек – из числа Йаджудж и Маджудж, которые живут на расстоянии трех месяцев пути от области Вису. Этот фрагмент известен из «Записки» Ибн Фадлана [*Ковалевский*, 1956. С. 138–139]. Однако Йакут добавляет: «Я не поручусь за достоверность (этих известий. – Т. К.), и за рассказ Ибн Фадлана, и за то, что ал-Муктадир направил его в Булгар, город известный и знаменитый, как подтверждают люди².

Я видел несколько копий (книг. – Т. К.), согласно которым река Итил [такова], что никто не сомневается в ее величине и длине. Она течет с дальнего юга и идет через Булгар, Русов и Хазар и впадает в озеро Джурджана³. По ней ходят купцы до Вису и привозят много мехов бобров, соболей, белок. Говорят, что место выхода ее – от страны Хирхизов, идет между Кимаками и Гузами, и она – граница между ними. Затем идет западнее до Булгар, затем поворачивает к Буртасам и стране Хазар и впадает в море Хазарское. Говорят, что ответвляются от реки Итил больше семидесяти рек, но сохраняется главная часть реки, течет к хазарам и впадает в море. Говорят, что вода [Итила], когда собирается в одном месте, то его высота не превышает реку Джайхун, и равняется с ним (Джайхун. – Т. К.) по обилию воды, ее широты и по ширине своего русла. Когда она (река. – Т. К.) достигает моря, то впадает в море [на расстояние] двухдневного перехода, и отличается цвет [воды в реке] и цвет воды в море, и господствует [вода реки] над водой моря, которое даже замерзает из-за его пресности» [*Jacut's geographisches Wörterbuch...*, 1866. S. 113–114]. Этот фрагмент почти аналогичен тексту ал-Истахри [*Viae regnorum...*, 1870. P. 222].

² Эта фраза показывает критичность отношения Йакута к собранной им информации, что является нечастым явлением в арабской литературе.

³ Здесь употреблено слово *бухайра*, которое означает «озеро», но в данном случае речь идет о Каспийском море. Ал-Мукаддаси, например, почти повсюду называл Каспий просто *бухайра* [*Калинина*, 2009. С. 187–201].

Описание Каспия имеется и в другом фрагменте: «Море Хазар... – это море Табаристана, Джурджана и Абаскуна, это единое [море]. Это широкое, великое море, не соединяется с другими [морями]. Оно называется также Хорасанским и Джиланским, а некоторые его иногда называют Хорасанским кругом⁴. Говорят, что по-персидски оно называется *Зарах-Акфуда* и называют также *Акфуда-Дарйа* (Море Синее. – Т. К.). Аристотель называет его 'Ирканийа, а иногда называют его Хорезмским, но это неверно, ибо Хорезмское море (*бухайра*)⁵ совсем другое, и я скажу о нем в своем месте, если будет на это воля Аллаха. На берегу него [морья Хазар находится] Баб ал-Абваб, т.е. Дербенд, как мы говорили уже об этом. Со стороны востока, стороны около него (морья. – Т. К.), горы Мукана и Табаристана и гора Джурджана. Оно тянется до самого Дихистана, а там – Абаскун. Затем поворачивает на восток к стране Тюрков, а оттуда в сторону севера – к стране Хазар. И впадает в него (море. – Т. К.) много больших рек, в их числе – Кура, Аракс и Итил. Говорит ал-Истахри: что касается морья Хазар, то восточнее – часть Дайлама, Табаристана и Джурджана, а часть – степи, которые между Джурджаном, Хорезмом, а западнее – аланы от гор Кавказа до пределов Сарира и страны Хазар и часть степей Гузов, а севернее – степи гузов, а они – вид тюрок в стороне Сийах Куха, а южнее – Джиль и часть Дайлама. Сказал [ал-Истахри]: А море Хазар не соединяется ни с одним каким-либо соседним морем на поверхности земли ни путем соединения с этим морем, ни путем связи; и если бы человек [захотел] обойти это море, то вернулся бы к тому месту, с которого начал [путь], и не было бы у него препятствий, кроме реки, впадающей в него. Это море соленое, нет у него ни приливов, ни отливов, это море темное, дно его грязное, в противоположность морю Кулзума или морю Фарса, так что в некоторых местах морья Фарса иногда видно дно и белые камни, потому что там чистые белые камни под его водой. И не выходит из этого

⁴ Такое мнение высказывал Ибн ал-Факих: «Третье море – Хорасанское Хазарское. [Оно называется так] по причине близости к нему хазар. Оно простирается до Мукзана, Табаристана, Хорезма, Баб ал-Аббаба. От морья Джурджана до залива хазар – десять дней пути. Когда же ветер благоприятствует [путникам] – то восемь дней морем и два дня по суше. Это море называется Хорасанским кругом. Диаметр его сто фарсахов, а длина окружности тысяча пятьсот фарсахов» [Compendium..., 1885. Р. 7–8].

⁵ Здесь имеется в виду Аральское море.

моря ничего: ни драгоценные камни, ни кораллы, ни жемчуг, не привлекают ничего, кроме рыбы. Плавают по нему купцы из мусульманских стран в страну хазар, и в [области] между Арраном, Гиляном. Джурджаном и Табаристаном. И нет в этом море обитаемых островов, таких населенных, как в морях Фарса, Рума и других, но [есть] в нем остров, на нем лесные чащи, ручьи, заросли деревьев, но нет людей. [Такой] остров – Сийах Кух. Я упоминал также, что вблизи реки Кура – другой остров, на нем также деревья, воды, собирают на нем марену. Доставляют на него (остров. – Т. К.) на судах вьючных животных, они пасутся, пока не станут жирными. [Есть там] остров, известный как остров ар-Русийа⁶, и небольшие острова. И [если идти] от Абаскуна до Хазар направо по берегу моря, нет ни одного селения и ни одного города, кроме места, [находящегося] в пятидесяти фарсах от Абаскуна, называемого Дихистан, и постройки, вдающейся в море, чтобы укрывались за ней корабли во время бурь на море. И направляется в это место много людей со [всех] сторон, чтобы рыбачить, и на нем есть вода [пресная]. А больше я ничего не знаю.

Однако если идти налево от Абаскуна в сторону Хазар, то непрерывно тянутся возделанные земли, и если идти от Абаскуна [еще дальше] налево, достигнешь пределов Джурджана, Табаристана, Дейлема, Гиляна, Мукана, Ширвана, Маската и Баб ал-Аббаба. Затем от Баб ал-Аббаба до Самандара четыре дня пути, от Самандара до реки Итил семь дней пути по степи... Говорят, что окружность этого моря равняется 1500 фарсахам, а диаметр – 100 фарсахам. Однако Аллах знает лучше!». Большая часть этого сообщения восходит к данным ал-Истахри [Jacut's geographisches Wörterbuch..., 1866. S. 550–551; Viae Regnorum..., 1870. P. 218–219].

Размеры статьи не позволяют охватить всего многообразия сведений книги Йакута о Хазарии, море Хазар и их городах, связанных в основном с информацией предшественников. Ряд таких данных в

⁶ Однократное упоминание острова Русийа в Каспийском море трудно объяснить. Маловероятно, но все же может быть, что это отголосок известий Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси, книгой которого Йакут пользовался, об острове русов. Однако все авторы (до и после ал-Мукаддаси) говорят о русах, которые жили на некоем острове без названия, никак не связывая его местоположение с Каспием. Поэтому вероятнее всего, мы встречаемся со случайным совпадением названия острова с этнонимом «рус, русийа».

русском переводе, хотя далеко не все, ввела в уже упомянутой выше книге Н. Гараева (однако почти без указаний первоисточников). Известия, разобранные выше, показали, что в описании восточноевропейских и азиатских территорий в теоретической части своего труда Йакут следовал в основном данным ал-Бируни, который жил двумя веками раньше. Однако Йакут иной раз добавлял некоторые новые материалы. Что же касается реалий, то в них главным образом присутствует информация предшественников (в данном случае – Ибн ал-Факиха, Ибн Фадлана, ал-Истахри), которую Йакут передавал почти без изменений, но и относился к своим данным с изрядной долей критики. Исследования прочих известий Йакута и определение первоисточников их остаются на будущее.

Источники и литература

- Аль-Бируни Абу-р-Райхан. Геодезия (Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами) / Исслед., пер. и примеч. П.Г. Булгакова // *Бируни Абу Райхан. Избранные произведения*. Т. III. Ташкент, 1966.
- Аль-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад. Книга вразумления начаткам науки о звездах // *Аль-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад. Избранные произведения*. Т. VI. М., 1975.
- Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., коммент. М., 1988.
- Калинина Т. М. Сведения Шамс ад-Дина ал-Мукаддаси о Хазарии // *Хазарский альманах*. Т. 8. Киев–Харьков, 2009.
- Калинина Т. М. Легендарные народы на краю Ойкумены (по данным арабских средневековых ученых) // *История наук о Земле. Сборник статей*. Вып. 4. М., 2011.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // *Крачковский И. Ю. Избранные сочинения*. Т. IV. М.–Л., 1957.
- Розен В. Р. Прологомена к новому изданию Ибн Фадлана // *Записки Вост. отд. Имп. Рус. Археолог. об-ва*. Т. XV. 1902.
- Compendium libri Kitāb al-Boldān auctore Ibn al-Fakīh al-Hamadhāni... / M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1885.
- Heer F. J. Die historischen und geographischen Quellen in Jaqut's Geographischen Wörterbuch. Straßburg, 1898.
- Honigsmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Heidelberg, 1929.

- Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, und Paris auf Kosten der Deutschten Morgenländischen Gesellschaft / Hrsg. Von F. Wüstenfeld. Bd. I. Leipzig, 1866.
- Das Kitab Surat al-ard des Abu Ġa'far Muhammad Ibn Musa al-Huwarizmi / Hrsg. V. Mžik. Leipzig, 1926.
- Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis qui vulgo Al-Fraganus dicitur. Elementa astronomica, arabice et latine. Amstelodami, 1669.
- Neugebauer O. A History of Ancient Mathematical Astronomy. Berlin–Heidelberg–New York, 1975.
- Viae regnorum... Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhri. Leiden, 1870.
- Wüstenfeld F. Jakut's Reisen, aus seinem geographischen Wörterbuche beschrieben // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. XVIII. 1864.

Т. М. Калинина

**Йакут: первоисточники некоторых сведений
о Хазарии и Хазарском море**

Резюме

Статья посвящена теоретическим выкладкам арабского автора Йакута о местонахождении области Хазар на Земле и ряду реальных известий о море Хазар. Первоисточником построений Йакута была информация ал-Бируни; конкретные сообщения о море Хазар были тесно связаны с материалами Ибн Фадлана, ал-Истахри, ал-Бируни. В книге Йакута имеются и другие данные, которые необходимо анализировать в будущем.

Ключевые слова: Йакут, Хазары, Хазарское море, первоисточники.

T. M. Kalinina

**Yakut: some primary sources of information
about the Khazars and Khazar sea**

Abstract

The article is devoted to some theoretical information of Arab author Yakut about the location of the Khazar region on Earth and the real datas about the Khazar's Sea. The primary source of the materials of Yakut were the views of al-Biruni; concrete news about Khazar's Sea the were associated with the massages of Ibn Fadlan, al-Istakhri, al-Biruni. There are also other data about Khazars in Yakut's book which need to be analyzed in the future.

Keywords: Yakut, Khazars and Khazar sea, the primary sources.

В. В. Колода

УНИКАЛЬНЫЙ ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕЛИЩЕ МОХНАЧ-П

Микрорегион с центром на городище Мохнач в Змиевском районе Харьковской области (Украина)¹ одно из наиболее крупных и густонаселенных поселенческих гнезд на территории северо-востока Хазарии. По состоянию на сегодняшний день в округе этого городища выявлено 18 селищ, на 15 из которых есть культурные отложения салтовской археологической культуры, причем салтовские артефакты в своем большинстве доминируют или являются единственными. Среди этой группы памятников наиболее изученно и привлекает внимание селище Мохнач-П², расположенное на северной окраине указанного микрорегиона, на склонах высокого правого берега Северского Донца близ родника «Медный» в 3 км к северо-востоку от городища (рис. 1). Раскопки на селище велись в 2009, 2011, 2014 гг. На сегодня общая изученная площадь – $\approx 4000 \text{ м}^2$. Значительное количество раннесредневековых артефактов, в том числе и индивидуальных находок, а также разнохарактерных комплексов (40 из 43) неоднократно привлекали внимание исследователей и частично освещены в научной литературе (см. например: [Колода В. В., Колода Т. А., 2009, с. 203–216; Колода, 2010, с. 72; Горбаненко, Колода, 2013, с. 22–24, 67, 76–113]). Данная статья посвящена анализу трех последовательно выявленных в полевых условиях археологических комплексов, которые впоследствии определены как единое целое. Два из них (№ 36 и № 37 по полевой документации) определены как «хозяйственные клады» – отдельные наборы железных предметов;

¹ Городище, как и его микрорегион в целом, является памятником нескольких археологических эпох [Колода В. В., Колода Т. О., 2001, с. 42–45; Колода, 2007, с. 9–15].

² Начиная с исследований Б. А. Рыбакова в 1950 г. [Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 77], поселения получают буквенную нумерацию.

еще один – остатки котлована слабо заглубленного жилища (комплекс № 38), в жилом пространстве которого и были выявлены указанные выше хозяйственные наборы.

Выявленные в нижней, довольно крутой, части склона остатки **комплекса № 38** (жилище) имели вид небольшого овального котлована, что соответствовало углублению центральной части жилого помещения (рис. 2). Его верхние размеры 260 × 150 см (длинной осью по меридиану) с плоским дном на глубине 50 см. По центру пола выявлены остатки открытого очага в форме неправильного овала с приблизительными размерами 65 × 50 см. Он располагался на искусственном останце из суглинка. Степень пропекания его поверхности составляла 2–3 см³, размеры помещения в настоящий момент определить невозможно в виду того, что комплекс находится в густом лесу с многолетними деревьями. Однако можно предположить наличие входа с восточной стороны (ниже по склону). Заполнение комплекса состояло из чернозема с редкими кусками обмазки и одиночных фрагментов салтовской кухонной и столовой гончарной керамики [Колода, Свистун, 2015, с. 39–40, рис. 59, 61, 62, 73]. Наличие асимметричной небольшой (слабо выраженной) западины на поверхности памятника, небольшие размеры зафиксированного котлована при наличии отопительного устройства позволяют с большой долей уверенности утверждать, что мы имеем дело с практически наземным жилищем, заглубленным лишь в своей центральной приочажной части (его реальные размеры и площадь определить невозможно). Следовательно, комплексы № 36 и № 37, выявленные в 30 и 60 см (соответственно) от котлована, составляли с жилищем одно целое и были внутренними ямами для хранения хозяйственных наборов железных предметов.

Рассмотрим их подробнее.

Комплекс № 36 (рис. 2) представлял собою узкую яму без четких в плане границ (предполагаемый диаметр составлял 20–30 см) глубиной 90–95 см, в которую были помещены плотным пучком (вероятно, обернутые тканью и кожей) железные предметы, которые имеют устойчивые аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры. В набор входили **предметы сельскохозяйственного инвентаря**: наральник с наварными лезвиями (рис. 3: 1); втулка от наральника (рис. 3: 2) и мотыжка с вертикально расположенной

³ Не исключено, что суглинистый останец был по верху вымазан глиной, которая и спеклась в корочку; ее остатки мы и смогли проследить.

несомкнутой втулкой (рис. 3: 3); 3 косы (рис. 3: 4–6) и 9 серпов (рис. 3: 7–15). Вместе с ними выявлен инструмент деревообработки – струг с одной отломанной ручкой (рис. 4: 6). Часть находок можно отнести к **предметам кочевого быта**: дужка от котла (рис. 4: 2) и части конской упряжи, которые включали в себя подпружную пряжку (рис. 4: 1) и две пары стремян (рис. 4: 3–6). Причем одна из них нераздельная из-за прикипевшей ржавчины (рис. 4: 6). Заметим, что в каждой паре были стремяна с разными петлями для путлища: трапецевидной и округлой. Исходя из формы углубления и характера его заполнения, данный комплекс мы считаем ямой для хранения инструментов и наиболее важных в хозяйственном отношении предметов салтовской культуры.

Комплекс № 37 располагался в 60–70 см к 3–С3 от предыдущего (№ 36). Его верхний край в плане представлял собою овал размерами 40 × 35 см, стенки книзу сужались. Его плоское овальное дно расчищенное на уровне 70 см, имело размеры 30 × 20 см (рис. 2). В отличие от вышеописанного комплекса, в этом предметы находились довольно свободно, в виду чего нельзя предположить их предварительное обматывание чем-либо. В целом, все найденные в комплексе предметы, аналогии которым мы находим в салтовской культуре, можно разделить на категории, аналогичные тем, что обнаружены в предыдущем комплексе: **сельскохозяйственный инвентарь, орудия ремесла и промыслов, а также предметы кочевого быта**.

Сельскохозяйственный инвентарь можно разделить на 2 группы: 1) орудия земледелия и 2) орудия, связанные со скотоводством. Земледельческие, в свою очередь, функционально относятся к двум подгруппам: орудия обработки почвы и орудия сбора урожая. К первой подгруппе следует отнести втульчатый слегка асимметричный наральник с наварными лезвиями (рис. 5: 1), пару чересел (рис. 5: 2, 3) и мотыжку с вертикальной несомкнутой втулкой (рис. 6: 10). Орудия сбора урожая представлены двумя видами – серпами и косами. Из семи серпов четыре относятся к изделиям с черешковым креплением рукояти (рис. 6: 1–3, 5). С ними же, вероятно, связано и 2 обломка от черешков (рис. 6: 4, 9). Три жатвенных серпа соединялись с рукоятями с помощью столбикового крепления и приматывания (рис. 6: 6–8)⁴. Заметим, что один из серпов этого вида имел малый изгиб рабочей части и был похож, скорее,

⁴ Разные способы крепления салтовских серпов к рукоятям хорошо проиллюстрированы в литературе [Горбаненко, Колода, 2013, рис. 20]

на специализированный жатвенный нож. Судя по тому, что его «столбиковое» крепление было приварено к основному рабочему телу дополнительно, не исключено, что изначально он и был каким-то специализированным ножом (рис. 6: 8). Все косы (6 экз.) были горбушами и относились к так называемому беспяточному типу (рис. 6: 4–9). К косовищу они крепились «в паз» при помощи штифта, продаваемого через отверстие с тыльной части косы и, не исключено, приматывания⁵. Специализированные скотоводческие орудия представлены мясницкими ножами для разделки туш животных, у одного из которых на конце рукояти полностью сохранилось кольцо для подвешивания (рис. 6: 12, 13).

Орудия ремесленного назначения в данном комплексе представлены двумя топорами (рис. 7: 2, 3), долотом (рис. 7: 1) и двумя овальными скобелями (рис. 7: 4, 5). Если узколезвийный топор мы можем отнести к ремесленным инструментам общего назначения, то остальные орудия – это специализированные деревообрабатывающие инструменты. **Предметы кочевого быта** представлены тремя наборами удил со столбиковыми псалиями (рис. 6: 14–16) и подпружной пряжкой (рис. 6: 11). В данном комплексе находился и лепестковый замок с железными скобами для крепления к деревянной основе (рис. 7: 6). Судя по размерам и местам изгибов скоб для крепления, толщина деревянной основы, на которую навешивался этот замок, составляла 5–6 см.

Все материалы и предметы, выявленные в данном жилом сооружении и ямах-хранилищах хозяйственных инструментов, имеют устойчивые аналогии в салтовской археологической культуре, но не имеют узкой хронологии. Это дает возможность датировать данное жилище с описанными ямами (комплексы № 36–38) лишь в общих рамках хронологии данного поселения: вторая половина VIII – IX в. н.э. [Колода, 2010, с. 72; Колода, 2012, с. 436], а также предположить, что все предметы, найденные в двух ямах-хранилищах, существовали и использовались в одно и то же время. Косвенным доказательством этого может быть не только типологическое сходство предметов одного назначения, но и тот факт, что они как бы дополняли друг друга. Рассмотрим это подробнее.

В каждом из хозяйственных наборов (№ 38 и № 37) найдены наральники (тип I В 2 [Краснов, 1987, с. 29]) с наварными лезвиями,

⁵ Возможные способы крепления салтовских кос к рукоятям хорошо проиллюстрированы в литературе [Горбаненко, Колода, 2013, рис. 21, 22].

однако пара чересел (тип II ножевидные [Горбаненко, Колода, 2013, с. 78]) имеются лишь в последнем. Однако нам неизвестны салтовские хозяйственные комплексы с пахотными орудиями, где бы чересла были найдены без наральников, а вот комплексы, где наральники представлены без чересел, известны. Поэтому логично предположить, что одно из чересел могло использоваться в паре с наральником из другого набора (№ 36). В обоих наборах найдены однотипные мотыги с вертикальной несомкнутой втулкой. Из жатвенных орудий отметим, что здесь представлены однотипные серпы (с численным преимуществом черешковых как наиболее продуктивных в каждом наборе). В каждом из наборов преимущество отдано косам II типа [Мухеев, 1985, с. 31]. Обращает на себя внимание, что в одном из комплексов (№ 36) имеются 2 пары стремян, а в другом (№ 37) – три пары удил со стержневыми псалиями, хотя в каждом из наборов найдено по одной полуовальной подпружной пряжке.

В каждом наборе выявлены как целые, практически готовые к использованию предметы, так и явно нуждающиеся в ремонте. К последним относим втулку от наральника (рис. 3: 2), мотыжку с поврежденной втулкой (рис. 3: 3) и струг с явно обломанной ручкой (рис. 4: 6) из комплекса № 36, а также две косы (рис. 5: 4, 8), топор с поврежденной втулкой (рис. 7: 2) и один из скобелей (рис. 7: 4) – комплекс № 37. В каждом из наборов присутствуют обломанные серпы и их фрагменты (рис. 3: 7, 14; рис. 6: 2–4, 9). Это свидетельствует о том, что, несмотря на достаточно большое количество инвентаря и его разнообразную номенклатуру, им дорожили (не выбрасывали, а подвергали ремонту). Прямым подтверждением этому служат наварные лезвия наральников и явные следы ремонта/переделки одного из жатвенных орудий (рис. 6: 8). О возможности такого ремонта косвенно свидетельствует и наличие на поселении кузнечной мастерской (Колода В. В., Колода Т. А., 2009, с. 203–216).

Выявление двух похожих по составу хозяйственных наборов в пределах одного жилого комплекса (домохозяйства) представляется интересным, прежде всего, в социальном плане. Однако уникальность этого факта (единственный известный нам случай в раннесредневековой археологии Восточной Европы, и не только) пока даже не позволяет поставить этот вопрос на повестку дня. Ясно лишь то, что этот факт является показателем довольно сложных внутренних семейно-родовых отношений. Не менее важен и иной – хозяйственный – аспект интерпретации так называемых хозяйст-

венных наборов («хозяйственных кладов») в салтовской культуре. Публикация вышеописанного комплекса с двумя такими наборами позволяет внимательнее относиться к таковым в рамках древностей хазарского периода в целом.

Несмотря на то, что салтовские памятники уже более столетия привлекают внимание археологов, такая категория комплексов, как хозяйственные ямы, почему-то не пользуется вниманием исследователей. Информация о них исправно заносится в их полевые отчеты, но в большинстве случаев редко востребуется для анализа и публикаций. Хозяйственные ямы (и то в качестве второстепенного материала) крайне редко включаются в общий анализ диссертационных работ и в некоторые обобщающие монографии [Винников, 1984, с. 130–131; Плетнёва, 1989, с. 46–50; Красильникова, 2005, с. 11–12]. В первых двух они типологизированы лишь по форме, в последней из упомянутых работ (диссертационного характера) предпринята попытка разделить ямы не только по форме, но и по объему и месту расположения в системе поселения. Не исключая такого подхода, придерживаюсь мнения, что более важным критерием в оценке хозяйственных ям является их назначение. Этот принцип и был положен в основу их группировки при анализе сельского хозяйства на салтовских лесостепных памятниках Северского Донца. Замечу, что эта типология касалась лишь тех видов ям, которые использовались для хранения сельскохозяйственной продукции: погреба, специализированные зерновые ямы и амбары [Колода, Горбаненко, 2010, с. 136–137; Горбаненко, Колода, 2013, с. 91–98].

Но, несмотря на то, что в последнее время в связи с расширением числа публикаций материалов полевых исследований на салтовских поселениях объем сведений о хозяйственных ямах возрастает, мы не можем назвать ни одного специализированного исследования по хозяйственным ямам салтовской культуры, за исключением работы тезисного характера, еще об одной из групп хозяйственных ям [Колода, 2014а, с. 54–55]. Эти ямы, равно как и проанализированные выше комплексы № 36 и № 37 раскопа-I на селище Мохнач-П, отличаются необычностью своего заполнения, а именно – наборами схожих железных предметов. Это отличает их от традиционно интерпретируемых небольших хозяйственных ям «мусорного» заполнения, а также сложных по конструкции (ступени, ниши, подбой) погребов, зерновых ям (простота конструкции при большом объеме) или амбаров с ямами для хранения зернового запаса. Такие ямы

выявлены на памятнике Государев Яр [Давыденко, Гриб, 2011, с. 250–269; Колода, 2013, с. 73–81], на городище Мохнач [Колода, 2014, с. 254], на селище Маякское-2 [Аксёнов, 2003, с. 66–67; Михеев, 1966, с. 4, 12–14]. Уверен, что этим списком количество подобных комплексов не исчерпывается. Их выявление – дело будущего: продолжение полевых исследований, а главное – долгая кропотливая работа в фондах и архивах над коллекциями и отчетами.

Однако уже сейчас ясно, что характерной чертой ям выделяемой группы является то, что они содержат значительное количество железного инвентаря, который за редким исключением относится к трем категориям изделий: орудия сельского хозяйства, ремесла и домашних промыслов, а также предметы воинского и кочевнического потребления. В наиболее общем виде это представлено в табл. I.

Таблица 1

*Сводная информация о «стандартизированных»
хозяйственных наборах*

Памятник, комплекс	сельское хозяйство		ремесло и промыслы			предметы кочевого быта и воинского снаряжения			керамика	прочее
	земледелие	скотоводство	общ. назначения	металлообработка	дерево, кожа, кость	конская упряжь	котёл / вилка	вооружение		
Государственный Яр-1	6		1				2			1
Государственный Яр-2	5	1					2			
Государственный Яр-3	6		1							
Государственный Яр-4	5		1							
Государственный Яр-5	5	2	1		1	3	1			1
Государственный Яр-1 (КВВ)	4			5		2	1	1	1	1
Государственный Яр-1 (КВВ)	5		1			5	1	1		
гор. Мохнач (Раскоп-Х, компл.-71)	8		1	1	2	4	1		5	2
сел. Мохнач-П (Раскоп-І, компл.-36)	15				1	5	1			
сел. Мохнач-П (Раскоп-І, компл.-37)	17	2	1		4	4				1
сел. Маякское-2 (компл. № 47)	11	1		1	3					1
сел. Маякское-2 (компл. № 53)	4	2	6		5	5	2		2	11

Наиболее репрезентативен **земледельческий инвентарь**, в который обязательно входят орудия всех этапов земледельческого цикла: обработки почвы (наральники, чересла, мотыги) и сбора урожая (серпы, косы). Ботала, путы и мясницкие ножи можно отнести к **скотоводческому инвентарю**. Косы также можно связать со скотоводством — заготовками кормов для животных (однако в сводной табл. I они включены в число земледельческих орудий). Кроме **ремесленных инструментов** общего назначения (ножи, топоры с узкими лезвиями), нередко, а порой и в довольно представительных по ассортименту наборах встречаются специализированные инструменты по обработке металла, кожи, кости, дерева. Среди металлообрабатывающих инструментов представлены: наковальня, различные молоты и молотки-чеканы, ножницы по металлу, напильник. Инструменты для более мягкого сырья (дерево, кожа, кость, рог) более разнообразны: ножи-ложкорезы и шорные ножи, плотницкие топоры, струги, долота, скобели, лучковое сверло, шило и дверной пробой. К категории предметов кочевого быта и воинского снаряжения относится **конская упряжь** (удила, псалии, стремяна, детали оголовья, ременные пряжки и соединительные кольца, а также остатки луки седла), **кочевой кухонный инвентарь** (остатки котлов и вилок для вынимания из них мяса), в двух комплексах было представлено поврежденное **оружие** (боевые топорики).

В большинстве комплексов в качестве дополнительных «вложений» были выявлены и иные предметы, которые, за исключением комплекса № 53 на Маяцком селище-2 (табл. I), были единичны. Еще реже находились в таких комплексах сосуды. В этом плане с уверенностью можно говорить лишь о двух комплексах: № 71 в раскопе-Х на городище Мохнач (5 тарных сосудов) и комплексе № 53 на Маяцком селище-2 (2 столовых сосуда).

Отсутствие костей, следов от костра, вооружения, украшений, а также место обнаружения ям не позволяют отнести эти комплексы к погребальным. Состав предметных наборов свидетельствует в пользу того, что это хозяйственные ямы для хранения наиболее важных инструментов, орудий и предметов, необходимых для обеспечения жизнедеятельности отдельного домохозяйства. Об этом прямо свидетельствует содержание комплексов № 36 и № 37 в пределах салтовского жилища (комплекс № 38) на селище Мохнач-П), а также комплекс № 71 в раскопе-Х в пределах богатой усадьбы [Колода, 2014, с. 253–254]. Косвенно это подтверждается и «хозяй-

ственными кладами», которые также обнаружены в пределах поселений: на городищах Коробовы Хутора [Колода, 2014б, с. 40–49] и Сидоровское [Кравченко, 2012, с. 16–21]⁶.

Складывается впечатление, что таких ям – хранилищ наиболее важных предметов – не могло быть много (достаточно одной в домохозяйстве). Эти предметы должны были переноситься в места переселения. Причины их обнаружения в салтовских культурных отложениях вызывают новые вопросы, выходящие за пределы тематики данной статьи, основная задача которой, с одной стороны, привлечь внимание к одному из уникальных жилищно-хозяйственных комплексов, а с другой, ориентировать исследователей древностей Хазарского каганата на необходимость выявления и самостоятельного анализа подобных комплексов со «стандартизированными» хозяйственными наборами на салтовских поселениях.

⁶ По личному сообщению Э. Е. Кравченко, на салтовских памятниках среднего течения Северского Донца есть еще ряд «хозяйственных кладов», которые, однако, пока не опубликованы, что лишь увеличивает интерес к теме поиска подобных комплексов.

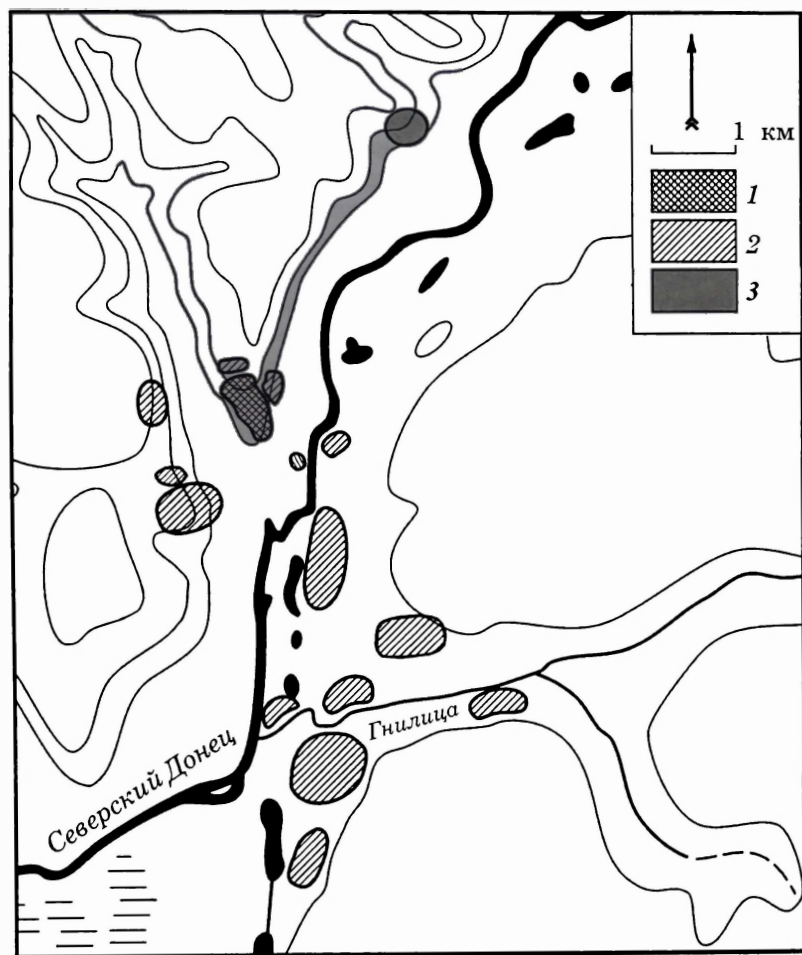


Рис. 1.
Карта-схема Мохначанского микрорегиона в хазарский период
(салтовская культура)

Условные обозначения:
1 – городище, 2 – селища, 3 – селище «П»

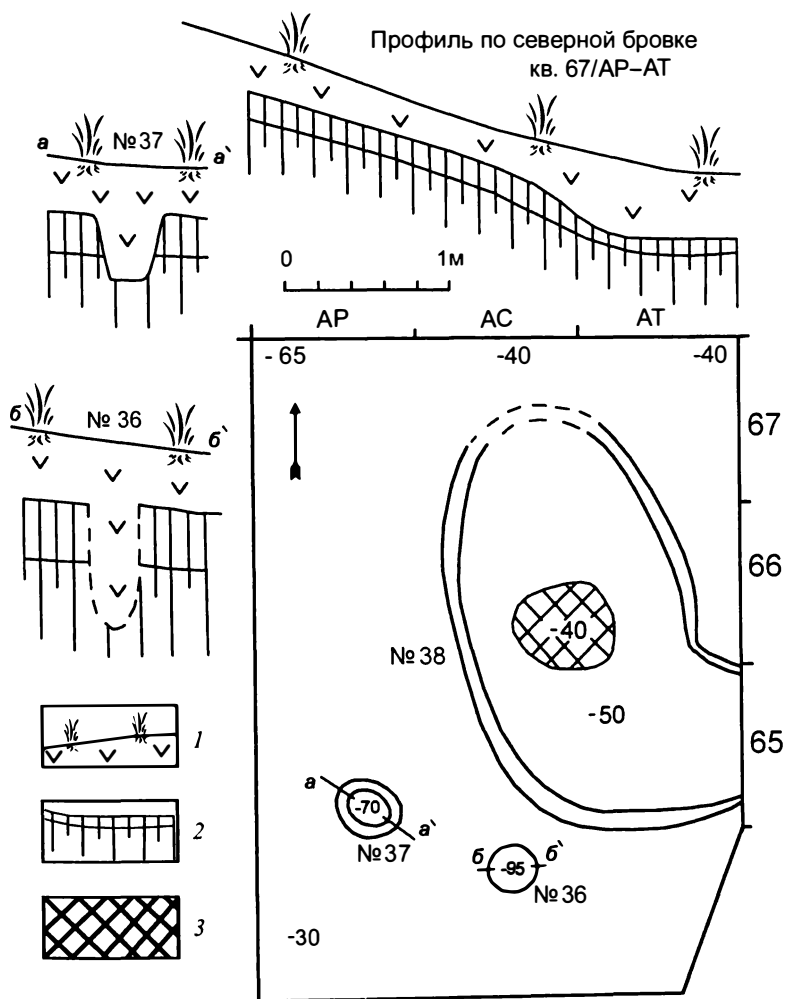


Рис. 2.

Планы и профили комплексов № 36–38 в раскопе-1 на селище Мохнач-П

Условные обозначения: 1 – дневная поверхность и культурный слой, 2 – предматерик и материк, 3 – очаг (печь)

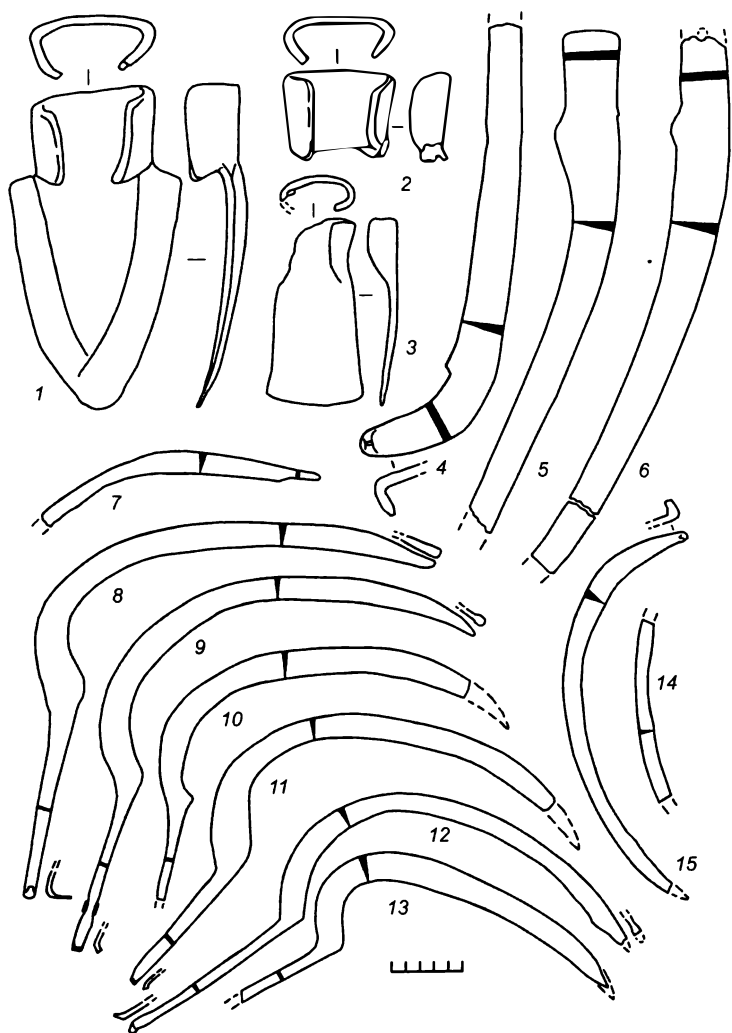


Рис. 3.
Сельскохозяйственный инвентарь комплекса № 36

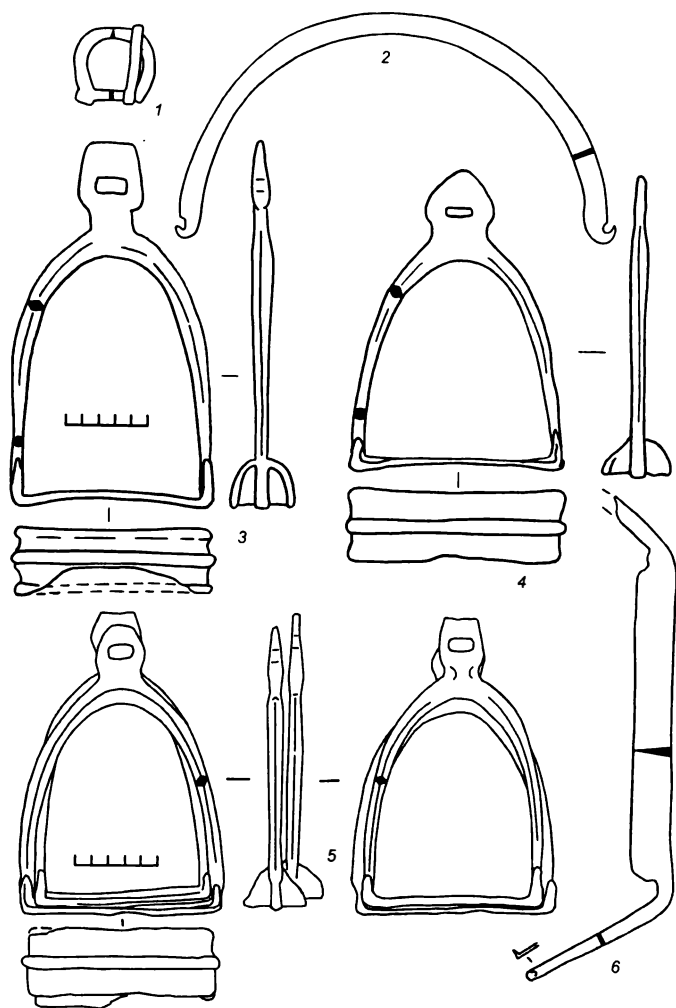


Рис. 4.

Струг (6) и предметы кочевого быта (1–5) из комплекса № 36

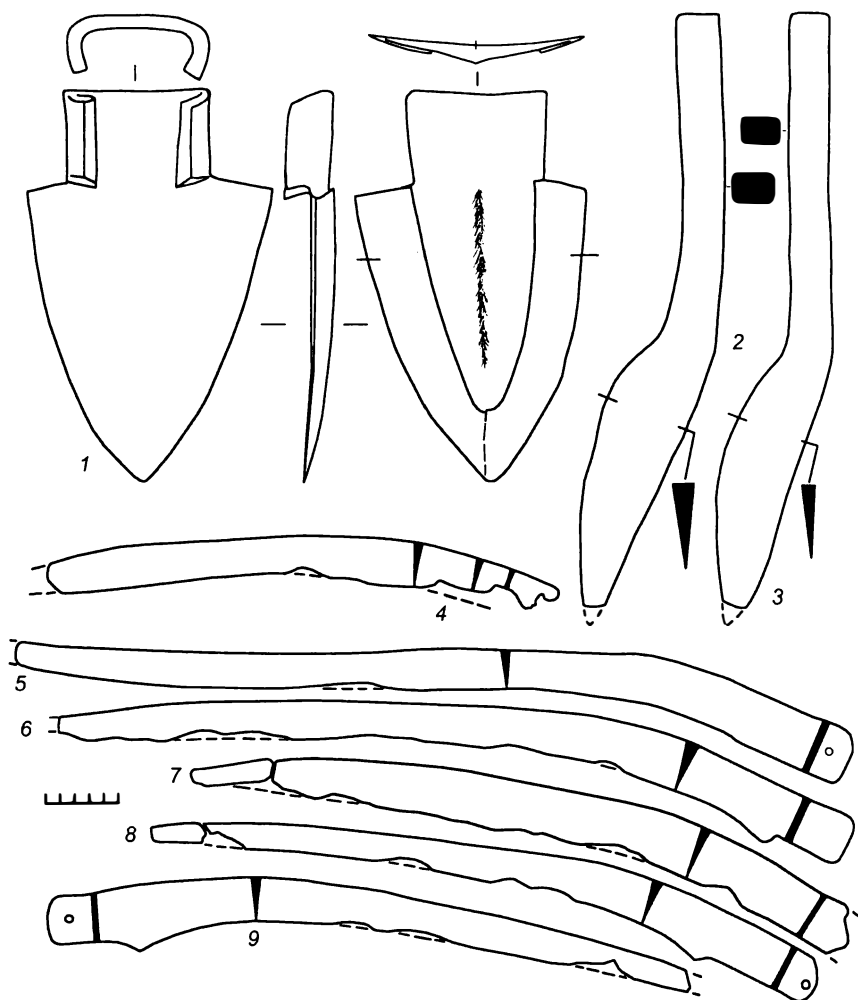


Рис. 5.
Сельскохозяйственный инвентарь комплекса № 37

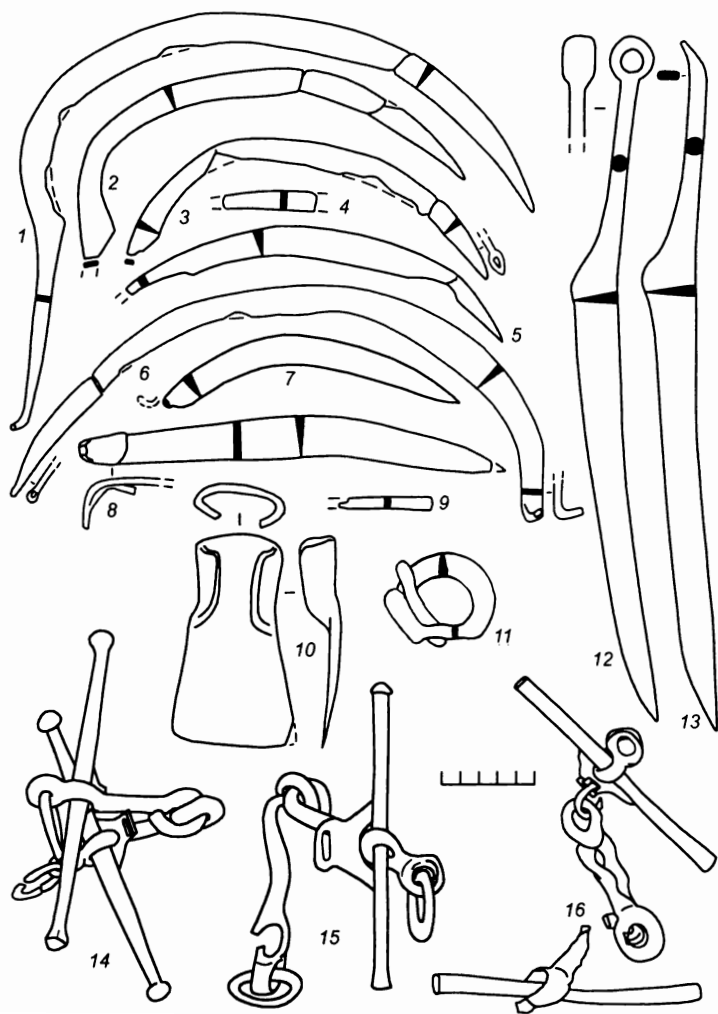


Рис. 6.
Сельскохозяйственный инвентарь (1–10, 12, 13) и конская упряжь (11, 14–16)
из комплекса № 37

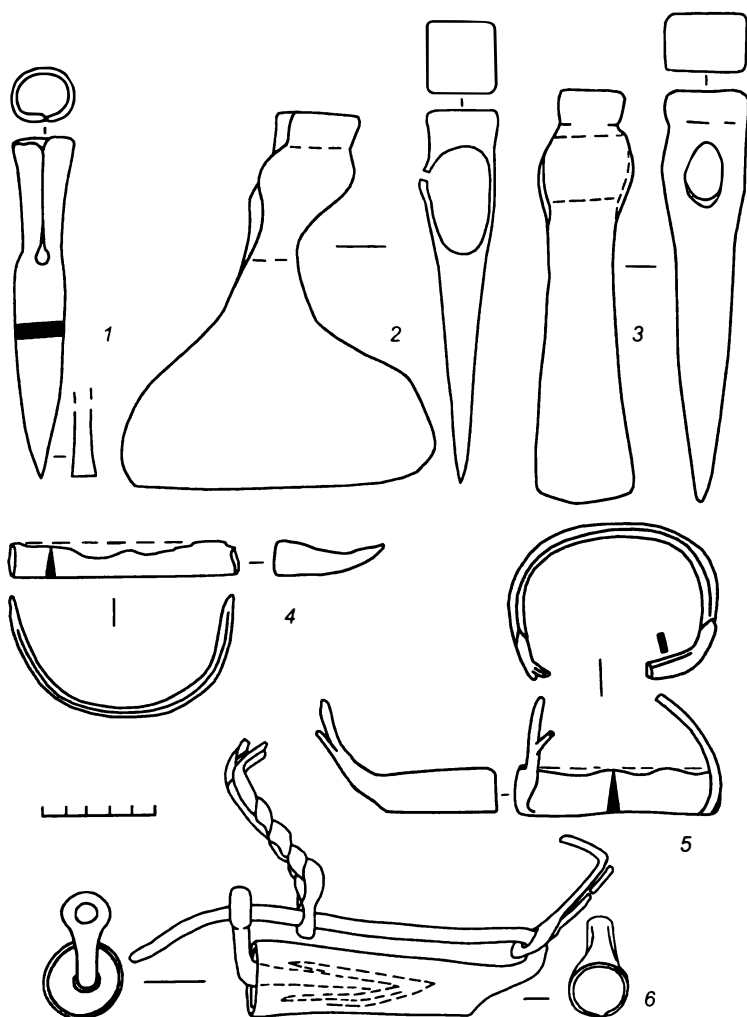


Рис. 7.
 Деревообрабатывающий инструмент (1–5) и замок (6)
 из комплекса № 37

Литература

- Аксёнов В. С. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища // Проблемы истории и археологии Украины: Збірник доповідей Міжнародної конференції до 100-річчя ХІІ археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2002 року. Харків, 2003.
- Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. М., 1984.
- Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі. Київ, 2013.
- Давыденко В. В., Гриб В. К. «Государев Яр» – новый памятник X–XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) // Археологический альманах. Донецк. 2011. № 25.
- Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. 2007. № 2.
- Колода В. В. Селище «Мохнач-II» в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). Харьков, 2010.
- Колода В. В. Исследования на селище «П» близ с. Мохнач // Археологічні дослідження в Україні в 2011 році. Київ, 2012.
- Колода В. В. Два салтовских комплекса из Государева Яра // Салтовомаяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. Харків, 2013.
- Колода В. В. Дослідження на городищі Мохнач // Археологічні дослідження в Україні в 2013 році. Київ, 2014.
- Колода В. В. О хозяйственных ямах со стандартизированными наборами предметов на салтовских поселениях // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы IX Международной научной конференции (Харьков, 30–31 октября, 2014 г.). Харьков, 2014а.
- Колода В. В. «Скарб» землеробських знарядь з городища Коропові Хутори // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Київ–Полтава, 2014б.
- Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев, 2010.
- Колода В. В., Колода Т. О. Старожитності с. Мохнач та його округи // Археологічний літопис Лівобережної України. Ч. 2. 2001.
- Колода В. В., Колода Т. А. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии // Хазарский альманах. Т. 8. 2009.
- Колода В. В., Свистун Г. Е. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2014 году / НА ИА НАНУ. Харьков, 2015.

- Кравченко Э. Е. Исследования линии укреплений археологического комплекса у с. Сидорово в 2012 г. // Святогірський альманах 2012. Збірка наукових праць. Донецьк, 2012.
- Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.
- Михеев В. К. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского района Донецкой области / Научный архив Институт археологии НАН Украины. № 1966/80.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.
- Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. Киев, 1977.

В. В. Колода

**Уникальный жилищно-хозяйственный комплекс
салтовской культуры на селище Мохнач-П**

Резюме

Статья посвящена необычному археологическому комплексу, исследованному на селище Мохнач-П (вторая половина VIII – IX вв. н.э.). Он состоял из остатков слабо заглубленного жилища и двух небольших внутренних ям, в которых хранились наборы железных предметов. Наборы содержали три схожие группы изделий: сельскохозяйственный инвентарь, ремесленные орудия и предметы кочевого быта и воинского снаряжения. Особый интерес вызывают два аналогичные хозяйственные набора в одном домохозяйстве. Социальная интерпретация этого комплекса затруднительна в виду его уникальности. Анализ экономического аспекта, с привлечением аналогий, дает возможность выделить группу специализированных хозяйственных комплексов у населения салтовской культуры. Это были ямы для хранения наиболее важных инструментов, орудий и предметов, наиболее необходимых для обеспечения жизнедеятельности отдельного домохозяйства.

Ключевые слова: салтовская археологическая культура, хозяйство, земледелие, ремесло, кочевой быт.

V. V. Koloda

**The Unique Housing-Economic Complex
of the Saltov Culture in Mohnach-P Settlement**

Summary

The article is dedicated to the unusual archaeological complex, investigated in Mohnach-P settlement (second half of VIII – IX century AD). It consisted of the remains of the slightly buried dwelling and two small inner pits, in which iron tool kits were kept. The kits contained three similar groups of articles: agricultural inventory, handicraftsman's implements, and items of nomadic life and military equipment. The presence of two analogous utility kits in the same household arouses special interest. Social interpretation of this complex seems challenging in terms of its uniqueness. Analogy-based economic analysis provides an opportunity to identify a group of specific economic complexes among the Saltov-culture population. It was the pits for keeping the highly important tools, implements, and items that were the most necessary in providing sustainability of a separate household.

Key words: Saltov archaeological culture, household, agriculture, handicraft, nomadic life.

Ю. М. Могаричев, В. В. Майко

ТЕПСЕНЬСКАЯ БАЗИЛИКА И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ФУЛ

«Фульская проблема» относится к числу наиболее трудно решимых в крымской медиевистике. К вопросу о том, где находился этот загадочный и «неуловимый» населенный пункт и одноименная христианская епархия, обращался не один десяток исследователей. Тем не менее параметры историкогеографической базы и аргументации различных гипотез не на много изменились с середины, а реально с начала XX в.¹ В связи с этим актуальной остается оценка, данная «фульскому вопросу» еще А.Л. Бертье-Делагардом, сказавшему, что «как зачарованный клад, они (фулы. – *Авт.*) не даются в руки» (см.: [Сорочан, 2002; Сорочан, 2005, с. 516–523, сн. 88]).

Как известно, в источниках впервые Фулы фиксируются в Житии Иоанна Готского. Его первоначальной редакции не сохранилось. Наиболее полная из дошедших до нас – сокращенный вариант, состоящий из десяти небольших отрывков (глав). Древнейшая версия источника, вероятнее всего, была составлена в 806–811 гг. В период патриаршества Мефодия (843–847) данное агиографическое произведение было переработано в новой, уже известной нам редакции [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 8–26]. Среди чудес, совершенных святым, присутствует сюжет о том, что, когда «преподобный сидел в темнице Фул» (после подавления антихазарского выступления в Готии, случившегося между концом 784 и 786 г. [Герцен, Могаричев, 1991, с. 115; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 109–199]), он посредством крещения исцелил сына «владельца» этого населенного пункта [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 14].

¹ Последние историографические обзоры см.: [Кропоткин, 1958; Майко, 2004, с. 10–16; Сорочан, 2002; Сорочан, 2005, с. 516–523, сн. 88; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 203; Шапошников, 2007, с. 252–255; Завадская, 2014, с. 212].

Затем Фулы, вернее «народ фульский», фигурируют в «Пространном Житии Константина Философа», составленном, вероятнее всего, между 869 и началом 880-х гг. [Сказания..., 1981, с. 10; Zuckerman, 1995, p. 243; Golden, 2007, p. 140], в рассказе о «хазарской миссии» Константина (860–861 гг.). Святой подвигнул этот уже приобщенный к христианству народ отказаться от языческого обычая, а именно – поклонения большому дубу, сросшемся с черешней [Сказания..., 1981, с. 85–86; Сорочан, 2014]. Насколько реальным было данное событие – вопрос научных дискуссий. Как представляется, данный сюжет несет в себе следы агиографического штампа. Равно как и эпизоды «чудесного» снятия хазарской осады с анонимного «христианского города» и не менее «чудесного» избавления от венгров Константина и его спутников [Могаричев, 2004]. Однако сказанное выше не отрицает существования на Крымском полуострове в середине IX в. местности, именуемой Фулы.

В так называемой нотиции де Боора, или Not. III (по Ж. Даррузе), составленной, очевидно, не ранее IX в., а скорее всего его второй половины (подробнее см. далее) упомянут епископ хотциров ((о)хоциров), ставка которого находилась рядом с Фулами и Харасиу(я) [Boor, 1891, p. 533; Darrouzes, 1981, p. 245].

В начале X в. (по мнению К. Цукермана, не ранее лета 920 г. [Цукерман, 2010, с. 419–427]) Not. VII (по Ж. Даррузе) фиксирует функционирование Фульской епархии. Она отмечена и в последующих списках епархий вплоть до середины XII в. [Кропоткин, 1958, с. 203; Darrouzes, 1981, p. 273–274, 294, 346, 352, 377, 385, 389]. Затем Фульская епархия была объединена с Сугдейской и возведена в ранг митрополии. По крайней мере, в 1182 г. скончался первый сугдо-фульский митрополит Феодор [Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 6, 285].

Приходится констатировать, что все предпринятые в историографии попытки «материализовать» Фулы успехов не имели. К сожалению, источники не сохранили никаких более или менее точных указаний, где они должны были находиться. Поэтому, вся аргументация исследователей, пытавшихся решить проблему Фул, строится, как правило, на более или менее удачных логических схемах этих же авторов. Сложность ситуации заключается еще и в том, что в Крыму трудно «найти место» для Фульской епархии. В Южной и Юго-Западной части полуострова находились Херсонская и Готская епархии, а в Юго-Восточной и Восточной – Боспорская и Суг-

дейская. При этом нет оснований помещать Фульскую епархию за пределы Крыма, на Таманском полуострове, как это делал еще Н. М. Мурзакевич [*Бертъе-Делагард*, 2011, с. 66]. Нотиции в это время фиксируют там церковно-административную единицу с центром в Таматархе [*Кропоткин*, 1958, с. 203; *Чхаидзе*, 2008, с. 292–294].

«Виртуальность» Фул заключается и в отсутствии каких-либо иных, кроме перечисленных, источников. В последние десятилетия в научный оборот введены моливдовулы ряда херсонских, боспорских, сугдейских и готских (пока один) церковных иерархов (см., например: [*Алексеевко*, 1999/2000; *Алексеевко*, 2001; *Соколова*, 1983, с. 166; *Соколова*, 1991, с. 209; *Могаричев*, *Сазанов*, *Степанова*, *Шапошников*, 2009, с. 184–185]). При этом, несмотря на выявление херсонского и судакского (что особенно показательно, учитывая вероятное соседство епархий) архивов печатей, моливдовулов фульских епископов не обнаружено. Различные источники сохранили имена ряда правителей Херсона, Боспора, Сугдеи. Более того, мы имеем определенное представление об эволюции там административно-территориального устройства. Но нет ни одного свидетельства, позволяющего пролить свет на то, какому должностному лицу подчинялась территория Фульской епархии (кроме анонимного правителя Фул малоинформативного в этом плане Жития Иоанна Готского). Это касается и эпиграфических источников.

В настоящее время в историографии насчитывается более 20 вариантов локализации этого «неуловимого» места. Согласно наиболее аргументированным гипотезам, Фулы (на каком бы поселении их не помещали авторы) находились или в Юго-Западной, или в Юго-Восточной части полуострова. При этом в пользу «восточной» гипотезы имеется серьезный аргумент: Фульская епархия была объединена с Сугдейской, а эта церковно-административная единица фиксируется вплоть до 1410 г. Более того, во второй половине XV в. в Каффе образуется униатская Фульская епархия, а с начала XVII в. создается Кафо-Фульская епархия [*Кропоткин*, 1958, с. 202]. Сложно предположить, что объединяемые епархии не имели общей границы.

Однако «восточной гипотезе» противоречит археологическая ситуация в Юго-Восточном Крыму. Согласно упомянутым источникам, функционирование Фул и одноименной епархии должны отражать поселения, на которых присутствуют археологические слои как ми-

нимум второй половины VIII – середины XII вв. При этом таких памятников должно быть несколько. Однако отвечающая этим требованиям стратиграфия в Восточном Крыму выявлена только в городах Боспоре и Сугдее. Иные поселения и могильники X (по крайней мере, начиная со второй четверти столетия) – XI вв. в Юго-Восточном Крыму отсутствуют [Зинько, 2010, с. 239; Майко, 2004, с. 41–45; Майко, 2006, с. 41–45; Пономарёв, 2004]. В. В. Кропоткин, понимая это, предположил, что после гибели Фул (Тепсеньское поселение на территории современного поселка Коктебель) название епархии сохранилось, как это было с киевской митрополией после разрушения города монголами, а ее центр перенесли [Кропоткин, 1958, с. 218]. Однако, в виду отсутствия всяких памятников, это не отвечает на вопрос о том, где материальные свидетельства паствы фульских иерархов. Не может в данном случае идти речь и о миссионерской епархии, не имеющей единого центра. Такие епархии были характерны исключительно для кочевых народов (см.: [Иванов, 2001, с. 29–31]). Конечно, поселения этого периода присутствуют в Юго-Западном Крыму. Но, как уже отмечалось, «юго-западная версия» противоречит факту объединения Фульской и Сугдейской епархий.

В 2006 г. к решению «фульского вопроса» обратился К. Цукерман. По мнению этого авторитетного французского исследователя, Фульская епархия, впервые зафиксированная Not. VII. (по Ж. Даррузе), была основана на территории Крымской Хазарии поздним летом – ранней осенью 920 г. Ее создание нашло отражение в письмах константинопольского патриарха Николая Мистика № 68 и № 106. При этом крымские хазары упоминаются уже в Not. III (начало IX в., по К. Цукерману) под именем хотциров [Zuckerman, 2006; Цукерман, 2010].

В 2014 г. попытку разубедить «гордиев узел» фульской проблемы предприняла И. А. Завадская. Она присоединилась к мнению тех исследователей, которые считали, что Фулы находились на плато Тепсень. Кафедральный собор Фул – это церковный комплекс в центральной части поселения. Исследовательница предлагает собственную интерпретацию последовательности его строительных периодов; первоначально (не ранее середины VIII в) была сооружена трехапсидная базилика без нартекса. Ее строительство явилось следствием византийской политики христианизации местного населения. Ко второму строительному периоду (конец VIII –

начало IX в.) относится кладка из сырцовых кирпичей в центральной части комплекса. Это свидетельство перестройки базилики местным населением – хотцирами, известными по Not. III. При этом в IX в. «идеологическое влияние Византии в этом регионе ослабевает». Третий строительный период отразился в строительстве Большой Базилики. Именно она, возведенная при участии мастеров из Преслава, была «первой кафедральной церковью Фульской епархии», основание которой автор вслед за К. Цукерманом датирует 920 г. [Завадская, 2014]. Отметим, что «археологическую основу» своих выводов И. А. Завадская строит исключительно на базе гипотезы К. Цукермана.

Как нам представляется, в этом хорошо сформулированном логическом построении есть ряд крайне спорных моментов.

1. Одна из основ системы аргументации И. А. Завадской – попытка скорректировать верхнюю хронологическую границу функционирования Тепсеня. Ссылаясь на В. В. Майко, она датирует ее «серединой (второй четвертью) X в.» [Завадская, 2014, с. 213]. Однако В. В. Майко в последних работах специально подчеркивал, что однозначно разграничить древности первой и второй четвертей X в. на данном этапе невозможно. Это объясняется практическим отсутствием закрытых археологических комплексов и датирующих материалов: «Необходимо отметить, что на современном этапе исследований нельзя с точностью указать дату прекращения существования крымского варианта салтово-маяцкой культуры. К сожалению, практически на всех исследованных сельских памятниках восточного, северо-западного и центрального Крыма отсутствует достаточное количество датирующих находок. К тому же, обусловленная множеством объективных и субъективных причин, она, наверняка, была растянута во времени» [Майко, 2014, с. 11].

И. А. Завадская также подвергла критике гипотезу А. В. Сазанова и Ю. М. Могаричева [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 150–152], согласно которой жизнь на Тепсене прекращается в последней трети IX в.: «По мнению авторов, наиболее поздним материалом на городище являются фрагменты поливной посуды группы GWW I, по Дж. Хейсу, полученные при раскопках жилых комплексов на участке “К” в 1998 г. ... Однако следует заметить, что по хронологии Дж. Хейса производство посуды GWW I ограничивается рамками VII – начала IX вв. ... Находки GWW I вместе с монетами

867–886 гг. в слое III... Большого императорского дворца, которые авторы используют для датировки этой посуды..., Дж. Хейс относит к более ранней фазе, предшествующей слою III... Таким образом, сосуды GWW I не могут быть использованы для определения верхней даты городища Тепсень» [Завадская, 2014, с. 213–214].

Однако данные авторы нигде не писали о сосудах GWW I как о самых поздних на рассматриваемом поселении. На с. 151–152 говорится о двух принципиально важных моментах для датировки слоя – наличии кувшинов с плоскими ручками с учетом их количества и поливной керамики GWW I: «хронология поливной керамики при неединичных фрагментах кувшинов с плоскими ручками указывает на верхнюю дату рассматриваемого слоя в пределах второй половины IX в., скорее всего, последней трети этого столетия». Утверждение же исследовательницы о том, что сосуды GWW I из слоя III Большого Дворца Дж. Хэйс относит к более ранней фазе, предшествующей этому слою, излишне категорично. Ученый высказал это предположение в крайне осторожной форме, не приводя при этом достаточно веской аргументации: “a few thin-walled, fine-quality fragments (noted under GWW I) may belong to an early phase, prior to Stage III in the Great Palace sequence, for which a date slightly before AD 900 is here suggested” [Hayes, 1992, p. 18]. То есть в рассматриваемом случае перед нами осторожное предположение исследователя и не более того. При этом не приходится сомневаться в наличии GWW I в слое II с монетами 813–820 гг. Важна как раз ранняя дата этих сосудов; иными словами, то, что они не выходят за пределы последней трети IX в. Наличие кувшинов с плоскими ручками и GWW I в одном слое Тепсенья – факт, который требует объяснения.

Согласно выводам А. В. Сазанова², несмотря на то что GWW I обнаружены в несомненном слое второй половины IX в., они, конечно, могут рассматриваться как примесь, попавшая из нижележащего слоя. В этом случае нижележащий слой следует относить ко второй половине VIII – первой половине IX в., что совпадает с датой, предложенной В. В. Майко. Тогда для датировки слоя важны кувшины с плоскими ручками и отсутствие поливной керамики GWW II. Отсутствие GWW II, по мнению А. В. Сазанова, показыва-

² Авторы выражают искреннюю благодарность А. В. Сазанову за обстоятельную и профессиональную консультацию.

ет, что прекращение существования городища приходится на период до 925–950 гг., время самого раннего комплекса с GWW II [Hayes, 1992, p. 18]. Учитывая то, что дата 925–950 гг. связана с контекстами, где обнаружены GWW II, вышедшие из обращения (мусорные контексты), время начала их производства должно быть определено как более раннее, скорее всего – первые годы X в.

Таким образом, если принять предположение о реконструкции Тепсеньской базилики в соборный храм епархии (что, естественно, по версии Цукермана–Завадской, не могло произойти ранее конца 920–921 гг.), то получается, что базилика или возводилась на заброшенном поселении (если согласиться с хронологическими выводами А. В. Сазанова и Ю. М. Могаричева), или строилась параллельно с уходом жителей с Тепсеньского плато (по хронологии В. В. Майко). В любом случае это явный нонсенс.

Заметим, выглядит странным замечание И. А. Завадской: «археологически изучено всего лишь 5% территории городища, к тому же далеко не весь материал, особенно из ранних раскопок, обработан должным образом, его значительная часть утрачена. Продолжение раскопок... должно прояснить эту проблему» [Завадская, 2014, с. 214]. В данном случае имеется в виду противоречие между отсутствием археологических материалов X–XII вв. и желанием «поместить» на Тепсеньском плато центр Фульской епархии. На рассматриваемом поселении площадью порядка 19,5 га раскопано не менее 12 тыс. кв. м культурного слоя. Работы велись в разное время (начиная с 1929 г.), разными исследователями и на разных участках. Достаточно полно изучена юго-западная часть городища, частично прослежена застройка его центральной, северо-восточной и северо-западной части. Полностью исследован ранний некрополь Тепсеня, установлено местоположение могильников последнего этапа существования памятника. Таким образом, археологический памятник на плато Тепсень изучен относительно полно для формулирования выводов об основных этапах и особенностях его существования. Конечно, как известно, отсутствие наличия не есть наличие отсутствия. Естественно, можно делать замечание о неполной археологической изученности Тепсеня и предполагать последующее выявление желаемых материалов. Однако методика научных исследований и ремесло археолога, да и историка, все же предполагают оперировать тем, что есть в наличии, а не тем, чего нет, но очень хотелось бы видеть.

II. Правомерность предложенной И. А. Завадской интерпретации последовательности строительных периодов церковного комплекса в центральной части Тепсения.

К сожалению, стратиграфия храмового комплекса на плато Тепсень остается до конца не выясненной. В отчетах В. П. Бабенчикова подробные чертежи стратиграфических разрезов отсутствуют. Сохранилось только несколько фотографий, примерно отражающих ход работ. При этом имеются тщательные описания стратиграфии в полевых дневниках и текстах отчетов. Все это позволяет в настоящий момент только примерно воссоздать стратиграфическую картину раскопок храмового комплекса. В общих чертах она была проанализирована в монографии В. В. Майко [Майко, 2004, с. 52–53; 267–271], а недавно, как уже отмечалось, И. А. Завадской [Завадская, 2014, с. 215–222]. Попытаемся рассмотреть стратиграфию еще раз.

На сегодняшний день у специалистов нет разногласий по поводу того, что в рассматриваемом случае мы имеем дело с несколькими последовательно существовавшими церквями. Однако в вопросе о том, сколько их было – две или три, есть разные мнения. Раскопки однозначно показали, что фундамент южной апсиды первоначального храма проходит под пересекающим его фундаментом южной стены центрального нефа базилики [Майко, 2004, с. 255, рис. 145]. Кроме того, между могилой 2, связываемой с базиликой, и фрагментом стены древнейшего храма существует прослойка земли толщиной 0,35 м. [Майко, 2004, с. 255, рис. 144]. База для колонны первоначального храма также находится ниже уровня первоначального ряда кладки северной стены центрального нефа базилики и уровня широких фундаментных плит этой стены. Данная база для колонны ниже и могилы 18, расположенной на уровне пола базилики [Майко, 2004, с. 255, рис. 144].

Дискуссионным остается вопрос о том, существовал ли наиболее поздний сырцовый храм как самостоятельный объект или это остатки конструктивных особенностей первоначального храма. Согласно версии В. В. Майко, в храмовом комплексе Тепсения мы имеем дело с тремя последовательно существовавшими церквями: первоначальный трехапсидный храм, большая трехапсидная базилика и наиболее поздний одноапсидный, так называемый сырцовый храм.

В пользу предположения о том, что древнейший и сырцовый храм, являются разными объектами, служат следующие обстоя-

тельства. Во-первых, по наблюдениям В. П. Бабенчикова, оси сырцового храма и древнейшего расходятся [Бабенчиков, 1958, с. 106]. Во-вторых, вымостка пола первого объекта находится значительно выше фундаментов стен второго. На сохранившихся фотографиях хорошо виден слой толщиной 0,40–0,60 м, насыщенный как минимум двумя прослойками пожара, отделяющий фрагмент апсиды сырцового от апсиды древнейшего храма [Майко, 2004, с. 266, рис. 157, 158]. Обратим внимание и на то, что кладка центральной апсиды первоначального храма состоит из двух панцирей и забутовки. Сохранилась она на одном уровне, что предполагает специальную нивелировку разобранных строительных остатков. Внутренний панцирь апсиды первоначального храма сохранился достаточно хорошо, сложен он без использования сырцовых конструкций и не совпадает с апсидой «сырцовой» церкви.

И. А. Завадская изложила оригинальную идею точку зрения о сырцовой конструкции. Исследовательница считает, что сырцовая апсида, исходя из технологических приемов возведения, не являлась самостоятельным культовым сооружением, а служила для «продления жизни» первоначальной базилики [Завадская, 2014, с. 221–222]. Однако на фотографиях четко видно, что между основанием фундамента сырцовой апсиды и разобранный кладкой первоначального храма находится достаточно мощный культурный слой, с чем согласна и И. А. Завадская [Завадская, 2014, с. 221, 236, рис. 4]. Исходя из стратиграфических наблюдений на других участках памятника, накопиться такой слой за короткое время не мог. Его толщина составляет не менее трети мощности стратиграфических напластований Тепсена за весь период его существования. Совершенно очевидно, что к моменту возведения сырцовой апсиды остатки первоначальной находились под землей и не могли быть видны строителям. Таким образом, версия о связи сырцовой конструкции с первоначальным храмом, даже если признать ее хронологически более поздней, не может быть признана научно обоснованной.

Рассмотрим стратиграфию комплекса снизу вверх. Общая глубина залегания слоев на этом участке примерно 0,80 м.

Самым ранним горизонтом является тонкий, до 0,10 м, слой плотной коричневой глины с мелкими камнями, лежащий непосредственно на материке. Именно в него и впущены фундаменты первоначального храма. К сожалению, весь обнаруженный архео-

логический и, прежде всего, керамический материал В. П. Бабенчиковым не был соотнесен со слоями. Весь он автором раскопок датировался в широких рамках VIII – первой половины X в. и, соответственно, не может использоваться в полной мере для хронологии комплекса. Наблюдения В. В. Майко за стратиграфией культурных отложений здесь позволяют предполагать, что первоначальный храм существовал непродолжительное время.

Этот горизонт перекрывает слой серой плотной глины с большим включением камней и извести максимальной мощностью до 0,25 м. Этот слой, как и предыдущий, зафиксирован не на всей площади комплекса. В нартексе базилики он практически полностью отсутствует. Объяснением этому служит то обстоятельство, что первоначальный храм не доходил до этого места. Вероятнее всего, данный горизонт образовался вследствие разрушения этого строения. Он носит следы последующих перекопов и нивелировки. Отметим, в этот слой впущены грунтовые могилы, среди погребального инвентаря которых присутствуют и упоминаемые И. А. Завадской золотые византийские монеты середины VIII в. Таким образом, связывать их с первоначальным храмом, как это делал В. П. Бабенчиков [Бабенчиков, 1958, с. 110], или с сырцовым, как категорически утверждал И. А. Баранов [Баранов, 1990, с. 137] и – осторожно – И. А. Завадская [Завадская, 2014, с. 219], необоснованно. Именно в грунтовых могилах и выявлен нумизматический материал 40-х – 50-х гг. VIII в., являющийся единственным условным хронологическим репером для всего храмового комплекса Тепсея.

Трудно поверить в то, что при столь масштабных подготовительных работах, проводимых при сооружении тепсеньской базилики, приведших к сплошной нивелировке и слоя, и стен первоначального храма, остались бы не потревоженными могилы первоначального прихрамового некрополя. Безусловно, большая часть погребений, если не все, принадлежат большой базилике, существовавшей наиболее продолжительный период.

Следующим является слой строительного мусора максимальной толщиной до 0,10 м. От вышележащего горизонта он отделен прослойками желтой глины. Эти вкрапления исследователями традиционно атрибутировались как нивелировочная подсыпка при выравнивании площади для пола базилики, что, вероятно, соответствует истине. По мнению В. П. Бабенчикова, эти прослойки могут со-

относиться и со слоями разрушения наиболее позднего сырцового храма. Однако аргументов в пользу этого предположения автор раскопок не привел.

Кроме того, на всех участках работ в центральном нефе Большого храма был зафиксирован ровный белый тонкий известковый слой, расположенный на одном уровне, несмотря на неровности современной поверхности. Не исключено, что это следы пола Большого храма, вероятно, вымощенного небольшими прямоугольными плитами с заделкой швов известью.

В описываемом слое встречены многочисленные фрагменты штукатурки, мелкие камни и достаточно выразительный археологический материал, включающий культовые вещи. Совершенно очевидно, что слой связан с периодом функционирования базилики. Узко датировать его на основании археологического материала представляется невозможным.

Именно на этой нивелировочной подсыпке была сооружена грандиозная базилика. С ней связана большая часть погребений прихрамового некрополя и прежде всего захоронения в грунтовых ямах. Можно с большой долей вероятности утверждать, что ее разрушение не было связано с каким-либо нашествием. В стратиграфии заполнения объекта, вопреки утверждению И. А. Баранова [Баранов, 1990, с. 137], отсутствуют тотальные следы пожаров и разрушений.

Выше расположен четко зафиксированный слой разрушения Большого храма с вкраплениями прожилок серой и гумусированной глины. Его максимальная толщина – до 0,35 м. В некоторых наиболее сохранившихся местах удалось проследить от пола вверх чередование обрушившихся строительных материалов – черепицы, штукатурки, желтого и белого ракушечного камня и остатков забутовки, чередующихся с вымытой из стен глиной, связывавшей камень. Датировать на основании археологического материала и этот слой не представляется возможным.

Последний в комплексе так называемый сырцовый храм, сложенный техникой кладки «в елку». Первоначально так считал и В. П. Бабенчиков [Бабенчиков, 1953, с. 106]. Однако позднее он отказался от этой гипотезы [Бабенчиков, 1958, с. 106]. В качестве основного аргумента он приводил наличие в кладке южной ленты столпов центрального нефа, в перекрытии плитовой могилы 3 и в качестве плит перекрытия сдвоенной могилы 5, византийских

надгробий с крестами, вписанными в круг [Бабенчиков, 1951, с. 11]. Как известно, такие надгробия не имеют надежных хронологических рамок. Кроме того, несомненно их вторичное использование. Наиболее вероятно, что как надгробия они функционировали в период существования первоначального храма. При этом сырцовая апсида храма лежит значительно выше не только апсиды первоначального, но и Большого храмов. Можно согласиться и с наблюдением И. А. Баранова, который обратил внимание, что в сырцовом храме сохранилась вымостка алтарной части, полностью отсутствующая в Большом [Баранов, 1990, с. 137]. Датировать храм третьего периода также затруднительно. Можно только отметить, что храмы, сложенные техникой кладки «в елку», возникают в Таврике с середины IX в. (храм поселения Кордон-Оба, храм с использованием элементов кладки «в елку» на территории некрополя Судак-II). Совершенно очевидно, что и он, как и первоначальный, существовал непродолжительное время. Какие с ним связаны стратиграфические горизонты, сказать сложно. Отметим только, что достаточное количество разрушенных сырцовых кирпичей обнаружено было на всей площади именно в слое разрушения базилики.

Таким образом, соглашаться с предположением И. А. Завадской о стратиграфии строительных остатков церковного комплекса нет никаких оснований.

Рассмотрев археологический аспект гипотезы Цукермана–Завадской, обратим внимание на ее «историческую основу».

III. *Остановимся на возможности отождествления хазар с хотцирами*, на территории которых, по Not. III, находилось одно из епископств Готской митрополии. Согласно исследователям, начиная с Ю.А. Кулаковского [Кулаковский, 1898, с. 90–193], придерживающимся этого мнения, хотциры – один из вариантов написания этнонима хазары (подробнее об этой гипотезе и ее историографии см.: [Цукерман, 2010, с. 425–427]). Однако византийскими авторами (Феофан, Никифор, Константин Багрянородный, Продолжатель Феофана, Георгий Монах и даже составитель той же нотиции) этноним «хазары», как правило, передавался в родительном падеже множественного числа мужского рода «Χαζάρων», в именительном падеже множественного числа мужского рода «χαζάροι», реже – во множественном числе «χαζάρεϊς» (уступка средне-греческой систе-

ме именного склонения). Хотциры (ὁ χοτζήρων) же нотиции – родительный падеж множественного числа мужского рода (первая буква самого этнонима переосмыслена как артикль мужского рода единственного числа после которого подразумевается слово епископ): «α' ὁ χοτζήρων συνεγγύς Φοῦλων καὶ τοῦ Χαρασίλου ἐν ᾧ λέγεται τὸ μάβρον ναίρων – 1. (епископ) (о)хоциров вокруг (города) Фулов и Харасия на так называемой Черной Воде». В большей степени этот этноним даже тождественен ἀχατζήρων или ἀχατζήρων (родительный падеж множественного числа мужского рода), который предполагается в греческом оригинале текста Аблабия, передаваемом латинской транслитерацией в тексте Иордана: «К югу соседит с ними (Aesti, эстами. – *Авт.*) сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты» (см. подробнее: [Могаричев, Сазанов, 2012, с. 132]; см. также: [Бертье-Делагард, 2011, с. 74; Гадло, 2004, с. 135–140; Шапошников, 2007, с. 398; Свод..., 1994, с. 141]). Отметим, что в той же Not. III следом за епископом хотциров ((о)хоциров) помещено сообщение об Астеле – реке и крепости в Хазарии: «β' ὁ Ἀστήλ, ἐν ᾧ λέγεται ὁ Ἀστήλ ὁ ποταμὸς τῆς Χαζαρίας, ἔστιν δὲ κάστρον...» [Boor, 1891, p. 533]. Χαζαρίας – регулярная форма, производная от Χαζάροι.

Напомним, что, согласно Not. III, Готия являлась митрополией с центром в Доросе. В состав митрополии входили семь епископий. Огромная территория данной церковно-административной единицы включала районы Нижнего Поволжья, Северо-Западного Прикаспия, пространства между Каспийским и Азовским морями, Таманский полуостров, большую часть Крыма. В историографии известны различные версии о времени составления и исторической ценности этого документа, причем точки зрения прямо противоположны – от предположения, что это источник второй половины VI в. (если не весь документ, то его отдельные части) [Атанасов, 2008, с. 307–309], до представления о нем как о поздней компиляции (см. например: [Lamberz, 2004, с. 24–25]). По мнению большинства современных исследователей, этот документ был составлен в пределах IX в.³ [Науменко, 1999, с. 12–18; Науменко, 2003, с. 138–140; Иванов, 2001, с. 30–31; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 178–179; Darrouzes, 1981, p. 31–33; Zuckerman, 2006, с. 214; Цу-

³ К. Цукерман склонен относить Not. III к началу этого столетия, другие авторы – к его второй половине.

керман, 2010, с. 401–414]⁴. Однако это был всего лишь рабочий документ – нереализованный проект (или его черновой набросок) охвата Хазарии системой христианских епархий.

IV. *Хронологическая связь Not. VII и основания Фульской епархии.* Действительно, эта церковно-административная единица впервые фигурирует именно в данной официальной нотиции. Однако дает ли это основание датировать ее исключительно временем, близким к составлению указанного списка епархий? Отметим, что в той же нотиции впервые в официальных списках фиксируются также Готская и Сугдейская епархии [Науменко, 1999, с. 19; Науменко, 2003, с. 143–144]. С этих позиций логично их создание датировать тем же временем, что и Фульскую⁵. Однако указанные епархии упоминаются и в иных, более ранних источниках. Так, подписи сугдейского епископа зафиксированы уже протоколами VII Вселенского собора в Никее (787 г.) (см.: [Mansi, 1960, vol. 12, p. 994, 1096, 1154; vol. 13, p. 138, 366, 384; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 86–87]). В этом же источнике есть упоминания о представителе Готии – монахе Кирилле [Mansi, 1960, vol. 12, p. 993–994, 1095–1096, 1153–1154; vol. 13, p. 137–138, 365–366, 384; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 179]. Хотя в последнем случае, скорее всего, речь идет о Дунайской Готии (подробно историографию см.: [Могаричев, 2013а, с. 345–349]). Наличие Готской епархии отмечает и Житие Иоанна Готского. Таким образом, эта церковно-административная единица функционировала – самое позднее – к середине IX в., когда это агиографическое сочинение было переработано в известной нам редакции [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 26]. При этом, вероятнее всего, Готская епархия была основана в конце VIII – начале IX в. (см.: [Герцен, Могаричев, 1991; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 177–182]).

Однако ни официальная Not. IV (около 869 г.), ни ее краткая редакция (Not. V), ни Тактикон Филофея (899 г.) ничего не знают о Готской и Сугдейской епархиях [Науменко, 1999, с. 18–19; Наумен-

⁴ Последние историографические обзоры: [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 178; Цукерман, 2010, с. 401–402].

⁵ В данном случае мы не учитываем Not. III, которая, как уже отмечалось, по принятому в современной историографии мнению, является нереализованным проектом.

ко, 2003, с. 141–143]. Возможные объяснения изложенной ситуации могут быть следующие. Или только в Not. VII были впервые официально зафиксированы и структурированы изменения в церковно-административной структуре Византии, которые произошли намного ранее [Науменко, 1999, с. 19; Науменко, 2003, с. 143–144], или Готская и Сугдейская епископии до начала X в. административно являлись подразделениями соответственно Херсонской и Боспорской епархий и поэтому не попали в перечни самостоятельных церковно-административных подразделений империи. В любом случае соотносить по времени составление Not. VII и создание Фульской епархии весомых аргументов нет.

V. Крымская Хазария в X в. – историческая реальность или историографический миф?

Напомним источники, приводимые авторами в качестве аргументации реальности Крымской Хазарии.

1. Письмо № 68 Николая Мистика, вероятно, херсонскому стратигу Иоанну Воге [Богданова, 1991, с. 35; Цукерман, 2010, с. 424] или его преемнику [Nicolas I..., 1973, p. 555]. Традиционно оно датировалось 919 – первой половиной 920 г. [Nicolas I..., 1973, p. 553; Богданова, 1991, с. 35; Иванов, 2003, с. 183; Сорочан, 2005, с. 1477]. К. Цукерман посчитал возможным отнести источник ко второй половине 914 – первой половине 915 г. [Zuckerman, 2006, p. 223; Цукерман, 2010, с. 424]. «...О епископе Херсона: помнит, конечно, твое благоразумие, что наказывали мы своими устами и теперь письменно объявляем, именно, так как прибывшие из Хазарии испрашивали себе епископа для совершения хиротонии пресвитеров и трудов, приемлемых на соблюдение чистой христианской веры, то [наше смирение] отправило новонареченного архиепископа Херсонского; ему-то с Божьим содействием следует отправиться в Хазарию и что нужно там совершить, и затем возвратиться к кафедре, на которую наречен, то есть к кафедре Херсонской; и так промысли обо всем этом, как подобает сыну церкви, содействуя делу в Хазарии и возведению и упрочению архиепископа на собственной его кафедре, после того как он совершит путь в Хазарию; да явит же тебя Христос Бог наш в деле этом достохвальном и дарует тебе благополучное возвращение сюда» (цит по: [Сорочан, 2005, с. 1487–1494]). В историографии господствует мнение, что с письмом № 68 связано письмо № 106, адресованное архиепископу Хер-

сона и отражающее результаты миссии в Хазарию⁶: «Большого внимания достойным почли мы то, что исследовано тобой о народе соблазненном и почти исторгнутом из недр благочестия лукавым демоном; увещеваем и еще на сколько сил станет подеть заботы и труды о спасении его, дабы совершилось спасительное водворение его во Христе и Боге нашем, всякие же труды, всякую другую тягость, могущую возникнуть в таком служении, поставить в ничто, ради ожидаемого за такие труды возмездия и награды; и если приобретение Христу и одной души приносит несравненную награду тому, кто недостойного превращает в достойного, и ему, исполнителю слова Божия, нет равносильной награды, то дознает твое благоразумие, какая благодарность воздается тебе за то, что такое множество недостойных станут достойными Бога; и попечение о епископе, долженствующем быть с ними, возлагаем на вас. Найденный на такое дело способным твоим обдуманым усмотрением да прилится к нам для посвящения во св. Духа в епископский сан и для назначения его пастырем паствы, доселе лишенной пастырского попечения. Довлеет это вашему благоразумию, личные попечения которого доказаны предыдущими трудами вашими» (цит по: [Сорочан, 2005, с. 1480–1486]). Последний документ аргументировано датируется поздним летом – ранней осенью 920 г. [Nicolas I..., 1973, p. 553; Цукерман, 2010, с. 424].

Еще М. И. Артамонов предполагал, что посольство, просившее Николая Мистика прислать им епископа, представляло христиан хазарской области в Крыму [Артамонов, 2001, с. 490]. О Хазарии в Крыму писали: Е. Арвейлер [Ahrweiler, 1971, p. 44–70]; Х.-Ф. Байер (понимая под ней степной Крым) [Байер, 2001, с. 146–148, 355–361]; С. А. Иванов (имел в виду южный Крым, в котором жили аланы) [Иванов, 2003, с. 183]; К. Цукерман (Фульская епархия в Восточном Крыму) [Zuckerman, 2006, p. 223–226; Zuckerman, 2010, с. 425–427]; В. П. Степаненко (земли северо-восточнее фемы Херсон) [Степаненко, 2008, с. 74; Степаненко, 2011, с. 157–159; Степаненко, 2014, с. 375]. Другие исследователи с такой трактовкой не согласны [Науменко, 2011, с. 185; Сорочан, 2012, с. 187; Могаричев, Сазанов, 2012; Могаричев, 2013б].

Рассмотрим вопрос, что понимали под Хазарией византийские авторы VIII–X вв. – **Феофан Исповедник «Хронография» (810–**

⁶ Правда, существует мнение, что в письме № 106 речь идет об аланах [Кулаковский, 2000, с. 177–178].

814 гг.) [Чичуров, 1980, с. 18] и патриарх Никифор «Бревиарий» (70–80-е гг. VIII в.) [Чичуров, 1980, с. 147]. По Феофану: Юстиниан в 705–705 гг., находясь в Фанагории, «немедленно отправляет Феодору в Хазарию (ἐν Χαζαρίᾳ)» [Чичуров, 1980, с. 39, 63]. Вернув себе власть в Константинополе, «Юстиниан послал флот, чтобы привезти из Хазарии (ἐκ Χαζαρίας) свою жену» [там же, с. 40, 63]. Боясь репрессий Юстиниана, жители крымских крепостей «послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны» [там же, с. 64]. Никифор под 706/707 гг. сообщает: «Юстиниан посылает в Хазарию (ἀπο Χαζαρίας) за своей женой Феодорой» [там же, с. 156].

Таким образом, Никифор и Феофан четко отделяют Крым и даже Таманский полуостров от «Хазарии». Какие же территории они понимали под этим термином? Ясного и четко географически определенного ответа на этот вопрос нет. Никифор сообщает лишь о далеких пределах земли хазар [там же, с. 158, 167].

Константин Багрянородный «Об управлении империей» (948–952 гг.) [Константин Багрянородный, 1989, с. 5]. Сочинение Константина Багрянородного в нашем случае крайне важно, так как, во-первых, в нем много места посвящено хазарам и Хазарии, во-вторых, хронологически оно близко к сообщению Николая Мистика (их разделяет около 30 лет).

Первый раз Хазария упоминается в разделе 6 «О пачинакитах и херсонитах»: «[Знай], что и другой народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в России, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу» [Константин Багрянородный, 1989, с. 41]. Далее сведения о ней содержатся в разделах 10–12 «[Знай], что узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому, как и эксуиократор Алании. [Знай], что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии... [Знай], что эксуиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к

Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир... [Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с Хазарами» [там же, с. 50–51].

В главе 37 «О народе пачинакитов» сообщается: «Должно знать, что четыре рода пачинакитов... располагаются по ту сторону реки Днепра по направлению к краям (соответственно) более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов... Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании – на шесть дней, от Мордии – на десять дней, от России – на один день, от Турции – на четыре дня, от Булгарии – на полдня, к Херсону она близка, а к Боспору еще ближе» [там же, с. 156–157]. Хазария упоминается и в главе 42: «От понизовья реки Дунай, против Дистры, начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно. “Саркел” же означает у них “Белый дом”; он был построен спафарокандидатом Петроной, по прозвищу Каматир, так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость. Ибо известно, что хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел. Василевс, склонясь к их просьбе, послал им ранее названного спафарокандидата Петрону с хеландиями из царских судов и хеландии катепана Пафлагонии. Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость... От реки Днепр до Херсона 300 миль, а в промежутке – болота и бухты, в которых херсониты добывают соль. От Херсона до Боспора расположены крепости Климатов, а расстояние – 300 миль. За Боспором находится устье Меотидского озера, которое из-за [его] величины все именуют также морем. В это Меотидское море впадает много больших рек; к северной стороне от него – река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию... Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха» [там же, с. 171–175].

Мы сознательно подробно цитируем хорошо известный источник, чтобы наглядно показать, что автор трактата четко отделял имперские владения в Крыму (Херсон, Боспор и Климаты) от Хазарии. Более того, по данным императора, крымские степи занимали печенеги (Пачинакия) («к Херсону она близка, а к Боспору еще ближе»), при этом Пачинакия, расположенная рядом с крымскими владениями Византии, находилась от Хазарии «на пять дней пути». Таким образом, никакой Крымской Хазарии в середине X в. этот хорошо информированный автор не знает.

Близкую информацию сообщает и **Продолжатель Феофана (середина X в.)**: «В это время хаган Хазарии и пех отправили к самодержцу Феофилу послов с просьбой отстроить им крепость Саркел (название означает “Белый дом”), ту, что расположена на реке Танаис, разделяющей по одну сторону печенегов, по другую – хазар, и где, поочередно сменяя друг друга, несут службу три сотни хазарских стражников. В ответ на их просьбы и мольбы послал Феофил спафарокандидата Петрону, сына Каматира, с царскими хеландиями и катепаном Пафлагонии и приказал выполнить просьбу хазар. Приплыв в Херсон, Петрона причалил к берегу и оставил там длинные суда, посадил войско на круглые, переправил его к Танаису, к тому месту, где нужно было сооружать город» [*Продолжатель Феофана*, 1992, с. 56–57].

Таким образом, византийские авторы VIII–X вв. никогда не использовали по отношению к Крыму или отдельной его части термин «Хазария».

Конечно, необходимо напомнить, что во второй половине VIII – первой половине IX в. хазары присутствовали в Крыму и даже на короткое время подчинили Готию (см. подробно: [*Могаричев, Сазанов, Шапошников*, 2007, с. 154, 199–206, 214–217]). Однако, по мнению большинства современных авторов, уже к 60–70-м гг. IX в. они были вытеснены за пределы полуострова (см., например: [*Цукерман*, 1998, с. 667; *Айбабин*, 1999, с. 222; *Науменко*, 2004, с. 13–17; *Могаричев, Сазанов, Шапошников*, 2007, с. 217; *Могаричев*, 2010, с. 74]) и могли совершать сюда только отдельные походы, возможность которых подтверждает и Константин Багрянородный.

Таким образом, вероятнее всего, Николай Мистик под термином «Хазария» мог понимать только одно государственное образование – Хазарский каганат. Тем более что он называет эту территорию просто «Хазария», а не «малая», «новая» и т.д., что можно

было бы предполагать, если бы речь шла о какой-то области расселения хазар, отличной от «главной» Хазарии.

Аргументом в пользу отправки херсонского архиепископа именно в Хазарский каганат могут быть письма того же Николая Мистика: № 51 – эксусиасту Авасгии Константину III (914–916) и № 46 – следующему правителю Абхазии Георгию II (916–917), в которых идет речь о помощи тамошних князей в деле недавней христианизации Алании (подробнее см.: [Кулаковский, 2000, с. 168–169; Иванов, 2003, с. 181–183]). Сохранились и письма патриарха (№ 52, 118, 133, 134, 135) архиепископу Алании, датирующиеся 914–918 гг. [Кулаковский, 2000, с. 170–173; Иванов, 2003, с. 184–190]. Поскольку адресатами Николая Мистика были и правители Абхазии, не остается сомнений, что речь идет о кавказских аланах, а не о возможном аланском анклав в Крыму или еще где-либо. Раз патриарх проводил миссионерскую деятельность в Алании, почему он не мог это же делать в Хазарии?

Правда в первом случае речь шла о христианизации алан, в том числе и их правителей⁷, а во втором – об организации христианской епархии в Хазарии. В данном случае вряд ли выглядит весомым аргументом замечание К. Цукермана: «Заезд в Хазарский каганат, обращенный к тому времени в иудаизм и враждебный Византии, мог принести архиепископу только мученический венец» [Цукерман, 2010, с. 423].

Согласно письму Николая Мистика задача херсонского иерарха заключалась не в миссионерской деятельности, а в помощи по организации церковной структуры для проживающих в Хазарии христиан. Отметим, что согласно источникам, христиане, равно как и мусульмане, составляли значительную часть населения Хазарского каганата [Артамонов, 2001, с. 560–561; Новосельцев, 1990, с. 144–164; Бубенок, 2011; Коновалова, 2002; Флёров, 2014].

Напомним известное свидетельство Ал-Масуди (около 896–956 гг.) о семи судьях хазарской столицы: «Два из них – для мусульман; два – для хазар, судят законом Торы; два – для тех, кто (есть) в ней из христиан, судят законом Евангелия; а один из них – для славян, руссов и других идолопоклонников, судят языческим законом, а это – право разума» [Древняя Русь..., 2009, с. 113]. О проживании христи-

⁷ Вероятно, первоначальные успехи в деле христианизации Алании сменились около 932 г. изгнанием на некоторое время из страны византийского духовенства и ее подчинением хазарам [Zuckerman, 1995, p. 254–255; Иванов, 2003, с. 190].

анской общины в столице пишет и сам хазарский правитель Иосиф в послании Хасдаю ибн Шафруту: «Во втором городе живут иудеи, христиане и исмаильтяне и, помимо этих [людей], рабы из всяких народов» [Коковцов, 1932, с. 102]. Ибн Русте сообщал, что правитель области Савир в пятницу посещал мечеть, в субботу – синагогу, а в воскресенье ходил в церковь. Гардизи же уточнял, что речь идет не о правителе, а о населении [Бубенок, 2004, с. 26].

Абсолютно понятно и логично командирование в Хазарию именно херсонского иерарха. Традиционно контакты между Византией и Хазарией осуществлялись через Херсон. Отметим, Петрона Каматир сначала прибыл в Херсон, здесь произвел переоснащение экспедиции и только после этого отправился строить Саркел. Причем, за время нахождения в городе он успел вникнуть в местные дела и по возвращении в столицу выступить в роли инициатора создания в Херсоне фемы [Константин Багрянородный, 1989, с. 173]. Через два десятка лет после Петроны⁸ Константин Философ, направленный императором с посольством в Хазарию, сначала прибыл в Херсон, провел здесь зиму 860/861 гг. [Сказания..., 1981, с. 72–83; Цукерман, 1998, с. 675] и только затем отправился ко двору правителя каганата. Заметим, и Николай Мистик, и «Житие» Константина называют инициаторами миссии византийцев в Хазарию жителей самой Хазарии («послы хазар» – по «Житию»; «прибывшие из Хазарии» – по Николаю Мистику), которые посредством посольств просили прислать к ним компетентных людей. Миссия Петроны различными современными исследователями датируется в пределах 834–841 гг. [Цукерман, 1997, с. 320; Айбабин, 1999, с. 215–216; Науменко, 1998; Никифоров, 2009; Сорочан, 2010].

Таким образом, мы приходим к выводу, что Тепсеньская базилика не может быть кафедральным собором Фульской епархии, если согласиться с хронологией памятника, предложенной И. А. Завадской. Гипотеза о связи Фул и Фульской епархии с некой Крымской Хазарией не находит серьезных подтверждений. Остается неясным и время основания данной церковно-административной единицы. При этом вопрос о локализации Фул на плато Тепсень остается рабочей гипотезой, требующей дальнейшей аргументации.

⁸ Миссия Петроны различными современными исследователями датируется в пределах 834–841 гг. [Цукерман, 1997, с. 320; Айбабин, 1999, с. 215–216; Науменко, 1998; Никифоров, 2009; Сорочан, 2010].

Литература

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Алексеевко Н. А. Печати церковных иерархов из Херсона // *Nomos*. Т. 28/29. Krakow, 1999/2000.
- Алексеевко Н. А. Моливдовулы боспорских епископов из Херсона // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь, 2001.
- Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2001.
- Атанасов Г. Бележки и допълнения към църковната организация в Мизия и Скития през IV–VII вв. (Notes and Codicils to the Ecclesiastical Structure of Scythia and Moesia Secunda during 4th–6th Century AD) // Сборник в чест на Ал. Минчев. Acta musei varnaensis. № VIII-1. Варна, 2008.
- Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Бабенчиков В. П. Отчет о работах Коктебельского отряда археологической экспедиции Крымского Филиала АН СССР, произведенной совместно с Украинской Академией архитектуры и Областным краеведческим музеем Крыма в 1951 г. // Архив КФ ИА НАНУ инв. А – № 5/3.
- Бабенчиков В. П. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949–1951 гг.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLIX. М., 1953.
- Бабенчиков В. П. Итоги исследований средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
- Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Бертье-Делагард А. Л. Избранные труды по истории христианства в Крыму. Т. II. Симферополь, 2011.
- Богданова Н. М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
- Бубенок О. Б. К вопросу о причинах веротерпимости в Хазарии // Хазарский альманах. Т. 3. Киев–Харьков, 2004.
- Бубенок О. Б. К вопросу о распространении христианства среди хазар // Східний світ. Київ, 2011. № 4.
- Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 2. Симферополь, 1991.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Восточные источники. Т. 3. М. 2009.

- Завадская И. А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIX. Симферополь–Керчь, 2014.
- Зинько В. Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата // Хазары: миф и история. Москва–Иерусалим, 2010.
- Иванов С. А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001.
- Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вст. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб., 1997.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932.
- Коновалова И. Г. Христианство в Хазарии // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
- Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фулл) // Советская археология. Т. 28. 1958.
- Кулаковский Ю. А. К истории Готской епархии (в Крыму) VIII в. // Журнал министерства народного просвещения. 1898. № 2.
- Кулаковский Ю. А. Христианство у алан // Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.
- Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004.
- Майко В. В. Византийско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII/1. Москва–Магнитогорск, 2006.
- Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014.
- Могаричев Ю. М. О степени достоверности одного сюжета Жития Константина Философа // Археологія. Київ, 2004. № 3.
- Могаричев Ю. М. Крым в VIII–X вв.: проблема хазарского присутствия // Научный Татарстан. Вып. 4. (Гуманитарные науки). Казань, 2010.
- Могаричев Ю. М. Крым и Нижнедунайский регион: проблема локализации позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей в российской, советской и украинской историографии // Преслав сборник. Вып. 7. Велико Търново, 2013а.
- Могаричев Ю. М. О «Крымской Хазарии» в XI–XII веках // Княжа доба. Вып. VII. Львів, 2013б.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В. Крымская Хазария в X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // Хазарский альманах. Т. 10. Киев–Харьков, 2012.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

- Мозаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Жизнь Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
- Милютинский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.
- Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 6. Симферополь, 1998.
- Науменко В. Е. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным *Notitiae episcopatuum* // Крымский архив. № 5. Симферополь, 1999.
- Науменко В. Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. // Античная древность и средние века. Вып. 34. Екатеринбург, 2003.
- Науменко В. Е. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект / Автореф. дис... канд. іст. наук. Киев, 2004.
- Науменко В. Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // Античная древность и средние века. Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения. Екатеринбург, 2011.
- Никифоров М. А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV. Симферополь, 2009.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Пономарёв Л. Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Ч. II. Киев–Судак, 2004.
- Продолжатель Феофана / Пер. Я. Н. Любарского. М., 1992.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М., 1994.
- Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
- Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // Византийский временник. Т. 52. М., 1991.
- Сорочан С. Б. «Зачарованный клад». Еще раз о локализации Фул (Фулл) // Античная древность и средние века. Вып. 33. Екатеринбург, 2002.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // Хазарский альманах. Т. 10. Киев–Харьков, 2012.
- Сорочан С. Б. К вопросу о времени создания фемы Климата // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов. Харьков, 2010.

- Сорочан С. Б. «Народ фульский»: язычники или христиане? // Язычество и монотеизм в процессах полигенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXVI. М., 2014.
- Степаненко В. П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008.
- Степаненко В. П. Архонт Хазарии – Стратиг Херсона? // Херсонесский сборник. Вып. XVI. Севастополь, 2011.
- Степаненко В. П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIX. Симферополь, 2014.
- Флёров В. С. Иудаизм, христианство, ислам в Хазарском каганате (к состоянию изучения по археологическим данным) // Язычество и монотеизм в процессах полигенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXVI. М., 2014.
- Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 6. Симферополь, 1998.
- Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatuum* // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 16. Симферополь, 2010.
- Чхаидзе В. Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
- Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
- Шапошников А. К. Языковые древности Северного Причерноморья (этимология языковых реликтов Северного Причерноморья). Дис. ... на соиск. ст. д. филолог. наук. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2007.
- Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72-му тому Записок императорской академии наук. 1893. № 6.
- Ahrweiler H. Les relations entre les Russes au IX^e siècle // Bulletin d'information et de Coopération de l'Association Internationale des Etudes Byzantines. Vol. 5. Athens–Paris, 1971.
- Boor K. de. Analitiken (I–III). Nachträge zu den Notitiae Episcopatuum // Zeitschrift für Kirchengeschichte Theologie. Bd. XII. 1891.
- Colden P. The conversion of the Khazars to Judaism // The World of the Khazars. New Perspectives Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute. Handbook of Oriental Studies. Vol. 7. Leiden–Boston, 2007.

- Darrouzes J.* Notitiae episcopatum eclessiae Constantinopolitanei. Paris, 1981.
- Hayes J. W.* The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992.
- Mansi J. D.* Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. Vol. 12–13. Graz, 1960.
- Lamberz E.* Die Bischofslisten dez VII. Okumenischen Konzils (Nicaenum II). Munchen, 2004.
- Nicholas I Patriarch of Constantinople.* Letters / Ed. R. J. H. Jenkins, L.G.
- Zuckerman C.* On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // *Revue des Etudes Byzantines*. Vol. 53. Paris, 1995.
- Zuckerman C.* Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatum // *La Crie entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.

Y. M. Mogarychev. V. V. Mayko

Tepsen basilica and problem of Fuly's localization

Summary

In this paper is analyzing proofs of hypothesis of modern scholars, that tried to localize Fuly. Authors is concluded, that Tepsen basilica can not be Fuly eparchy cathedral, if we agreed with Zavadskaya's chronology. Hypothesis about links of Fuly and some Crimean Khazaria have no probable arguments. There is still unknown time of foundation this clerical-administrative district.

Д. А. Моисеев

**ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКИ
СЕМИКАРАКОРСКОГО ГОРОДИЩА
(конец VIII – начало IX вв.)**

Изучение средневековой строительной керамики юго-западного Крыма показывает, что при использовании комплексного подхода в анализе черепицы она становится информативным археологическим источником [Моисеев, 2013, с. 170–171; Моисеев, 2014а, с. 292; Моисеев, 2014б, с. 372–373]. В настоящей статье будет предпринят первый опыт использования этой методики при изучении черепицы, найденной при раскопках хазарских городищ.

Строительная керамика Нижнего Дона связана с коротким хронологическим периодом существования ниже-донских хазарских городищ – с конца VIII – начала IX в. до второй половины X в. Керамические строительные материалы здесь представлены кирпичом, черепицей и керамической плиткой.

Керамиды и калиптеры хазарских городищ стали отдельной темой научных исследований благодаря работам В. С. Флёрова, посвященным черепице Саркела, Правобережного Цимлянского и Семикаракорского городищ [Флёров, 2013, с. 478–479, 483–489; Флёров, 2014, с. 109–111, 119–128, 140–147]. Строительная керамика, изучаемая в рамках данной статьи, происходит из Семикаракорского городища¹ (рис. 1). Его хронология укладывается в рамки конца VIII – середины IX в. [Флёров, 2001, с. 68; Флёров, 2014,

¹ Настоящая статья является первой из серии публикаций, посвященных хазарской черепице. Кроме керамид и калиптеров Семикаракорского городища, в последующих работах будут изучены кровельные материалы Саркела (хранятся в фондах Государственного Эрмитажа) и Правобережного Цимлянского городища (хранятся в фондах Цимлянского краеведческого музея). Работа над ними на данный момент не окончена.

с. 103]. Одни керамиды и калиптеры уже были опубликованы (рис. 2–5, 7: 7–12) [Флёров, 2013, с. 486–487, 495], другие впервые публикуются в этой статье (рис. 6, 7: 1–6). Коллекция строительной керамики Семикаракорского городища хранится в фондах Таганрогского краеведческого музея.

Прежде чем перейти к описанию находок, необходимо отметить чрезвычайно низкий, а в некоторых случаях примитивный технологический уровень Семикаракорской черепицы. Обращает на себя внимание малая степень стандартизации изделий, они сделаны неумело и небрежно. Из-за этого каждая черепица является единственным продуктом. Вместе с тем на изделиях четко фиксируются попытки древних мастеров копировать и подражать тем или иным морфологическим элементам строительной керамики Причерноморья, о чем подробнее будет сказано ниже.

Черепица Семикаракорского городища имеет однообразную технологию изготовления. Керамиды и калиптеры красноглиняные (с оттенками от светлокрасного до оранжевого), их керамическая масса неплотного неровного обжига² в скеле имеет рыхлый вид. В тесте различимы естественный мелкодисперсный песок, дресва, лакуны от выгоревшей органики.

Керамиды имеют вытянутую прямоугольную форму, длиной они от 46,4 до 48,7 см и шириной от 35,0 до 36,5 см. На нижнем крае обычно есть незначительное сужение до 30,1–31,4 см при ширине 34,85 см на верхнем крае. Это сужение имитирует коленчатый изгиб. На некоторых керамидах он выражен достаточно хорошо (рис. 4, 6, 7: II, 6). На нижних углах тыльной стороны керамиды могут быть сделаны дополнительные подрезы, имитирующие коленчатые изгибы (рис. 5). Боковые борта высокие: 2,8–3,9 см от поля лицевой стороны керамиды до наивысшей точки верхней грани бортика. Встречаются и низкие боковые борта до 2,0 см. Общая высота бокового борта составляет 4,4–6,3 см. Форма бокового борта близка к прямоугольной. Зачастую боковой бортик имеет наклон к центру керамиды (рис. 3, рис. 4, рис. 5: 5, рис. 7: 2, 3). Внутренняя грань часто завалена во внутреннюю часть борта, в результате чего последний приобретает неправильную клинообразную форму (рис. 2,

² Зачастую черепица внутри не прогревалась до должной температуры и оставалась серого цвета. Вместе с тем встречаются керамиды и калиптеры плотного обжига. Они отличаются тем, что цвет их глины внутри и снаружи один и тот же и имеет красный или оранжевый оттенок.

сечение Б, В; рис. 5: 1–4; рис. 7: I, 1, 4). У внутреннего основания бокового борта, в месте пересечения с полем керамиды, иногда имеется ярко выраженный переход от борта к полю керамиды (рис. 5: 1, 2, 3; рис. 6, сечение Г; рис. 7: I, 1, 2, 4). Последнее – неровное, различной толщины при наиболее распространенных значениях 2,0–2,5 см. Зачастую керамиды имеют поперечный незначительный изгиб (рис. 4, сечение Б; рис. 5: 1, сечение А, Б)³.

Ни одного археологически целого калиптера за время исследования Семикаракорского городища обнаружено не было. Однако общее представление об их морфологии составить все же можно. Калиптеры имеют вытянутую прямоугольную с сужением на нижнем конце форму около 18,3–18,2 см в ширину. В их верхней половине расположен манжет. Манжет невысокий (0,5 см), практически прямоугольной формы. Длина манжета после уступа составляет 4,5 см. Он имеет толщину 1,5 см при обычной толщине изделия 1,9–2,1 см. Высота дуги калиптера составляет 6,3–7,4 см (рис. 7: II, 13).

Керамиды

Скорее всего, керамиды изготавливались вне деревянной матрицы [Флёров, 2013, с. 486–487]. Для формовки глиняной плиты заготовки использовали **деревянный ящик без дна**. Об этом может говорить близость общих габаритов керамид и их относительно правильная форма. После трамбовки глины в ящик мастер формировал боковые борта, поля керамид и коленчатые изгибы. Отметим, что подобный порядок изготовления черепицы присущ «лицевому способу» [Моисеев, 2013, с. 172, 186, рис. 6: II, III). Он был распространен в античное время на всей территории Причерноморья и вообще по всему античному миру. Однако в раннее средневековье в Северном и Северо-Восточном Причерноморье появляется и начинает развиваться новый – «тыльный способ». В юго-западном Крыму он появляется в раннее средневековье [Моисеев, 2013, с. 171–172, 174–176] и к IX–X вв. уже полностью утверждается не только в этом регионе [Моисеев, 2011, с. 183], но и, скорее всего, на Таманском полуострове [Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 422; Моисе-

³ Поперечный и продольный изгиб керамид – широко распространенная черта черепиц юго-западного Крыма. Такие изгибы образовывались из-за того, что мастер перемещал недосушенную черепицу-сырец, что вело к деформациям еще пластичной заготовки.

ев, 2014б, с. 373, рис. 1: 2; Чхаидзе, 2004, с. 41–43; Чхаидзе, 2008, с. 210–211], в северо-восточном Причерноморье [Армарчук, 2010, с. 81–98; Армарчук и др., 2012, с. 85–86; Хрушкова, 1998, с. 21–22] и Грузии [Чубинашвили, 1956, с. 196]. Судя по материалу, происходящему из раскопок средневековых памятников Болгарии, Южно-понтийского региона и Средиземноморья, здесь «лицевой способ» остался господствующим при изготовлении строительной керамики и в средневековье [Ангелова, 1971, с. 3–24; Кацарова, 2003, с. 105; Bass, 1982, р. 97–114; Hadjisavvas, 1997, р. 192]. Необходимо указать, что «лицевой способ» на Нижнем Дону использовался в несколько упрощенном варианте в сравнении с другими регионами, что отражается в способе формовки поля, боковых бортов и колленчатых изгибов.

Формовка стенки поля керамиды. В античное время стенка поля керамиды была всегда ровная, одной толщины (2,0–2,5 см.). Хорошо известно применение желобчатой поверхности для улучшения водоотвода. Для достижения подобного эффекта мастер имел специальный режущий инструмент, с помощью которого аккуратно подрезал излишки и неровности глины, оставшиеся после первоначальной формовки. На семикаракорских образцах мы, во-первых, видим **колебание толщины стенки поля керамиды**. Необходимо сказать, что в большинстве своем мастера старались сделать ее в границах 2,0–2,5 см. Во-вторых, ремесленники почти не применяли подрезания лицевой поверхности. Вместо этого они пытались вручную выровнять поверхность керамид. В результате этого лицевая поверхность становилась бугристой. Часто на ней оставались многочисленные отпечатки пальцев (рис. 5). Иногда излишки глины мастера убирали пальцами, оставляя характерные борозды (рис. 2–4).

Формовка бокового борта. Изготовление бокового борта при «лицевом способе» производится с помощью фигурного стека. Это позволяет мастерам добиться изготовления сложнопрофилированных боковых бортов, которые могли быть загнуты к центру черепиц⁴. Но чаще всего черепицы, изготовленные «лицевым способом», имеют боковой бортик трапециевидной формы.

При изготовлении боковых бортиков керамид Семикаракорского городища стек, подобный описанному, не применялся. Для того

⁴ См., например, формы этих частей керамид группы I из раскопок цистерны под полом центрального нефа базилики «Крузе» [Моисеев, 2013, с. 183, рис. 3].

чтобы изготовить борт, выполнялись такие действия: во-первых, для формирования верхней грани бокового борта излишки глины срезались, видимо, плоским, похожим на нож инструментом. В некоторых случаях на гранях остаются характерные полосы (рис. 6). Они направлены под острым углом по направлению от бокового края черепицы к центру изделия. Это говорит о том, что верхняя грань не изготавливалась за один прием. Во-вторых, мастеру было необходимо сформировать внутреннюю боковую грань борта. Это действие состояло из двух операций. Сначала мастер прорезал глину сверху вниз под острым углом к полю керамиды, формируя внутреннюю грань на всю, либо не на полную высоту бокового бортика⁵. Получившуюся лишнюю глину срезали, делая подрезку параллельно полю, если прорезали борт на всю высоту. Если его прорезали не на всю высоту, то получался переход от бортика к полю керамиды из-за изменения угла среза. В первом случае часто остается глубокая борозда у основания бокового борта в месте его примыкания к полю (рис. 2, сечение Б; рис. 5: 5). Во втором случае у основания борта, в месте примыкания к полю, получался ярко выраженный переход от первого ко второму (рис. 5: 1, 2, 3; рис. 6, сечение Г; рис. 7: I, 1, 2, 4). Иногда получалось так, что мастер вместе с этими действиями подрезал частично и поле, оставляя на нем характерные «расчесы».

Коленчатый изгиб. При изготовлении керамид Семикаракорского городища «лицевым способом» применялись три техники исполнения коленчатого изгиба: без выраженного коленчатого изгиба (рис. 2; рис. 3; рис. 4: правый борт; рис. 5: правый борт; рис. 7: I, 8), с хорошо выраженным коленчатым изгибом (рис. 5, левый борт; рис. 6; рис. 7: II, 6–7) и с плохо выраженным коленчатым изгибом с внутренней стороны бокового борта (рис. 4: левый борт; рис. 5: левый борт; рис. 7: II, 7). В этом контексте необходимо отметить еще одну особенность изготовления коленчатых изгибов керамид Семикаракорского городища: ручное подгибание бокового борта на нижнем крае черепицы (рис. 4: правый борт; рис. 5: правый борт).

Коленчатый изгиб может присутствовать и отсутствовать на керамидах, произведенных как «лицевым способом», так и «тыльным способом». При использовании последнего способа он вырезался в деревянной матрице, после чего при штамповке отпечатывался на

⁵ Здесь и далее под высотой бокового борта понимается его возвышение над полем керамиды, не считая толщины стенки поля.

керамиде-сырце. Судя по производству черепицы в средние века в юго-западном Крыму, коленчатый изгиб, сделанный в матрице при «тыльном способе», мог быть **выражен и с внутренней, и с внешней стороны бокового борта** [Моисеев, 2011, с. 178, рис. 3, I, тип 1, 3–7; Романчук, 1990, с. 166–168, рис. 5: 4; рис. 7: 5–6] или **не выделялся с внутренней стороны бокового борта** [Моисеев, 2011, с. 178, рис. 3, I, тип 2; Романчук, 1990, с. 166–168, рис. 5: 6]. При изготовлении керамиды «лицевым способом» в античное время и раннее средневековье в Причерноморье коленчатый изгиб **не делается либо отсутствует с внутренней стороны бокового борта**. Это достигается тем, что при формировании бокового борта мастер использует фигурный режущий инструмент, который может двигаться только прямолинейно и параллельно краю керамиды. Коленчатый изгиб с внешней стороны бокового борта создается либо формой деревянного ящика, либо специальными подрезками. Отметим, что подобное изготовление коленчатых изгибов «лицевым способом» было отлажено в античности и в подавляющем большинстве случаев еще использовалось в ранневизантийское время, в частности в Херсонесе [Моисеев, 2013, с. 172–173, 186, рис. 6, I–II].

Хорошо выраженные коленчатые изгибы семикаракорской черепицы (рис. 5: левый борт; рис. 6; рис. 7: II, 6–7) нетипичны для «лицевого способа» производства. Сочетание этих техник в историографии ранее не было известно. Для того чтобы получить хорошо выраженный коленчатый изгиб на керамиде-сырце, мастеру необходимо было **в ручную подрезать внутреннюю часть бокового борта** в виде коленчатого изгиба, т.е. два раза изменить направление подреза. Учитывая это, можно предположить, что мастер имел режущий инструмент небольшой длины и не формировал внутреннюю грань бокового борта в одну подрезку.

Также необходимо описать подрезание тыльной стороны керамиды на нижних углах. В полном объеме этот прием был прослежен только на одном фрагменте (рис. 7: II, 7). На нем нижние углы были срезаны ножом по сырой глине. Это делалось для имитации коленчатых изгибов и улучшения крепления черепиц на кровле. Отметим, что такая операция хорошо известна в античное и ранне-средневековое время на херсонесских керамидах [Моисеев, 2013, с. 173]. На другой керамиде (рис. 5) были зафиксированы преднамеренные сколы на внешней стороне бокового бортика на нижних

краях. Они имели такое же назначение, что и подрезы на нижних краях с тыльной стороны.

Калиптеры

Технология производства калиптеров, видимо, мало чем отличалась от того, как их изготавливали в средние века в юго-западном Крыму. Они формировались в матрице. На лицевой стороне следов подрезок и протяжки режущей планки не обнаружено. В то же время на тыльной стороне эти следы хорошо различимы. Очевидно, что такие калиптеры производились «тыльным способом». Все их рельефные детали (манжеты) вырезались в теле деревянной матрицы. Однако изготовление калиптеров могло происходить и без матриц [Флёров, 2013, с. 126].

Таким образом, для черепицы Семикаракорского городища характерно **использование упрощенного «лицевого способа» производства с элементами технологии «тыльного способа»**. Отметим, что это местное переосмысление тех технологий, которые, видимо, были привезены на Нижний Дон не ранее конца VIII в. В целом это можно объяснить недостаточным владением производственными навыками. К такому выводу подталкивает сочетание ряда морфологических признаков керамид Семикаракорского городища: во-первых, изготовление черепицы «лицевым способом», с хорошо выраженными коленчатыми изгибами; во-вторых, невозможность сформировать боковой бортик в один прием⁶.

Этому смешению способов есть несколько объяснений. В случае сочетания «лицевого способа» с хорошо выраженными коленчатыми изгибами можно предположить следующее. Если бы мастера-черепичники с Нижнего Дона восприняли традицию производства только от ремесленников, владевших «лицевым способом», то появление такой формы коленчатых изгибов было бы исключено. Отметим, что подобных аналогий на черепице периода античности и раннего средневековья в Причерноморье не встречалось. При

⁶ Невозможность сформировать боковой бортик в одну операцию также говорит об использовании упрощенного «лицевого способа». Вместо ножа с фигурным лезвием (стека? деревянной планки?), хазарские мастера использовали обыкновенные режущие инструменты (скорее всего, ножи). В результате вместо формовки борта в одно действие им приходилось выполнять два-три. При этом стандартизация керамид оказывалась заметно ниже, нежели при использовании фигурного инструмента, режущего глину.

этом нельзя забывать, что это, возможно, сильно упрощенный «тыльный способ» производства, т.е. ремесленники Нижнего Дона, видимо, не могли изготовить достаточно сложные матрицы.

Таким образом, у нас складывается начальное представление об общих признаках Семикаракорского черепичного ремесла. Следующей актуальной проблемой исследования должен стать поиск региона, из которого традиция производства строительной керамики была перенесена на Нижний Дон. В рамках настоящей работы рассмотрены наиболее близкие аналогии к хазарской черепице из регионов с существовавшей на конец VIII – начало IX в. традицией изготовления строительной керамики.

Глину для семикаракорских черепиц брали на месте [Флёров, 2009, с. 483]. Исследователь обожженных кирпичей этого памятника, С. Ф. Токаренко, упоминает, что «процесс подготовки глиняного теста и формовки кирпичей, по-видимому, был подобен нынешнему изготовлению “самана”» [Токаренко, 2009, с. 536], т.е. глина добывалась открытым способом после снятия верхнего гумуссированного слоя рядом с крепостью.

Отметим, что поиск аналогий будет осуществляться в регионе, где господствовал «тыльный способ». Иными словами, можно будет говорить лишь о схожести *отдельных* черт и элементов черепицы, а не о полном соответствии. В историческом плане эти аналогии были вызваны некими отдельными влияниями на производство черепицы Семикаракорского городища. Очевидно, что местные мастера исказили до неузнаваемости изначально привнесенную технологию примитивными средствами производства и неумелым изготовлением черепиц. Следовательно, изучение таких незначительных влияний и отдельных аналогичных черт морфологии может сыграть решающую роль в поиске региона, откуда пришла традиция изготовления строительной керамики на Нижний Дон.

Строительная керамика юго-западного Крыма известна и описана в археологической литературе лучше всего. По этой причине обращение к ней наиболее оправдано при поиске аналогий. Так, В. С. Флёров обращает внимание на наличие аналогий семикаракорской черепице в Крыму [Флёров, 2013, с. 489]. Во-первых, это соответствие общих размеров с керамидами группы III из раскопок раннесредневекового поселения в Лагерной Балке (Мангупское городище). Некоторое сходство исследователь видит и с калиптерами 1-го типа из этого же комплекса. Среди других аналогий

В. С. Флёров отмечает калиптеры из раскопок поселения на горе Гасфорта и Баклинского городища и его ближайшей округи [Флёров, 2013, с. 489].

Необходимо признать, что вся строительная керамика IX–X вв. в юго-западном Крыму изготавливалась «тыльным способом». Об этом говорит анализ опубликованных и неизданных материалов из раскопок Мангупского городища, Херсонеса, Эски-Керменского городища⁷, Баклинского городища, гончарного центра на окраине с. Трудолюбовка, гончарного центра в балке р. Суаткан⁸, у с. Заря Свободы (Поворотное), сельских поселений горной Таврики и поселения Южного Берега Крыма [Моисеев, 2011, с. 172–190; Науменко, 1997, с. 223; Романчук, 2004, с. 21–26; Талис, 1968, с. 187–189]. Строительная керамика названных памятников по большей части имеет рельефные ремесленные метки и водосливные валики, которые невозможно произвести вне «тыльного способа». Отдельно об этом говорится в публикациях строительной керамики Мангупского городища [Моисеев, 2011, с. 183] и Херсонеса [Моисеев, 2013, с. 175]. В этих же работах формулируется теория о том, что «тыльный способ» начинает формироваться в VI в., а к IX в. уже является единственной технологией изготовления строительной керамики в юго-западном Крыму [Моисеев, 2011, с. 183].

В. С. Флёров, как писалось выше, уже обращал внимание на то, что в комплексе строительной керамики из раскопок раннесредневекового поселения в Лагерной балке (Мангуп) имеются аналогии семикаракорской черепице по общим размерам изделий [Флёров, 2013, с. 489]. Однако, кроме линейных размеров, на названных керамиде имеется комплекс аналогий по форме коленчатого изгиба. Речь идет о керамиде так неазываемой группы III технологической классификации и типа 2 морфологической классификации [Моисеев, 2011, с. 177–179]. Всего таких керамид насчитывается 7 архео-

⁷ Упомянутые керамиды не опубликованы. Они происходят из раскопок Эски-Керменского городища в 1936–1937 гг. и хранятся в фондах КРУ БИКЗ. По классификации публикации комплекса строительной керамики из раскопок Лагерной Балки (Мангупское городище), это керамиды группы I, варианта 1 и калиптеры группы 1 с рельефной ремесленной меткой в виде буквы греческого алфавита «гамма».

⁸ Археологические исследования гончарной печи, предварительно датированной IX–X вв., были предприняты в 2013 г. Результаты работ на данный момент не изданы (Отчет об Археологических разведках гончарного центра в балке ручья Суаткан в 2013 г. // НА ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. № 2. Оп. № 10. Д. № 67).

логически целых форм [Мусеев, 2011, с. 178, рис. 3: II, 30, 32–36, III, 52]. Они изготовлены из теста одной группы и производились в гончарном центре в балке р. Суаткан в юго-западном Крыму⁹. Две керамиды типа 2 варианта 2 [Мусеев, 2011, с. 178–179, рис. 3, II, 32, 33] не имеют ни верхнего бортика, ни рельефных ремесленных меток. Размеры этих керамид равны 48,0:36,0 см. Коленчатые изгибы у них слабо выражены с внутренней стороны бокового бортика. На Семикаракорском городище им близки по форме коленчатого изгиба несколько керамид (рис. 4–5). Коленчатые изгибы трех керамид варианта 3 типа 2 [Мусеев, 2011, с. 178–179, рис. 3: II, 34–36] также аналогичны вышеназванным семикаракорским черепицам и отличаются от варианта 2 типа 2 наличием рельефных ремесленных меток. Другая группа керамид типа 2 варианта 1 [Мусеев, 2011, с. 178–179, рис. 3: II, 30; III, 52], представленная двумя археологически целыми формами, имеет хорошо выраженный коленчатый изгиб. Им близки по форме этой части керамиды две черепицы из раскопок Семикаракорского городища (рис. 6; рис. 7: II, 6). В то же время говорить о близости этих находок можно лишь относительно. Они отличаются от семикаракорских аналогов керамическим тестом, способом изготовления, наличием верхних бортиков на крымских черепицах и, самое главное, заметно более высоким уровнем и качеством производства.

В подавляющем большинстве строительная керамика юго-западного Крыма изготовлена с использованием высокотемпературного обжига. Это особенно хорошо видно при сравнении фрагментов крымской черепицы с фрагментами из раскопок Семикаракорского городища.

В 1982 г. на городище Кыз-Кермен в горном Крыму в числе других находок открыта археологически целая форма калиптера, датированная в пределах VIII–IX вв. [Белый, 1993, с. 49] (рис. 8). Технологически черепица относится ко второй группе по А. И. Романчук [Романчук, 2004, с. 42–44] и, скорее всего, производилась в печах гончарного центра на окраине с. Трудолюбовка¹⁰. Особенностью

⁹ Автор выражает глубокую признательность Александру Германовичу Герцену за возможность ознакомиться с материалом и использовать полученную информацию в настоящей работе.

¹⁰ В фондах КРУ БИКЗ есть прямые аналогии этому калиптеру, которые происходят из раскопок гончарного центра в с. Трудолюбовка. Это позволяет говорить о локализации места производства данной формы.

данного калиптера является особый температурный режим обжига. Эта черепица в сколе приобрела переход от красного цвета глины на краях изделия до серого цвета в центре. Подобный обжиг характерен для семиракаорских черепиц. Предполагается, что он не отличался от обожженных кирпичей Семиракаорского городища. По предположению С. Ф. Токаренко, эти кирпичи и черепица обжигались, вероятнее всего, в штабелях вне печи [Токаренко, 2009, с. 538–539]. В пользу этого говорит отсутствие керамических печей в окрестностях Семиракаорского городища [Токаренко, 2009, с. 536]. Вместе с тем известно, что строительная керамика Трудюлюбовского гончарного центра, некоторые изделия которого по режиму обжига близки семиракаорским материалам, изготавливалась в гончарных печах. Они были двухкамерными, овальной формы в плане [Якобсон, 1979, с. 53–56]. Таким образом, учитывая аналогию на Кыз-Кермене, можно предполагать два способа производства Семиракаорской черепицы: костровой и печной. К сожалению, разрешение данной проблемы будет возможно только после обнаружения гончарных печей на Нижнем Дону с черепицей, аналогичной семиракаорской. Доказать отсутствие печного способа обжига черепицы, учитывая аналогии с Кыз-Кермена, на данный момент невозможно.

Строительная керамика Таманского полуострова изучена намного хуже черепицы юго-западного Крыма. Тем не менее имеющиеся на данный момент в историографии материалы позволяют составить общее представление о развитии и ассортименте черепицедельного ремесла в IX–X вв. [Чхаидзе, 2008, с. 210–211; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 422].

Черепица Таманского городища на современном этапе изучена значительно хуже строительной керамики юго-западного Крыма [Чхаидзе, 2008, с. 210–211]. Однако, благодаря работам В. Н. Чхаидзе, все-таки можно сделать некоторые выводы о ней. Керамиды и калиптеры производились «тыльным способом»: на большинстве целых форм есть либо рельефные метки, либо водосливные валики [Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 422]. Обращаясь к поиску аналогий коленчатым изгибам семиракаорской черепицы, необходимо обратить внимание на черепицы с рельефными метками, происходящие из раскопок Таманского городища [Моисеев, 2014б, с. 373, рис. 1: 2]. Эти керамиды имеют характерный *коленчатый изгиб, не выработанный с внутренней стороны бокового бортика*. Такой же

изгиб имеется на некоторых семикаракорских черепицах (рис. 4–5). Отметим, что подобная форма коленчатых изгибов характерна для некоторых групп керамид IX–X вв. в юго-западном Крыму, на Таманском полуострове и в Грузии [Романчук, 1991, с. 165, 167, 243, рис. 7: 1; Моисеев, 2011, с. 178–179, рис. 3: 32–36; Якобсон, 1979, с. 26, рис. 11; Мыц, 1990, с. 229, рис. 5: 4, 5; Моисеев, 2014б, с. 372–373]. Однако необходимо упомянуть, что керамиды названного региона изготавливались «тыльным способом», а на Семикаракорском городище – «лицевым способом».

Интересной находкой, напрямую не относящейся к проблеме черепицы Семикаракорского городища, является плитка из раскопок Фанагории. В. С. Флёров относит ее к ближайшим аналогиям отдельного вида плиток Правобережного Цимлянского городища [Флёров, 2014, с. 12–13]. В данном случае нас интересует то, что эта плитка подтверждает наличие неких связей между Нижним Доном и Таманским полуостровом.

Строительная керамика кавказского и предкавказского регионов практически не имеет сходства с семикаракорской черепицей. В некоторых случаях можно говорить об общих подходах к поиску решений проблем водоотвода и крепления на кровле, которые были общими, в том числе для Крыма и Тамани¹¹. Отметим, что в кавказском и предкавказском регионах господствующим являлся «тыльный способ» [Армарчук и др., 2012, с. 86, рис. 5: 16–19; Хрушкова, 1998, с. 22, рис. 9: 2; Армарчук, 2010, с. 87, 95; Чубинашвили, 1956, с. 196].

Строительная керамика Семикаракорского городища имеет определенные технологические и морфологические черты, сформированные особенностями ее изготовления. Они выделяют ее среди остальной черепицы Причерноморья. К таким чертам относятся: «лицевой способ» изготовления, качество, форма и способ производства боковых бортов и коленчатых изгибов и общий упрощенный и в некоторых случаях «примитивный» облик керамид и калиптеров. Скорее всего, «лицевой способ» изготовления черепицы Семикаракорского городища был упрощенным «тыльным способом». На это указывают нехарактерные коленчатые изгибы и ана-

¹¹ Сравнить, к примеру, черепицу из Гурждани [Чубинашвили, 1956, с. 196] со строительной керамикой Юго-Западного Крыма [Романчук, 1991, с. 165, 167, 243, рис. 7: 1; Моисеев, 2011, с. 178–179, рис. 3: 32–36; Якобсон, 1979, с. 26, рис. 11; Мыц, 1990, с. 229, рис. 5: 4, 5; Моисеев, 2014б, с. 372–373].

логии им на большом количестве черепиц из разных регионов Северного и Северо-Восточного Причерноморья, где господствовал «тыльный способ». Рассматривая вопрос о том, на какие образцы могли опираться хазарские мастера при изготовлении черепицы, необходимо отметить плитку из раскопок Фанагории, аналогии которой были отмечены В.С. Флёровым на Нижнем Дону. Эта плитка может служить доказательством того, что черепичники, изготовившие ее, могли опосредованно влиять на формирование хазарского черепицеделательного ремесла.

Тем не менее окончательное решение этого вопроса возможно только в будущем, с накоплением новых сведений о семиркакорской строительной керамике и, вероятно, с расширением «зоны поиска» аналогий.

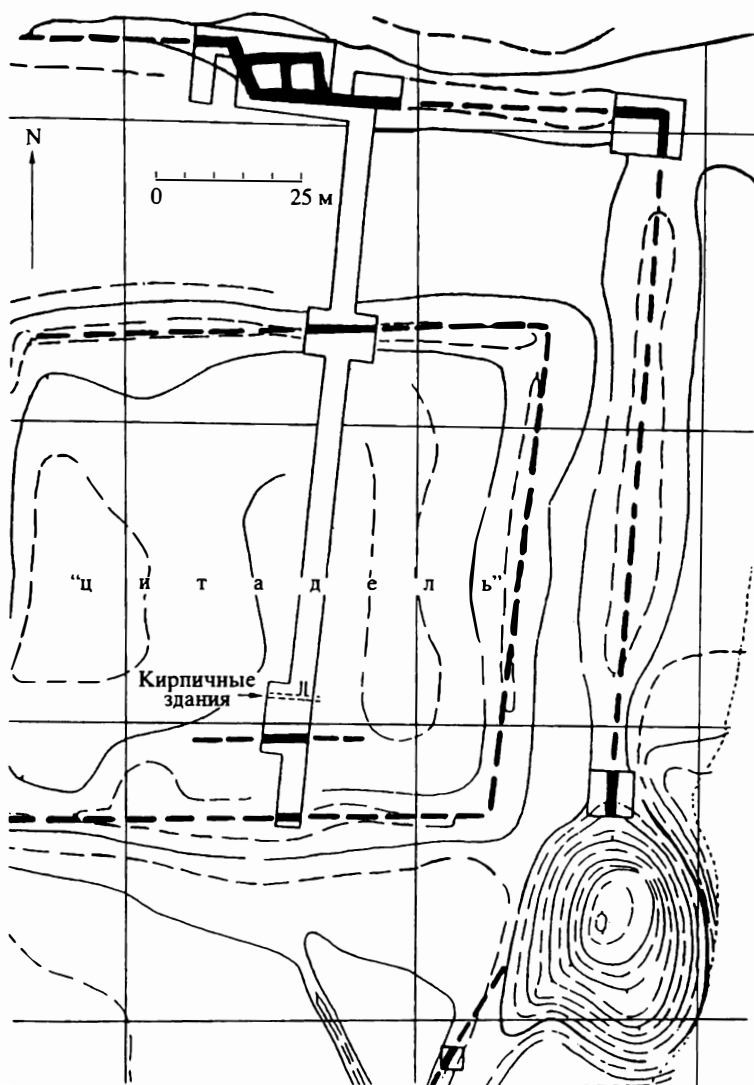


Рис. 1.

Семикаракорское городище. Северо-восточный сектор с раскопами 1971–1974 гг.
План по: [Флёров, 2001, с. 60, рис. 4]

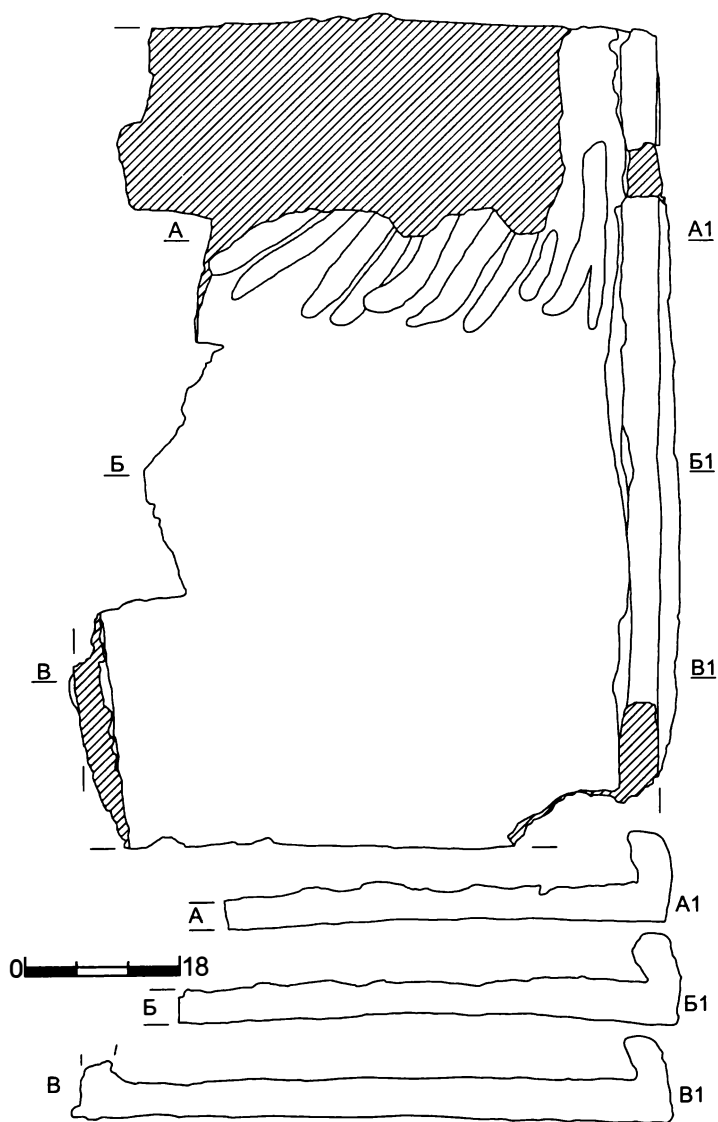


Рис. 2.

Семикаракорское городище. Керамида. Раскопки 1973 г. Квадрат 70. Очаг



Рис. 3.
Семикаракорское городище. Керамида. Раскопки 1973 г. Квадрат 70. Очаг

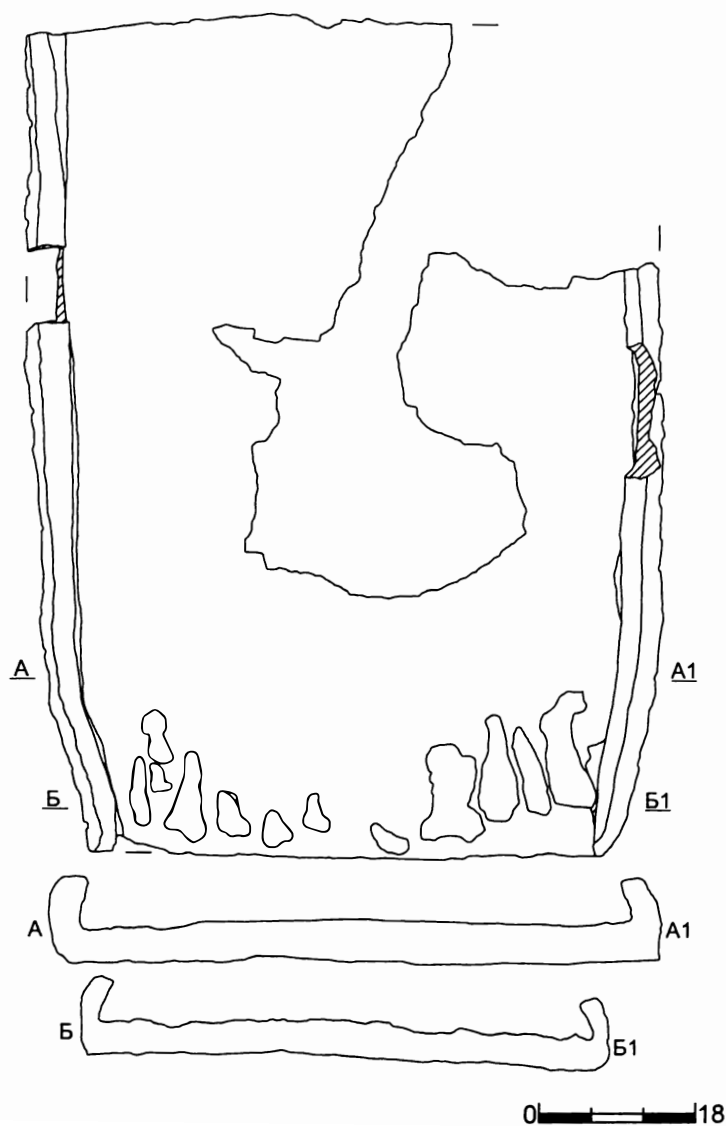


Рис. 4.

Семикаракорское городище. Керамида. Раскопки 1973 г. Квадрат 70. Очаг

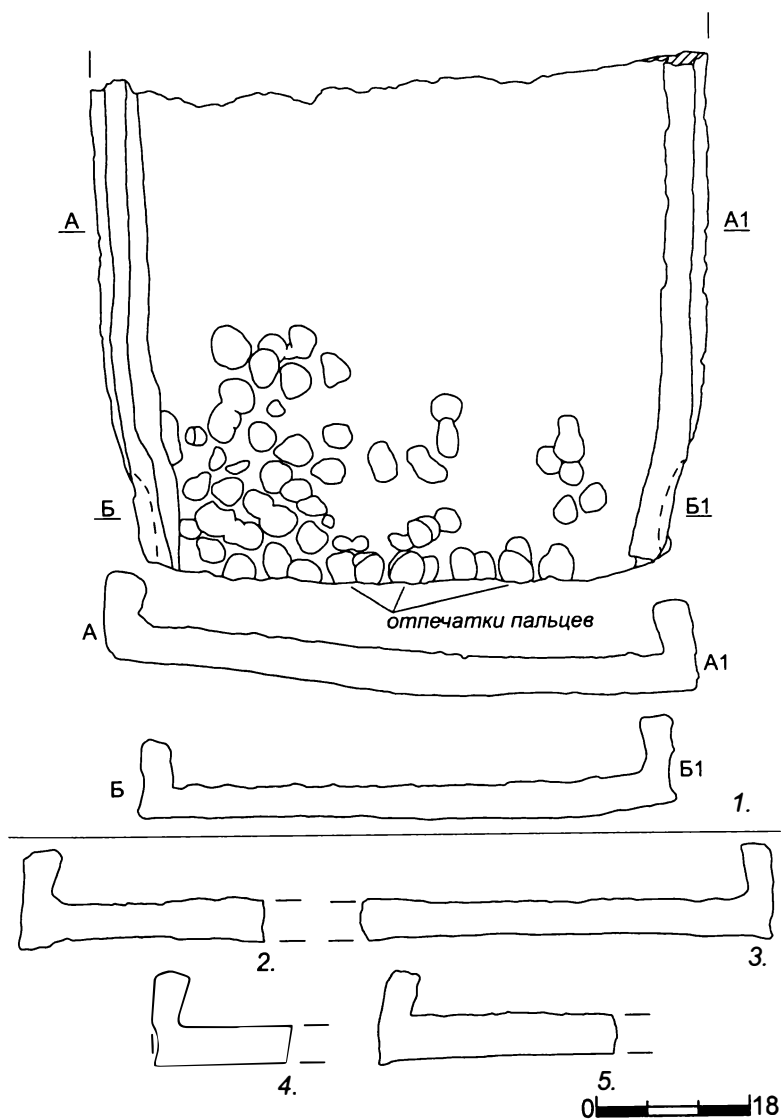


Рис. 5.
Семикаракорское городище. Керамида. Раскопки 1973 г. Квадрат 70. Очаг

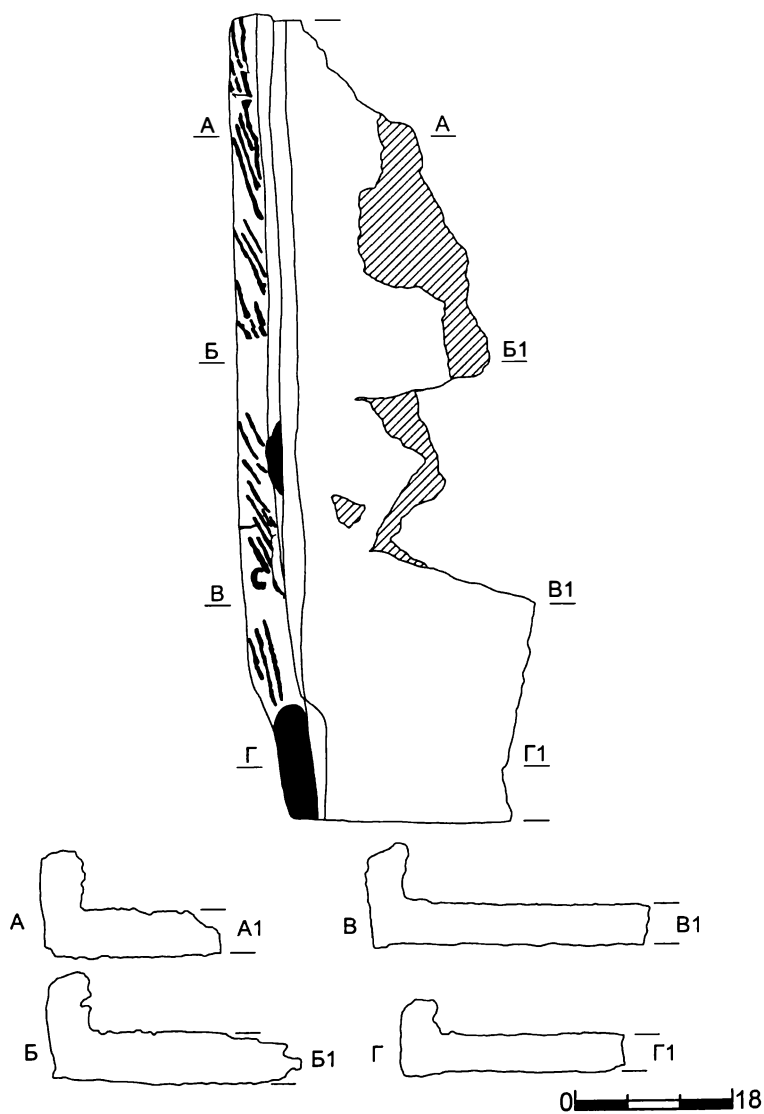


Рис. 6.
 Семикаракорское городище. Керамида. Раскопки 1971 г.
 Квадрат 34. ТКМ 6692-114

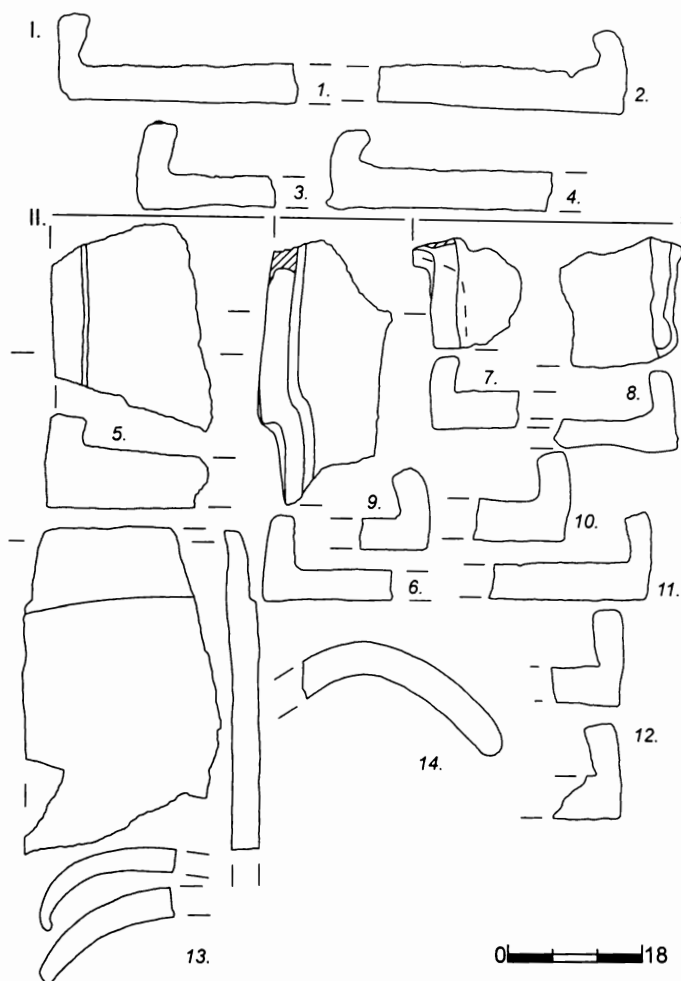


Рис. 7.

Семикаракорское городище. I. Керамиды. Раскопки 1971 г. Квадрат 30-в: 1 – ткм 6692-113; 2 – ткм 6692-115; 3 – ткм 6692-120; 4 – ткм 6692-119.

II. Керамиды и калиптеры: 5 – Раскопки 1974 г. Квадрат 80. Штык 2-3; 6 – Раскопки 1974 г. Квадрат 80. Штык 4; 7 – сборки подъемного материала 2009 г. [Флёров, 2014, с. 144, рис. 8]; 8 – сборки подъемного материала 2008 г. [Флёров, 2014, с. 144, рис. 8]; 9-12 – сборки подъемного материала 2009 г. [Флёров, 2014, с. 143, рис. 7]; 13 – Раскопки 1974 г. Квадрат 81 шт5; 14 – Раскопки 1974 г. Квадрат 80. Штык 2-3

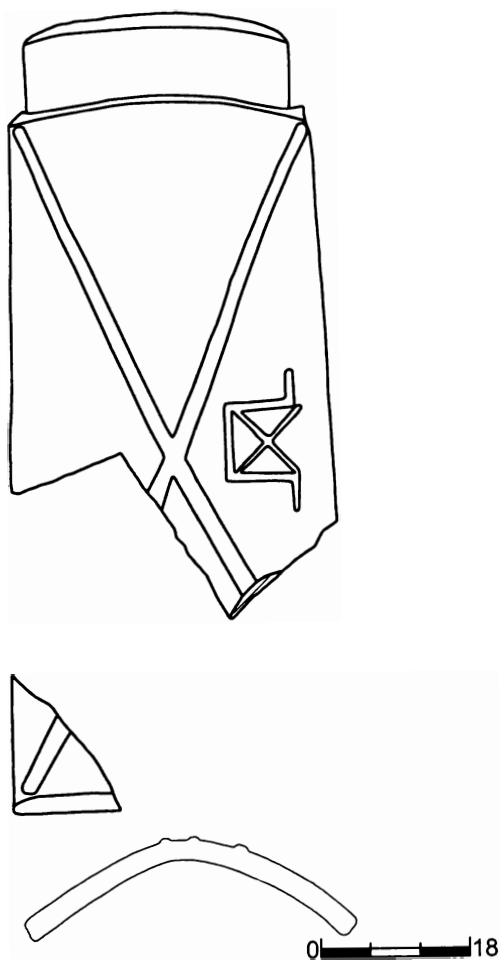


Рис. 8.
Городище Кыз-Кермен (Крым). Калиптер

Литература

- Ангелова С. За производство на строителна керамика в Североизточна България през ранното средновековие // Археология. Кн. 3. София, 1971.
- Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов В. В. Христианский храм у пос. Веселое. Предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // Российская археология. 2012. № 3.
- Армарчук Е. А. Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная головка в окрестностях Адлера // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10. Армавир, 2010.
- Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Кацарова В. Пещ за строителна керамика от Пауталия (наблюдения върху топографията на късноантичния град) // Известия на исторически музей Кюстендил. Т. IX. Търново, 2003.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. Дома хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 1(27).
- Моисеев Д. А. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангун) // Древности. Вып. 10. Харьков, 2011.
- Моисеев Д. А. Ранневизантийская черепица из раскопок Цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» (Херсонес) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. Симферополь–Керчь, 2013.
- Моисеев Д. А. Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в округе горы Илька // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIX. Симферополь–Керчь, 2014а.
- Моисеев Д. А. Строительная керамика Крыма и Кавказа средневизантийского времени: сравнительный анализ морфологии изделий // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М., 2014б.
- Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // Советская археология. 1990. № 1.
- Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.
- Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 75. Т. 2. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.–Л., 1959.
- Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // Византийский временник. Т. 51. 1990.

- Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
- Талис Л. Д. Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища // Советская археология. 1968. № 2.
- Токаренко С. Ф. Технология изготовления кирпичей Семикаракорской крепости. Опыт реконструкции // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.
- Флёров В. С. «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // Российская археология. 2001. № 2.
- Флёров В. С. Семикаракорская крепость Хазарского каганата: строительство из сырцового кирпича, технология сроки // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.
- Флёров В. С. Византийское в ниже-донских крепостях Хазарского каганата // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2. Харьков, 2013.
- Флёров В. С. Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М., 2014.
- Хрушкова Л. Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М., 1998.
- Чубинашвили Г. Н. Архитектура Кахетии. Исследование развития архитектуры в восточной провинции Грузии в IV–XVIII вв. [Альбом]. Тбилиси, 1956.
- Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
- Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Bass G. F., van Doorninck F. H. Jr. A seventh century byzantine shipwerk. Yassi Ada. Vol. I. Bryan, 1982.
- Hadjisavvas S. Agia Napa. Excavations at Makronisos and the archaeology of the region. Nicosia, 1997.

Д. А. Моисеев

**Технология производства строительной керамики
из раскопок Семикаракорского городища**

Резюме

Статья посвящена строительной керамике (черепице) Семикаракорского городища (Нижний Дон). Основным вопросом, который исследуется в работе, является изучение следов, оставленных на черепице во время ее производства, и реконструкция по ним процесса изготовления строительной керамики, основных инструментов и приемов применявшихся при

этом. На основе анализа практически всех известных на данный момент керамид и калиптеров памятника можно сделать вывод, что Семикаракорские черепицы имели самобытную и своеобразную технологию производства. Ее особенность заключается в соединении приемов и технологий так называемого лицевого, и тыльного, способа. Аналогий такому способу производства черепицы ни в Крыму, ни в Северо-Восточном Причерноморье не известно.

D. A. Moisieiev

The tile production technology of Semikarakorsk settlement

Summary

This article is about building ceramics (roof tiles) of Semikarakorsk settlement (Lower Don). The main issue of the article is the study of some technological features of tile production craft on Lower Don. The investigation of production process traces on the tiles allows us to reconstruct basic tools and techniques of this craft and the tile production process itself.

Roof tiles from Semikarakorsk settlement has a distinctive and original production technology. This conclusion is based on the analysis of morphological and technological features of known tegulae and imbrexes in this region. Roof tiles from Semikarakorsk has unique combination of so-called "front syle" and "back syle" tile production technology. At present there are no analogies of this tiles neither in Crimea, nor in the North-Eastern Black Sea region.

С. М. Омаров

ВЕЛИКИЙ МОНГОЛЬСЬКИЙ КУРУЛТАЙ 1235 РОКУ В КОНТЕКСТІ ПОЛІТИЧНОГО СТАНОВЛЕННЯ PAX MONGOLICA

У 30-х рр. XIII ст. монгольські завоювання набули вражаючого розмаху та вийшли далеко за рамки азійського регіону, а Монгольська імперія досягла піку своєї могутності. Великий західний похід 1235–1242-х рр., нова китайська і корейська кампанії 1236 р. перетворили державу Чингізидів на найпотужнішу країну Євразійського континенту. Поштовхом до цієї нової хвилі завоювань був великий монгольський курултай 1235 р. У певній мірі він став знаковою подією не лише в рамках політичної історії Монгольської імперії XIII ст., а й в історії цілого світу. Тому, досить важливо з'ясувати причини, характер, обставини проведення, мету та цілі монгольського курултаю 1235 р.

Починаючи з XIX ст. дослідники, що займались проблемою середньовічної історії Монголії чимало писали про державу Чингіз-хана і Чингізидів. В контексті загального викладу матеріалу науковці у своїх працях не оминали й великий курултай 1235 р. Проте ґрунтового вивчення в історіографії ця подія, у значній мірі через фрагментарність відомостей джерел про неї, не знайшла. Зарубіжні історики, зокрема Й. Хаммер-Пургсталь [*Hammer-Purgstall*, 1840, S. 100], Г. Ховорт [*Howorth*, 1876, р. 135], Р. Груссе [*Груссе*, 2005, с. 12–13], Г. Вернадський [*Вернадский*, 1997, с. 34], М. Бурган [*Burgan*, 2005, р. 8] та інші, не приділяючи потрібної уваги роботі самого курултаю, описують переважно військові кампанії монголів і напрямки їх походів. Так, Й. Хаммер-Пургсталь зазначає, що у 1235 р. каан Угедей завершив будівництво нового палацу в Каракорумі. Але історик не згадує про курултай, а головну увагу приділяє питанню, хто із Чингізидів в 1235 р. був направлений для підкорення кипчаків та Русі [*Hammer-Purgstall*, 1840, S. 100]. Р. Груссе навпаки пише, що мон-

гольський каан Угедей на курултай, який відбувся у 1235 р. в Каракорумі вирішив завоювати усю китайську імперію Сун [Груссе, 2005, с. 12]. При цьому цікавим є інше, французький дослідник поряд з подіями, які пов'язані з даним зібранням описує тільки підкорення Китаю і Кореї. У той же час про військові акції Чингізидів на інших театрах бойових дій, зокрема на Русі Р. Груссе не згадує. А робить він це значно пізніше, фактично в контексті інших подій. Усе це має такий вигляд, ніби то підкорення Русі та курултай 1235 р. зовсім не пов'язані між собою події.

Курултай 1235 р. не був предметом спеціального дослідження і у радянських дослідників. В їх працях з історії Монгольської імперії та монгольських завоювань того періоду наводяться лише окремі штрихи монгольського зібрання 1235 р., що не дають достатнього уявлення про курултай [Насонов, 1940, с. 178; Греков, Якубовський, 1941, с. 208; Каргалов, 1967, с. 263; Фёдоров-Давыдов, 1973, с. 180; Егоров, 1985, с. 246]. О. Ю. Якубовський, підкреслюючи важливість монгольського зібрання 1235 р., писав, що двічі курултай 1229 і 1235 рр. ставили питання про похід на Південно-Східну Європу, і лише в 1236 р. завоювання було реалізовано. Історик, проводячи аналогію між Сходом та Заходом, порівнює монгольський курултай із сеймом [Греков, Якубовський, 1941, с. 57]. В. В. Каргалов, описуючи події, пов'язані із третім монгольським курултаєм зазначав, що монголи силами одного улусу Джучі завоювати Східну Європу не могли, а тому вирішили винести це питання на загально монгольське обговорення. За його результатами було прийнято рішення надіслати Джучидам підкріплення. З цією метою у похід були відправлені центрально-монгольські війська та більшість царевичів-чингізидів [Каргалов, 1967, с. 68]. Аналіз історіографічного доробку з історії курултаю 1235 р. свідчить, що залишається досить багато не вирішених питань цієї теми. Достеменно не відомо, яке основне завдання ставило перед собою це зібрання. Відкритим залишається питання про місце та час проведення курултаю. Усе це обумовило написання нами даної статті.

Монгольські завоювання загалом та курултай 1235 р. зокрема поклали початок політичного становлення Рах Mongolica (Монгольський світ) на євразійських теренах. В новітній історіографії це поняття з'являється дедалі частіше. Сьогодні його можна побачити у багатьох роботах, передусім зарубіжних науковців [Minorsky, 1952, р. 222; Franke, 1966, р. 50; Boyle, 1970, р. 1–15; Saunders, 1971,

р. 123; *Allsen, 1997*, р. 4–5; *Hodong Kim, 2009*, р. 15–42], які для позначення держав та народів, що залежали від монгольського державно-політичного утворення, використовують саме цю дефініцію. Дане поняття в чомусь подібне до *Byzantine Commonwealth* (Візантійська співдружність), яким прийнято позначати середовище країн і народів, синтетичним центром якого була Візантія [Оболенский, 1998].

На нашу думку, *Rax Mongolica* – це своєрідна спільність, яка склалася у Євразії в процесі монгольських завоювань XIII ст. Вона включала як ті держави й народи, що увійшли до складу Монгольської імперії безпосередньо, так і ті, що не стали частиною держави Чингізидів, проте в тій чи іншій мірі залежали від зазначеного утворення або взаємодіяли з ним. У віковому плані доба існування *Rax Mongolica* – це ціла епоха у світовій історії, що включала в себе два століття монгольського панування над більшою половиною євразійського континенту.

Вихідною подією на шляху до формування *Rax Mongolica* був курултай монгольської знаті 1206 р., що утвердив владу Тимуджина. Йому надали титул Чингіз-хана [Сокровенное..., 1941, с. 202], тобто Великого Каана усіх монголів, повелителя світу. Це був неймовірно великий титул, якого ніколи не мав жоден володар, що коли не будь з'являвся у Степу. Тимуджин вважав себе обраним, якому Бог Тенгрі (головне божество, яке кочові народи Великого степу уявляли у вигляді безкрайнього, синього неба) доручив підкорити увесь світ. Монгольський літописець XVII ст. Санан-Сецен, автор змістовної історії під назвою «Ерденіїн тобі» («Дорогоцінний гудзик»), в уста Чингіз-хана вкладає наступні слова: *«Згідно наказу найвищого царя Тенгрі Хурмузда, батька мого, я (Чингіз-хан. – С.О.) підкорив 12 земних царств, велику кількість людей, що блукали, відчуваючи пригніченість, зібрав їх та з'єднав в одне ціле, і так я виконав більшу частину того, що мав зробити»* [Хара-Даван, 1991, с. 47–48]. Курултай 1206 р. був логічним завершенням масштабної боротьби за право володіти монгольським степом, у той же час він став вирішальною віхою, з якої почалося становлення нової Монгольської держави, в основі життя якої лежала експансія по відношенню до багатьох країн і народів. У період з 1206 по 1227 р. Чингіз-хан приєднав до складу своєї імперії народи Туркестану, північний Китай (царства Цзинь та Сі ся), могутню ісламську державу хорезмшахів і т.д.

Після смерті Чингіз-хана у 1227 р. в політичному житті Монгольської імперії настанала переломна доба. Перед нащадками гостропостала проблема престолонаслідування, тому зовнішній політиці нащадки великогохана змушені були взяти паузу. В 1229 р. Чингізиди скликали курултай, головним завданням якого було обрання каана усіх монголів. Ним став третій син Чингіз-хана Угедей. Новий імператор був лише слабкою копією батька та постійно в утвердженні своєї влади потребував родинної підтримки. Імперія монголів в часи правління Угедея була вже не такою, як у часи Чингіз-хана. По суті, це були дві за суттю різні держави. Принципова відмінність між ними полягала насамперед у тому, що держава Чингіз-хана була єдиним, цілісним утворенням, влада в якому належала лише одній людині – Тимуджину. Держава Угедея лише формально була цілісною, реально ж, вона складалася із декількох напівсамостійних частин (улусів), всю повноту влади в яких здійснювали родичі кагана – Чингізиди. Однак, в той же час мусимо визнати, що саме під керівництвом Угедея у Монгольській державі відбувся перехід від старих, степових систем володарювання до нових адміністративних [Вернадский, 1997, с. 32]. Вперше в історії монголів був створений повноцінний механізм оподаткування підкорених держав і народів.

Угедей отримав у спадок сформовану імперію, однак він не відчував себе її повноправним володарем, а можливо ще не був готовий таким стати. Як відзначає Е. Хара-Даван, Угедей тривалий час відмовлявся від престолу до того часу, коли його нарешті не вмовили Тулуй та інші Чингізиди, воєводи і вельможі, посилаючись на вибір самого Чингіз-хана [Хара-Даван, 1991, с. 153].

Отже, два попередні монгольські курултаї 1206 та 1229 рр. принципово відрізнялись від курултаю 1235 р. На курултаї 1235 р. розглядались питання зовсім іншого характеру. Фактично, це був перший монгольський курултай, хід якого був виключно пов'язаний із військовими походами Монгольської імперії.

У 1235 р. Чингізиди під егідою нового володаря зібрались на курултай. Деякі дослідники пишуть, що курултай проходив у Каракорумі, столиці Монгольської імперії [Галстян, 1977, с. 170; Халиков, 1994, с. 31; Мыськов, 2003, с. 23; Груссе, 2005, с. 12]. Зрозуміло, що великий курултай потребував відповідного місця, й часу [Султанов, 2006, с. 38]: щоб зібрати усю рідню потрібен, як мінімум місяць, а то і декілька місяців. А тому, звісно, в даному випадку для цього найкраще підходила б нова столиця імперії Каракорум. Про-

те, джерела повідомляють нам про інше місце проведення монгольського зібрання. Угедей, як зазначає перський історик Рашид-ад-Дін, повернувшись з китайського походу у 1235 р., в місцевості Талан-даба влаштував великий курултай [*Рашид-ад-дин*, 1960, с. 35]. Китайська хроніка династії Юань «Юань-ші» повідомляє, що осінню у шостий рік від сходження Угедея на престол (тобто у 1235 р. — С.О.), каан поблизу Талан-даба влаштував зібрання, однак, як далі зазначає джерело, він лише особисто радився зі своїми полководцями про похід на південно-китайську імперію Сун (цит. по: [*Храпачевский*, 2005, с. 486]). Де ця місцевість зовсім не зрозуміло, і зважаючи на мобільність пересування ханської ставки, це може бути як територія північного Китаю, так і степ Монголії. У зв'язку із чим, як нам видається, виникає проблема ідентифікації місця проведення монгольського зібрання 1235 р.

В.М. Ткачев вважає, що у монголів, як у киданів і бохайців, було п'ять столиць. Життя великого каана, найбільш багатого та знатного «пастуха», характеризувалося сезонними змінами ставок, чотири рази в рік він разом із приближеними особами пересувався по вибраному маршруту. В місцях улюблених стоянок з часом з'являються стаціонарні будівлі, які і є столицями у той момент, коли там перебуває каан [*Ткачев*, 1986, с. 221]. Основна столиця монголів Каракорум ще не була повністю збудована¹, тому не є виключенням, що курултай міг проходити в іншому місці, зокрема, у тому, де знаходилась весняна стоянка імператора, оскільки, згідно свідчень перського історика Джувейні, курултай розпочав свою роботу на весні, коли земля вкрилася багатьма квітами, а гілки дерев вбирали сік цвітіння і свіжості [*Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик*, 2004, с. 131]. Однак, у «Юань-ші» міститься інформація наступного характеру: «Весною, 7-го року і-вей, були побудовані стіни міста Хелінь (Каракорум. — С.О.) і будувався грандіозний палац. Угедей відправив чжувана Бату разом з сином імператора Гуюком і сином імператорського брата Мунке в похід на західні країни, Кодана в похід на Цзинь та Гун, а сина імператора Кучу разом з Хутуху-нойоном завоювати Сун, Тангута у похід на Корею» (цит. по: [*Храпачев-*

¹ Очевидно, будівництво Каракоруму повністю завершилось уже в часи правління Гуяка (1246–1248 рр.) та Мунке. У той же час Р. Груссе вважає, що саме Угедей добудував Каракорум і з 1235 р. це місто офіційно стає столицею Монгольської імперії (див.: [*Груссе*, 2005 с. 9]); такої ж думки дотримується і американський дослідник М. Бурган (див.: [*Burgan*, 2005, р. 8]).

ский, 2005, с. 486]). Безумовно, у цьому відрізу, все вказує на те, що великий курултай 1235 р. проводився в Каракорумі. А тому, версію з Каракорумом відкидати не варто.

Щодо часу проведення зібрання, тоспіраючись на вище згадане повідомлення Джувеїні, можемо припустити, що це був початок весни 1235 р. Проте, перський історик Ала-ад-Дін Ата-Мелік Джувеїні народився у 1226 р., в 1235 р. йому було всього дев'ять років. А отже, до викладеної інформації у даному історичному джерелі потрібно ставитися обережно. У зв'язку із цим визначити точну дату курултаю досить проблематично. Основне монгольське джерело XIII ст. Таємна історія монголів (Монгол-ун бігуча тобчан) взагалі не згадує про курултай 1235 р., натомість описує зібрання 1229 р. Китайські джерела називають тільки рік, проте 1234 р., замість 1235 р. [История первых четырех ханов..., 1829, с. 230] В той же час, хроніка «Юань-ші», у вище наведеному відрізу, повідомляє, що курултай проходив 7-го року і-вей від проголошення Угедея кааном (цит. по: [Храпачевский, 2005, с. 486], тобто в 1236 р.

Ми схильні вважати, третій монгольський курултай відбувся не пізніше весни 1235 р. Щоб мати перевагу над ворогом, монголи найчастіше відправлялись у військові походи взимку. Зважаючи на те, що Угедей скликав курултай, повернувшись із виправи на Китай, цілком ймовірно зібрання відбулося саме в перший весінній місяць 1235 р. На користь такого погляду свідчить інформація Рашід-ад-Діна про початок західного походу: «Вони усі спільно висунулись навесні, літо провели в дорозі, а восени в межах Булгара з'єднались із родом Джучі» [Рашид-ад-дин, 1960, с. 36]. Очевидно, одразу після курултаю Чингізиди, яким доручили завоювання Заходу, разом із своїми військами виступили в похід. Дорога лежала далеко, тисячі кілометрів навіть монголи не могли подолати за декілька місяців, а тому вони, як мінімум, в дорозі провели півроку. Отже, для того, щоб восени дістатись улусу Джучі, Чингізиди мали вирушити в похід на весні. В контексті даного, варто зауважити, що дорога до Каракоруму і назад у легата папи римського Інокентія IV Плато Карпіні зайняла понад два роки (1245–1247 рр.) [Джiovанни де Плато Карпіни, 1957, с. 8]. Вільгельм де Рубрук, декількома роками пізніше, з Криму до столиці Монгольської імперії дістався за сім місяців [Джiovанни де Плато Карпіни, 1957, с. 16].

Є. І. Кичанов зазначав, що за період 1234–1235-х рр. відбулось аж два курултаї, на першому, на думку автора, завоювання захід-

них держав та народів було доручено тільки сину Джучі Бату, а на другому – Бату, Гуюку, Мунке та іншим [Кычанов, 2001, с. 36; Кычанов, 2002, с. 79]. Висновки історика базуються виключно на досить сумнівних даних перського історика Рашид-ад-Діна [Рашид-ад-дин, 1960, с. 35]. Однак, не слід забувати, що Рашид-ад-Дін писав свій збірник на початку XIV ст., він подає датування по тваринному циклу і за мусульманським календарем одночасно [Сабитов, 2011, с. 180]. Не виключено, що історик використовував джерела, автори яких користувались іншим календарем та поміщали один і той же курултай 1235 р. в 1234 р. Зокрема, китайське джерело Гань-му датує монгольське зібрання весною 1234 р. [История первых четырех ханов..., 1829, с. 230]. До речі, про цей період року, як ми уже вище зазначали, згадує і Джувеїні. А тому, ми вважаємо, що третій монгольський курултай відбувся саме у 1235 р., проте не відкидаємо можливості того, що його роботі могло передувати попереднє невелике зібрання монгольської знаті, адже Угедей часто запрошував Чингізидів до участі у вирішенні різного роду питань як внутрішнього, так і зовнішнього характеру.

Монгольський курултай розпочинався великим святкуванням. Цілий місяць родичі кагана розважались від світанку до пізнього вечора [Рашид-ад-дин, 1960, с. 35], а потім, розділивши між собою китайські трофеї, взялися обговорювати серйозні державні справи. Угедея хвилювали проблеми, що виникли в імперії, тому він намагався за рахунок цілісної зовнішньополітичної лінії побороти внутрішні негаразди. Монгольська імперія в адміністративному відношенні поділялась на чотири улуси. На чолі кожного улусу стояв один із чотирьох синів Чингіз-хана від першої дружини Борте [Вернадский, 1997, с. 32]. І якщо такий поділ започаткував сам творець держави, то за правління Угедея він посилювався, слабкодушкий імператор² не міг в повній мірі контролювати своїх родичів, які намагалися створити незалежні держави у своїх улусах. Постає проблема утримання цілісності вже створеної імперії, такі реалії вимагали від Угедея рішучих дій, реалізувати які можливо було лише за рахунок рішень великого монгольського курултаю.

На думку більшості дослідників, причиною монгольського зібрання у 1235 р. стало ініціювання великого західного походу для під-

² Угедей мав досить м'який характер та полюбляв перехилити чарку доброго вина (див.: [История монголов по армянским источникам, 1874, с. 14; Султанов, 2006, с. 40]).

корення держав та народів, що знаходились неподалік улусу Джучі. А тому, в історіографії існує думка, що автором ідеї західного походу є володар улусу Бату, для якого дана військова акція мала велике значення. Зокрема, Р. Ю. Почекаєв схильний вважати, що ініціатором курултаю був саме син Джучі Бату, який прагнув збільшити свої володіння [Почекаєв, 2007, с. 78]. Однак, нам ця думка видається не достатньо обґрунтованою, оскільки жодних згадок про це у джерелах не має, і власне підстави вважати, що Бату приймав участь в роботі курултаю, є сумнівними. До речі, той же дослідник визнає, що прямі докази присутності Бату на курултаї 1235 р. у джерелах відсутні [Почекаєв, 2007, с. 78]. Очевидно, Бату не полюбляв великих імперських зібрань, і в силу різних причин син Джучі намагався якомога менше зустрічатися зі своїми родичами. Зокрема, в контексті даного, зазначимо, що Бату не відвідав і два наступні курултаї 1246 та 1251 рр.

Безумовно, для монголів великий західний похід був важливим елементом зовнішньої політики середини 30-х рр. XIII ст., оскільки каан керувався чіткими настановами Чингізхана, який велів монголам підкорити усі держави Заходу. Проте важливо зрозуміти, що, крім згаданої проблеми, перед Чингізидами на зібранні 1235 р. стояли й інші не менш важливі завдання. Зокрема, насамперед Угедей намагався зміцнити монгольські позиції на Південному Сході. Він планував, окрім західних держав, підкорити Корею та народи Індокитаю. На півдні Китаю розташовувалась імперія Сун, питання про завоювання якої, як вважає Р. Груссе, також розглядалось на курултаї 1235 р. [Груссе, 2005, с. 12]. В Персії з 1231 р. перебувала 30-тисячна монгольська армія Чормагана. Нові завдання перед цим військом були поставлені саме на третьому монгольському курултаї. У 1236 р. Чормаган контролював уже усю Вірменію та Грузію, в Азербайджані монголи заволоділи Магарою. Отже, монголи ще до початку європейської фази великого західного походу досягли берегів Чорного моря.

Немов кістка у горлі Монгольської імперії стояла Волжська Булгарія, яка вже тричі псувала зовнішньополітичні плани завойовників. У 1223 р., коли тумани Субедея та Джебе з перемогою повертали із половецьких степів, булгари влаштували кочівникам засідку. Підсумки першої зустрічі волжських булгар з монголами для останніх були надзвичайно трагічними, арабський історик Ібн-ал-Асір зазначає, що з усього кінного війська залишилось лише 4 тисячі [Тизен-

гаузен, с. 27–28]. Булгари, внаслідок цього, перетворилися на кровних ворогів монголів, а завоювання волжської держави стало для Чингізидів першочерговою справою. Каан у 1229 р. за підсумками курултаю направив для підкорення Волжської Булгарії найкращу частину монгольського війська під керівництвом талановитого Субедея. Проте булгари і цього разу зуміли зупинити кочівників. У 1232 р. [Черепнин, 1977, с. 190] Чингізиди здійснили новий похід на булгар, однак й він виявився для монголів невдалим. В контексті даної кампанії, монголи завдали удару по південних рубежах країни булгар. Бату розпочав завоювання нижньоволжських булгар, башкір та місцевих половців, що кочували в степах Приуралля та завершив його до 1234 р. Тому, у 1235 р. ще не повністю підкорена держава волжських булгар стала головною метою монгольської експансії на Заході [TheCambridge..., 2009, р. 32]. А. Х. Халіков справедливо вказував, що цілеспрямованість нового походу монголів на Булгарію очевидна [Халиков, 1994, с. 31].

Волжська Булгарія у середині 30-х рр. XIII ст. була наймогутнішою державою волжського регіону. Торговий потік із мусульманських країн Азії, що став можливим після падіння в X ст. Хазарського каганату, перетворив столицю булгар місто Булгар на провідний торгово-ремісничий центр Центрально-Західної Азії. Під контроль волжських булгар швидко потрапили волжські угри, башкіри, приуральські половці та багато інших народів нижньоволжського регіону. Тому, навіть незважаючи на вкрай складні булгаро-монгольські відносини, Чингізиди, що уявляли себе повелителями степових народів, рано чи пізно розпочали б війну із волжською державою, хоча б через те, що вона в певній мірі контролювала половців й інших кочівників, які згідно ідейно-політичних уявлень монголів були їх рабами. Підкорення булгар мало стати черговим етапом для продовження їх експансії на захід.

Отже, в основі курултаю 1235 р. стояли ряд причин як внутрішнього так і зовнішньополітичного характеру. Угедей був далекоглядним політиком, який розумів, що цілісність імперії можливо зберегти лише продовжуючи завоювання. За низкою військових кампаній, чітко простежуються конкретні економічні цілі курултаю. Питання стояло не тільки у завоюванні нової території, а й створені цілої системи ефективних взаємин із країнами і народами Півдня та Заходу, які б, насамперед, покращили фінансове становище імперії. В контексті даного, монголам принципово важливо було контролю-

вати так званий «Шовковий шлях». Не тільки війна і військові походи є запорукою могутньої держави, а й торгові відносини з іншими країнами та народами, запевняв Чингіз-хана колишній чиновник імперії Цзинь Елюй Чуцай, ще на початку XIII ст.

Окрім цього, в основу діяльності курултаю була покладена ідеологічна доктрина, що створювалася тим же Чингіз-ханом [The Cambridge..., 2009, р. 36–37; *Миргалеев*, 2009, с. 42], проте за його життя, у повній мірі не була реалізована. Згідно рішень курултаю 1235 р. монголи здійснили спробу підкорити не лише західні держави та народи, для Чингізидів досить важливо було завоювати увесь Китай, в черговий раз підкорити Корею [Howorth, 1876, р. 135], закріпити свої позиції на Кавказі і т.д.

Курултай 1235 р. був по своїй суті унікальним явищем в політичній історії Монгольської імперії, адже він на відміну від аналогічних зібрань 1206 та 1229 рр. не був пов'язаний із виборами каана чи іншими внутрішніми проблемами в середовищі Чингізидів. Його головним завданням стала організація подальших монгольських завоювань, що в силу різних причин були майже зупинені або велись лише в одному, китайському напрямку. Курултай дав початок чотирьом монгольським кампаніям, серед яких найбільш грандіозною та успішною була західна. Оскільки у нащадків Джучі власних сил для завоювання держав і народів Заходу було замало, Угедей вирішив спорядити в якості підмоги велике військо, до складу якого увійшли тисячі орд з кожного із чотирьох улусів Монгольської імперії. Монголи, не мов вода, що наповнює землю підкорювали усе на своєму шляху від Уралу до Адріатичного моря. І лише смерть Угедея та пов'язані із нею внутрішні негаразди зупинили завойовників.

Найбільшим результатом західного походу монгольських військ 1235–1242-х рр. і, як наслідок великого монгольського курултаю 1235 р., стало виникнення в Поволжі у середині 40-х рр. XIII ст. протодержавного утворення Чингізидів, більш відомого в історіографії як Золота Орда.

Література

- Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик*. Чингисхан. История завоевателя мира / Пер. Е. Е. Харитоновой. М., 2004.
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. История России. Кн. 3. Тверь–Москва, 1997.

- Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л., 1941.
- Груссе Р. Империя степей. Атилла, Чингисхан, Тамерлан / Пер. с франц. Х. К. Хамраева; сост. Б. М. Суржиков. Т. II. Алматы, 2005.
- Карпини Джованни де Плано. История монголов. Рубрук Вильгельм де. Путешествие в Восточные страны / Пер. с лат. А. И. Малеина. М., 1957.
- Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- История монголов по армянским источникам. Вып. II, заключающий в себе извлечения из истории Киракоса Гандзакеци / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1874.
- История первых четырех ханов из дома Чингисова / Пер. с китайского Монахом Иакином. СПб., 1829.
- Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
- Кычанов Е. И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») О Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001.
- Кычанов Е. И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Миргалеев И. М. Новые приоритеты во взаимоотношениях чингизидов после смерти Угедея // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1. Казань, 2009.
- Мыськов Е. П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313). Волгоград, 2003.
- Насонов А. Н. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.–Л., 1940.
- Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.–СПб., 2007.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.–Л., 1960.
- Сабитов Ж. М. Хронология западного похода 1235–43 годов // Л.Н. Гумилёв атындағы ЕҒУ Хабаршысы. Астана, 2011.
- Сокровенное сказание / Пер. С. И. Козина. М.–Л., 1941.
- Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений. Т. I. СПб., 1884.
- Ткачёв В. Н. Каракорум в XIII веке // Mongolica. М., 1986.

- Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994.
- Хара-Даван Э. Чингис-Хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи. Изд. 2-е. Белград, 1991.
- Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.
- Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Allsen T. T. *Commodity and exchange in the Mongol empire: A cultural history of Islamic textiles*. N.Y., 1997.
- Boyle J. A. *The Last Barbarian Invaders: the Impact of the Mongol Conquests upon east and west* // *Memoirs and Proceedings of the Manchester Literary and Philosophical Society*. Vol. 12. 1970.
- Burgan M. *Empire of the Mongols*. N.Y., 2005.
- Franke H. *Sino-Western Contacts under the Mongol empire* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 6. 1966.
- Hammer-Purgstall J. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pest, 1840.
- Howorth H. H. *History of the Mongols*. Pt. I. London, 1876.
- Hodong Kim. *The Unity of the Mongol Empire and Continental Exchanges over Eurasia* // *Journal of Central Eurasian Studies*. Vol. 1. 2009.
- Minorsky V. *Caucasica III: The Alān Capital Magas and the Mongol Campaigns* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 14. 1952.
- Saunders J. J. *The History of the Mongol Conquests*. London, 1971.
- The Cambridge history of Inner Asia. The Chinggisid Age* / Ed. by Nicola Di Cosmo, Allen Frank and Peter B. Golden. N.Y., 2009.

С. М. Омаров

**Великий монгольский курултай 1235 року
в контексті політичного становлення Рах Mongolica**

Резюме

У статті розглянуто основні проблеми пов'язані з метою, цілями і місцем проведення великого монгольського курултаю 1235 р. На основі аналізу історичних джерел висвітлюються головні причини, наслідки та значення курултаю в контексті політичного становлення Рах Mongolica. Також здійснена спроба визначити пріоритетний напрямок монгольської експансії 1235 року.

Ключові слова: курултай, Рах Mongolica, Чингіз-хан, Монгольська імперія, Угедей, каан.

S. M. Omarov

**Great Mongolian kurultai 1235 in the context
of the political establishment Pax Mongolica**

Summary

In the article the main problems related to the purpose, goals and venue of the great Mongol kurultai 1235. Based on the analysis of historical sources describes the main causes, consequences and values kurultai in the context of the political establishment Pax Mongolica. Also, an attempt to determine the priority area of the Mongol expansion in 1235.

Keywords: kurultai, Pax Mongolica, Genghis Khan, the Mongol Empire, Ugadei, Caan.

Л. Ю. Пономарёв

**ОДНОКАМЕРНЫЕ ПОСТРОЙКИ
САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА**

К изучению салтово-маяцких жилищ Восточного Крыма в конце 60-х гг. прошлого столетия впервые обратился А. В. Гадло. В основу разработанных им типологической и эволюционной схем были положены данные стратиграфии и сравнительный анализ построек, открытых исследователем на поселении Героевка-3. В итоге А. В. Гадло выделил три типа жилищ, которые, по его мнению, могли отражать не только поиски рациональных, приспособленных к местным условиям архитектурных форм, но и в какой-то мере процесс внутренней социальной дифференциации общества. Наиболее ранними он считал землянки и полуземлянки с неукрепленными бортами, конструктивно ничем не отличавшиеся от аналогичных построек степного ареала салтово-маяцкой культуры. Позднее, по его мнению, салтовское население Восточного Крыма освоило принципиально новый для себя и более совершенный тип построек – полуземлянки и заглубленные однокамерные жилища, стенки котлованов которых были облицованы каменной кладкой. Их появление А. В. Гадло, связал с процессом приспособления традиционной для них формы стационарного жилища к местным природным условиям. Генетически наиболее поздними исследователь считал наземные каменные постройки с двумя помещениями (дома-пятистенки) и рассматривал их как усложненный вариант наземных или слегка заглубленных в грунт однокамерных жилищ, знаменующий собой определенный этап в жизни поселений, когда их обитатели полностью переходили к оседлому образу жизни. Таким образом, в рамках предложенной А. В. Гадло схемы однокамерные постройки рассматривались как один из самостоятельных типов жилищ и реконструировались как полуземлянки, однотипные жилищу, открытому на поселении Пташкино [Гадло, 1980, с. 131–133, рис. 2]. Одна-

ко узких хронологических рамок для них, собственно как и для остальных типов построек, он не выделил. Более того, согласно его концепции, допускалась возможность одновременного их существования [Гадло, 1968а, с. 63; Гадло, 1969, с. 67; Гадло, 1971, с. 65–74; Гадло, 1973, с. 272; Гадло, 2004, с. 79–87].

В работах А. Л. Якобсона вопросы, связанные с эволюцией и типологией салтовских жилищ Крыма, подробно не рассматривались, но общая тенденция их развития сводится к двум основным этапам. Наиболее ранние – соответственно и примитивные – формы жилищ, к примеру полуземлянки на поселении Тау-Кипчак, возводившаяся в период, когда материальная культура пришлого салтово-маяцкого населения еще не претерпела существенных изменений, оказавшись в сфере влияния «таких центров, как Боспор и Херсон». Позднее, в основном уже к IX в., выработались более совершенные формы построек, включая двухкамерные дома на каменном основании, но при этом они сохранили элементы, присущие традиционным салтовским жилищам [Якобсон, 1973а, с. 132–134; Якобсон, 1973б, с. 42–43].

До начала нынешнего столетия как отдельный тип однокамерные наземные постройки крымского варианта салтово-маяцкой культуры не рассматривались и в классификационных схемах салтовских жилищ, разработанных С. А. Плетнёвой. Изначально исследовательница причисляла их к типу 2 – «зданиям на каменном цоколе», хотя при их описании основное внимание акцентировала на двухкамерные дома-пятистенки [Плетнёва, 1967, с. 63]. Позднее они были включены в тип 4, объединивший «наземные жилища на каменном цоколе или полностью с каменными стенами», которые рассматривались как один из основных отличительных признаков приазовского и крымского вариантов салтово-маяцкой культуры [Плетнёва, 1981а, с. 69]. Но уже в другой, опубликованной в том же году, работе исследовательница выделила для крымского варианта только два типа построек – двухкамерные дома и полуземлянки, борта которых были выложены камнем [Плетнёва, 1981б, с. 13]. Вновь к этому вопросу С. А. Плетнёва возвратилась в своих последних обобщающих монографиях. В одной из них однокамерные постройки на каменном цоколе были отнесены к «жилищам на каменном цоколе и с каменными стенами» [Плетнёва, 2000, с. 13, табл. 1, рис. 106], а в другой классифицированы как самостоятельный и более ранний тип жилищ, датированный VII – первой половиной VIII в. [Плетнёва, 2003а, с. 91–92].

В 70-е гг. прошлого столетия исследования в этом направлении, но уже на более обширном материале и для крымского варианта салтово-маяцкой культуры в целом продолжил И. А. Баранов. В русле предложенной им концепции о двух миграционных волнах тюрков в Крым для каждой из них была разработана собственная схема развития жилищ.

Эволюция жилищ, суммарно датированных исследователем концом VII – первой половиной VIII в., была выстроена им следующим образом. Первые постройки представляли в большинстве своем бесстолбовые полуземлянки, одновременно с которыми или спустя небольшой промежуток времени стали сооружать полуземлянки с каменной облицовкой стен котлована. Дальнейшую линию их развития определило влияние традиций местного каменного домостроительства, что нашло свое отражение в появлении полуземлянок с каменными стенами и двускатной крышей. Позднее их сменили однокамерные наземные дома, к которым автор также причислил некоторые постройки, классифицированные до этого А. В. Гадло как полуземлянки. И наконец, последнюю эволюционную ступень заняли двухкамерные наземные дома с каменными стенами.

Примерно такой же путь развития, но уже за более короткий промежуток времени, в представлении исследователя, прошли жилища второй половины VIII – X вв. Во второй половине VIII в. в Таврике салтовцы вновь стали возводить полуземлянки – традиционный для них тип построек, но уже в первой половине IX в. они были полностью вытеснены однокамерными наземными домами с каменными стенами, сложенными «в елочку» без перевязки углов. В этом же столетии на смену последним пришли двухкамерные наземные дома-пятистенки, а во второй половине IX – X в. появляются усадьбы с отдельно стоящими жилыми и хозяйственными помещениями и огороженным двором. Таким образом, в рамках исторической концепции о двух миграционных волнах И. А. Баранов выделил две хронологические группы однокамерных построек, но, в отличие от А. В. Гадло, рассматривал их как своеобразную реплику устоявшихся в Крыму традиций византийского «каменного гражданского зодчества» [Баранов, 1981, с. 64–70; Баранов, 1986, с. 245–247; Баранов, 1990, с. 41–53]¹.

В настоящее время выделяются три региона, в пределах которых обнаружена большая часть однокамерных жилищ, суммарно

¹ Разработанная И. А. Барановым хронология и типология жилых построек нашла поддержку у болгарских исследователей [Димитров, 1987, с. 171–174].

датируемых VIII – первой половиной X в. На Таманском полуострове они раскопаны в Фанагории и Таматархе [Атавин, 1974, с. 107; Кобылина, 1963, с. 97, рис. 37: II; Плетнёва, 2003б, с. 181; Плетнёва, 2003в, с. 173–174; Чхаидзе, 2007а, с. 11; Чхаидзе, 2007б, с. 97; Чхаидзе, 2008, с. 119]. В Юго-Восточном Крыму они известны в основном по раскопкам на городище Тепсень и поселении Кордон-Оба [Баранов, 1977, с. 268; Майко, 2000, с. 286; Майко, 2004, с. 71, 72, 275, рис. 15: 1; Майко, 2006, с. 80–81].

На Керченском полуострове однокамерные постройки открыты на поселениях Героевка-3, Героевка-2, городищах Мирмекий, Тиритака, Артезиан² и некрополе городища Илурат [Гайдукевич, 1940а, с. 191, 203; Зинько, Пономарёв, Зинько, 2004, с. 131–132; Зинько, Пономарёв, Зинько, 2005, с. 140; Зинько, Пономарёв, 2009, с. 21–24, рис. 13; 15; 27; 30; 31; 40; 42; 43; Гайдукевич, 1940б, с. 304; Гайдукевич, 1952а, с. 177–178; Гадло, 1964, с. 24–40; Гадло, 1968б, с. 81; Гадло, 1969, с. 160–164, рис. 1: 2; Зинько, Пономарёв, 2001, с. 147–151, рис. 1; Зинько, Пономарёв, 2005а, с. 244–245, рис. 16; 17; Кубланов, 1979, с. 97, рис. 4]³. К сожалению, результаты раскопок лишь некоторых из этих построек опубликованы полностью. К тому же все они имеют плохую сохранность. Тем не менее имеющийся в распоряжении исследователей материал позволяет, как правило, определить функциональное назначение построек, а также реконструировать их планировку и конструктивные особенности. Гораздо сложнее обстоит дело с датировкой самих комплексов, особенно нижней хронологической границей, поскольку в основной

² Материалы раскопок однокамерной постройки (постройка 15), открытой в западной части раскопа II на городище Артезиан, пока еще не опубликованы [Винокуров, 2011, с. 56]. Остальные постройки, за исключением двухкамерного дома на раскопе III, сохранились очень плохо, и их планировка не поддается надежной реконструкции [Винокуров, 2004, с. 63, рис. 7].

³ К их числу вполне можно было бы отнести некоторые из построек, обнаруженные на раскопе XIV в западной части городища Тиритака, но их планировку из-за плохой сохранности реконструировать не удалось (рис. 9: 4) [Гайдукевич, 1952б, с. 101, рис. 122; 123]. Возможно, также, что некоторые однокамерные жилища, впоследствии были разделены на два помещения и функционировали уже как дома-пятистенки. Следы такой перестройки, по мнению А. В. Гадло, прослеживаются в двухкамерной постройке на поселении Героевка-6. На ее полу был зачищен очаг, перекрытый позднее стеной, разделившей дом на два помещения [Пономарёв, 2011, с. 229]. Однако применительно к данному комплексу очаг вполне мог функционировать и до постройки дома, поэтому подобного рода предположения требуют более весомой аргументации.

массе находки из жилищ относятся к заключительному периоду их функционирования.

Половина из всех известных на сегодняшний день на Керченском полуострове однокамерных построек находится на поселении Героевка-3 и сосредоточена на сравнительно небольшом участке – раскопе II–IV, площадью 304 кв. м., заложенном А. В. Гадло в 1963 г. в центральной его части (рис. 1: 1–2).

Постройки I и II на поселении Героевка-3 (рис. 2: 3). Постройки I и II расположены в юго-западной части раскопа II–IV. А. В. Гадло трактовал их как два последовательно сменивших друг друга однокамерных жилища, относящихся ко второму и третьему строительным периодам. Причем более позднее сооружение – постройка II – было вплотную пристроено с юга к остаткам постройки I и даже отчасти перекрыло ее [Гадло, 1964, с. 24–25; Гадло, 1968б, с. 81; Гадло, 2004, с. 80].

Постройка I была ориентирована по длинной оси в направлении север–юг. Размеры не превышали 3,0 × 2,7 м, при этом южная ее граница проходила к югу от северной стены более позднего дома. Этой же стеной была частично перекрыта печь, пристроенная к юго-восточному углу помещения, от которой сохранились два камня обкладки и золистое пятно с включением частиц древесного угля и обломков самана. На отдельных участках, где кладки были разобраны полностью, границы помещения фиксировал пол в виде тонкого слоя глиняной подмазки. Западная часть дома была врезана в склон на глубину до 0,40 м, восточная находилась на уровне древней дневной поверхности. Сохранившийся на высоту одного ряда камней участок западной стены вплотную пристроен к борту котлована. Кладка однослойная, шириной 0,30 м, сложена из подобранных по размеру небольших камней, уложенных «в елочку».

К периоду существования жилища относится красноглиняная лощеная двуручная корчага, обломки которой были найдены в южной части помещения, ниже уровня пола более позднего дома (рис. 3: 1). Подобные сосуды встречаются на поселениях и городищах юго-восточного Крыма, Таманского полуострова, но чаще всего их находки фиксируются на салтово-маяцких памятниках Подонья [Баранов, Майко, 2000, с. 87, рис. 7: 22; Майко, 2004, с. 194–195, рис. 107: 11; Чхаидзе, 2006, с. 493, рис. 10: 8; Плетнёва, 1959, с. 214, рис. 5; Михеев, 1985, рис. 15: 16, 17; Лалтеев, 2011, с. 46, рис. 1: 3]. К сожалению, как и многие другие формы салтовской

лощенной керамики, они имеют широкие рамки бытования (ср.: [Флёров, 1983, с. 103]), а других датирующих находок при раскопках постройки I обнаружить не удалось.

Постройка II, частично перекрывшая разобрannую на момент ее строительства постройку I, имела в плане форму квадрата и была ориентирована по сторонам света [Гадло, 1964, с. 25–26; Гадло, 1968б, с. 81; Гадло, 2004, с. 80]. Размеры помещения составляли 2,80 × 2,75 м (рис. 2: 3). В отчете о раскопках А. В. Гадло реконструировал жилище как полуземлянку, заглубленную в материк на 0,27–0,35 м, а в более поздней публикации классифицировал его как наземное сооружение [Гадло, 1964, с. 25; Гадло, 1968б, с. 81]. Северная стена постройки толщиной 0,62–0,65 м была установлена на дно котлована и сохранилась на высоту четырех рядов камней. Возвели ее трехслойной двухпанцирной кладкой «в елочку» из необработанных камней, среди которых были обнаружены обломок плиты ротационного жернова и известняковая крышка пифоса (или зерновой ямы), вторично использованные в качестве строительного материала. Восточная, западная и южная стены не сохранились, но два уцелевших камня в северной оконечности восточной стены позволяют утверждать, что, в отличие от северной стены, они были уложены на край котлована, возвышаясь над полом на 0,27–0,37 м. Эти же два камня позволяют предположить, что все углы постройки были сложены в перевязь. Вход, вероятно, находился с западной стороны, на что указывает сохранившийся здесь крупный плоский камень с небольшим углублением диаметром и глубиной 0,08 м, служившим пазом для деревянной конструкции дверного проема. Пол помещения представлял собой плотный утрамбованный материковый суглинок. В центре помещения находился небольшой заглубленный очаг диаметром 0,27 м и глубиной 0,10 м, а в южной части был вкопан красноглиняный пифос, от которого уцелели лишь фрагменты верхней его части.

Находки из помещения представлены фрагментами причерноморских бороздчатых амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой и салтово-маяцких горшков. Таким образом, заключительный период существования постройки II следует датировать не ранее второй половины IX в. По мнению А. В. Гадло, она относилась к третьему – заключительному – строительному периоду и была оставлена на рубеже IX–X вв., когда прекратило существование и само поселение [Гадло, 1964, с. 26].

Предложенной им дате не противоречит материал из заполнения хозяйственной ямы 3, располагавшейся в 3,0 м к юго-западу от постройки II и, возможно, входившей вместе с ней в состав единого комплекса. Помимо обломков причерноморских бороздчатых амфор, причерноморских амфор типа XV по херсонесской классификации 1971 г., украшенных зонами горизонтального и волнообразного рифления [Науменко, 2009, с. 48–49], лощеных сосудов, ойнохой скалистинского типа, салтово-маяцких горшков, стеклянных рюмок и бокалов [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 194–195, тип II, вариант 1-1, 2-1], в ней были найдены немногочисленные фрагменты высокогорлых кувшинов с плоской ручкой.

Но, что наиболее показательно, в засыпь ямы попали фрагментированные сосуды, обломки которых обнаружили в зольнике, сформировавшемся не ранее второй половины IX в. на месте полуземлянки VI, а также в постройке II и одновременной ей постройке III, речь о которой пойдет ниже [Гадло, 1964, с. 36].

Постройка III на поселении Героевка-3 (рис. 2: 1). Постройка III расположена в северо-западной части раскопа II–IV, в 6,3 м к северо-западу от построек I и II. А. В. Гадло реконструировал ее как полуземлянку, борта котлована которой были облицованы каменными стенами только с северной и южной стороны [Гадло, 1964, с. 27–32; Гадло, 1968б, с. 81; Гадло, 1971, с. 71–72, рис. 1: Б; Гадло, 2004, с. 83–84]. Однако, эту реконструкцию вряд ли можно признать удачной. Скорее всего, западная и восточная стены были полностью разобраны, тем более что у всех остальных построек, открытых на этом раскопе, сохранность кладок была еще хуже, но они реконструировались как обычные дома с четырьмя каменными стенами.

В плане постройка имела прямоугольную форму и была ориентирована по длинной оси в направлении ВСВ–ЗЮЗ. Ее внутренние размеры: 5,10 × 3,30 м, глубина котлована в северной части за счет рельефа местности достигает 0,50 м. Поскольку западная и восточная стены не сохранились, размеры жилища в этом направлении были реконструированы по границе глинобитного пола. Северная стена шириной 0,45–0,53 м сохранилась по всей длине на высоту трех нижних рядов камней, облицовывавших борт котлована. Кладка двухслойная, постелистая, практически без забутовки. Нижние два ряда сложены из крупных, необработанных и подтесанных камней, уложенных логом и тычком. С двух сторон, на уровне вто-

рого ряда, ее замыкают плоские подтесанные блоки, установленные тычком на узкое продольное ребро. В кладке использовались обломки стенок пифоса и античной черепицы. Конструкцию стены выше уровня древней дневной поверхности реконструировать не удалось. Сославшись на этнографические параллели, А. В. Гадло предположил, что она была выложена из саманных кирпичей и дерна [Гадло, 1964, с. 28]. Южная стена сохранилась в виде отдельных камней, деформировавшихся в горизонтальной плоскости по направлению к северу. Система кладки ничем не отличается от кладки северной стены. В западной ее части устроен дверной проем шириной 0,60 м. Порог был оборудован двумя каменными ступенями, перед которыми уложили две известняковые плиты, образовавшие перед домом небольшую вымощенную площадку. К западу от порога среди камней кладки обнаружена вторично использованная известняковая гиря от рычажного пресса античной виноградодавильни. Перепад высот между верхней плитой порога и полом составлял 0,46 м. В центре помещения был установлен квадратный пяточный камень с выемкой для центрального опорного столба перекрытия. В северо-западном углу находилась печь-каменка. Топочная камера размерами 1,28 × 1,06 м и высотой 0,50 м сложена из небольших и необработанных камней и плит, уложенных на отдельных участках «в елочку». Саманная плита перекрытия толщиной 0,04–0,06 м с полукруглым отверстием-дымоходом опиралась на сложенный из камней столбик, от которого сохранился лишь нижний камень. Устье шириной 0,35 м обрамлено лежащими друг на друге квадратными в сечении камнями. К северо-востоку от устья печи была обнаружена заполненная золой яма диаметром 0,20 м и глубиной 0,12 м, а к юго-востоку от него, на уровне пола, зачищено округлое в плане пятно обожженного до красного оттенка суглинка диаметром 0,65 м. Пятно перекрывал верхний камень ротационного жернова, растрескавшийся в результате длительного температурного воздействия. К югу от него обнаружили нижнюю плиту жернова. К северной стене была пристроена необычная конструкция в виде «столика» высотой 0,46 м, сооруженная из двух поставленных на ребро камней и перекрытая плоским камнем⁴.

⁴ А. В. Гадло интерпретировал ее как «тёр» – почетное место внутри жилища тюркских кочевых и полукочевых народов [Гадло, 1971, с. 72; Гадло, 2004, с. 83–84, 87]. С. А. Плетнёва, на одну из работ которой сослался исследователь, трактовала «тёр», вслед за Н. Н. Харузиным, как место у противоположной от

К южной стене, к востоку от входа, под углом 90° примыкал крупный подтесанный камень, представлявший собой остатки разобранного закрома шириной 0,44 м. В юго-восточном углу находилась хозяйственная яма. Диаметр ее горловины и дна составляли 0,72 и 0,84 м, глубина – 0,80 м. Горловина ямы была выложена пятью подтесанными известняковыми плитами и перекрыта нижней плитой ротационного жернова.

При разборке каменного завала внутри помещения и на полу были найдены фрагменты причерноморских бороздчатых амфор (рис. 3: 3), салтово-маяцких тарных и кухонных горшков. Тулово некоторых горшков не орнаментировано, другие украшены сплошным и зональным горизонтальным и горизонтально-волнистым рифлением (рис. 3: 4, 5, 10) [Гадло, 1968б, рис. 19: б, д, е]. Отсюда же происходит обломок кольцевого поддона стеклянной рюмки. Около порога и в заполнении хозяйственной ямы 3 обнаружили обломки «импортной желтоглиняной» (причерноморской?) амфоры (рис. 3: 2).

Стратиграфические наблюдения на участке раскопа II–IV, занимаемом постройкой III, позволили А. В. Гадло отнести жилище к третьему строительному периоду и датировать его IX – началом X в. [Гадло, 1964, с. 32]. Учитывая находки в зольнике, сформировавшемся на месте полуземлянки VI, а также в постройках II и III фрагментов одних и тех же сосудов, можно предполагать, что функционировать они прекратили в одно и то же время – не ранее второй половины IX в., но установить время сооружения построй-

входа стены дома, где находились «своеобразная божница» и место хозяина дома. К числу связанных с ним конструкций она относилась окопуренное ямками деревянное(?) сооружение – ложе(?), а также остатки каменного и кирпичного «столиков» – сидений, обнаруженных в юртообразных постройках на Правобережном Цимлянском городище [Плетнёва, 1967, с. 52, 59; Плетнёва, 1994, с. 284, 286, 309, рис. 13: 1, 14, 2; Плетнёва, 2000, с. 106]. Согласно этнографическим данным, тёр в жилищах кочевых и полукочевых народов располагался у стены за очагом – напротив входа. Здесь находились семейный алтарь и почетные места, предназначавшимися для размещения хозяев дома и наделенных таким правом гостей [Харузин, 1896, с. 5, 9, 32; Радлов, 1889, с. 140–141; Кочкунов, 2008, с. 147]. Однако этнографические параллели указывают на то, что за исключением планировки самого жилища, такое место, ввиду отсутствия стационарных конструкций, на археологическом материале проследить невозможно. Помимо нескольких юртообразных построек, конструкции, которые можно было бы интерпретировать как тёр, отсутствуют и в других стационарных салтово-маяцких жилищах (ср.: [Плетнёва, 1967, с. 61]). Таким образом, вопрос о функциональном назначении каменного «столика» в постройке III, собственно как и о «почетных местах» в салтово-маяцких однокамерных жилищах, остается открытым.

ки III гораздо сложнее. Хотя вряд ли оно выходит за пределы этого же столетия.

Еще две однокамерные постройки – IV и V были открыты А. В. Гадло в северо-восточной части раскопа II–IV в 4,0 м к востоку от зольника, перекрывшего полуземлянку VI. Исследователь отнес их к третьему и второму строительным периодам, но абсолютных дат не привел [Гадло, 1964, с. 37–41; Гадло, 1968б, с. 81; Гадло, 2004, с. 84].

Постройка V на поселении Героевка-3 (рис. 1: 1). Остатки постройки V частично попали в северо-восточный угол раскопа II–IV, в связи с чем была исследована лишь ее юго-западная часть. Жилище было ориентировано в направлении ЮЗ–СВ, при этом удалось определить юго-западную и северо-западную границы его глинобитного пола. В северо-западном углу помещения находилась печь, от которой уцелели отдельные камни западной стенки. В топочной камере зачищены пережженный саман и прослойка золы. Пол постройки был перекрыт небольшим каменным завалом, при этом все камни имели следы температурного воздействия. Таким образом, постройка погибла в пожаре, следы которого прослежены также в виде слоя «горелой земли, золы и угля» мощностью 0,03–0,05 м. При разборке завала и на уровне пола обнаружены фрагменты причерноморских амфор, салтово-маяцких горшков и грубых лепных сосудов. Как уже упоминалось выше, А. В. Гадло отнес постройку ко второму строительному периоду, но имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет уточнить время ее функционирования. Учитывая отсутствие высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, комплекс можно датировать лишь не позднее первой половины – середины IX в.

Постройка IV на поселении Героевка-3 (рис. 2: 2). Постройка IV располагалась в северо-восточном углу раскопа II–IV и вплотную примыкала с юго-запада к остаткам постройки V (рис. 1: 1). В плане она имела прямоугольную форму и была ориентирована по длинной оси в направлении ЮЗ–СВ. А. В. Гадло реконструировал ее как наземное сооружение, заглубленное в южной части за счет рельефа местности до 0,30 м. Стены постройки оказались практически полностью разобранными, а их остатки образовали мощный каменный завал внутри помещения. Некоторое представление о них дает уцелевший фрагмент юго-восточной стены. По всему периметру борта котлована опоясывала облицовочная одно-

слойная кладка шириной 0,20 м. С уровня дневной поверхности она переходила в обычную трехслойную двухпанцирную стену шириной 0,47 м. Вход в постройку обнаружить не удалось. В северо-западном углу находилась печь-каменка размерами 0,85 × 1,40 м и высотой 0,40 м. Сложена она из необработанных камней, при этом камни западной стенки уложены «в елочку». Устье обрамлено двумя квадратными столбиками, установленными на плоские опорные камни. Перекрытие в виде саманной плиты с дымоходом опиралось на столбик, сложенный из трех камней. К востоку от печи зачищена небольшая глинобитная площадка высотой 0,07 м. Назначение ее не совсем ясно, но на поверхности отчетливо прослеживаются следы длительного температурного воздействия. К югу от печи устроили зольную яму, стенки которой были частично облицованы установленными на ребро плитами. В юго-западном углу находилась прямоугольная загородка размером 1,70 × 1,0 м, сложенная однослойной кладкой из необработанных камней. К северо-востоку от нее была устроена хозяйственная яма «А» глубиной 0,60 м с диаметром горловины и дна 0,68 и 0,87 м соответственно. Заполнена она была камнями из разрушенных стен постройки.

При разборе каменного завала внутри помещения и расчистке пола были обнаружены обломки причерноморских амфор, в том числе одна стенка с граффити, три раздавленных салтово-маяцких горшка, причем один из них со сливом на венчике (рис. 3: 7, 8), четыре известняковых дисковидных грузила диаметром 6,7 и 9,2 см для отцеживающих (подвижных) рыболовных сетей (рис. 3: 12–14) и мелкие фрагменты неопределенной керамики. Эти находки и, главным образом, стратиграфическая ситуация на данном участке раскопа позволили А. В. Гадло отнести постройку IV к третьему строительному периоду и датировать ее концом IX – началом X в. [Гадло, 1964, с. 40]. Однако, учитывая археологические реалии, предложенная исследователем нижняя хронологическая дата должна быть скорректирована в пределах второй половины IX в.

С постройкой IV, по всей видимости, была связана хозяйственная яма 4, расположенная в 4,0 м к югу от нее (рис. 1: 1) [Гадло, 1964, с. 40]. В заполнении ямы и вокруг нее были найдены фрагментированная причерноморская бороздчатая амфора с граффити в виде пентаграммы (рис. 3: 11), обломки «желтоглиняной византийской» (причерноморской?) амфоры (рис. 3: 6), стенка причерно-

морской амфоры, пояски рифления которой были покрыты красно-бурой краской и белым ангобом, фрагменты высокогорлых красно-глиняных кувшинов с плоской ручкой, обломки красноглиняной выючной фляги, сероглиняного лощеного сосуда и салтовских горшков, а также фрагментированная двуручная корчага бежевого оттенка, украшенная горизонтальными и вертикальными полосами лощения (рис. 3: 9). В целом эти находки не противоречат дате А. В. Гадло, но имеют более широкий хронологический диапазон и относятся к последнему этапу функционирования постройки IV.

Постройка IX на поселении Героевка-3 (рис. 4: 1, 2). В 1964 г. А. В. Гадло на раскопе VIII в южной части поселения было исследовано однокамерное заглубленное жилище, ориентированное в направлении ССВ–ЮЮЗ [Гадло, 1969, с. 163–164, рис. 2; Гадло, 1971, с. 73, рис. 1: В; Гадло, 2004, с. 84–85; Пленёва, 2000, рис. 106]. В плане оно имело форму квадрата. Внутренние размеры помещения составляют 3,0 × 3,04 м. Пол заглублен в материк на 0,35–0,40 м. Цоколи наземных стен сохранились только с западной и восточной стороны на высоту одного ряда камней. Камни нижнего ряда уложены на вырубленную вдоль бортов котлована материковую ступень высотой 0,15–0,23 м однослойной постелистой кладкой. Пространство между западной стенкой и бортом котлована заполнено мелкими камнями, благодаря чему толщина цоколя на отдельных участках достигала 0,80 м. В северо-западном углу находилась печь, сложенная из небольших округлых камней. Обнаруженная на полу помещения керамика – причерноморская бороздчатая амфора (рис. 4: 3), серолощенный пифосообразный сосуд, тарный салтово-маяцкий горшок (рис. 4: 4) и железная мотыга (рис. 4: 5) относятся к заключительному периоду существования жилища, но, к сожалению, все эти находки имеют широкие рамки бытования [Гадло, 1969, рис. 3: в; рис. 4: в, г]. Учитывая отсутствие в комплексе высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, можно лишь предполагать, что постройка была покинута не позднее первой половины IX в. [Сазанов, Могаричев, 2006, с. 185; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 116].

Дом «Г» на участке «Б» городища Мирмекий (рис. 5: 2–4). В 1936–1937 гг. на участке «Б» в северной части городища В. Ф. Гайдукевичем был раскопан однокамерный и слегка заглубленный дом «Г» [Гайдукевич, 1940б, с. 304, рис. 2; Гайдукевич,

1952а, с. 177–178, рис 1; 2; Якобсон, 1958, с. 475; Гадло, 1971, с. 70; Баранов, 1990, рис. 16: 3; Гадло, 2004, с. 81]⁵. Позднее А. В. Гадло реконструировал его как полуземляночное сооружение, заглубленное в культурный слой городища II–III вв. н. э. на 0,60–1,0 м [Гадло, 1971, с. 70; Гадло, 2004, с. 81]. Однако этому утверждению противоречат небольшая разница между уровнями пола помещения и камней порога [Гайдукевич, 1952а, рис. 3а, разрез III–III], а также слишком мощные (толщиной до 0,96 м) для облицовки полуземлянки стены, необходимость возведения которых А. В. Гадло объяснил рыхлой структурой грунта (культурного слоя античного городища), в который была впущена постройка.

В плане она имела форму, приближенную к квадрату и была ориентирована по линиям ССВ–ЮЮЗ и ЗСЗ–ВЮВ. Внутренние размеры помещения составляют 3,95 × 4,50 м. Наиболее хорошо сохранились западная и южная стены, северная и восточная уцелели частично. Юго-западный и юго-восточный углы постройки прямые, а северо-западный скруглен⁶. Северо-восточный угол дома был полностью разрушен и реконструирован В. Ф. Гайдукевичем по аналогии с южными углами. По мнению А. В. Гадло, оба северных угла были закруглены, поскольку таким же образом были возведены северо-восточное помещение многокамерного дома на городище Тиритака и одна из построек на поселении Героевка-3 [Гайдукевич, 1952б, рис. 48, 54–55; Гадло, 1968б, рис. 20]. Стены шириной от 0,80–0,85 до 0,96 м сохранились на высоту до 1,35 м. Сложены они трехслойной двухлицевой постелистой кладкой, а на отдельных участках камни уложены «в елочку» (рис. 5: 4). Входной проем шириной 0,95 м располагался в западной стене. Порог выложен массивными известняковыми камнями, приподнятыми над уровнем пола. Дверной откос с южной стороны обрамлен узкой, установлен-

⁵ В довоенных публикациях дом «Г» имел иную номенклатуру – «Н» [Гайдукевич, 1940б, с. 304].

⁶ В 2,5 м к северо-западу от дома «Г» обнаружены остатки еще одной постройки, юго-восточный угол которой также был закруглен. Внутри нее находилась яма, заполненная золой, древесными углями, костями животных, обломками керамики и саманных кирпичей (рис. 5: 2) [Гайдукевич, 1952а, с. 178, рис. 81]. Учитывая характер ее заполнения, В. Ф. Гайдукевич считал, что яма была специально предназначена для свалки бытовых отходов, а дугообразная стена служила ее ограждением. Совершенно иную интерпретацию комплекса предложил А. Л. Якобсон, согласно которому он представлял собой хозяйственную кладовую [Якобсон, 1958, с. 475].

ной тычком на короткое ребро плитой. В северо-западном углу находилась печь, имевшая за счет его полукружия сегментарную в плане форму. Нижняя ее часть на высоту 0,45–0,50 м была сооружена из камней, а верхняя – из кирпичей, изготовленных из глины с примесью соломы. Устье печи находилось с восточной стороны. На род занятий обитателей дома указывают находки в печи и у входа двух ротационных жерновов и известняковой ступы-крупорушки [Гайдукевич, 1952а, рис. 80].

К сожалению, массовый материал из заполнения дома В. Ф. Гайдукевич не опубликовал. Известно лишь, что при раскопках помещения были найдены обломки причерноморских бороздчатых амфор, поэтому любую предложенную для этого комплекса узкую дату следует рассматривать не более чем как рабочую гипотезу. Дискуссионной, в частности, представляется попытка И. А. Баранова и А. Л. Якобсона отнести дом к IX в. [Баранов, 1990, с. 48; Якобсон, 1958, с. 476]⁷. Гораздо осторожней к этому вопросу подошел А. И. Айбабин, датировавший постройку не ранее второй половины VIII в. [Айбабин, 2003, с. 58]. В качестве нижней хронологической границы комплекса предложенная им дата выглядит убедительно.

Постройка СК-XIII на городище Тиритака (рис. 6: 1–3). В 2004 г. в юго-восточном углу раскопа XXVI, заложенного в центральной части городища Тиритака, В. Н. Зинько исследовал однокамерный дом СК-XIII [Зинько В.Н., Пономарёв, Зинько А.В., 2005, с. 140; Зинько, Пономарёв, 2009, с. 21–23, рис. 13; 15: 27–33]. Он представлял собой прямоугольную в плане врезанную в склон постройку, ориентированную углами в направлении север–юг и запад–восток. Наибольшей глубины – не менее 0,30 м – котлован достигал в ее северной части, в то время как в южной, по мере понижения дневной поверхности, нивелировался с нею. Внутренние размеры помещения составляют 2,80 × 3,20 м. Стены постройки сохранились фрагментарно на высоту одного-трех рядов камней облицовки бортов котлована (рис. 6: 3). Сложены они однослойной постелистой кладкой с более-менее выдержанными углами. Отдельные камни уложены под небольшим углом. Толщина стен варьировалась в пределах 0,24–0,38 м. На тех участках, где это удалось проследить, углы стен сложены не в перевязь. Вход в постройку не со-

⁷ К тому же времени И. А. Баранов ошибочно относил расположенный в этом же раскопе позднесредневековый дом «Д» [Баранов, 1990, с. 48; Гайдукевич, 1952а, с. 180].

хранился, однако, вероятнее всего, он находился в юго-западной стене, где котлован практически выходил на уровень древней дневной поверхности. В северо-западном углу помещения находилась печь-каменка. В плане она имела прямоугольную форму. Стенки сооружены из небольших необработанных камней и поставленной на ребро прямоугольной плиты. Размеры топки $0,76 \times 0,40$ м. В юго-западном углу размещалась прямоугольная в плане каменная загородка. Внутри нее была вкопана причерноморская бороздчатая амфора с отбитыми ручками и горлом (рис. 6: 2, 5). При зачистке помещения прослежены два уровня полов. Верхний, толщиной до 3,0 см, представлял собой утрамбованный суглинок, а нижний неоднократно промазывался жидкой глиной, в результате чего его поверхность сцементировалась и приобрела матовый оттенок. Из заполнения постройки происходят обломки причерноморских амфор (рис. 6: 4), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 6: 6), выюнных фляг (рис. 6: 7), ойнохой скалистинского типа (рис. 6: 8) и салтово-маяцких горшков (рис. 6: 9) [Зинько, Пономарёв, 2009, рис. 34–39]. Стратиграфия обнаруженных на этом участке городища раннесредневековых комплексов, а также присутствие среди находок высокогорлых кувшинов с плоской ручкой позволили отнести СК-ХІІІ ко второму строительному периоду и соответственно датировать не ранее второй половины IX в.

Постройка СК-VI на городище Тиритака (рис. 7: 1). В 2003 г. на раскопе XXVI в центральной части городища Тиритака был раскопан однокамерный дом СК-VI [Зинько В. Н., Пономарёв, Зинько А. В., 2004, с. 131–132; Зинько, Пономарёв, 2009, с. 23–24, рис. 13; рис. 15: 40–44]. Сохранился он в виде обрывков двух кладок и реконструируется как однокамерное, прямоугольное в плане наземное жилище, ориентированное по длинной оси СВ–ЮЗ. Длина дома составляла не менее 5,8 м, а ширина не менее 5,0 м. Истинные его размеры установить не удалось. Сохранившиеся участки юго-западной и юго-восточной стены сложены трехслойной, двухпанцирной, иррегулярной кладкой из необработанных камней. Камни внешнего фаса уложены на постель, а внутреннего фаса юго-восточной стены установлены на узкое ребро под углом (рис. 7: 2). Ширина стен варьируется в пределах 0,72–0,74 м. Каких-либо конструкций, указывающих на дверной проем, обнаружить не удалось, но, принимая во внимание расположение печи, вероятнее всего, он был устроен в юго-восточной стене. Печь-каменка находилась

в юго-западном углу помещения и имела в плане квадратную форму. Сложена она из необработанных известняковых камней однослойной кладкой толщиной 0,20 м. Размеры топочной камеры 0,52 × 0,40 м.

На полу и в заполнении постройки обнаружены немногочисленные фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым рифлением (рис. 7: 3), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 7: 4), столового сероглиняного сосуда, украшенного вертикальными полосами лощения (рис. 7: 5) и салтово-маяцких горшков, один из них с клеймом («крест в круге») на днище (рис. 7: 6, 7) [Зинько, Пономарёв, 2009, рис. 45–47]. Таким образом, как и расположенный к юго-востоку СК-ХIII, она относится ко второму строительному периоду и датируется не ранее второй половины IX в.

Постройка на кургане на поселении Героевка-2 (рис. 8: 1, 2). В 1996 г. на вершине кургана, расположенного на северной окраине поселения Героевка-2, В. Н. Зинько был исследован однокамерный дом [Зинько, 1997, с. 41; Зинько, Пономарёв, 2000, с. 188; Зинько, Пономарёв, 2001, с. 147–151, рис. 1; Зинько, Пономарёв, 2005а, с. 244, рис. 16–18]. В плане постройка имела форму, приближенную к квадрату, и ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Внутренние размеры помещения составляют 2,50 × 2,30 м. Стены толщиной 0,60–0,80 м сохранились на уровне нижнего ряда камней цоколя. Сложены они трехслойной двухпанцирной кладкой. Дверной проем шириной 0,60 м располагался с северо-восточной стороны и был устроен в углу помещения. У юго-западной стены помещения находился заглубленный в пол очаг диаметром 0,55 м. Глинобитный пол в юго-восточном и в северо-восточном углу дома был вымощен плоскими известняковыми плитами. Необычное расположение постройки, возведенной на вершине кургана, а также нерациональное устройство входа, обращенного в сторону моря и господствующих в осенне-зимний период холодных ветров, позволяют предположительно атрибутировать этот комплекс как дозорно-наблюдательный пункт⁸. Действительно, с вершины кургана, с которой хорошо просматриваются не только ближайшие окрестности, но и Керченский пролив с Таманским побережьем между косой Чушка и мысом Панагия,

⁸ Очень похожая, квадратная в плане однокамерная постройка X–XII вв., дверной проем которой также был устроен в углу помещения, раскопана в урочище Чобан-Таш на Южном берегу Крыма. По мнению О. И. Домбровского, она использовалась как временная (сезонная) «хижина пастухов» [Домбровский, 1974, с. 20, рис. 8].

было удобно осуществлять контроль морских коммуникаций и отслеживать крупные косяки рыбы. Учитывая небольшие размеры помещения и наличие в нем очага, постройка могла быть рассчитана на кратковременное (посменное?) пребывание одного или двух человек, обеспеченных минимумом бытовых удобств.

Археологический материал из заполнения постройки и прилегающих к ней исследованных участков представлен немногочисленными фрагментами причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 8: 3–7), ойнохой скалистинского типа (рис. 8: 8) и салтово-маяцких горшков (рис. 8: 9, 10). В целом его можно датировать второй половиной VIII – первой половиной X в.

Постройка в базилике на городище Тиритака (рис. 9: 1, 2). Как однокамерную постройку, вероятно, следует реконструировать жилище, устроенное в разрушенной базилике, раскопанной Ю. Ю. Марти в 1937 г. на участке XIII в юго-восточной части городища Тиритака [Марти, 1939, с. 129–131, рис. 1; Гайдукевич, 1940а, с. 191, 203, рис. 1; 6; 7; Гайдукевич, 1940б, рис. 8; Гайдукевич, 1952б, с. 67–72; Якобсон, 1958, с. 471; Гадло, 1980, с. 139, 144–145, прим. 13; Гадло, 2004, с. 94–95]. При его сооружении были использованы остатки стен храма, а недостающие кладки, от которых уцелела только стена «В», выстроили поперек и вдоль нефов. Учитывая расположение остатков стен и фундаментов базилики, а также стены «В» и печи, можно предположить, что оно представляло собой прямоугольное в плане жилище, ориентированное по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ. С северо-востока ее ограничивала одна из стен базилики, с юго-востока – пристроенная к ней с юго-запада под прямым углом кладка «В», а с юго-запада – печь из тех, что обычно сооружали в углу жилищ. Таким образом, в направлении СВ–ЮЗ внутренние размеры жилища можно реконструировать в пределах 2,80 м. Северо-западную часть дома реконструировать гораздо сложнее, но вряд ли он выходил за пределы северо-западной стены базилики. В этом случае размеры помещения в направлении СЗ–ЮВ не превышали 7,30 м. Единственная уцелевшая стена дома – «В», шириной 0,75 м, перекрывала основание колоннады северо-восточного нефа. Обращенная на юго-восток лицевая сторона сложена из бутовых камней «в елочку». Из бытовых устройств интерьера сохранилась только печь-каменка. В плане она имела прямоугольную форму. Топочная камера сложена из прямоугольных

установленных на продольное и короткое ребро камней. По центру камеры зачищен столб, поддерживающий перекрытие печи [Гайдукевич, 1940а, рис. 13]. При зачистке пола, особенно в зольном слое около очага, было обнаружено небольшое количество керамики, из которой надежно определяются только причерноморские бороздчатые амфоры, в качестве аналогии которым В. Ф. Гайдукевич привел целую однотипную амфору, обнаруженную в верхнем слое около рыбозасолочных ванн (рис. 9: 3) [Гайдукевич, 1940а, рис. 14]. Остальные керамические находки – обломки «красноглиняных сосудов, украшенных волнистыми врезанными линиями или горизонтальными полосами из мелких линейных желобков» атрибутировать при отсутствии иллюстраций не представляется возможным.

Указанные находки позволили В. Ф. Гайдукевичу датировать жилище, собственно как и само поселение, «приблизительно» VII–VIII вв., а затем не ранее VIII в. При этом он указал, что жилище было построено спустя «сравнительно небольшой промежуток времени» после разрушения базилики [Гайдукевич, 1937, с. 218; Гайдукевич, 1940а, с. 204; Гайдукевич, 1947, с. 203; Гайдукевич, 1952б, с. 72]. Однако, как справедливо отметили А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев, исследователь аргументировал даты не стратиграфией, а скорректировал их в рамках представлений того времени о нижней и верхней дате салтово-маяцкой культуры [Сазанов, 2004, с. 176; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 132–133]. Каких-либо аргументов не привел и А. Л. Якобсон. Жилище он датировал в пределах VIII–IX вв., при этом за нижнюю хронологическую границу поселения в целом принял конец VIII – начало IX в. [Якобсон, 1958, с. 467, 471; Якобсон, 1964, с. 36; Якобсон, 1970, с. 29].

Позднее в полемику о дате гибели базилики и времени сооружения дома включились А. В. Гадло и И. А. Баранов. По мнению А. В. Гадло, базилика погибла не в конце VI в., как полагали ранее⁹, а функционировала до VIII в. (конца VIII в. или самого начала IX в.), «разделив участь» христианских храмов на поселениях Пташкино и Героевка-3, разрушенных «в конце второго строительного периода»

⁹ На разрушение базилики в конце (последней четверти) VI в. неоднократно указывал В. Ф. Гайдукевич [Гайдукевич, 1940а, с. 204; Гайдукевич, 1952в, с. 41]. Этой же даты придерживался А. Л. Якобсон, но в одной из своих ранних публикаций осторожно заметил, что базилика могла просуществовать «еще столетие» [Якобсон, 1958, с. 467].

[Гадло, 1980, с. 139; Гадло, 2004, с. 94–95]¹⁰. Жилище, как полагал исследователь, было сооружено только в IX в., таким образом, между его устройством и разрушением базилики прошел относительно короткий промежуток времени¹¹. В противном случае остатки храма «были бы полностью перекрыты землей» [Гадло, 1980, с. 139, 144–145, прим. 13; Гадло, 2004, с. 94]¹². Тем не менее саму постройку А. В. Гадло реконструировал как полуземлянку, сославшись на указанный В. Ф. Гайдукевичем перепад высот между полом базилики и уровнем дневной поверхности к северо-западу от нее, составлявший не менее 0,75–1,0 м. В качестве ближайшей аналогии ей он привел полуземлянку, раскопанную на поселении Пташкино [Гадло, 1980, с. 131–133, 144–145, рис. 2, прим. 13; Гадло, 2004, с. 94]. Однако в своих выводах исследователь опирался, прежде всего, на опубликованные В. Ф. Гайдукевичем планы и разрезы базилики и собственные исторические построения, поэтому предложенная им дата возведения постройки – IX в. – оказалась ничем не подкреплена. Недостаточно аргументированной представляется и его попытка реконструировать постройку как полуземлянку, хотя ее пол по отношению к подошве стены «В» действительно был заглублен.

В дальнейшем предложенная А. В. Гадло историческая схема, хотя и в несколько ином варианте, нашла поддержку в работах И. А. Баранова. По его мнению, «протоболгарские жилища» (?) «были поставлены внутри разрушенной ими же базиликальной постройки», но эти события произошли практически одновременно – примерно в середине VIII в. [Баранов, 1989, с. 49]. В пределах VIII в.

¹⁰ Возведение храмов на салтовских поселениях Керченского полуострова А. В. Гадло связывал с «кратковременным усилением позиций христианской церкви в Хазарии» в 50–80-х гг. VIII в. Однако напомним, что на поселении Героевка-3 остатков храма обнаружить так и не удалось. Тем не менее на возможность его существования указывают находки на раскопе II–IV и среди подъемного материала небольших обработанных обломков проконесского мрамора, фрагмента капители колонны алтарной преграды и керамических плиток облицовки пола [Гадло, 1964, с. 33; Гадло, 1980, с. 139, рис. 5; Гадло, 2004, с. 95].

¹¹ В одной из более ранних публикаций постройка датирована А. В. Гадло X в. [Гадло, 1980, с. 139]. Но, по всей видимости, это не более чем досадная опечатка, поскольку, во-первых, исследователь неизменно относил гибель салтовских поселений Керченского полуострова к рубежу IX–X вв., во-вторых, в более поздней публикации речь уже идет о IX в. [Гадло, 2004, с. 94–95].

¹² В дальнейшем тезис А. В. Гадло о некоем «стерильном» слое, который должен был сформироваться в том случае, если бы базилика была разрушена в конце VI в., подвергся сомнению [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 132–133].

или начала этого же столетия нижнюю хронологическую границу жилища обозначили также Т. И. Макарова, А. И. Айбабин и другие исследователи. При этом сама базилика была датирована А. И. Айбабиным VI–VII вв. [Макарова, 1991, с. 144; Айбабин, 1999, с. 137, 190; Айбабин, 2003, с. 56; Зинько, Пономарёв, 2005б, с. 407]. Ко второй половине IX в. прекращение существования постройки отнесли А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев, но ее нижнюю хронологическую границу, ввиду отсутствия каких-либо комплексов и находок, указывающих на гибель базилики в VII в., оставили открытой [Сазанов, 2004, с. 176; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 577; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 132–133]. В работах этих же исследователей проанализирован дискуссионный характер комплекса, изучение которого по существу базируется на краткой статье В. Ф. Гайдукевича, использовавшего при ее публикации материалы раскопок Ю. Ю. Марти. Поэтому любая концепция в итоге будет представлять собой цепочку исторических и логических построений без конкретного археологического наполнения. Дальнейшая же аргументированная дискуссия возможна только в случае полной публикации полевой документации Ю. Ю. Марти или раскопок участков городища, прилегающих к базилике [Пономарёв, 2006, с. 243].

Постройка в «каменном круге» на некрополе Илурата. В настоящее время на позднеантичном некрополе городища Илурат исследованы семь так называемых каменных кругов и одно, близкое по конструкции, прямоугольное сооружение [Ханутина, Хршановский, 2003, с. 316]. В свое время В. Ф. Гайдукевич рассматривал их как «остатки загонов для скота или обрамление юрт кочевнического стойбища» VIII–IX вв. [Гайдукевич, 1958, с. 138]. Дальнейшие исследования позволили интерпретировать их как культовые погребально-поминальные комплексы и датировать III–IV вв. (возможно даже первой половиной V в.) [Хршановский, 1999, с. 52–57; Хршановский, 2010, с. 512; Хршановский, 2013, с. 427]. В процессе раскопок удалось также установить, что во второй половине VIII – первой половине X в. некоторые из них были приспособлены под жилища или хозяйственные комплексы [Горнчаровский, 1986, с. 321; Ханутина, Хршановский, 2003, с. 318–320, рис. 8: 13–15]. Тем не менее своих сторонников находит и прежняя их трактовка [Пономарёв, 2012, с. 189].

В 1972 г. М. М. Кублановым на юго-западной окраине некрополя был раскопан «каменный круг» с внутренним диаметром 7,80 м и глубиной до 1,0 м (рис. 5: 1). Внутри него был возведен однока-

мерный и прямоугольный в плане дом, ориентированный по линии СВ–ЮЗ [Кубланов, 1979, с. 97, рис. 1: 5; рис. 4; Кубланов, 1983, с. 122, прим. 17; Хршановский, 2005, с. 344]¹³. Внутренние размеры помещения составляют 6,70 × 3,90 м. Образующие его северо-западная, северо-восточная и юго-восточная стены упирались в борта «круга». Четвертая – юго-западная стена – отсутствовала. Камни были уложены непосредственно на скальное основание, которое в дальнейшем перекрыл глинобитный трижды подновлявшийся пол. Насколько можно судить по чертежам и фотографиям, кладка стен двухслойная, постелистая. Отдельные камни внутреннего фаса северо-западной и юго-восточной стен уложены «в елочку». Двухскатную крышу поддерживали три опорных столба, ямки для которых были зачищены по продольной оси помещения. В западной его части находился очаг. М. М. Кубланов отнес постройку к VII–VIII вв., однако керамика из ее заполнения – причерноморская амфора с бороздчатым рифлением и салтово-маяцкий горшок – позволяет датировать ее не ранее второй половины VIII в. К сожалению, указанные находки графически опубликованы не были. То же самое можно сказать о материалах раскопок жилого комплекса в целом, поскольку такую задачу исследователь в своих публикациях, видимо, не ставил. Учитывая это обстоятельство, любая предложенная для жилища узкая дата может рассматриваться не иначе как рабочая гипотеза.

Таким образом, в настоящее время на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова исследовано тринадцать строительных комплексов, которые с полной уверенностью или с высокой степенью вероятности можно реконструировать как однокамерные постройки. Двенадцать из них функционировали как жилища, а одна может интерпретироваться как дозорно-наблюдательный пункт¹⁴.

¹³ Топографический план некрополя опубликован В. А. Хршановским [Хршановский, 2012, рис. 1].

¹⁴ Следует также упомянуть (не включая пока еще в список салтово-маяцких однокамерных построек) еще об одном, пока не полностью обследованном сооружении № 228, раскопанном в 2009–2010 гг. на Илуратском плато. Оно представляло собой прямоугольное, вытянутое в направлении ЮВ–СЗ помещение с внутренними размерами 4,6–4,7 × 3,0–3,1 м, входившее, возможно, в состав более сложного комплекса. По мнению исследователей, постройка функционировала в VIII – первой половине IX в. и была, вероятно, возведена на остатках более раннего сооружения (склепа с полуциркульным сводом?). Внутри помещения были обнаружены вкопанная в пол нижняя часть пифоса, обломки причерноморской амфоры, ойнохои скалистинского типа, часть салтово-маяцкого горшка, украшенного горизонтально-волнистым рифлением и нижняя часть лепного горшка. Однако каких-

Как уже упоминалось выше, большая часть построек представляла собой индивидуальные жилища, в которых, судя по размерам, могли проживать только небольшие парные семьи. Рядом с постройками находились одна, две или несколько хозяйственных ям, свидетельствующих об определенной хозяйственной самостоятельности их обитателей. В плане однокамерные постройки имели приближенную к квадрату или прямоугольную форму. Размеры их соответственно варьировались от $2,80 \times 2,75$ м — $3,95 \times 4,50$ м до $3,30 \times 5,10$ м — $3,90 \times 6,70$ м¹⁵. Ориентированы они были в направлении СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ, но какой-либо закономерности, даже в пределах небольших участков поселений, проследить не удалось. Лишь в тех случаях, когда две однокамерные постройки возводились спустя небольшой промежуток времени рядом друг с другом, их ориентировка сохранялась. Иногда жилища возводили на месте разрушенных или покинутых древних сооружений, что выгодно отличало их с утилитарной точки зрения. Некоторые однокамерные постройки, при этом не обязательно наиболее ранние, будучи заглублены до 0,40–0,50 м, мало чем отличались от полуземлянок. Другие представляли собой обычные наземные постройки, глубина которых не превышала 0,10–0,20 м. Встречаются и комбинированные варианты, например, постройки, площадки для которых нивелировались у подошвы склона. Котлованы заглубленных построек облицовывались по периметру однослойной или трехслойной двухпанцирной кладкой из необработанных или подтесанных камней на суглинистом растворе. В забутовке использовали разномерный камень, щебень, керамику и глинистые материалы. Нижние части наземных стен, а в некоторых случаях только лишь цоколи, возводили трехслойной двухпанцирной кладкой, при этом лицевые камни укладывали на постель или «в елочку». Углы каменных облицовок бортов котлована и наземных стен за редким исключением не перевязывались или же были закруглены. При этом использование полукруглых углов с функциональной точки зрения рационально объяснить так и не удалось [Баранов, 1990, с. 45]. Стены однокамерных домов в верхней части, вероятнее всего, были саманными

либо бытовых устройств, указывающих на жилой или хозяйственный характер помещения, за исключением пятен на полу «со следами жжения», обнаружено не было [Тульпе, Хршановский, 2011, с. 228–236].

¹⁵ Исходя из санитарных норм, рассчитанных для климатических условий Восточной Европы (3–5 кв. м на человека), в однокамерных домах могла проживать малая семья, состоящая из 3–4 человек [Афанасьев, 1993, с. 66].

или сырцовыми. Однако в отдельных случаях высота каменных кладок могла достигать 1,35 м. Остатков турлучных конструкций, широкое использование которых отмечено для некоторых поселений хазарского времени Северного Кавказа [Доценко, 2009, с. 109–111; Скопецкая, Масич, 2005, с. 29], не зафиксировано.

Таким образом, нельзя исключать, что некоторые постройки были возведены из камня практически на всю высоту стен. Ввиду плохой сохранности стен к числу дискуссионных относится также вопрос относительно наличия в однокамерных постройках дымовых отверстий и оконных проемов. Можно лишь отметить, что среди подъемного материала на некоторых поселениях были обнаружены немногочисленные фрагменты оконных стекол, но при раскопках строительных комплексов их находки не зафиксированы. Вход в помещения располагался обычно с южной или западной стороны, порогом иногда служила массивная подтесанная плита, а дверные откосы обрамляли вертикально установленные плиты. Для перекрытий использовались каркасно-столбовые конструкции, а крыши перекрывали подручным, природным материалом – глиной, дерном, соломой, ветками или камышом (ср.: [Харузин, 1896, с. 72–73, 76]). Камки, вопреки ожиданию, даже на приморских поселениях среди развалов построек пока не обнаружено. От использования более надежных во всех отношениях перекрытий из керамид и калиптеров сельскому населению Керченского полуострова, видимо, пришлось отказаться, причем не только ввиду отсутствия в этом регионе черепичных мастерских, но и из-за дефицита лесоматериала, пригодного для прочных опорно-балочных конструкций¹⁶. Полы в помещениях, как правило, представляли собой снивелированный материковый суглинок или суглинистую утрамбованную субструкцию. Иногда их дополнительно подмазывали жидкой глиной, а в редких случаях вымащивали камнем. Отопительные устройства, служившие одновременно и для приготовления пищи, представлены в основном печами-каменками, устроенными в северо-западном, реже юго-восточном углу. Наличие в некоторых из них отверстий-дымоходов предполагает установку вытяжной трубы, ко-

¹⁶ Кровельная черепица на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова относится к одной из самых редких категорий археологического материала, к тому же контекст находок и фотографии некоторых из них позволяют усомниться в их датировке [Якобсон, 1970, с. 28; Голенко, 2007, с. 240; Гадло, 1963, с. 6, 11, 14, рис. 17] (ср.: [Гадло, 2004, с. 124, прим. 67]).

торая, согласно этнографическим данным, вполне могла быть изготовлена из сплетенных и обмазанных глиной прутьев [Харузин, 1896, с. 62]. В редких случаях печь заменяли заглубленные в пол очаги, но такого рода конструкции неспособны были длительное время сохранять тепло. Помимо отопительных устройств, в жилом помещении иногда устраивали каменный ларь-заком (в одном из них была вкопана амфора), использовавшийся для хранения небольших запасов продуктов. Хозяйственные ямы и пифосы в однокамерных постройках встречаются гораздо реже, что, по всей видимости, можно объяснить небольшим размером помещений. Ввиду полного отсутствия каких-либо глинобитных или сырцовых конструкций, которые можно было бы интерпретировать как лежанки, логично предположить, что их изготовляли из жердей и плетеного камыша или же для ночлега отводилось свободное пространство пола.

В заключение важно отметить, что при всей малочисленности планировочных решений и сравнительно небольшом выборе строительно-технологических приемов, конструктивных элементов и хозяйственно-бытовых устройств, каждая из рассмотренных однокамерных построек имела индивидуальный характер и каких-либо «типовых проектов» для них так и не было выработано. К тому же какой-либо географической и, тем более, хронологической закономерности в их многообразии проследить не удалось. По всей видимости, строительство дома, включая его ориентацию, планировку, размеры, организацию жилого пространства и обеспеченность хозяйственными и бытовыми устройствами, осуществлялось с учетом различных факторов, в том числе природно-климатических особенностей поселения, а также возможностей и потребностей каждой семьи.

Обнаруженный в однокамерных постройках материал позволяет датировать наиболее ранние из них в пределах второй половины VIII в., при этом господствующим типом жилищ они оставались, видимо, до середины IX в. Во второй половине IX в. появляется более совершенный тип жилища – двухкамерные дома-пятистенки, но полностью вытеснить однокамерные постройки они так и не смогли [Баранов, 1986, с. 247; Баранов, 1990, с. 50, 52; Пономарёв, 2013, с. 448]. Более того, оба типа построек не только в равной степени продолжали удовлетворять социальным, бытовым и хозяйственным запросам их обитателей, но и послужили основой для создания новых типов жилищ и появления отдельных жилищно-хозяйственных комплексов – усадеб [Пономарёв, 2012, с. 205; Пономарёв, 2014, с. 138].

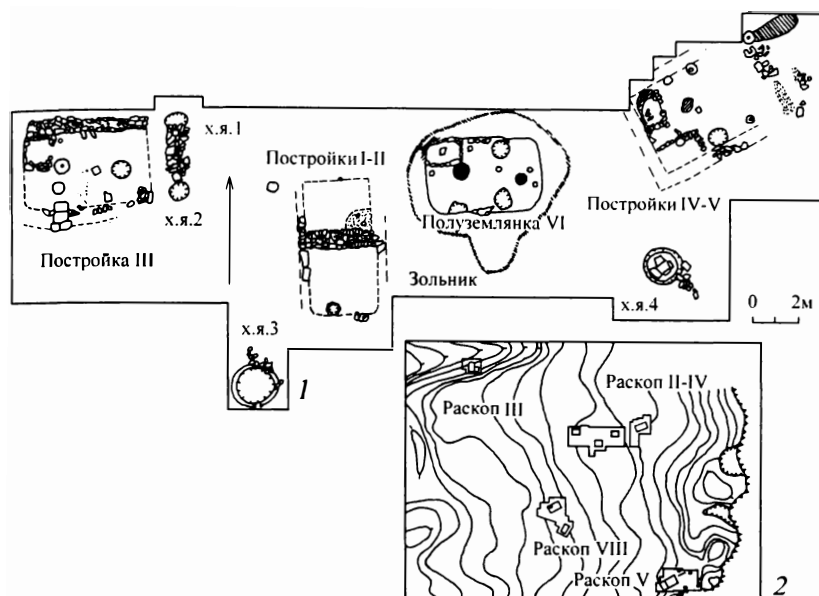


Рис. 1.

Поселение Героевка-3:

1 – План раскопа II–IV (1963 г., А. В. Гадло);

2 – Топографический план поселения с указанием раскопов 1963–1964 гг.
(по А. В. Гадло)

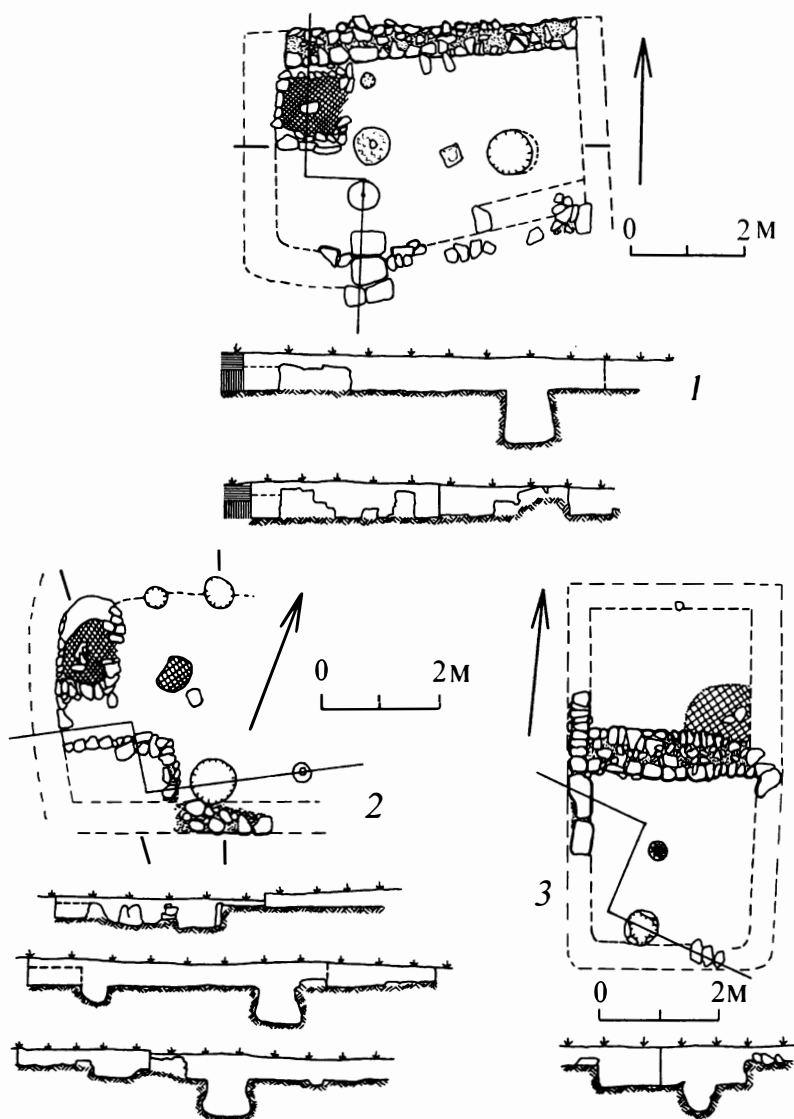


Рис. 2.
Поселение Героевка-3:
1 – Постройка III; 2 – Постройка IV; 3 – Постройки I и II

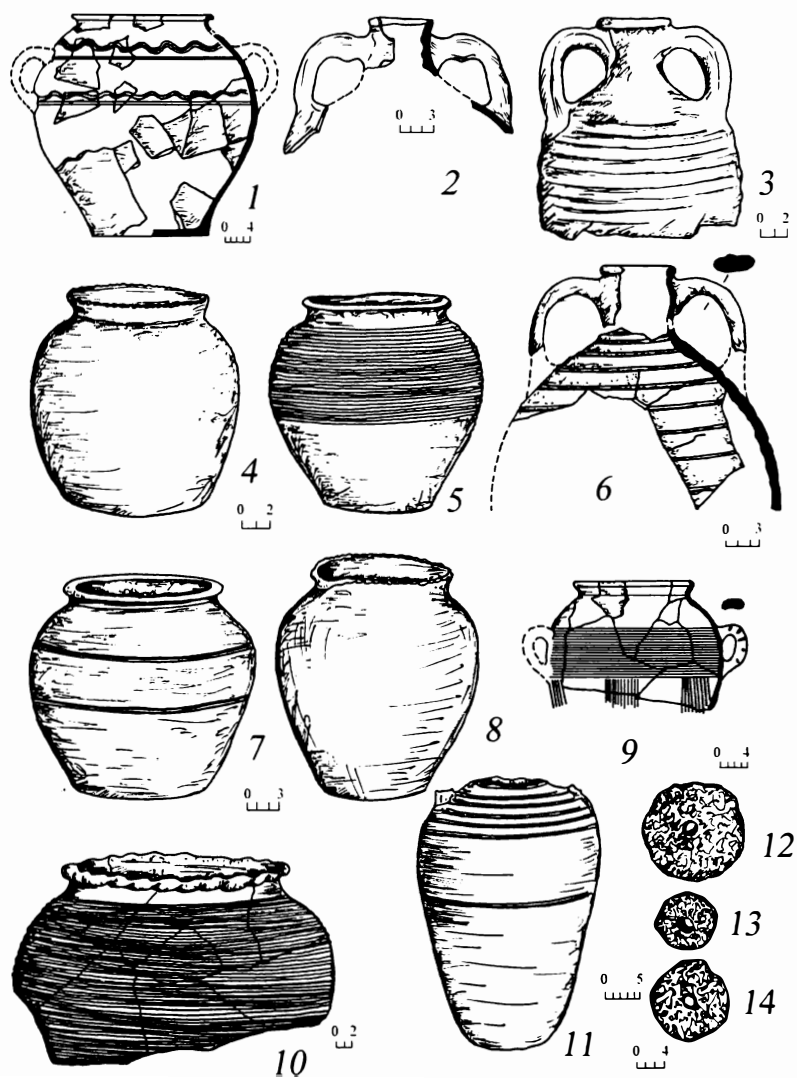


Рис. 3.

Поселение Героевка-3. Находки из построек I, III, IV и хозяйственных ям 3, 4

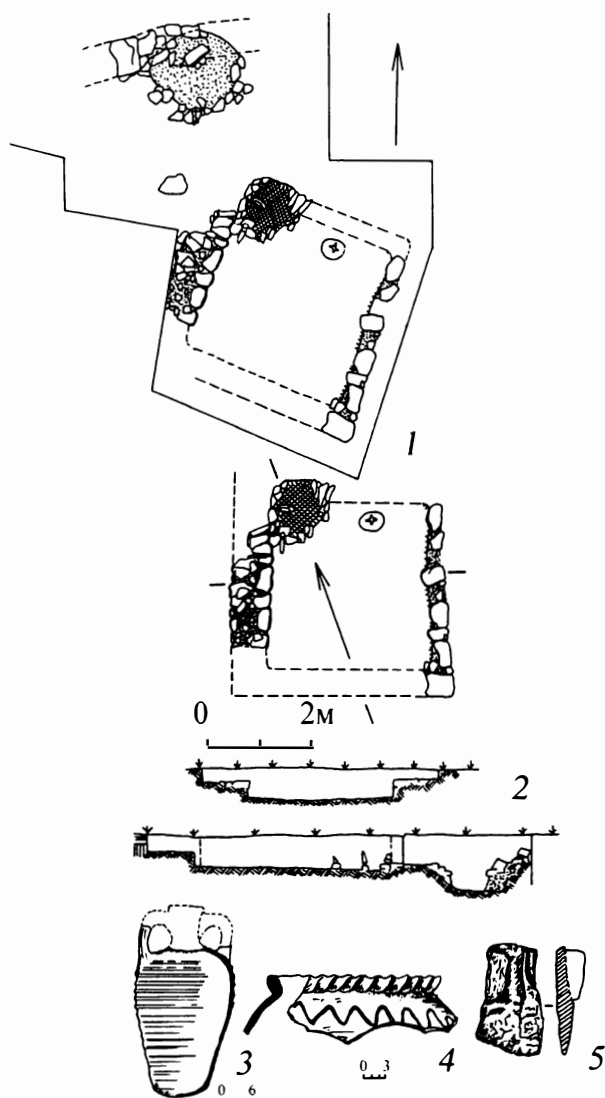


Рис. 4.

Поселение Героевка-3. Постройка IX:

1 – План юго-восточной части раскопа VIII; 2 – План и разрезы постройки IX;
3–5 – Находки из постройки IX

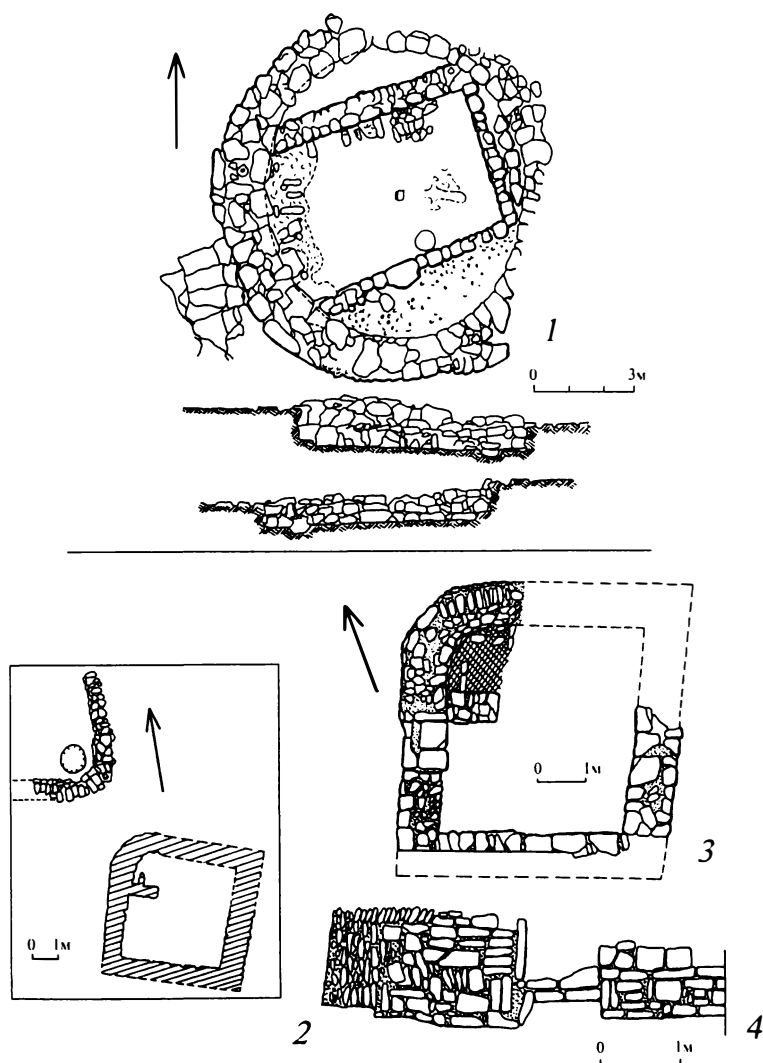


Рис. 5.

1 – Некрополь городища Илурат. План и разрезы постройки в «каменном круге»;
 2 – Городище Мирмекий. Схематический план постройки «Г» на участке «Б»;
 3 – Городище Мирмекий. План постройки «Г»; 4 – Городище Мирмекий. Внутренний фас северо-западной стены постройки «Г»

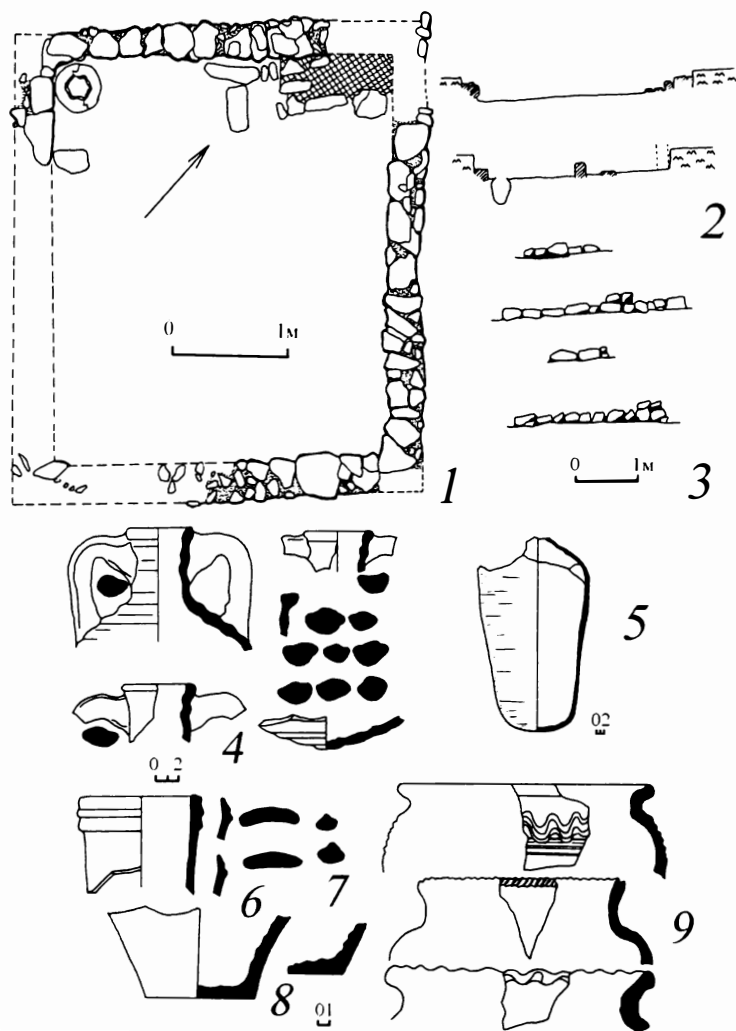


Рис. 6.

Городище Тиритака. Постройка СК-ХІІІ:

1 – План постройки; 2 – Разрезы постройки; 3 – Внутренние фасы стен постройки;
 4, 6–9 – Керамика из заполнения постройки; 5 – Амфора из закрома в юго-запад-
 ном углу постройки

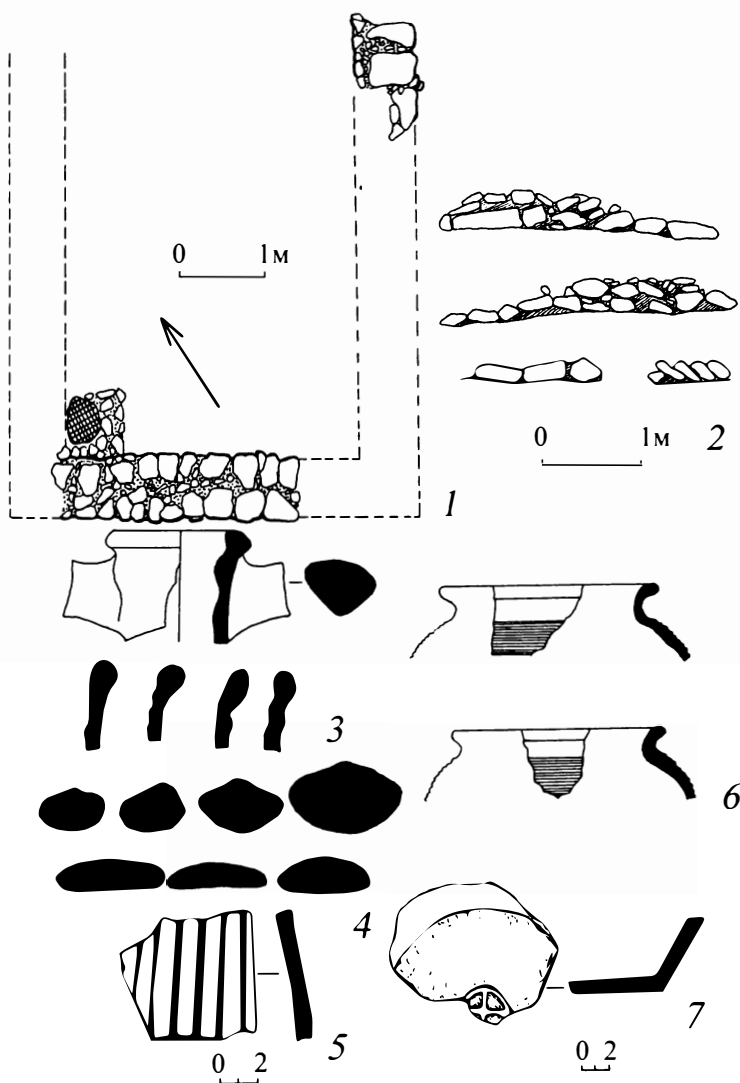


Рис. 7.

Городище Тиритака. Постройка СК-VI:
 1 – План постройки; 2 – Внешние и внутренние фасы стен постройки;
 3–7 – Керамика из заполнения постройки

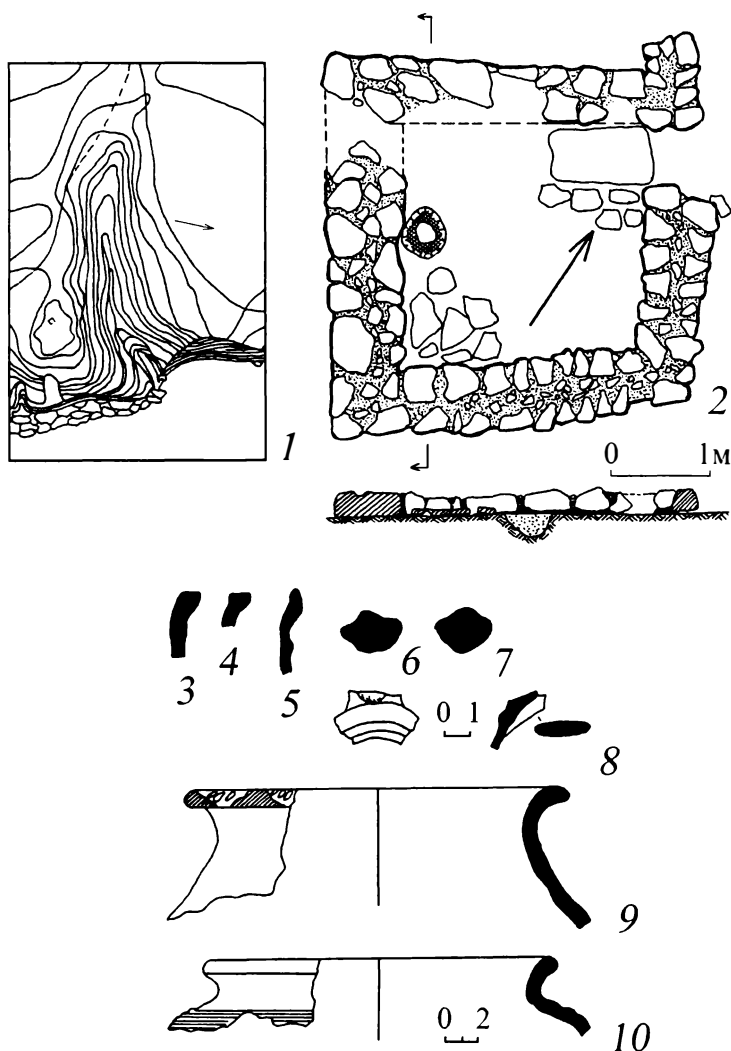


Рис. 8.

Поселение Героевка-2. Постройка на кургане.

1 – топографический план северной окраины поселения; 2 – план постройки и внутренний фас юго-западной стены; 3–10 – керамика из заполнения постройки и прилегающих к ней участков

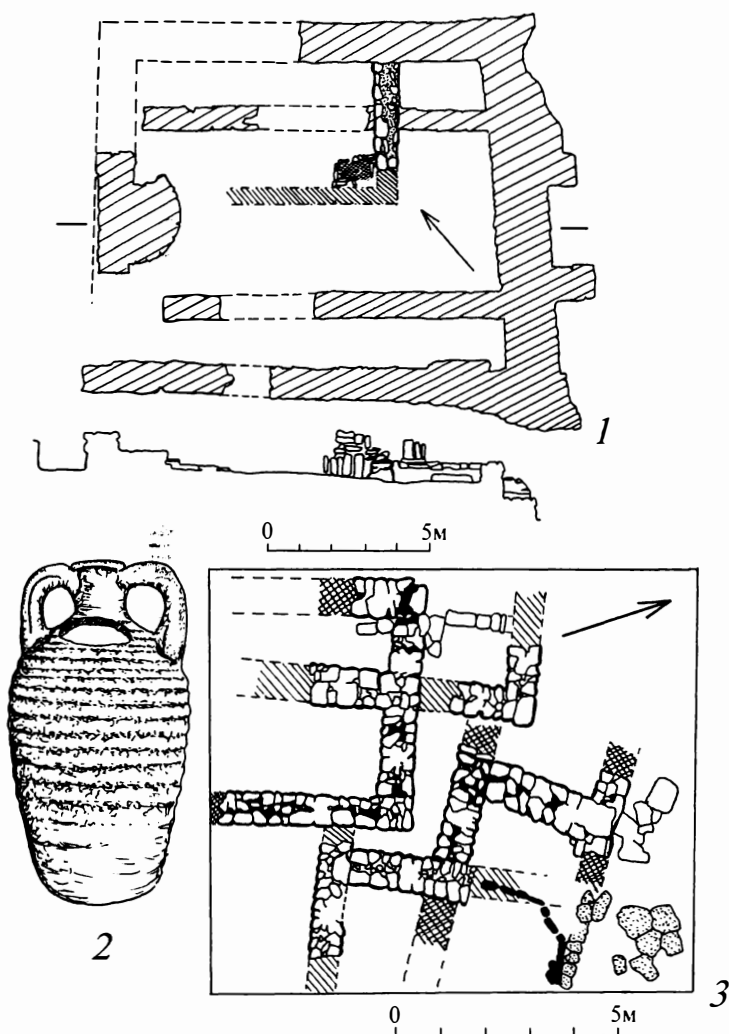


Рис. 9.

Городище Тиритака:

1 – План базилики и салтово-маяцкой постройки на участке XIII (по В. Ф. Гайдукевичу); 2 – Причерноморская амфора с участка XIII (по фотографии В. Ф. Гайдукевича); 3 – План остатков построек на участке XIV (по В. Ф. Гайдукевичу)

Литература

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А. И. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003.
- Атавин А. Г. Работы средневекового отряда в Фанагории // АО 1973 года. М., 1974.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.
- Баранов И. А. Раскопки поселения Кордон-Оба // АО 1976 года. М., 1977.
- Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. Т. 2. София, 1981.
- Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1986.
- Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989.
- Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.
- Баранов И. А., Майко В. В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. Т. VII. В. Търново, 2000.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.
- Винокуров Н. И. Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Боспорские чтения. Вып. XII. Керчь, 2011.
- Гадло А. В. Отчет о работе средневекового археологического отряда Ленинградского ордена Ленина Государственного Университета им. А. А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году. Л., 1963 // НА ИА НАНУ, № 1962/41.
- Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году. (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). Л., 1964 // НА ИА НАНУ, № 1963/32.

- Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник Ленинградского университета. № 14. Вып. 3. Июль. 1968а.
- Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. Вып. 113. 1968б.
- Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1.
- Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков) // Этнография народов СССР. Л., 1971.
- Гадло А. В. [Рец. на кн.:] А. Л. Якобсон Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. – МИА. № 168. 1970] // ВВ. Т. 34. 1973.
- Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
- Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорские города Тиритака и Мирмекия на Керченском полуострове (по раскопкам 1932–1936 гг.) // ВДИ. 1937. № 1.
- Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. Т. VI. 1940а.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937–1939 гг. // ВДИ. 1940б. № 3–4.
- Гайдукевич В. Ф. Итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия (10 лет работ Боспорской археологической экспедиции) // ВДИ. 1947. № 3.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952а. № 25.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952б. № 25.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий // АИБ. Т. I. Симферополь, 1952в.
- Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.) // МИА. 1958. № 85.
- Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.
- Горончаровский В. А. Исследование городища и некрополя Илурата // АО 1985 года. М., 1986.
- Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие (Към въпроса за тяхното присъствие и история в днешните руски земи и орлята им при образуването на българската държава). Варна, 1987.
- Домбровский О. И. Средневековые поселения и «Исары» Крымского Южного бережья // Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974.
- Доценко И. В. Строительные остатки из культурного слоя раннесредневекового поселения «Ханьков-1» // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.

- Зинько В. Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым», Севастополь 6–11 июня 1997 г. Тезисы докладов. Симферополь, 1997.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Вып. VII. Симферополь, 2000.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. Вып. I. Симферополь, 2001.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю., Зинько А. В. Исследование хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття на Україні 2002–2003 рр. Вип. 6. Київ., 2004.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген // БИ. Вып. X. Симферополь–Керчь, 2005а.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005б.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю., Зинько А. В. Археологические исследования хоры Нимфейского полиса и боспорского города Тиритака в 2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Вип. 7. Запоріжжя, 2005.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. // БИ. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009.
- Кобылина М. М. Раскопки центральной части Фанагории // КСИА. Вып. 95. 1963.
- Кочкунов А. С. Жилище в системе традиционной похоронно-погребальной обрядности кыргызского народа (на примере юрты) // Этнографическое обозрение. 2008. № 5.
- Кубланов М. М. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. Вып. 159. 1979.
- Кубланов М. М. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983.
- Лаптев А. А. Тризна в культурном слое салтовских катакомбных могильников // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Вип. 1. Харків, 2011.
- Майко В. В. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VII. В. Търново, 2000.
- Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004.
- Майко В. В. Городище на плато Тепсень в свете основных проблем истории Юго-восточного Крыма VIII – первой половины X в. // Сборник Русского исторического общества. Т. 10(158). Россия и Крым. М., 2006.

- Макарова Т. И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов). Киев, 1991.
- Мартин Ю. Ю. Научно-исследовательская работа Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина в 1937–1938 гг. // ВДИ. 1939. № 2.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Донецк, 1985.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
- Науменко В. Е. Амфоры // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. // БИ. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009.
- Плетнёва С. А. Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. (МИА. № 75). 1959.
- Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. 1967.
- Плетнёва С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981а.
- Плетнёва С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска–Преслав. Т. 2. Прабългарската култура. Материали от българско-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1981б.
- Плетнёва С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994.
- Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии. Москва–Иерусалим, 2000.
- Плетнёва С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учебное пособие. Воронеж, 2003а.
- Плетнёва С. А. Фанагория // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003б.
- Плетнёва С. А. Таматарха–Тмутаракань // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003в.
- Пономарёв Л. Ю. К истории археологического изучения салтово-маяцкого поселения на городище Тиритака // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Оікоз. Боспорские чтения. Вып. VII. Керчь, 2006.
- Пономарёв Л. Ю. О разведках и раскопках А. В. Гадло на салтово-маяцких поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-западное (Керченский полуостров) // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.
- Пономарёв Л. Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Судейский сборник. Вып. V. Киев–Судак, 2012.

- Пономарёв Л. Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // *Ῥωμαίος*. Т. 2. Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013.
- Пономарёв Л. Ю. Жилые однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Таврические студии. Исторические науки. № 6. Симферополь, 2014.
- Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
- Сазанов А. В. К исторической интерпретации комплексов Тиритак VI–VII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Вып. II. Материалы II Судакской межд. науч. конф. Киев–Судак, 2004.
- Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // ПИФК. Вып. XVI/1. Москва–Магнитогорск, 2006.
- Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. Вып. XXI. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2008.
- Скопецкая И. В., Масич Е. В. О находках фрагментов турлука с территории поселений хазарского времени (по материалам раскопок Гудермесского, Горькобалковского, Ханьковского поселений) // Двенадцатые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 2005.
- Тульпе И. А., Хршановский В. А. Новый комплекс хазарского времени на Илуратском плато // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы межд. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб., 2011.
- Флёров В. С. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Ханутина З. В., Хршановский В. А. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // БИ. Вып. III. Симферополь, 2003.
- Харузин Н. Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
- Хршановский В. А. «Башни», «круги», «святотелища». Сюжет из истории исследований некрополя Илурата // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.
- Хршановский В. А. Некрополь без акрополя (некрополь Илурата в IV–XIII вв.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Боспорские чтения. Вып. VI. Керчь, 2005.
- Хршановский В. А. «План городка или города, защищаемого акрополем Кермеш-Келечик» Поля Дюбрюкса и современные археологические реалии // П. Дюбрюкс. Собрание сочинений. В 2-х т. Т. I. СПб., 2010.

- Хршановский В. А. Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности // ДБ. Т. 16. М., 2012.
- Хршановский В. А. Ритуальные сооружения IV–IX вв. на Илуратском плато // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013.
- Чхаидзе В. Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. Т. 10. М., 2006.
- Чхаидзе В. Н. Хазарская Таматарха (Культурный слой Таманского городища VII–X вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007а.
- Чхаидзе В. Н. Строительные комплексы VIII–X вв. Таманского городища // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII между. науч. конф. (26–31 мая 2007 г.). Ростов-на-Дону, 2007б.
- Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85.
- Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л., 1964.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
- Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. Вып. 10. Свердловск, 1973а.
- Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973б.

Список сокращений

- АО – Археологические открытия
АДСВ – Античная древность и средние века
АИБ – Археология и история Боспора
БИ – Боспорские исследования
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ДБ – Древности Боспора
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии НАНУ.
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры.
СА – Советская археология

Л. Ю. Пономарёв

**Однокамерные постройки салтово-маяцких поселений
Керченского полуострова**

Резюме

В настоящее время на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова исследовано тринадцать строительных комплексов, которые можно реконструировать как однокамерные постройки. Двенадцать из них представляли собой индивидуальные жилища для небольших семей, а одна, возможно, функционировала как дозорно-наблюдательный пункт. Каждая из однокамерных построек отличалась планировкой и совокупностью использованных конструктивных и строительных приемов, но географической и тем более хронологической закономерности в их многообразии проследить не удалось. Наиболее ранние из них датируются в пределах второй половины VIII в., а господствующим типом жилищ они оставались, видимо, до середины IX в. Во второй половине IX в. появляется более совершенный тип жилища – двухкамерные дома, но полностью однокамерные постройки они так и не вытеснили.

Ключевые слова: салтово-маяцкие поселения, Керченский полуостров, однокамерные постройки.

Л. Ю. Пономарьов

**Однокамерні споруди салтово-маяцьких поселень
Керченського півострова**

Резюме

В даний час на салтово-маяцьких поселеннях Керченського півострова досліджено тринадцять будівельних комплексів, які можна реконструювати як однокамерні споруди. Дванадцять з них представляли собою індивідуальні житла для невеликих сімей, а одна, можливо, функціонувала як дозорно-спостережний пункт. Кожна з однокамерних будівель відрізнялася плануванням і сукупністю використаних конструктивних і будівельних прийомів, але географічної і тим більше хронологічної закономірності в їх різноманітті простежити не вдалося. Найбільш ранні з них датуються в межах другої половини VIII ст., а пануючим типом жител вони залишалися, мабуть, до середини IX ст. У другій половині IX ст. з'являється більш досконалий тип житла – двокамерні будинки, але повністю витіснити однокамерні споруди вони так і не змогли.

Ключові слова: салтово-маяцькі поселення, Керченський півостров, однокамерні споруди.

*L. Y. Ponomarev***Single-chamber construction Saltovo-Mayak settlements
of the Kerch Peninsula****Summary**

Currently Saltovo-Mayak settlements Kerch Peninsula investigated thirteen building complexes, which can be reconstructed as a single-chamber construction. Twelve of these were individual homes for small families, and one may function as a patrol and observation post. Each of the single-chamber structures different layout and design and a set of used construction techniques, but the more geographical and chronological patterns in their diversity trace failed. The earliest of which date back to between the second half of the VIIIth century, and the dominant type of housing they were, apparently, to the middle of the IXth century. During the second half of the IXth century there is a more advanced type of home – a two-chamber house, but completely replace the single-chamber construction they are wrong, and they could not.

Keywords: Saltovo-Majak settlements, Kerch Peninsula, single-chamber construction.

И. Г. Семёнов

**КАВКАЗ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
ИРАНА С ВИЗАНТИЕЙ И ТЮРКСКИМ КАГАНАТОМ
В 556–591 ГОДАХ**

Настоящая работа нацелена на исследование кавказского подтекста ирано-византийской войны 572–591 гг. Многие элементы этой темы остались бы неясными без освещения кавказской политики Ирана в предшествующие полтора десятилетия и, в частности, без реконструкции ирано-савирских и ирано-византийских отношений в этот период. Вследствие этого хронологические рамки данной статьи несколько расширены.

Прежде всего необходимо напомнить, что приблизительно с 500 по 559 гг. савиры являлись наиболее активной в политическом плане этнической группой Северного Кавказа. Во время ирано-византийских войн они выступали в качестве союзников то Ирана, то Византии, не брезгуя при этом в течение одной кампании переходить из одного военного лагеря в другой. Савиры по сговору с византийцами несколько раз атаковали территорию Ирана¹, причем некоторые из этих атак оказались весьма чувствительны для Ирана. Однако силы савир были сравнительно невелики – их общая численность составляла 100 тыс. [*Ioannes Malalas, 1831, p. 430–431*], что не позволяло им решающим образом повлиять на ход ирано-византийских войн.

В 556 г., когда завершилась очередная война Ирана и Византии, значение савир для обеих сторон пошло на убыль. Через два года савиры и другие народы этого региона подверглись нападению авар. Последние в 557 г. бежали от тюркского кагана в Предкавказье.

¹ Наиболее полный и связанный очерк истории савир см.: [Артамонов, 1962, с. 69–78]. См. также: [Семёнов, 2013, с. 52–69].

зьё² и направили посольство в Константинополь³. Их послы получили благожелательный прием, а ответное византийское посольство весной того же года заключило союз с аварским каганом Баяном [Менандр Протектор, 1860, отр. 4, с. 321–322; отр. 5, с. 323] (см. также: [Ioannes Malalas, 1831, р. 489. 11–12]). По данным Менандра Протектора (VI в.), вслед за этим авары разгромили утигур (Οὐτίγοῦροι), савир и залов (Ζάλοι) [Менандр Протектор, 1860, отр. 5, с. 323–324]. Феофилакт Симокатта (VII в.) приводит несколько иной список разбитых аварами народов: уннуругы (Οὐννουγῳῖροι), савиры и барсельты [Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 8. 1–4] (Βαρσήλτ). И. Марквартом была предложена конъектура (бар)зал < барсил [Marquart, 1911, S. 17; Marquart, 1924, S. 324], но более поздние исследователи сочли ее неприемлемой (см., например: [Maenchen-Helfen, 1973, р. 440]). Можно также отметить, что по предположению Л. Н. Гумилёва, авары заключили также союз с Ираном [Гумилёв, 1967, с. 37, 38], но эта гипотеза не опирается на показания источников.

Разгромив утигур, авары покинули Северный Кавказ и переместились дальше на запад: через причерноморские степи и Карпаты они вышли к Дунаю и осели в Паннонии. Вероятно, их переселение на запад было связано с опасением, что тюрки предпримут против них карательную экспедицию.

В результате переселения авар на запад савиры обрели независимость, но оправиться от поражения они так и не смогли – спустя короткое время шаханшах Хосров I Ануширван (531–579) направил в Прикаспийский Дагестан свою армию, которая завершила разгром савир. Об этом сообщает арабский историк ат-Табари (839–923). По его словам, Нуширван (Хосров I Ануширван) направил войска против народов «абхаз, банджар, баланджар и алан» [at-Tabari, 1879, ser. I, р. 895]. Здесь абхазами названы не хорошо

² Подробнее о конфликте между аварами и тюрками см., например: [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 18; Кляшторный, Султанов, 2000, с. 77, 86]. Э. Шаванном было высказано мнение о том, что авары византийских и западноевропейских источников тождественны жуань-жуаням китайских источников [Chavannes, 1903, р. 87]; большинство исследователей согласны с этим (см., например: [Franke, 1935, Bd. 3, S. 286, 287; Haussig, 1957; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 12; Кляшторный, Султанов, 2000, с. 77; и др.]).

³ По мнению И. С. Чичурова, посольство авар могло иметь место между декабрем 567 г. и февралем 558 г. [Чичуров, 1980, с. 82, комм. 96], т. е. вторжение авар в Предкавказье может относиться и к последним месяцам 567 г.

известные абхазы Западного Кавказа, а савиры (см. ниже). В данном случае источником арабского автора послужило несохранившееся среднеперсидское сочинение «Хвадайнамак» («Книга царей»).

Рассматриваемое сообщение ат-Табари не датировано. В другом месте своей книги он возвращается к этому событию и помещает его сразу же после сюжета об окончании войны Хосрова I против Византии и непосредственно перед рассказом о начале войны с эфталитами (мирный договор с Византией был заключен в 561 г. [Менандр Протектор, 1860, отр. 13, с. 356], а война с эфталитами началась в 562 г. [Гумилёв, 1967, с. 40]): «Затем [Кисра] вернулся из Рума и направился в сторону хазар и отомстил им за обиды по отношению к его подданным» [at-Tabari, 1879, ser. I, p. 898]⁴. Очевидно, это сообщение было заимствовано ат-Табари из очень позднего источника, так как вместо перечня этнонимов «абхаз, банджар, баланджар и алан» в нем присутствует лишь имя хазар, что справедливо лишь отчасти: все народы, перечисленные в первом сообщении, в VII–IX вв., ко времени жизни ат-Табари жили на территории Хазарского каганата.

Л. Н. Гумилёв полагал, что война Хосрова I против савир имела место непосредственно перед заключением ирано-византийского мирного договора 561 года [Гумилёв, 1967, с. 43]. С этим нельзя не согласиться: Хосров I должен был немедленно воспользоваться успехом авар и, не давая савирам прийти в себя, довершить их разгром. Исходя из этого соображения, поход персов в Приморский Дагестан можно датировать второй половиной 558 г. или 559 г., но не позднее 560 г. Поскольку уверенно ни об одной из этих дат говорить не приходится, то остается относить разгром савир персами приблизительно к 559 г. [Семёнов, 2002, с. 24].

Итак, около 559 г. Хосров I направил свою армию против северокавказских степняков. Данные ат-Табари (с опорой на сообщение «Хвадайнамака») о масштабах этой экспедиции персов находят косвенное подтверждение в гипотезе М. С. Гаджиева о том, что крепостные сооружения современного Хумаринского городища (в современной Кабардино-Балкарии) были возведены не хазарами, как это считалось ранее, а Сасанидами, причем сооружение

⁴ Цитирую по переводу А. Р. Шихсаидова [Шихсаидов, 1986, с. 70]. Ас-Са'алиби излагает ход событий в такой же последовательности: заключение Ануширваном мира с Византией, война с хазарами, война с эфталитами [Tha'alibi..., 1900. P. 614].

этой крепости может быть отнесено к правлению Хосрова I [Гаджиев, 2013, с. 51–65].

Судя по всему, Хосрову I удалось установить контроль также над значительной частью современного Дагестана. Персы атаковали также союзников Византии – алан и утигур (банджар)⁵. У ат-Табари сообщается о том, что из среды «абхаз, банджар, баланджар и алан» Ануширван взял 10 тысяч заложников и переселил их в Азербайджан, то есть на территорию, подконтрольную сплахбеду Адурбадагана, а она, по словам того же ат-Табари, простиралась вплоть до границы Хазарии [at-Tabari, 1879, ser. I, p. 894]. Я специально обращаю на это внимание, так как, по данным Менандра Протектора, в 576 г. потомки этих пленных жили к северу от Куры (см. ниже)⁶. Кроме того, согласно данным Менандра, это были савиры и аланы, и они являлись не столько заложниками, сколько наемниками, получавшими от шаханшаха жалование за несение воинской службы [Менандр Протектор, 1860, отр. 43, с. 411–412; отр. 44, с. 415–416]⁷. Вероятно, их обязанность сводилась к охране вверенных им крепостей и защите рубежей Сасанидского государства.

М. И. Артамонов полагал, что в перечне «абхаз, банджар, баланджар и алан» первый этноним следует читать как «хазар» [Артамонов, 1962, с. 126; см. также: Гадло, 1979, с. 96, прим. 80]. Однако если принять во внимание, что до 559 г. политическое преобладание в Северо-Западном Прикаспии принадлежало савирским родам⁸, то под первым этнонимом должны скрываться савиры. Надо также иметь в виду, что «абхаз» – это не описка, так как средне-

⁵ Предложенное И. Марквартом отождествление бананджар с болгарами [Marquart, 1898, S. 96; Marquart, 1903, S. 16, 356] было поддержано и более поздними исследователями (см., например: [Dunlop, 1954, p. 23–24; Артамонов, 1962, с. 126; Ludwig, 1982, S. 36, 114; Ромашов, 2001, с. 229]). Однако это мнение должно быть оспорено: из крупных этнических групп, упоминаемых в этот период византийскими авторами, бананджары могут быть отождествлены только с утигурами.

⁶ О вхождении многих закавказских владений в состав шахра Адурбадаган свидетельствуют и другие факты (см.: [Гаджиев, 1998, с. 13, 33, прим. 8]).

⁷ А. В. Гадло считал, что эта группа савир бежала в Албанию от авар [Гадло, 1979, с. 89]. Ибн ал-Асир писал, что Ануширван платил деньги северокавказским народам за то, чтобы они не нападали на Иран [Материалы по истории Азербайджана..., 1940, с. 9], но речь должна идти не о дани, а о жаловании, которое савиры и другие народы, переселенные Хосровом I Ануширваном на юг, получали за свою службу.

⁸ О локализации савир в Северо-Западном Прикаспии см.: [Семёнов, 2011, с. 46–50].

вековые мусульманские авторы неоднократно упоминают город Абхаз, находившийся к югу от Самура [*Ал-Истахрий*, 1901, с. 29–31; *Ибн-Хаукаль*, 1908, с. 101; *Ал-Мукаддасий*, 1908, с. 9, 17], а «История страны Алуанк'» («История Албании») упоминает в этой же зоне народ абхазов [*Мовсэс Каланкатуаци*, 1984, гл. 3. 17]. Поэтому можно предполагать, что термин «абхаз» являлся наименованием одного из ведущих подразделений савир или группы наиболее знатных савирских родов, а город Абхаз получил свое наименование по имени пленных савир-абхаз, поселенных в нем Хосровом I [*Семёнов*, 2002, с. 24, 25]⁹.

Можно также обратить внимание и на то, что ал-Балазури, ссылаясь на рассказ жителей г. Берда'а (его армянское название – *Партав*¹⁰), сообщает, что Кобад (сасанидский шаханшах Кавад I (488–531)), разгромив хазар (то есть, в данном случае, савир) построил несколько городов и в их числе «город Кабалу, что есть Хазар» [*ал-Баладзори*, 1927, с. 5]. Вероятнее всего, именование жителями Берда'а близлежащего города Хазаром, было связано с тем, что Кабала явилась одним из пунктов, в котором Хосров I поселил заложников, взятых у савир, хазар, алан и утигур.

Еще одним возможным пунктом сосредоточения савир, взятых персами в заложники, являлся город Тавус и его окрестности. В раннесредневековых армянских источниках население этого города упоминается как *севордик'*, то есть «севордийцы», а в арабо-персидских – *сийавурдийа* или, правильнее, **савардийа* (см.: [*Marquart*, 1903, S. 36, 38; *Minorsky*, 1953, p. 26, 74; *Moravcsik*, 1958, Bd. II, S. 223]). В. Ф. Минорский [*Минорский*, 1963, с. 214, прим. 115] полагал, что **савардийа* (севордик') – это та часть мадьяр, которые, по преданию, зафиксированному Константином Багрянородным, именовались савартами-асфалами (Σάβαρτοι ἀσφαλοι) и которые переселились в «края Персии» [*Константин Багрянородный*, 1989, гл. 38, с. 159]. Однако, поскольку другие источники не сообщают о переселении каких-либо групп мадьяр в Закавказье, то было бы логичнее считать, что **савардийа* (севордик') являлись потомками тех пленных савир, алан и болгар, которые при Хосрове I были переселены в Закавказье.

⁹ Другие точки зрения относительно этнической идентификации восточнокавказских абхазов см.: [*Алиев, Асланов*, 1975, с. 75–76].

¹⁰ О различных наименованиях этого города в источниках см.: [*Гаджиев*, 2011, с. 22].

По сообщению Ибн ал-Факиха (X в.), «в дни удаления Язида ибн Усайда из Армении» *савардийа разрушили город Шамхор [Ибн-ал-Факих, 1902, с. 27]. Это дало М. И. Артамонову повод предполагать, что время поселения савардийа в Армении должно относиться к 762 или 763 г., когда закончилось пребывание Язида ибн Усайда на посту наместника Армении [Артамонов, 1962, с. 330, 349]. Однако из данных Ибн ал-Факиха такой вывод никак не следует – он сообщает лишь о том, что савардийа «устроили союз в дни удаления Язида ибн Усайда из Армении», что очень трудно как-либо истолковать. Кстати, об этом сообщает и ал-Балазури: савардийцы разрушили г. Шамхор, «это был народ, который стекался со всех сторон, после того как Язид ибн Усайд покинул Армению» [Ал-Баладзори, 1927, с. 14].

В 561 г. Хосров I перебросил свои войска в Среднюю Азию и развернул военные действия против Эфталитского царства, традиционного соперника Ирана в этом регионе. В 565 г. к войне против эфталитов подключился Тюркский каганат, с которым Хосров I заключил союз. Ирано-тюркский договор был скреплен династическим браком между самим Хосровом I и дочерью Истеми, правителя западной части Тюркского каганата. По сообщению ат-Табари, этот брак был заключен за год до войны с эфталитами, то есть в 560 г. Ударами с двух сторон персы и тюрки полностью разгромили Эфталитское царство, а его территория была разделена между победителями [Noldeke, 1879, S. 159; Bury, 1899, vol. II, p. 314; Пугулевская, 2000, с. 271; Гумилёв, 1967, с. 39–40; и др.].

Сразу же после этой победы отношения между союзниками разладились, и в 568 г. началась ирано-тюркская война. Тюрки предприняли наступление в Горгане (Гиркания античных источников, юго-восток Прикаспия). Одновременно с этим они развернули экспансию в Предкавказье и Восточную Европу и не позднее 572 г. подчинили ряд местных племен – хазар, утигур и северокавказских алан. Тем самым, они вышли к границам Византийской империи и к кавказским провинциям Сасанидского государства. Судя по всему, рейд на Северный Кавказ был рассчитан не только на расширение границ каганата, но и на создание плацдарма для атак на иранскую территорию через Дербентский проход. Однако Хосров I понимал, с каким грозным противником ему придется иметь дело, и заблаговременно предпринял внушительную работу по перестройке системы обороны проходов со стороны Северного Кавказа.

Первоочередным мероприятием в этом отношении стало укрепление связей с местной элитой. В частности, правителям мелких владений на Восточном Кавказе были пожалованы титулы шахов (*šāh* – «царь»). Такая практика имела место и при предшественниках Хосрова I, но он расширил число этих владельцев за счет правителя Хайдака, Сарира, Гумика, Тумана, а также смежного с Хайдаком Зирех-Герана. Последнее стало возможным только после окончательной победы над савирами.

Параллельно с этим велись работы по реконструкции старых и строительству новых укреплений в кавказских горных проходах, причем, судя по данным арабо-персидских и грузинских средневековых источников, фортификации строились во всех горных проходах, через которые можно было бы ожидать вторжений с севера. Наиболее грандиозным в этом отношении являлся Дербентский оборонительный комплекс, включавший в себя цитадель на склоне Джалганского хребта, а также спускавшиеся от нее к морю две параллельные 4-километровые стены и 43-километровую Горную стены, перекрывавшую возможность обхода основных укреплений Дербента со стороны гор. Дербент. Он становится ядром всей системы обороны кавказских горных проходов. Там размещается резиденция марзбана, военного правителя, которому, по всей видимости, были подчинены все местные правители.

Судя по всему, в этот же период на Большом Кавказе расширяется сеть дорог, позволявшая эффективней доставлять строительные материалы и рабочие бригады на строительные площадки и с наименьшими издержками по времени перебрасывать войска к тем участкам оборонительной системы, где возникала угроза вражеского вторжения. По всей Албании вдоль основных дорог строятся городки, которые заселяются выходцами из собственно Ирана. Это позволяло, во-первых, вести постоянную охрану дорог, во-вторых, создавало мобилизационный ресурс на случай внезапного нападения противника. Наиболее густая сеть персидских военных колоний была создана в северо-восточной части Албании [*Халилов, Аразова, Ахундов, Кошкарлы, 1982, с. 27–28*], а также в Дербенте и вдоль его Горной стены.

Таким образом, можно констатировать, что реформирование Хосровом I сасанидской системы обороны на Кавказе явилось комплексным мероприятием, включавшем в себя политический, административный, градостроительный, фортификационный и собст-

венно военные элементы. Реализация этих мероприятий потребовала напряжения всех сил населения Ирана, но взамен он получил возможность оградить себя от нападений нового противника, равного которому по мощи Иран ранее не знал. Напомню, что к началу первой тюркско-иранской войны Тюркский каганат простирался от северо-западных границ Китая до Северного Причерноморья.

В противостоянии со столь грозным противником, который, к тому же имел возможность атаковать сасанидские владения не только в Средней Азии, но и на Кавказе, забота об укреплении своих границ была необходима, тем более что война с Византией все еще продолжалась. В Горгане Хосровом I еще ранее были проведены столь же масштабные мероприятия по укреплению и расширению там сети фортификаций. И первая оборонительная система, с которой тюрки столкнулись в 568 г., была именно горганская. Тюрки не смогли преодолеть выстроенные персами сооружения, и военные действия там приняли вялотекущий характер. Судя по всему, тогда же тюрки предприняли разведку боем и на Восточном Кавказе, но убедившись, что персы и там заблаговременно выстроили эффективную оборонительную систему, повернули назад и обратились к подчинению алан и утигур. В 571 г. между Тюркским каганатом и Ираном был заключен мирный договор, в соответствии с которым Иран шел на незначительные уступки тюркам в Средней Азии [Noldeke, 1879, S. 158, 159].

В связи с ирано-тюркской войной 558–571 гг. обращает на себя внимание еще один факт: из существующих интерпретаций среднеперсидской строительной надписи № 7 на северной городской стене Дербента наиболее логичной представляется та, которая предполагает ее чтение как «37-й год Хосрова»¹¹, то есть $[532 + (-1) + 37 =] 568/69$ год¹², так как она превосходно вписывается в хронологию и контекст описанных выше событий. В связи с этим нельзя не отметить, что сооружение столь дорогостоящих фортификаций, как Дербентский оборонительный комплекс, не могло быть направлено на защиту от савир, так как савиры были сравнительно малочисленны (см. выше). Иранским правителям было

¹¹ Обзор высказывавшихся вариантов чтения дербентской среднеперсидской надписи № 7 см.: [Гаджиев, 2006а, с. 77–94; Gadjeiev, 2008, p. 1–15].

¹² Официально первый год правления Хосрова I начался не в сентябре 531 г., когда тот в действительности занял трон, а в день весеннего равноденствия (21 марта) 532 г., когда происходила его коронация.

проще подкупать их за сравнительно небольшие деньги, что они и делали. Беспрецедентная по своему характеру угроза Ирану со стороны Северного Кавказа возникла в правление Хосрова I лишь однажды, а именно в период ирано-тюркской войны 568–571 гг. Кроме того, можно напомнить, что дата «37-й год Хосрова» приводится также в отчасти анахронистических сообщениях среднеперсидского сочинения «Жизнеописание Ануширвана», посвященного Хосрову I. Выдержки из этого труда сохранились в пересказе арабского средневекового автора Ибн Мискавейха (умер в 1034 г.)¹³.

В свете этих фактов представляется более чем обоснованной поддержка М. С. Гаджиевым интерпретации дербентской среднеперсидской строительной надписи № 7 как «37-й год Хосрова» и его же заключение о том, что эта дата маркирует собой завершающий этап строительства северной городской стены Дербента, тогда как датой начала строительства является 568 г. [Гаджиев, 2006а, с. 77–94; Гаджиев, 2006б, с. 24–38; Гаджиев, Касумова, 2006, с. 101, 107; Gadjiev, 2008, p. 1–15].

Эти события привели к укреплению позиций Ирана на Восточном Кавказе, а также и к усилению власти местных правителей, которые теперь могли в большей степени, чем раньше, опираться на поддержку иранских властей. Но в этот же период позиции Ирана в Большой Армении и Грузии (Картли) существенно ослабли. Прежде чем перейти к рассмотрению этих событий, полагаю необходимым вкратце осветить религиозную ситуацию, складывавшуюся в этот период в Закавказье и в собственно Иране.

Одним из последствий маздакитского движения в Иране явилось общее ослабление там влияния зороастризма. В то же время, успехи христианских миссионеров там были настолько значительными, что о навязывании иноверцам зороастризма речи уже быть не могло. Хосров I прекратил преследование христиан и евреев, что позволило установить религиозный мир внутри Сасанидской державы. Впрочем, некоторые ограничения к дальнейшему распространению христианства продолжали сохраняться. Так, например, зороастрийцам воспрещалось принимать крещение. Кроме того, иранские власти по-прежнему поддерживали только несторианское и монофизитское течения христианства, а халкедонитское, ставшее при императоре Юстиниане I господствующим в Византии,

¹³ Перевод ряда сюжетов труда Ибн Мискавейха и комментариев к ним см.: [Колесников, 1998, с. 78–83].

преследовалось в Иране, как и раньше. Но, несмотря на это, халкедонитство получало все большее распространение в Закавказье. В этот же период там продолжался процесс укрепления и расширения позиций несторианства. Возникшее в Византии течение иконоборцев также находит своих сторонников в кавказских странах [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, гл. 2. с. 46]. Это заставило армянского католикоса Иоанна II (Иоганнэс, 557–574) созвать в 565 г. третий собор закавказских церквей. Собор был нацелен главным образом на принятие актов, осуждающих халкедонитство, но он, как предыдущие кавказские соборы, признал ересью также несторианство и предал оба эти течения анафеме.

Тем не менее халкедонитские и несторианские проповедники продолжали активно действовать в Закавказье, что побудило армянского католикоса Иоанна II направить послание албанскому католикосу тэр Абасу, а также правителю Сюника Михр-Арташиру и епископу Сюникскому Вртанэсу. В этом послании Иоанн II требовал изгнания иноземных проповедников: «Гоните прочь подобных из пределов ваших и вовсе не слушайте их губительных проповедей» [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, гл. 2. 7]. Тэр Абас так и поступил, но в самой Армении, а также и в Картли халкедонитство продолжало усиливать свои позиции.

Из упомянутого послания католикоса Иоанна II становятся известны названия епископств Армении и Албании: в Армении – Таронская, Мардапетаканская, Тайкская, Хорхоруникская, Ванандская, Сирийская (за пределами Большой Армении), Амутунеанская, Рштуникская, Моксская и др., в Албании – Бахалатская, Кабалакская, Амарасская, Баласаканская, Шакинская, Гардманская (Гардабанская), и Мец-Колманкская [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, гл. 2. 7]. Тот факт, что в этом списке отсутствует название Дербента (Чор), можно интерпретировать следующим образом: вероятно, после перенесения в 552 г. патриаршего престола из Чора в Партав, Чор продолжал оставаться под непосредственным управлением албанского католикоса.

В 571 г. в Персармении и Картли поднялось антииранское восстание. Восставшие перешли под верховенство византийского императора, что вызвало тяжелую ирано-византийскую войну, продолжавшуюся почти два десятилетия.

Основные источники по данной теме имеют византийское происхождение. По степени надежности и значимости для настоящей

проблемы их можно перечислить в следующем порядке: сохранившиеся в цитатах более поздних авторов фрагменты сочинения Менандра Протектора (VI в.)¹⁴, «История» Феофилакта Симокатты (VII в.) [*Theophylactus Symocatta*, 1887], «Церковная история» Евагрия Схоластика (VI в.) [1898]¹⁵. Все эти источники написаны посреднегречески. Другой важный византийский источник – написанная по-сирийски «Церковная история» Иоанна Эфесского (VI в.) [*Ioannes Ephesinus*, 1935]¹⁶. Последнее сочинение Н. В. Пигулевская рассматривала в качестве основного источника по данной теме, аргументируя это тем, что Иоанн Эфесский являлся современником этих событий и описал их очень подробно [Пигулевская, 2000, с. 294]. Но, на мой взгляд, наиболее точное в отношении хронологии и в то же время достаточно подробное описание этих событий представлено у Менандра Протектора, который к тому же являлся и современником этих событий. При составлении своего труда этот автор пользовался официальными документами византийского двора, в том числе и протоколами переговоров с иранскими дипломатами. В отличие от сочинений Евагрия Схоластика, Феофилакта Симокатты и, тем более, Иоанна Эфесского, труд Менандра Протектора наименее политизирован и идеологизирован. Отношение автора к врагам Византии – Ирану, славянам (племена склавен и антов), аварам и другим более объективно. Последнее сообщение этого историка относится к 581 г., т.е. он описывает только первую половину ирано-византийской войны 572–590 гг., но даже его описание начала войны дает ключ к пониманию причин и хода политических и военных событий, имевших место и после 581 года. Таким образом, сохранившиеся фрагменты сочинения Менандра Протектора создают надежную документальную базу данной темы.

Труд Феофилакта Симокатты в совокупности с сочинением Менандра Протектора дают наиболее полную картину исследуемых событий. Работы же Евагрия Схоластика и Иоанна Эфесского играют в данном случае вспомогательную роль.

¹⁴ Собрания фрагментов см.: [*Menander Protector*, 1868; *Menander Protector*, 1928. Vol. IV. P. 200–269; *Menanderi Fragmenta*, 1871]. См. также: [*Менандр Протектор*, 1860]. Ниже – все ссылки по русскому переводу С. Дестуниса.

¹⁵ См. также: [*Евагрий Схоластик*, 1997]. Ниже – все ссылки по русскому переводу и ссылки на комментарии А. М. Калинина – по электронной версии сайта <http://www.vostlit.info> по состоянию на 26.11.2012.

¹⁶ См. также: [*Иоанн Эфесский*, 2000]. Ниже: все ссылки по русскому переводу Н. В. Пигулевской.

Византийская принадлежность указанных источников и характерный для них антииранский настрой несколько усложняют задачу настоящего исследования. Эта трудность до некоторой степени сглаживается тем, что ныне утраченные памятники сасанидской историографии отчасти сохранились в переработках средневековых арабо-персидских авторов, в первую очередь у ат-Табари. Кроме того, как известно, сасанидская историческая традиция в определенной степени отражена и в эпической поэме Фирдоуси «Шахнаме» (IX в.), написанной на новоперсидском.

Важные детали по данной теме представлены также в армянской «Истории императора Иракла» Себеоса¹⁷, в грузинском своде «Картлис цховреба» и в ряде других кавказских источников, но все они, так же как и византийские, по большей части проникнуты антииранскими настроениями.

Существенную роль в разработке настоящей темы исследования играют материалы археологической нумизматики Сасанидского государства. Последняя по времени работа по этой теме принадлежит Э. Ш. Хуршудяну [Хуршудян, 2003].

Историография вопроса довольно обширна. Это, в первую очередь, «История Византии» Ю. А. Кулаковского, а также работы Н. В. Пигулевской и др. Из более поздних работ можно назвать также 2-й том «Очерков истории Грузии», где ход ирано-византийской войны 572–591 гг. рассматривается в контексте истории кавказских стран, преимущественно Картли (Иберии). Особая ценность этой работы связана с тем, что в ней обобщены достижения грузинских исследователей по данной теме.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению обстоятельств антииранского восстания в Персармении и Картли, необходимо остановиться на ряде особенностей кавказской политики Сасанидов в предшествующий период. Шаханшах Хосров I, так же как и его предшественник Кавад I, назначал на высшие должностные посты в Закавказье представителей как местной, так и персидской знати. Так, после смерти марзбана Персармении Вагана Мамиконяна Кавадом I на этот пост был назначен его брат Вард. По-

¹⁷ Комментированные переводы труда Себеоса см.: [Себеос, 1862; Себеос, 1939]. Как отмечал Ст. Малхасянц, его перевод сочинения Себеоса почти идентичен переводу К. Патканьяна (К. П. Патканов). Одно из различий состоит в том, что в нумерации глав Ст. Малхасянц следует оригиналу, а К. Патканьян изменил ее. Ниже я буду ссылаться на номера глав, приведенные у Ст. Малхасянца.

сле Варда марзбанами в Персармении довольно долгое время ставились только персы¹⁸. К периоду правления Хосрова I относится назначение племянника Вагана и Варда – Вардана, сын Васака Мамиконяна, питиахшем Гугарка [Асолик, 1864, с. 59] (древнегрузинское название этой провинции – Квемо Картли; Гогарена античных источников). Приблизительно тогда же марзбаном Персармении был назначен армянский нахарар Мжеж Гнуни. Он пользовался особым доверием шаханшаха и занимал указанную должность длительный срок [Асолик, 1864, с. 58]. После Мжежа эту должность занимали только персидские вельможи – последовательно Деншапух, Вараздат, Сурен [Асолик, 1864, с. 58–59].

Сурен управлял Персарменией пять лет и за это время успел настроить против себя местное население [Асолик, 1864, с. 59]. В 571 г. Ваган Сюни обратился к Хосрову I с просьбой вывести область Сюник из подчинения Двину (административный центр Персармении) и передать ее в ведение сасанидского наместника в Пайтакаране. Эта просьба была удовлетворена [Себеос, 1939, гл. 3].

Несколько позднее, в том же 571 г., группа армянских нахараров во главе с питиахшем Варданом Мамиконяном напала на марзбана Сурена и убила его. Это стало сигналом к восстанию в Персармении и Картли. Иоанн Эфесский в одном месте своего сочинения относит начало восстания к 880 г. селевкидской эры [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 24, с. 482], т. е. к 568/69 г. нашего летоисчисления, тогда как в другом – к 882 г. селевкидской эры [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 11, с. 519], т. е. к 570/71 г. н.э. Впрочем, возможно, что расхождение в два года объясняется тем, что в первом случае автор сообщает о дате начала восстания, а во втором – о дате бегства Вардана и картлийского царя в Константинополь. Приводя последнюю дату, Иоанн Эфесский дает еще и другое хронологическое указание – 5-й год правления Юстина II [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 11, с. 519]. Поскольку Юстин II воцарился 15 октября 565 г., то 5-й год его правления соответствует $[5 + 565 + (-1) =] 569/70$ году нашего летоис-

¹⁸ По данным Асолика, Ваган Мамиконян исполнял должность марзбана Персармении 30 лет (485–515), а Вард – 4 года [Асолик, 1864, с. 57]. Себеос, а вслед за ним и Асолик называют Варда «патриком» [Себеос, 1939, гл. 3; Асолик, 1864, с. 57], т. е. патриkiem, но едва ли он мог получить этот византийский титул. Скорее всего, титул патрикия был вручен не Варду, а его племяннику Вардану после бегства последнего в Константинополь в 572 г. (см. ниже).

числения¹⁹. Отсюда видно, что в датировках начала восстания Иоанна Эфесского царит путаница, и положиться на его хронологические указания нельзя.

Другой современник этих событий, Евагрий Схоластик, датирует это событие 1-м годом настоятельства в Антиохии еп. Григория [Евагрий Схоластик, 1997, гл. 5. 7, с. 256], а поскольку назначение последнего, вероятнее всего, относится к 570 г. (см.: [Евагрий Схоластик, 1997, комм. 11]), то восстание в Персармении можно достаточно уверенно датировать 571 г. О самом восстании Евагрий Схоластик сообщает следующее: «В первый год управления его (Григория. – И. С.) епископией, жители бывшей некогда Великой Армении, впоследствии названной Армениею персидскою... исповедуя веру Христову и страдая от Персов, особенно по отношению к своему закону, тайно отправили к Юстину послов с просьбою – принять их в подданство римской империи, с тем чтобы им дозволено было свободно, без всякого препятствия, совершать свое богослужение. Юстин согласился на это и, приняв некоторые изложенные в послании условия, утвердил их страшными клятвами. Тогда Армяне перебили своих начальников и с сопредельными жителями – одноплеменными и разноплеменными, принявшими их сторону, присоединились к римской империи под предводительством Урдана (Вардана. – И. С.), который славился у них и происхождением, и личным достоинством, и опытностью в делах воинских. Хозрой жаловался на это; но Юстин отпустил (его послов), сказав им, что мирным отношениям теперь конец, что невозможно отвергать Христиан, во время войны перебегающих к Христианам. Так отвечал он, однако ж к войне не готовился...» [Евагрий Схоластик, 1997, гл. 5. 7, с. 256–257].

Здесь необходимо заметить, что утверждение Евагрия Схоластика о том, что причиной восстания стали препятствия, чинимые иранскими властями в отправлении христианских культов, не соответствует действительности, так как, во-первых, ни один другой источник этого не подтверждает, во-вторых, в этот период монофизитство, в том числе и армянское, преследовалось как раз в Византии, а не в Иране (см. выше). Напомню, что задолго до этих событий шаханшах Кавад I принял указ о признании Армянской церкви [Joshua the Stylite, 1882, ch. 24].

¹⁹ У Н. В. Пигулевской 5-й год правления Юстина II переведен неверно – 570/71 г. [Пигулевская, 2000, с. 295–296].

У Себеоса о начале восстания сообщается следующее: «На 41-м году царствования Хозроя, сына Каватова, восстал Вардан и освободился от служения царю персидскому с согласия всех Армян. Убив неожиданно марзпана Сурена в городе Двине, [Армяне] взяли много добычи и стали служить Грекам» [Себеос, 1939, гл. 3] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 27]). 41-й год правления Хосрова I соответствует $[532 + (-1) + 41 =] 572/73$ году нашего летоисчисления.

Эта же дата приводится и Асоликом (Степанос Таронаци по прозвищу Асолик – Асог'ик, X–XI вв.). Вероятно, он заимствовал ее у Себеоса: «Бдешх Вардан, сын Васака, из рода Мамиконов... улучив удобное время и поразив мечом марзпана Сурена, убил его на 41 году царствования Хосрова, что соответствует 7-му году царствования Юстиниана, в 22 день месяца арега, т. е. в феврале, во вторник. Все армянские князья, отложившись от Парсов, предались Грекам и вместе с ними восстали страшной войною. Вардан же с семейством своим и другими дворянами убежал в Грецию в царственный город Константинополь... Это было время войн, раздоров, бесчисленных убийств, пленений, взятий [городов], смут, тюремных заключений, притеснений, лишений, жестокого голода, меча и мора, опустошений городков, пожаров зданий, вообще всех бедствий, постигших многие [наши] области с обеих сторон, [словом, время] совершенного забвения богопоклонения» [Асолик, 1864, с. 59].

Как говорилось выше, 41-й год правления Хосрова I соответствует 572/73 г. Что же касается утверждения Асолика о том, что эта дата совпадает с 7-м годом царствования Юстиниана, или точнее – Юстина II, то это действительно так: 7-й год правления Юстина II соответствует $[565 + 7 + (-1) =] 571/72$ году нашего летоисчисления. Поскольку Юстин II воцарился 15 октября 565 г., т. е. 7-й год его правления начался 15 октября 571 г. и заканчивался 14 октября 572 г. Что же касается сасанидской календарной традиции, то в ней отсчет дат правления шаханшахов велся приблизительно с 21 марта (день весеннего равноденствия), и следовательно, 41-й год царствования Хосрова I начинался 21 марта 572 г. и заканчивался 20 марта 573 г. Отсюда видно, что указания Асолика на 7-й год правления Юстина II и 41-й год правления Хосрова I совпадают в промежутке 15 октября 571 г. и 20 марта 572 г. Можно было бы полагать, что к этому отрезку и относится начало восстания, но этому противоречит указание Асолика на то, что убийство Варданом Сурена имело место в «22 день месяца арега, т. е. в феврале, во

вторник». Здесь у Асолика присутствует явное недоразумение: арэг – восьмой месяц армянского календаря – начинался 9 марта и заканчивался 7 апреля. В таком случае, 22-е число этого месяца падает на 30 марта²⁰.

Из этого может следовать, что у Асолика и у Себеоса отсчет дат правления Хосрова I ведется не от дня весеннего равноденствия, а от реального восшествия этого правителя на трон, т. е. от сентября 531 г. В таком случае указанные Асоликом даты – 7-й год правления Юстина II и 41-й год правления Хосрова I совпадают в более обширном хронологическом промежутке и 22-й день месяца арэга выпадает на 30 марта 571 г. Подтверждение этой даты можно видеть также в том, что, как отмечалось выше, данные Евагрия Схоластика позволяют относить начало восстания в Персармении к 571 г. Также можно отметить, что к 30 марта 571 г. относил начало этого восстания и Ю. А. Кулаковский, никак не обосновывая эту точку зрения [Кулаковский, 1996, с. 293, прим. 1].

К 571 г. позволяют относить начало восстания и данные Менандра Протектора [Менандр Протектор, 1860, отр. 37, с. 402] (см. ниже). По сообщению же Феофилакта Симокатты, климатарх Сурен был убит византийцами после захвата ими Персармении [Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 9. 9], т. е. после начала ирано-византийской войны 572–590 гг. Однако это противоречит данным Менандра Протектора, согласно которым после убийства Сурена Хосров I все еще рассчитывал на сохранения мира с Византией и отправил в Константинополь посольство во главе с Себохтом [Менандр Протектор, 1860, отр. 37, с. 402–403].

Судя по всему, вскоре после убийства марзбана Сурена персы выбили восставших из Двина, так как Себеос сообщает о вторичном взятии Варданом Мамиконяном этого города: «Царь греческий клялся Армянам, и возобновлял тот мир, который существовал между двумя царями – блаженным Трдатом и Константином, и дал им в помощь императорские войска. Они же, приняв те войска, устремились на город Двин и, осадив его, разрушили его сверху донизу и изгнали войска персидские, находившиеся в них. Но их неожиданно постигло большое смущение, ибо Персы подложили огонь и сожгли церковь святого Григория, построенную близ города и обращенную ими в амбар» [Себеос, 1939, гл. 3 (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 27–28])].

²⁰ 30 марта 571 г. по юлианскому календарю выпадает не на вторник, а на понедельник.

О том, что действия персов против восставших приняли затяжной характер и шли с переменным успехом, сообщает также Иоанн Эфесский со ссылкой на устный рассказ армянского католикоса: «Это и многое другое рассказывали католикос (Иоанн II – Иованнэс Габелян, 557–574. – И. С.) и прочие бывшие с ним епископы перед нашими милостивыми императорами и всем сенатом, из чего только немногое я начертал для памяти. Затем о военных битвах и великом уничтожении бывших там в то время рассказывали они и как затем вновь нападали войска друг на друга, и что много раз были побеждены персы и от них были отняты слоны» [*Иоанн Эфесский, 2000*, гл. 2. 20, с. 479–480].

По словам этого же автора, причиной восстания в Персармении послужило намерение Хосрова I построить в Двине зороастрийский храм [*Иоанн Эфесский, 2000*, гл. 2. 20, с. 479–480], но в действительности это был лишь повод, а причины восстания крылись глубже [*Пигулевская, 2000*, с. 294]. Начало восстания Иоанн Эфесский описывает следующим образом: восставшие собрали 20-тысячное войско, убили марзбана и перебили 15-тысячный персидский гарнизон, а голову убитого марзбана отправили патрикию Юстиниану [*Иоанн Эфесский, 2000*, гл. 2. 21, с. 479–480]. Последний факт, по мнению Н. В. Пигулевской, указывает на то, что лидеры восстания еще до начала своего выступления связались с представителями византийских властей и действовали при их поддержке и с их одобрения [*Пигулевская, 2000*, с. 295]. С этим заключением нельзя не согласиться, но Н. В. Пигулевской было упущено из виду, что Евагрий Схоластик прямо указывает на то, что Вардан еще до восстания связался с Юстином II и через своих представителей провел переговоры, по итогам которых заключил с византийской стороной договор; это соглашение император утвердил «страшными клятвами» (см. выше). Таким образом, отправкой патрикию Юстиниану головы марзбана (Сурена) Вардан сигнализировал византийской стороне, что восстание уже началось, причем восставшие отрезали себе путь к отступлению, и пришла очередь действовать византийцам.

Судя по всему, сразу после этого в Константинополь прибыло иранское посольство, о котором сообщает Менандр Протектор. По его словам, в 571 г. наступал срок, когда Византия в соответствии с договором 561 г. должна была начать ежегодные выплаты денег Ирану. Для получения этих денег Хосров I отправил в Кон-

стантинополь посольство во главе с Себохтом (среднеперсидское *Себухт*), причем шаханшах запретил послам упоминать на приеме у императора о восстании в Персармении. Однако, несмотря на это, Себохт был холодно принят в Константинополе. На аудиенции Юстин II отказался выдать определенные договором деньги. «Затем он (Юстин II. – И. С.) предложил послу поговорить об Армении. Севохф ответил, что персы в ближайшее время усмирят эти беспорядки. В ответ василевс заявил, что если армяне отпадут от персов, он примет их к себе. В ответ на попытки посла отговорить василевса от превратностей войны, Юстин сказал, что победит Персию одним пальцем и даст ей другого царя» [*Менандр Протектор*, 1860, стр. 37, с. 403–405]. Этим заявлением император отказывался от соблюдения мирного соглашения десятилетней давности и, кроме того, фактически объявил Ирану войну.

Из этого сообщения Менандра Протектора следует, что к моменту прибытия Себохта в Константинополь персы еще не знали о союзе восставших с Византией и что представители Вардана вот-вот должны были прибыть в Константинополь, чтобы уже открыто обратиться к Юстину II с просьбой принять их в свое подданство. Это следует из заявления Юстина II Себохту о том, что «если армяне отпадут от персов, он примет их к себе», т. е. Юстин II уже ждал прибытия посольства из восставшей Персармении.

Судя по всему, в Византии не было единого мнения относительно необходимости соблюдения договора 561 г., но итогом процесса принятия решения стала победа сторонников новой войны с Ираном. Эта победа явилась следствием кажущегося ослабления Ирана, что было связано, прежде всего, с восстанием в Персармении и Картли, а также еще и тем, что Хосров I с 568 г. вел тяжелую войну против Тюркского каганата. Мало того, тюркский каган настойчиво склонял Юстина II к совместным действиям против Ирана (ср.: [*Евагрий Схоластик*, 1997, комм. 14]). Менандр Протектор сообщает об этом следующее: «Много было причин к войне между римлянами и персами. Более всего возбуждали императора Юстина к войне турки. Они напали на мидийскую землю (на Иран. – И. С.), разоряли ее и, отправив посольство к Юстину, просили его пристать к ним, воевать заодно против персов и заодно преодолеть общего врага. Нападая, турки, с одной стороны, римляне, с другой, могли погубить персов. Юстин, предаваясь этим надеждам, полагал, что будет не трудно сокрушить и совершенно уничтожить пер-

сидскую силу. Он старался сколько мог об утверждении дружбы с турками» [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 32, с. 398–399].

Немаловажно также, что Хосров I был уже в преклонных годах – к началу войны ему было около 70 лет, что создавало у византийцев впечатление того, что престарелый шаханшах, «утомленный войнами... заботился только о том, чтобы упрочить мир (с Византией. – И. С.) и оставить его детям своим, как достояние отцовское...» [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 37, с. 403].

Таким образом, сползание Византии в войну с Ираном проходило, вероятно, без особой борьбы на внутривнутриполитической сцене. И приняв решение о поддержке восставших на Кавказе, Юстин II и его окружение уже не отступали от него ни на шаг.

Нежелание Хосрова I идти на обострение отношений с Византией объясняется, в первую очередь, усталостью населения Сасанидского государства от военного конфликта с Тюркским каганатом. На эту войну и, в частности, на укрепление границы на Кавказе и в Средней Азии были направлены огромные ресурсы. Связанное с этим напряжение сил Сасанидского государства и повлекло упомянутые восстания на Кавказе. И поэтому для Хосрова I сохранение мира с Византией, при условии возобновления предусмотренных мирным договором выплат, было предпочтительнее новой войны с ней. Но поскольку война ему была уже объявлена, он не мог не принять ее, так как уступка византийцам Персармении и Картли, которые были включены в состав Сасанидского государства за три с лишним века до этих событий, грозила обернуться политической смертью Хосрова I. Для Ирана возвращение этих территорий затруднялось переходом местного населения на сторону врага. В этих условиях война с Византией стала бы долгой и изнурительной, но в то же время могла бы способствовать консолидации политических сил Сасанидского государства, так как ее непосредственным инициатором выступил Юстин II, что требовало от иранской стороны вступления в борьбу за «попранную справедливость». В том же 571 г. Хосров I, пойдя на незначительные территориальные уступки тюркам в Средней Азии, заключил с ними мирный договор и в результате получил возможность для переброски войск в приграничные с Византией области.

Тюркский каганат и Византия являлись естественными союзниками в противоборстве с Ираном, что и обусловило их временное сближение [*Ромашов*, 2005, с. 189], но, судя по всему, каган просто

не дождался согласия Юстина II на вступление в войну, а в одиночку преодолевать фортификации, выстроенные Хосровом I в Средней Азии и на Кавказе, ему было не с руки. Для него почетный мир с Ираном оказался предпочтительнее вялотекущей войны.

Из сообщений Себеоса можно заключить, что после начала восстания в Персармении и перехода восставших на сторону Византии император Юстин II назначил Вардана Мамиконяна правителем Персармении. Возможно также, что император вручил Вардану титул патрикия, о чем было сказано выше. О Вардане как о лидере восстания упоминает и Иоанн Эфесский [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 11, с. 519]. По словам последнего, среди лидеров восставших, несколько позднее бежавших в Константинополе, был также «царь народа, по имени Горгоний» [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 11, с. 519]. Это, несомненно, картлийский царь. Из этого следует, что Картли восстала одновременно с Персарменией, причем картлийский царь перешел на сторону Византии вместе с армянами. Тот факт, что восстание распространилось и на Картли, подтверждается данными Менандра Протектора и Феофилакта Симокатты о том, что позднее византийцами в качестве условий примирения с Ираном предлагалась уступка ему территории не только Персармении, но и Картли (см. ниже). И, кроме того, в цитированном выше тексте Евагрия Схоластика говорится о том, что армяне «с сопредельными жителями – одноплеменными и разноплеменными, принявшими их сторону, присоединились к римской империи под предводительством Урдана», т. е. Вардана [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 7, с. 256–257].

А. А. Богверадзе, М. Д. Лордкипанидзе и В. И. Гоиладзе отождествляют этого Горгония с Гуарамом Багратуни [Очерки истории Грузии, т. 2, 1988, с. 159 сл.; *Сумбат Давитис-дзе*, 1979, с. 45, прим. 12; *Гоиладзе*, 1979, с. 18], родоначальником царской династии Багратиони/Багратониани (о нем см. далее), но поскольку Гуарам Багратуни царем не был, то более вероятным представляется, что указанный Горгоний тождественен Бакуру V средневековых грузинских летописей. Горгоний – это, несомненно, производное от поздней среднеперсидской формы названия Картли – *Горган/Гурган*. Скорее всего, Горгоний – не личное имя царя, а его прозвище или же, что представляется более вероятным, слово, производное от названия страны, которой он правил.

У Себеоса сообщения, связанные с событиями, последовавшими за убийством марзбана Сурена, очень трудны для понимания.

Судя по всему, соответствующие тексты испорчены переписчиками или, что также возможно, недоработаны самим автором. Так, в одной главе Себеос сообщает следующее: «После того пошел на него *Михран Михревандак* с 20 000 войска и со многими слонами. Произошло большое сражение на поле Хагамахья: войско Персов было разбито страшным поражением и предано мечу, а слоны все пали. Михран с немногими спасшимися ушел восвояси» [Себеос, 1939, гл. 3] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 28 (курсив переводчика)]).

В другой же главе этот же Михран Михревандак («Михран из рода Михр») назван «Гогон Михраном», но в ней сообщается уже не о поражении этого военачальника, а о его победах: «...Пришел *Гогон Михран* с 20 000 вооруженного войска и с множеством словов: при нем находился сильный отряд из войска многочисленного народа Гуннов, живших при гористой стране Кавказа. Он получил от царя приказание истребить в Армении мужчин: рубить, колоть, и беспощадно валить их на землю. По его прибытии, некоторые спаслись, скрывшись в неприступных замках или убежавши в отдаленные страны. Но многие не могли спастись. Кого только находили, умерщвляли мечем. Он дал сражение в Иверии, но был разбит. Прибыл в Армению и взял город Анкг ложною клятвою. Филипп, глава Сюнийцев воевал с городом и с Хагамахами, сразился также в Вананде, в деревне Утмсу, но в обеих битвах был побежден. Он (Гогон Михран? – И. С.) пробыл (марзбаном Персармении. – И. С.) 7 лет и ушел» [Себеос, 1939, гл. 4] (цит. пер.: Себеос, 1862, с. 30–31), курсив переводчика).

Здесь необходимо прокомментировать следующие детали. Во-первых, упомянутые здесь гунны могут соответствовать только савирам (абхазам) и аланам, поселенным Хосровом I в ряде крепостей в северо-восточной части Албании. Во-вторых, в цитируемых фрагментах Себеос, вероятно, излагает разные эпизоды военных действий, которые в Персармении и Картли вел марзбан Михран. В-третьих, упоминание в обоих эпизодах об уничтожении восставшими боевых слонов противника перекликается с цитирувшимся выше сообщением Иоанна Эфесского о трофейных слонах, отбитых восставшими армянами у персов [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 20, с. 479–480].

Более ясно об этих событиях повествует армянский историк Иоанн Драсханакертци (40-е гг. IX в. – 925 г.). По его словам, «Вардан Мамиконян убил в городе Двине марзпана Сурена, а сам вме-

сте с другими нахарарами ушел служить грекам» [*Иованнес Драсханакертци*, 1986, гл. 16, с. 77–78], после чего «царь Персии Хосров, собрав большое войско, отправил его в поход на Вардана, и разыгралось ужасное сражение на поле Халамах, и благодаря непрестанным молитвам святого Нерсеса войска Вардана страшным ударом истребили персов» [там же, с. 78]. По мнению Ст. Малхасянца, «...Халамахик – искаженное слово вместо Каламахик (происшедшее путем аллитерации под влиянием звука «х» в последнем слоге) и означает «тополь, место, покрытое тополями». Известно, что Хосров Младший, сын Трдата, велел насадить искусственный лес... к северо-западу от Двина, в 2–3 км от города... Этот лес назывался Хосровакерт (или Хосракерт). Он, по-видимому, имел важное стратегическое значение как прикрытие для войска, воевавшего с городом... Себеос, кроме двух вышеприведенных случаев, где поле между этим лесом и городом служило ареной битвы, еще в третьем месте (гл. 40) упоминает, что исмаильтяне, собираясь напасть на город Двин, расположились лагерем на опушке леса Хосракерта. Если наше предположение верно, то данное место в тексте следует понимать: в поле между городом (Двином) и лесом (Хосровакертом)» [*Себеос*, 1939, с. 152–153, прим. 62].

Вероятнее всего, выступление марзбана Михрана против восставших началось в 572 г. Тогда же в южной части Месопотамии развернулись военные действия между иранскими и византийскими войсками. Там обе стороны ограничивались незначительными стычками, которые не могли решить судьбу войны [см.: *Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 8–10, с. 257–262; *Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 2–6, с. 502–512; *Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 10 ff.]. Самой крупной акцией персов там стало взятие ими в ноябре 573 г. Дары, осада которой заняла полгода [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 10, с. 261–262; *Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 5, с. 508–511; *Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 11. 3].

Взаимные набеги персов и византийцев продолжались несколько лет и приносили лишь разорение приграничным областям. Тем временем император Юстин II впал в слабоумие, и управление Византией было передано его племяннику Тиберию, которому перешел титул кесаря (7 декабря 574 г.). Ему-то и пришлось решать вопрос о примирении с Ираном. Однако путь к миру оказался очень сложным и долгим. Война растянулась на два десятилетия, захватив остаток правления Юстина II, весь период правления импера-

тора Тиберия I и значительный отрезок времени правления Маврикия I. На иранском троне за это время также успели смениться несколько правителей.

По данным Феофилакта Симокатты, кесарь Тиберий I направил к Хосрову I посольство с известием о своем назначении [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 12. 2]. В одном из фрагментов сочинения Менандра Протектора сообщается о прибытии в Константинополь персидского посла Якова с письмом от Хосрова I. В своем послании шаханшах предлагал начать мирные переговоры. Вслед за этим в Иран было отправлено ответное посольство во главе с придворным врачом Захарием [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 39, с. 406–407]. Феофилакт Симокатта относит это посольство к весне 575 г. и сообщает, что его целью являлось заключение перемирия [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 12. 3], но он не упоминает об условиях заключенного Захарием соглашения. Информация об этом договоре сохранилась также у Менандра Протектора: в обмен на согласие Ирана заключить перемирие на Востоке сроком на один год Захарий передал персам 45 тыс. солидов (204,7 кг золота), причем из-за упорства Хосрова I эта договоренность не была распространена на Армению; кроме того, стороны условились о выработке соглашения о полном мире [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 40, с. 407].

По сообщению Менандра Протектора, по истечении срока перемирия, в начале 576 г., в Иран прибыло византийское посольство во главе с патрикием Траяном и Захарием. Оно предложило продлить перемирие на три года и распространить его на Армению. Однако, поскольку последнее означало отторжение от Ирана Персармении, занятой византийцами, это вызвало возражение персов. После длительного обсуждения было заключено соглашение о перемирии на Востоке на три года. В течение этого срока византийцы обязывались ежегодно выплачивать Ирану 30 тыс. солидов (136,4 кг золота)²¹. Это перемирие не распространялось на территорию Армении, и в начале весны военные действия там возобновились [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 41–42, с. 408–410]. О заключении этого соглашения сообщает также Феофилакт Симокатта [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 12. 10], но он и в этом случае умалчивает об обязанности Византии осуществлять ежегодные денежные выплаты

²¹ В тот период 1 солид имел вес $\frac{1}{72}$ фунта (он же либра или литра, весивший 327,45 г).

Ирану. То же и у Евагрия Схоластика [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 12, с. 263–264].

О выплате денег Ирану в обмен на трехлетнее перемирие «в сирийских областях» сообщает также Иоанн Эфесский, но по его данным, общая сумма, выплаченных Византией денег, составляла 3 кентинария золота [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 8, с. 514; гл. 6. 12, с. 520], т. е. по одному кентинарию или 100 литр или либр (он же фунт) в год, что соответствует 32,745 кг. Эта сумма не может вызывать доверия, так как она противоречит данным Менандра Протектора, заимствовавшего свои сведения из документов византийского двора о ходе переговорного процесса с Ираном и реализации договоренности о перемирии.

Судя по всему, первыми военные действия в Закавказье возобновили византийцы. Это вытекает из следующих данных Менандра Протектора. В одном из сохранившихся фрагментов его сочинения сообщается: «Курсу и Феодору [византийским военачальникам] было объявлено, что кесарь гневается на них за то, что они по вступлении в Алванию не перевели в другое место Савиров и Аланов, но выступили из этой страны, полагаясь на взятых у этих народов заложников. Курс и Феодор раскаялись в своем поступке, видя из самого опыта, что они поступили оплошно и упустили выгоды государства; ибо по удалении их, Савиры немедленно свергли с себя господство Римлян. Римские военачальники опять вступили в Алванию, заставили Савиров и Алванов²² переселиться по сю сторону реки Кира и впредь оставаться в римской стране» [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 43, с. 411–412].

Поскольку в другом отрывке у Менандра говорится о том, что военные действия в Персармении возобновились в начале весны 576 г. [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 42, с. 410], и поскольку, по его же данным, Хосров I начал наступление в этот регион в конце весны (см. далее), то становится очевидным, что первый из упомянутых походов Курса и Феодора в Албанию состоялся как раз в начале весны. Второй же их рейд, во время которого они переселили савир и алан на византийскую территорию, мог иметь место спустя месяц-другой.

²² Здесь, несомненно, описка – должно быть «аланы», так как выше речь идет именно об аланах. Едва ли был смысл переселять албанцев из Албании, на юг от Куры. Здесь идет речь о савирах и аланах, поселенных Хосровом I в некоторых из новых городов, основанных им в северной части Албанского марзбанства, т. е. к северу от Куры [ср.: *Кулаковский*, 1996, т. 2, с. 293].

Кесарь Тиберий I планировал развернуть военные действия и в Персармении, но его расчет строился на том, что персы, как обычно, начнут наступление в конце августа; вопреки этому, Хосров I выступил в поход в конце весны [Менандр Протектор, 1860, отр. 43, с. 410–411]. Его внезапный и стремительный марш застал византийцев врасплох. По сообщению Менандра Протектора, Хосров I беспрепятственно прошел «Макравандскую и Таранскую области» (армянские провинции Багреванд и Тарон). Там его застал византийский посол Феодор. Хосров I принял его, но поход не прервал. Удерживая с собой посла, он через область «Вадриану» (армянская провинция Басен) прошел к византийской границе, пересекая ее и к концу весны достиг Феодосиполя (древнеармянское название этого города – Карин). Город был взят в осаду. Только после этого послу Феодору разрешено было вернуться к кесарю Тиберию I [Менандр Протектор, 1860, отр. 43, с. 412–415].

Штурм Феодосиполя оказался безуспешным, и Хосрову I пришлось снять с него осаду и направиться дальше на запад, навстречу византийскому войску, выступившему на помощь осажденному городу [Lebeau, 1824, vol. X, p. 135–136]. Себеос не упоминает об осаде Феодосиполя, а приводит лишь маршрут Хосрова I в сторону Евфрата: «Он отправился по области Артаз, прошел Багреванд, оставив в стороне город Карин» [Себеос, 1939, гл. 3]. Этот внезапный маневр позволил Хосрову I отрезать Персармению от Византии. Довольно полная реконструкция хода дальнейших событий проделана Шарлем Либо. Вкратце она сводится к следующему.

Хосров I, форсировав Евфрат, вторгся в Малую Армению. Осенью 576 г. он был разбит 150-тысячной византийской армией, в составе которой находились и отряды правителя Персармении Вардана Мамиконяна. Хосров I отступил через Арзанену (Алдзник) к Нисибину, а в руки победителей попал весь персидский обоз, в том числе шатер шаханшаха, его трон и походный священный огонь [Lebeau, 1824, vol. X, p. 135–140].

Себеос приписывает руководство битвой Вардану [Себеос, 1939, гл. 3], но в действительности византино-армянскими войсками руководил стратиг Востока патрикий Юстиниан [Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 12–14]. Тем не менее участие Вардана в этом сражении никак нельзя исключать, так как для этого сражения Тиберий I собирал войска отовсюду, откуда только было возможно, и в этой ситуации использование войск Вардана было более чем логичным.

Ход битвы Себеос описывает в следующих словах: «На другой день утром поспешили устроить войска свои по полкам и фронтам (в боевой порядок), и грянули друг на друга. Усилился бой на лице земли, и битва ожесточилась. Предал Господь царя персидского и все войска его поражению: они были разбиты мечом неприятеля и с большою поспешностью обратились в бегство, и не зная дороги, куда бежать – укрепились у великой реки, называемой Евфратом. Река, надувшись вверх, унесла множество бежавших, как рой саранчи, и в тот день многие не могли спастись. Царь же едва избегнул (плена), предавшись воле слонов и коня, и по области Агц-ник убежал в жилище свое.

Армяне овладели всем лагерем с царскими сокровищами, взяли *Бамбиш*, лагерь, увели *Машаперчан*, золотой одр, стоящий многих талантов, унизанный драгоценными камнями и жемчугом, называемый ими одром славы. Овладели также гратом (священным огнем), который всегда возил с собою царь на помощь себе, почитаемый выше всякого огня, и называемый ими *Аташ* (среднеперсидское «огонь». – И. С.). Множество знатных вельмож потонуло в реке вместе с мовпетан-мовпетом (*мобед мобедан* – дословно «мобед мобедов», высшее в зороастрийской иерархии духовное лицо. – И. С.)» [Себеос, 1939, гл. 3] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 28–29]).

Источники, которые будут рассмотрены ниже, не подтверждают захвата этих трофеев именно армянскими отрядами – скорее наоборот. Тем не менее приводимый Себеосом перечень взятой добычи сам по себе очень информативен.

Феофилакт Симокатта также излагает ход баталии очень кратко. По его словам, персидское войско стало готовиться к сражению: «...Всадники начали облекаться в шлемы и панцири, взялось за оружие и пешее войско. Сев на коней, плотными рядами они медленно гордым шагом двинулись против ромеев. И ромеи, развернув свои ряды, подняли знамена. Заговорили трубы, поднялась к небу пыль, шум, как морской прибой, заполнил все пространство ржанием коней и грохотом оружия... Варварское войско растянуло свой строй в длину, желая этим создать видимость бесчисленного своего количества для тех войск, которые стояли против него. Ромейское войско выстроилось глубоким строем, сильным своей сплоченностью; так и казалось, что ряды его как бы сколочены из одного куска и сбиты железом – настоящий медный строй, стоящий против неподвижно воздвигнутых статуй, лишь внешним своим видом

дающих возможность думать, что они стремятся к бою. < ... >. Вавилоняне (у Феофилакта Симокатты персы нередко именуются архаичными этнонимами, в том числе и вавилонянами. – И. С.) стали посылать стрелы в сомкнутые ряды ромеев в таком количестве, что затемнили лучи солнца. Вследствие стремительного полета стрел перья, украшавшие верх шлемов на головах воинов, казалось, полетели по воздуху, сбитые летучим оружием. Ромеи стремились к рукопашному бою, тесня варваров копьями и мечами и отражая обильно сыпавшиеся стрелы; затем, избежав обычных хитростей стоящих против них врагов, они стали одерживать верх в бою... Строй персов рассыпался, так как в глубину он не был выстроен в каре, а находящиеся в резерве силы вавилонского войска не знали, что им делать, так как некому было стать против них. Затем, когда ромейское войско усилило натиск, варвары увидали, что дело идет к их гибели, и обратились в бегство» [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 14. 2–8] (цит. пер.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 88–89]).

Преследуя противника, византийцы «разграбили... персидский лагерь, разграбили и царскую палатку и все, что было там, забрали как блестящую свою добычу. Они завладели также и слонами и вместе с захваченной персидской добычей переправили их к кесарю. Когда персидский царь был побежден и совершал свое позорное отступление, оказавшись около Мелитены, он предал город огню, найдя его незащищенным... Затем он перешел Евфрат и отступал через Арзанену...» [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 14. 10–11] (цит. пер.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 89]).

Менее предвзятое описание этого сражения и предшествующих ему событий приводится Иоанном Эфесским: «Персидский царь был упоен гордостью оттого, что он взял Дару, и гордость эта ввела его в заблуждение. Полагаясь на то, что в сирийских областях у него не было войны, он собрал войско и доверчиво отправился в Армению, обратившись к Феодосиополю, что на границе его [Персидской] Армении, к Кесарии Каппадокийской и к прочим городам. В то время как это происходило Феодор силентиарий был послан к нему в посольстве и увидел, что он выезжает на войну. [Царь] взял его с собою, а когда он стал просить его отпустить, он посмеялся и сказал ему: “Поезжай со мною в Армению. Отправишься со мною в Феодосиополь, будешь купаться, отдохнешь там, и тогда я отпущу тебя”. Так он взял и увез его в Армению, будучи твердо уверен,

что без труда войдет и возьмет город. Когда ромейские войска узнали об этом, несмотря на то что они трепетали перед именем царя, они хорошо приготовились против него. Когда он увидал эти мощные войска, он очень обеспокоился, так как говорили, что их было более 120 тысяч. Они его удерживали и готовились к бою с ним, а он испугался, повернул от них [в сторону] и отправился против другого города. Но и туда они направились против него, нагнали и прогнали его оттуда. Испытав его войска, они считали себя гораздо сильнее его и презирали его. После того как он увидал, что ничего не выходит соответственно его желанию, он отправился на северную гору, в направлении к Каппадокии, чтобы прийти и покорить Кесарию. Когда ромейские войска увидали это, они выступили против него и опередили его и в Каппадокии. Они выстроились против него и удерживали его на Каппадокийских горах, препятствовали, не давая ему пройти. Так они находились друг против друга в течение многих дней, и он не осмеливался вступить с ними в сражение. Когда он увидал, что они многочисленнее и сильнее его, что он не может обойти их, чтобы идти на Кесарию, он весьма взволновался, испугался и стал ухищряться, чтобы, если возможно, пройти и бежать в свою землю. Но его маги осудили его и поспорили с ним; тогда он повернул, отправился в Каппадокию против Себасты, тогда как все они трепетали перед ромейскими войсками. От стыда и для того, чтобы не бранили его, что он не смог сделать ничего из того, что предполагал, он набросился и сжег огнем Себасту. Ни добычи, ни пленных он не нашел, потому что вся область бежала от него. Оттуда он направился в обратный путь, обратившись на восток, чтобы, если возможно, бежать к себе. Презрели его ромейские войска, испытав его войска, и пренебрегли ими, будучи сильнее их. Когда он увидал, что они окружают его и наседают со всех сторон, он был вынужден спешно бежать в горы, оставив весь свой лагерь, павильон, т. е. свою палатку, все свои пожитки, богатство в виде золота, серебра, жемчугов, все великолепные царские одежды, и бежать ни с чем [пустым]. Тогда поспешили и пришли ромеи, захватили весь лагерь, умертвили всех, которых там настигли, завладели всем его имуществом и имуществом его знатных... Люди там разбогатели, так как некоторые из ромейского войска, найдя, брали царское имущество и, захватив то, что находили, бежали, и больше их не встречали и не видали. Те же, которые бежали и спаслись из лагеря персов, пришли к царю и плача

говорили: “Господин, на нас напали ромеи, многих из твоих рабов убили и весь наш лагерь разграбили и забрали”. Он же, когда это услышал, ответил им: “Пустите их”. Он приказал, чтобы его окружило все войско и сделали стену из щитов. Он поставил их рядом, проезжал между ними верхом и упрашивал их, показывая свои седины, говоря: “Братья мои и сыны мои, пожалейте мои седины и воюйте за царство персидское, чтобы оно не было презрено и осмеяно. Я сам в качестве рядового всадника, как один из вас, буду воевать вместе с вами”. Ибо его знатные постоянно спорили с ним, говоря: “Будем ли мы жить, умрем ли, дурную славу получит из-за нас Персия. Ни один из персидских царей никогда не делал того, что сделал ты, — завел нас, чтобы мы умерли в этих горах”. От одного из них узнали ромеи, что говорилось между ними. Вновь повернули персы, направились в другую сторону, чтобы бежать в какой-нибудь город. Они направились против Мелитены, где, если бы не зависть и ссоры ромейских глав друг с другом, они уничтожили бы его и все его войско, примирившись друг с другом, сговорившись друг с другом, разделившись и окружив его. Персы стали наступать на Юстиниана патрикия, сына Германа. Юстиниан же испугался и бежал от них, а товарищи не пришли помочь ему. Когда это увидели сам [царь] и его войско, они уверились и укрепились, пошли к Мелитене и подожгли ее» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 8, с. 514–516].

Продолжение описания этого эпизода Иоанн Эфесский дает в следующей главе своего сочинения: «Когда перс вошел в город Мелитену, он тотчас приказал, чтобы всю ее сожгли огнем. Затем он вышел, чтобы перейти Евфрат, и направился в свою землю. Ромейские же полководцы послали ему [сказать] следующее: “То, что ты сделал, пришел и сжег город, не царское это дело, как и произвести опустошение и повернуть. И для нас, которые только рабы царя, было бы весьма мерзким, если бы мы сделали то, что ты сделал; тем паче тебе, потому что ты не только царь, но мнишь себя и царем царей. Ибо не пристало царю подобным образом приходить шайками, чтобы грабить и обращаться в бегство, разводить огонь и сжигать. Царю подобает мощно, уверенно, царственно стать открыто в бою, и если победит, то как царю и прославиться, а не как вору прийти, причинить вред, обворовать и бежать. Теперь приготовься, чтобы нам стать в бою друг против друга публично, чтобы и другим было явно и известно, чья победа и чье поражение»

ние". Когда он это услышал, он приказал быть бою на следующий день, на Кампо, с восточной стороны города, в отдалении от него. На утро дня обе стороны расположились друг против друга на не-большом расстоянии. Они стояли в порядке и смотрели друг на друга, с утра до 6 часов, и не тронулся ни один человек с места. Царь стоял в тылу войска, и так они смотрели друг на друга, кто из них первый начнет [битву]. Те люди, что рассказывали нам все это, были переводчиками у персов и ромеев, и они поклялись нам, [что все это правда]. Наконец, [говорят], трое из нас ударили коней, выехали из ромейских рядов в середину между частями, доехали быстро до предела персидских рядов и вновь вернулись поспешно. Не приближаясь к ним, трижды мы промчались во всю скорость лошадей, и напряженно следили за нами обе стороны; мы же вызывали их выйти в бой. Но ни один из них не сдвинулся с места и не вышел против нас, хотя они построились, подобно стене, и стояли, и словом не обменялись друг с другом. Наконец он послал [сказать]: "Теперь уже не может быть боя сегодня. Время прошло". И так разошлись оба лагеря. Ночью же, перед тем как настало утро, царь и его войско находились уже на берегу Евфрата, стремясь и пытаясь перейти реку, которая находится в 6 милях от Мелитены. Ромеи последовали за ними, чтобы у реки их захватить и уничтожить. Так они и сделали. Персы были встревожены, а когда увидали персидские войска, что ромейское войско зашло им в тыл, они бросились с конями в реку. Потонуло и захлебнулось больше половины войска, прочие же с трудом выплыли на лошадях, спаслись, перешли и поспешно направились в Ромейскую Армению. Хотя они проходили спешно, он приказал, чтобы все селения, которые им встретятся, сжигать огнем. Он повернул к высоким горам Карха, на которых никогда не было дороги, и был вынужден послать вперед войско, чтобы оно устроило ему дорогу. Так, взволнованный и встревоженный, он едва спасся из рук ромеев в свою землю с большим трудом. Тогда он издал приказ и установил закон, чтобы сам царь на войну не ходил, если против него не вышел [другой] царь» [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 9, с. 516–517].

Иначе сражение описывается Евагрием Схоластиком: «Неправедно собранные деньги употребив на нужды (государства), Тиверий приготовил все потребное для войны и, сделав правильно набор с народов, живущих как по ту сторону Альпов, около Рейна, так и по сю сторону, именно с Массагетов и других скифских племен,

с Паннонцев и Мизийцев, с Иллирийцев и Исавриян, он собрал такое войско из этих храбрых людей, что образовал ополчение почти во 150 тысяч отличных всадников, и прогнал Хозроя, который, тотчас после взятия Дара, следующим летом устремился в Армению и оттуда имел покушение на главный город Каппадокийцев и первенствующий между тамошними городами – Кесарию. Хозрой до того презирал римскую империю, что, когда кесарем отправлены были к нему послы, не удостоил даже допустить их к себе, а приказал им следовать за собою до Кесарии; – там, говорил, подумаю я об их посольстве. Но, увидев против себя римское войско под начальством Юстиниана, брата того Юстина, который бесчеловечно убит был (царем) Юстином, – увидев, что это войско тщательно вооружено, что трубы издают грозные звуки, что знамена подняты для битвы, что каждый воин жаждет сражения и в отличном своем убранстве дышит рвением, что конница – такая и столь многочисленная, о какой ни один царь никогда и не думал, он при этой неожиданности и нечаянности, долго изумлялся, глубоко вздыхал и уже не хотел начинать войны. Но между тем как Хозрой откладывал, медлил и тратил время, притворяясь, будто желает сражения, на него напал предводительствовавший правым крылом Скиф Курс, и так как противопоставленные ему Персы не могли выдержать его нападения, но открыто оставляли строй, сильно поразил их. Потом устремился он на сторожевой отряд, где Хозрой и целое войско имели свои припасы, и овладел всеми царскими сокровищами и всем обозом в глазах самого Хозроя, который все еще продолжал терпеть, думая, что для него невыносимее собственное отступление, чем нападение Курса. Овладев таким образом великим богатством и добычею и ведя с собою вьючных животных с теми самыми грузами, которые на них были, и в том числе со священным огнем – Хозроевым Богом, Курс и его воины обскакали персидское войско с веселыми песнями и прибыли к своим около того времени, когда зажигают свечи и когда соратники их оставили уже свои ряды, потому что ни Хозрой, ни сами они не начинали сражение, а только происходили легкие перестрелки, или, как обыкновенно бывает, два войска мерялись битвами воинов один на один. Между тем Хозрой, зажегши ночью множество огней, приготовился к ночной битве, – и так как римское войско стояло двумя лагерями, то он в глухое время ночи напал на ту часть его, которая расположена была севернее, а как это войско от внезапности и нечаянности на-

падения отступило, обратился на близлежащий город Мелитин, который оставался без стражи и без граждан, и, опустошив его огнем, приготовился к переправе чрез Евфрат. Но римские войска соединились и погнались за ним. В таких обстоятельствах, опасаясь за личное свое спасение, сам он сел на слона и переправился чрез реку, а находившиеся с ним воины в большом количестве были поглощены рекою. Захватив трупы их, он поспешно удалился. Потерпев это крайнее наказание за дерзость свою в отношении к Римлянам, Хозрой с остатками своего войска прибыл в восточные области и стал просить перемирия, чтобы никто не нападал на него. Но Юстиниан, со всем своим войском вступив в пределы персидского царства, провел там все зимнее время, и никто не беспокоил его; а при наступлении лета, без всякой потери своих воинов, возвратился домой и благополучно, с великою славою, провел лето на границе (той и другой империи)» [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 14, с. 266–269].

Нельзя не обратить внимания на крайнюю тенденциозность рассмотренных выше сообщений о рейде Хосрова I вглубь византийских владений. Их авторы откровенно преуменьшают полководческие дарования и самого Хосрова I, и его военачальников. Затушевывается ими и стратегическое значение рейда 576 г.: стремительный марш иранской армии был явно нацелен на то, чтобы отсечь Персармению и Картли от Византии и, тем самым, избегая активных военных действий против местного населения, которое Хосров I продолжал рассматривать как своих поданных, форсировать Евфрат и навязать противнику боестолкновения на его собственной территории. Сам замысел этой операции характеризует Хосрова I и его окружение как опытных и дальновидных стратегов, а ее реализация свидетельствует о высоких качествах иранской армии. Обращает на себя внимания также и тот факт, что для нейтрализации этих действий Хосрова I византийскому двору пришлось выставить армию, значительно превосходившую иранскую по численности. Собственно это и предопределило исход кампании 576 г. Хосрову I пришлось отойти на свою территорию.

Победа позволила византийцам перейти в контрнаступление и перенести военные действия на иранскую территорию. По словам Феофилакта Симокатты, византийские войска достигли Гирканского моря (Каспий). Разоряя и разграбляя территорию Ирана, они зазимовали там и вернулись на свою территорию лишь с наступлением весны

577 г. [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 15. 2]. Здесь, несомненно, речь идет о разорении закавказских областей Сасанидского государства, так как на Востоке продолжало сохраняться перемирие.

Обращает на себя внимание, что византийцы в течение менее одного года совершили, по-крайней мере, два крупных вторжения в Албанию, и оба раза уделили столько внимания савирам и аланам, размещенным Хосровом I в восточнокавказских крепостях, выстроенных против тюрков. Этот факт со всей определенностью свидетельствует о том, что рейд Курса и Феодора ранней весной 576 г. был нацелен на ослабление созданной Хосровом I системы обороны от Тюркского каганата и создание в ней брешей для облегчения тюркам вторжения на иранскую территорию. А своей повторной атакой расположенных там сасанидских крепостей византийцы как бы «приглашали» тюрков к вторжению, однако, этот сигнал оказался проигнорирован тюркским каганом.

Связь византийских рейдов в Албанию с расчетом Тиберия на вступление в войну тюрков подтверждается тем, что к этому же 576 г. относится отправка Тиберием к тюркам представительного посольства во главе с Валентином. По прибытии к Турксанфу, правителю западного удела Тюркского каганата, Валентин напомнил ему о византийско-тюркском союзе и заявил о желательности вступления тюркского кагана Арсилы в войну против Ирана [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 45, с. 418].

Опытный переговорщик Валентин, несколько раз до этого отправлявшийся послом к тюркам, еще не знал, что в тюркской внешней политике произошел резкий поворот [*Гумилёв*, 1967, с. 49] и что тюрки из союзника Византии превратились в ее злейшего врага. Турксанф в своем ответе Валентину предъявил ему длинный перечень претензий по поводу двуличности византийской политики. Главнейшее обвинение состояло в заключении Константинополем соглашения с аварским каганом Баяном [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 45, с. 418–419]. И хотя византийцев оправдывало то, что договор с аварами был заключен под военным давлением авар и их союзников, причем в ситуации, безвыходной для Византии, это обстоятельство не могло благоприятствовать сохранению тюркско-византийского союза [*Гумилёв*, 1967, с. 49], так как, в соответствии с аваро-византийским договором, аварский каган ежегодно получал крупные денежные выплаты от Византии, что существенно усилило авар. Раздражение тюрков в данном случае, прежде всего, было

вызвано тем, что в соответствии с тюркской концепцией власти титул кагана мог принадлежать только тюркскому правителю, и в этом отношении правитель бежавших от тюрков на запад авар являлся с их точки зрения самозванцем²³.

Это и стало причиной холодного приема византийского посольства Турксанфом. Кроме того, Турксанф не сразу пропустил византийцев дальше на восток, к кагану Арсиле, а задержал их для участия в поминальных обрядах по своему недавно скончавшемуся отцу. По совершении принятого у тюрков ритуала Валентин был пропущен на восток, но при этом Турксанф объявил ему о начале войны против Византии [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 46, с. 421–422].

Е. В. Круглов полагает, что причиной начала тюркско-иранской войны 576–581 гг. послужило прекращение императором Юстинином II практики подкупа «варварских» элит крупными денежными «подарками» [*Круглов*, 2002, т. 1, с. 81]²⁴. При этом он ссылается на работу А. И. Айбабина [*Айбабин*, 1999, с. 134–141]. Но в указанной работе А. И. Айбабина ничего подобного нет. Кроме того, нельзя не возразить, что источники не содержат сведений об «одаривании» верхушки Тюркского каганата золотом, поэтому данное предположение Е. В. Круглова является безосновательным.

Продолжая рассмотрение событий тюркско-византийской войны 576–581 гг., отмечу, что единственным регионом, где соприкасались границы Византии и Тюркского каганата, был Крым. Он и подвергся атакам тюрков. В том же 576 г. им удалось взять Боспор [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 46, с. 422; отр. 47, с. 423]. Военные действия в Крыму продолжались и в 580 г., так как у Менандра Протектора в связи с событиями этого года упоминается о военном лагере тюрков под Херсоном [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 66, с. 462]. К этому времени относится прослойка пожарища на Баклинском городище близ Херсона [*Могаричев*, 2000, с. 98]²⁵. Таким образом, тюрки завладели почти всей территорией полуострова, правда, Херсон им, судя по всему, взять так и не удалось [*Айбабин*, 1999, с. 142; *Ромашов*, 2005, с. 190].

М. И. Артамонов и Л. Н. Гумилёв полагали, что тюрки пытались проваться на территорию Византии и через Западную Грузию [*Артамо-*

²³ Обсуждение темы см.: [*Мерперт*, 1958, с. 571; *Dobrovits*, 2006, p. 175–183].

²⁴ Этой точке зрения следует С. Б. Сорочан [*Сорочан*, 2013, с. 148].

²⁵ См. также: [*Сорочан*, 2013, с. 148]. О пожарищах этого периода в других частях Крыма см.: [*Айбабин*, 1999, с. 134–135, 137, 141].

нов, 1962, с. 138; Гумилёв, 1967, с. 50, 107, 108]²⁶. Эта точка зрения основана на сообщении Феофилакта Симокатты о том, что каган незадолго до распри в Тюркском каганате перебил народ колхов [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 6]. Последние же были отождествлены М. И. Артамоновым и Л. Н. Гумилёвым с лазами. Однако Э. Шаванн справедливо усомнился в том, что речь здесь идет о кавказских колхах [*Chavannes*, 1903, p. 251], а Г. В. Хауссиг, сближая колх с монгольским халха, предположил, что речь идет о жуань-жуанях [*Haussig*, 1954, S. 372] (ср.: [Артамонов, 1962, с. 138, прим. 24; Гумилёв, 1967, с. 108, прим. 20]).

Сомнения в том, что в данном случае у Феофилакта Симокатты речь идет о Западной Грузии, основаны, главным образом, на отсутствии в кавказских источниках свидетельств о тюркских вторжениях в Закавказье в этот период. Следует также принять во внимание, что та часть текста Феофилакта Симокатты, в которой говорится об истреблении колхов, невероятно запутана. Так, Феофилакт Симокатта, рассказывая о подготовке византийцев к военным действиям против авар весной 596 г., делает отступление и переходит к изложению истории тюрко-аварских взаимоотношений [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 7. 7 и далее]²⁷. Сначала он сообщает о прибытии к императору Маврикию (582–602) тюркского посольства, доставившего письмо кагана (598 г.) [*Moravcsik*, 1958, Bd. I, S. 41–43; *Пугулевская*, 1951, с. 209]. В письме говорилось о победе кагана над абделами, известными также как эфталиты. Затем каган, «сделав Стемвис-кагана своим союзником... поработил племя аваров» [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 7. 7–9] (цит. пер.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 160]). Далее говорится о том, что разбитые авары бежали частью в Тавгаст (Китай. – см.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 211, прим. 25]), а частью – к племени мукри [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 7. 10–12]. Кроме того, каган подчинил и племена огор, живущих у реки Тил, которую тюрки обычно именуют Черной (Волга)²⁸.

²⁶ Эта точка зрения разделяется С. А. Ромашовым [Ромашов, 2005, с. 190].

²⁷ Несколько по-иному рассматриваемые ниже данные Феофилакта Симокатты о тюрко-аварских взаимоотношениях оценивал Л. Н. Гумилёв [Гумилёв, 1961].

²⁸ По мнению Г. В. Хауссига, Тил – это р. Тарим в Северо-Западном Китае [Haussig, 1954]. Однако все остальные исследователи полагают, что речь идет о Волге (см., например: [Гадло, 1979, с. 100]). Необходимо также обратить внимание на то, что эпитет «Черная» по отношению к Волге сохранился в современном казан.-тат. *Qara Idil* (вариант: *Ulu Idil*), где *qara* имеет значение не только 'черный', но и 'большой', 'сильнейший' (ср. казан.-тат. *Ak Idil* (вариант: *Culman*), где *ak* имеет значение не только 'белый', но и 'малый') [Шрамм, 1997, с. 77–78].

Некоторые из огорских племен, как сообщает далее Феофилакт Симокатта, называются уар и хунни [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 7. 13–14].

В этом рассказе есть очевидная несуразица: каган, писавший императору в 598 г., не мог сообщать о своих победах над абделами (эфталитами), над аварами и над огорами (огурами), так как все эти победы тюрков принадлежат к более раннему времени: победа над эфталитами – после первого столкновения с ними – к 554–555 гг., а вторая и окончательная победа над ними – к 567 г., победа над аварами (жуань-жуанями) – к 551–555 гг., победа над огурами – к 555 г., а окончательное подчинение их тюркам – к 558 г. Да и упоминание имени Стемвис-кагана (Истеми-кагана) может говорить о том, что здесь излагается информация, почерпнутая из материалов более ранних тюркских посольств в Константинополь – скорее всего, 558 или 563 гг. – по свежим следам недавних побед над аварами, эфталитами и огурами²⁹.

Далее Феофилакт Симокатта возвращается к событиям периода правления Юстиниана I: «...Некоторая часть уар и хунни бежала и поселилась в Европе. Назвав себя аварами, они дали своему вождю почетное имя кагана» [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 1–2] (цит. пер.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 160]). Они разбили барсельт, уннугур, сабир и другие гуннские племена, которые приняли их за подлинных аваров [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 3–4]. В действительности же, как считает Феофилакт Симокатта, их правильнее было бы именовать псевдоаварами [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 5].

Далее Феофилакт Симокатта пишет: «Рассказав возможно короче о том, что касается псевдоаваров, я перейду к дальнейшему из-

²⁹ Э. Шаванн, а также М. И. Артамонов и Л. Н. Гумилёв, основываясь на рассматриваемых здесь сообщениях Феофилакты Симокатты, полагали, что во время распри в Тюркском каганате, начавшейся в 582 г., тюрки утратили власть над огурами (М. И. Артамонов, а вслед за ним и Л. Н. Гумилёв, считали их уграми) и позднее тюркам пришлось вновь завоевывать их. По их мнению, в 598 г. тюрки снова покорили огур, но при этом племена тарнаих, котзагир и забендер бежали в Паннонию к аварам [Chavannes, 1903, p. 248; Артамонов, 1936, с. 41; Артамонов, 1962, с. 140]. Однако тот факт, что в связи с покорением огур у Феофилакты Симокатты фигурирует Стемвис-каган (Истеми-каган), убеждает в том, что, во-первых, речь у Феофилакты идет о событиях 555 г. или 558 г., и во-вторых, тюркам не пришлось после прекращения распри заново покорять огур и другие племена Юго-Восточной Европы. Новую интерпретацию письма тюркского кагана к византийскому императору см.: [Вессьер, де ла, 2014, с. 134–140].

ложению хода истории. Когда племя огор было окончательно побеждено, каган предал вождя племени колхов на истребление мечу.

Из этого племени во время войны было уничтожено триста тысяч человек, так что непрерывным рядом убитых была покрыта дорога на расстоянии четырех дней пути. Когда победа столь явно улыбалась кагану, у тюрков началась междоусобная война» [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 6–8] (цит. пер.: [Феофилакт Симокамма, 1957, с. 161 (курсив мой)]). Далее Феофилакт рассказывает об известных ему обстоятельствах династической распри у тюрков [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 8–10]. Заканчивается данный пассаж словами: «Произошла большая резня, и каган вновь стал владыкой своей земли. Сообщение о всех этих победах каган и послал императору Маврикию через послов» [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 10–11] (цит. пер.: [Феофилакт Симокамма, 1957, с. 161]). Далее следует пассаж о религии тюрков, после чего Феофилакт Симокатта снова переходит к событиям в Тюркском каганате: «В это же самое время племена тарних и котзагиров (они были из числа уар и хунни) бежали от тюрков и, прибыв в Европу, соединились с теми из аваров, которые были под властью кагана. Говорят, что и племя забендер было родом из народа уар и хунни. Эта дополнительная военная сила, соединившись с аварами, исчислялась в десять тысяч человек» [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 16–17.] (цит. пер.: [Феофилакт Симокамма, 1957, с. 161]). Далее Феофилакт приводит еще ряд сведений по истории Тюркского каганата, а также Китая [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 9. 1–12], но они не могут добавить что-либо к проводимому здесь анализу.

Если верить Феофилакту, то началом цепи событий, изложенных в предыдущем абзаце, является покорение огуров – 558 г., после чего тюрки стали истреблять колхов, причем война против них длилась до начала первой междоусобной войны у тюрков, т. е. до 581 г. Между тем, наиболее надежный источник о событиях в Тюркском каганате – Менандр Протектор – ни о чем подобном не сообщает. Таким образом, становится ясным, что Феофилакт Симокатта явно что-то перепутал – не только в отношении хронологии событий, но и, вероятно, в отношении самого факта войны тюрков против колхов (лазов).

Недоверие к сообщению Феофилакты Симокатты о войне тюрков против колхов вызывает и приводимая им численность убитых тюрками врагов – 300 тысяч. Даже, если это число завышено на поря-

док, то и в этом случае истребление столь большого числа лазов непременно нашло бы отражение в кавказских источниках, а между тем, как уже отмечалось, кавказские источники не приводят никаких сведений о вторжениях в этот период в Закавказье кочевых народов.

Таким образом, можно утверждать, что в изложении истории аварско-тюркских взаимоотношений Феофилакт Симокатта использовал данные тюркского посольства в Константинополь 558 г. или 563 г., а свои данные о распре в Тюркском каганате он заимствовал, как считал Г. В. Хауссиг, из материалов тюркских посольств в Константинополь, состоявшихся в 583 и 600 гг. [Haussig, 1954, S. 276, 383–384]³⁰. И еще один вывод: в 576 г. тюрки не вторгались в Лазику (Колхиду).

Война тюрков против Византии была прервана в 581 г. из-за развернувшихся в Тюркском каганате распрей после смерти кагана Арсилы (см.: [Moravcsik, Bd. I, S. 72; Артамонов, 1962, с. 138; Гумилёв, 1967, с. 50, 107, 108; Ромашов, 2005, с. 190; Сорочан, 2013, с. 148, 149]; они продолжались до 589 г. Как полагал М. И. Артамонов, византийцы, воспользовавшись междоусобицей у тюрков, к 590 г. сумели вернуть себе власть над Боспором [Артамонов, 1962, с. 139] (см. также: [Гумилёв, 1967, с. 50]). На это указывает одна из боспорских надписей, из которой следует, что к указанной дате город управлялся Евпатерием, стрателатом и дуком херсонским³¹.

Итак, надежды кесаря Тиберия I заключить с тюрками союз против Ирана не оправдались. Более того, отношения с тюрками внезапно обострились и обернулись потерей Боспора. Это существенно ослабило позиции Византии в переговорах с Ираном. Эти переговоры начались в 577 г., когда византийские войска продолжали разорять Персармению. Надой, посланник Хосрова I, прибыл в Кон-

³⁰ Кстати, в этой же работе Г. В. Хауссиг, рассматривая данные Феофилакта об уар и хунни, полагал, что они были заимствованы из несохранившихся частей сочинения Менандра Протектора, причем, в соответствии с гипотезой, предложенной Г. В. Хауссигом, уар жили на территории Северного Афганистана, в районе Кундуза, а хунни – гуннские племена, осевшие в Бактрии [Haussig, 1954, S. 304–305, 345–362, 413–429]. Ныне эта точка зрения является устаревшей, так как считается установленным, что авары, идентифицируемые с жуань-жуанями китайских источников, являлись выходцами из восточной части Центральной Азии.

³¹ Библиографию, посвященную боспорской надписи, см.: [Артамонов, 1962, с. 139, прим. 31].

стантинополь с известием о согласии шаханшаха начать мирные переговоры. Ответное посольство возглавили магистр Феодор и придворный врач Захарий [Менандр Протектор, 1860, отр. 48, с. 424]. Обсуждение условий договора проходило в селении Аф-раила, близ крепости Дара. Уполномоченный Хосрова I на этих переговорах у Менандра Протектора фигурирует как *Мебод Саннахо-зриган* [Менандр Протектор, 1860, отр. 48, с. 424–426], а у Феофилакта Симокатты – как полководец *Сарнахорган* [Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 15. 7, 11].

У Феофилакта Симокатты в качестве глав византийского посольства фигурируют патрикии Иоанн и Траян, хотя, по его же данным, в составе посольства находился также магистр Феодор [Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 15. 6]. Поскольку эти переговоры длились очень долго, то, вероятно, патрикии Иоанн и Траян в качестве главных переговорщиков со стороны Византии прибыли в Иран несколько позднее.

При обсуждении условий мирного договора персы поначалу проявляли готовность заключить мир без уплаты византийцами денег и соглашались вернуть Дару, а византийцы – уступить Ирану Персармению и Картли. Но сразу после того как направленный Хосровом I в Армению военачальник Тамхосро (Иоанн Эфесский и Феофилакт Симокатта передают имя этого полководца как *Тамхосро*, а Менандр Протектор – как *Танхосро*) разбил там византийские войска, шаханшах предписал своим переговорщикам не уступать византийцам Дары [Менандр Протектор, 1860, отр. 49, с. 429–432; Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 15. 8–10].

Об указанном рейде Тамхосро в Армению Себеос сообщает следующее: «После него прибыл *Там-Хозрой*, и дал две битвы: одну в Басиане при Болорапагаке, где сливаются Мурц и Аракс, другую в Баграванде при Китни. Он в обеих битвах одержал великие победы. Он пробыл два года и удалился» [Себеос, 1939, гл. 4] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 36]).

Более пространное описание этих событий дает Иоанн Эфесский: «...Когда их (византийцев. – И. С.) было числом не менее 100 000, все это ромейское войско испугалось и бежало посрамленное, теряя оружие и коней, от одного презренного марзбана, с которым было едва 30 000 [войска]. После этого выдвинулся и усилился перс, взял и захватил всю Армению. Но вся страна потребовала, чтобы он дал слово, и он дал его им. Возвратились

и подчинились ему все [жители] области за исключением тех, что находились в Константинополе за 7 лет до этого, восстали против него и боролись с ним. После этого вновь были посланы знатные послы от обоих государств, чтобы выяснить события, происшедшие между обоими государствами, а также договориться относительно мира» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 24, с. 482].

В другом разделе своего труда Иоанн Эфесский сообщает о походе Тамхосро в Армению другие подробности: «Лазутчики пришли к византийским воинам со словами: "Вставайте, вооружайтесь, вот идет на вас персидское войско с марзбаном Там-Хосровом, остерегайтесь". Когда они услышали это, они стали смеяться и издеваться над ними, говоря: "Да разве они могут осмелиться показаться к нам?". И они не позаботились и не приготовились. Когда они еще так говорили, персидское войско уже выступило на них, не готовое еще к битве с ними, а только с тем, чтобы показаться им. Они же, когда увидали, что они разворачивают большие, как стены, ряды и идут, напали на всех сразу трепет и страх; они были в волнении, так как и лошади их не были собраны. Одни рассеялись, чтобы есть, пить, наслаждаться, другие разбрелись. Все, кто увидали [персов], затрепетали и начали поспешно бежать; другие, видя, что эти бегут, пугались и сами бежали. Полководцы, когда увидали, что войска их покинули и бежали, то и сами бежали. Всякий, кто мог захватить оружие и взять лошадь, тот садился на нее и бежал. Если кто бежал пешком, неся оружие, то, устав от пути, клал оружие на дорогу и бежал безоружным. Если кто ехал на лошади с оружием, то, устав, бросал свое оружие. Если уставала лошадь, то [всадник] сходил с нее и бежал. Персы же ехали за ними не спеша, не преследовали их, но смеясь, издеваясь и посмеиваясь над ними, что вот-де тех 120 тысяч, а их не более 30 тысяч, и они так их испугались, что бежали, тогда как их царя они не испугались и не бежали от него. Так, наконец, покрыли себя позором и дурной славой ромейские войска с их полководцами, тогда как персы и меча против них не обнажили, не натянули лука и не бросили копья. Они собрали все их оружие, кольчуги, панцири, щиты, шлемы, копья, мечи, луки и колчаны с бесчисленным количеством стрел. Наконец, стали рассказывать, и каждый говорил, что это случилось потому, что прогневили ромей Бога. Когда они пришли в эти северные области [Ирана], которые были христианскими, то священники, взяв Евангелие и кресты, выходили навстречу, а они не глядели на них. Ромей так распалялись

без страха Божия, что брали младенцев, одного-двух лет, хватали один за одну, другой за другую ногу и кидали их вверх, как могли, а когда они падали, принимали на копья и мечи, пронзали их и бросали собакам. Они также оскорбляли, убивали и грабили монахов, выводили затворников, мужей древних и почтенных, из затвора, в котором они были много лет. Они вешали их, мучили, мечом отрезали им срамные члены, говоря: “Дайте золото и серебро”. Они мучили также монахинь и доводили их до горькой смерти. Этим злом, которое они причиняли, они, как говорят, разгневали Бога, и он осрамил их и унизил перед врагами, и они не могли устоять перед ними» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 10, с. 518–519].

Надо полагать, что именно эти события и подразумевал Асолик, когда писал о бедствиях, обрушившихся на Армению «с обеих сторон», т. е. со стороны византийцев и со стороны персов [Асолик, 1864, с. 59] (см. выше). Разорение отступавшими византийскими войсками территории христианских кавказских стран не могло не изменить настроения местного населения, что в еще большей степени облегчило задачу Хосрова I по возвращении себе контроля над Персарменией и Картли. По словам все того же Иоанна Эфесского, Хосров I «написал слово к армянам, что он не сделает им зла и не будет поминать их глупости. Тогда они отпали от ромеев, пошли и отдались ему. Вся область, за исключением тех знатных, которые находились у императора в Константинополе, вся область около 20 тысяч, отпала, пришла и отдалась персам. Он возвратился и взял Армению [в подчинение], как прежде. Что касается глав одного из них, по имени Вардан, прочих бывших с ним вместе и с царем народа, по имени Горгоний, который также жил в столице с большой честью, то со всем своим народом они предали себя ромеям» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 11, с. 519].

Под упомянутыми 20 тысячами автором, несомненно, подразумевается численность перешедшего на сторону Ирана войска восставших. Содержание же этого отрывка из Иоанна Эфесского можно рассматривать как отражение того факта, что Хосров I вступил в переговоры с восставшими, в результате которых был издан указ шаханшаха об их прощении. Как показывают последующие события, под этот указ не попадали те, кто продолжал укрываться в Византии. Об их судьбе Иоанн Эфесский сообщает следующее.

Армянский католикос Иоанн II Габелян через два года после своего бегства в Константинополь умер. Вскоре после этого его

сподвижники, укрывавшиеся в византийской столице, перешли в халкедонитство. «Когда об этом услышали в их земле, разгневались на них прочие епископы и все жители и написали им резко... Поэтому они разделились, отделились и образовали сами по себе общину в одном из больших дворов, где жил один из их знатных (Вардан Мамиконян. – И. С.). Там собиралась многочисленная община после смерти их католикоса» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 23, с. 481]. Судьба этой общины исследуется в одной из работ В. А. Арутюновой-Фиданян [Арутюнова-Фиданян, 2003, с. 33–39].

Таким образом, события 577 г. усилили позиции Ирана в переговорах с Византией. Дальнейшее усиление этих позиций было связано с ухудшением международного положения Византии, когда летом 578 г. племя славян (Σκλαβίνοι) совершило крупное нападение на Фракию и Элладу [Менандр Протектор, 1860, отр. 49, с. 429; отр. 50, с. 432]. Это позволило Хосрову I ужесточить свои требования на переговорах с Византией. В одном из отрывков сочинения Менандра Протектора сообщается о том, что пока византийские послы Траян и Захарий занимались в Афраиле разработкой с персами условий мирного договора, Мебод отправил в набег на византийскую территорию Танхосро. Набег продолжался до тех пор, пока Траян не привез «определенного по договору золота» [Менандр Протектор, 1860, отр. 52, с. 436].

Это вынудило кесаря Тиберия I пойти на заключение союза с аварами против славян [там же, с. 432–433], а когда авары обрушились на славян, Тиберий I приступил к переброске части своих войск из Подунавья в Армению [там же, с. 436–437]. Во главе их Тиберий I поставил Маврикия (будущего византийского императора), назначив его стратигом Армении [Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 15. 10]. Судя по тому, что действия Маврикия затронули не только Армению, но практически всю линию фронта с Ираном, Маврикию было поручено общее командование византийскими войсками на границе с Ираном.

Хосров I, узнав о продвижении в Армению свежих византийских войск из Фракии, направил в набег на византийские провинции Осроену и Месопотамии дислоцированное в районе Дары 20-тысячное войско, состоявшее из персов, аравитян и савир [Менандр Протектор, 1860, отр. 52, с. 436–437]. По данным Феофилакта Симокатты, этот набег возглавлял военачальник Сарнахорган, причем это яви-

лось нарушением договора о перемирии на Востоке [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 15. 11–12]. Иоанн Эфесский приписывает руководство этим походом другому персидскому военачальнику Адармахану [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 6, с. 511], имя которого другими византийскими авторами передается иначе: Евагрием Схоластиком как Адаарман [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 9, с. 258], а Феофилактом Симокаттой – Адормаан [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 10. 7]. Надо полагать, что рейд Адармахана состоялся несколько позднее, когда Мебод Сарнахорган был направлен в Византию для возобновления мирных переговоров (см. ниже).

Между тем, свежая византийская армия во главе с Маврикием вышла к иранской границе и сразу же направилась в Персармению. Стоявший там Тамхосро, ввиду численного превосходства войск Маврикия, ушел от боестолкновения с ним на юг и, маневрируя, вышел на византийскую территорию. Разорив окрестности Амиды, он далее через Арзанену ушел в Иран [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 15. 12; 3. 17. 8; *Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 14, с. 522]. Маврикий, преследуя Тамхосро, прибыл в Арзанену. Оттуда он двинулся в направлении персидской крепости Сингарон близ Нисибина. Двум своим военачальникам, Курсу и магистру Феодору, Маврикий приказал переправиться через Тигр и разорять прилегающие иранские области, а сам занял Сингарон и зазимовал там (осень 578 г.) [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 15. 13–15; 16. 1–2] (см. также: [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 15, с. 523–524]).

Тамхосро в это время вернулся в Персармению [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 57, с. 446], а Мебод был отправлен Хосровом I в Византию для возобновления мирных переговоров [там же, отр. 52, с. 437].

4 октября 578 г. Юстин II умер. Новым императором стал Тиберий I (578–582). В начале 579 г. он снова отправил в Иран придворного врача Захария и магистра Феодора. Они везли с собой пленных персов и письмо Тиберия I, в котором сообщалось о согласии уступить Ирану Персармению, Картли и Арзанену в обмен на Дару.

Одновременно с этим в Константинополь направилось персидское посольство во главе с Ферогдафом. Он вез послание Хосрова I с требованием выдачи мятежных армян и картлийцев и с предложением возобновления мирных переговоров. Тиберий I успел вернуть своих послов назад, после чего через Ферогдафа передал

Хосрову I те же условия заключения договора [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 56, с. 440–441]. Вслед за этим он снова направил Захария и Феодора к Хосрову I. Вероятно, Ирану и Византии удалось бы прийти к заключению мирного договора, но этому помешала смерть шаханшаха Хосрова I [там же, 1860, отр. 57, с. 442] в феврале 579 г.

Преемником Хосрова I стал его сын от тюркской принцессы Хормизд IV (579–590). Известие о смерти Хосрова I застало византийских послов в пути, но Тиберий I все же приказал им идти в Иран и передать мирные предложения Хормизду IV. На тот же случай, если Хормизд IV не захочет продолжить переговоры, Тиберий I приказал Маврикию с крупным войском выдвигаться на Восток [там же, отр. 57, с. 442].

Опасения Тиберия I оказались ненапрасными. Персы явно готовились к продолжению войны. Хормизд IV, вопреки установившейся традиции, не направил в Константинополь посольство с извещением о своем воцарении [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 17. 1]. По сообщению Менандра Протектора, персидский чиновник, встретивший византийских послов, вел их в Ктесифон окольными путями и очень медленно. По прибытии послов в иранскую столицу, они только через несколько дней были приняты Хормиздом IV, причем о мирном договоре речь даже не зашла. Только на втором приеме Хормизд IV согласился обсудить предложения императора, но и тут он оказался несговорчивым и заявил о необходимости выплаты Византией денег, которые Иран получал при императоре Юстиниане I, а также и о своем нежелании передачи Византии Дары [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 57, с. 443–446]. По данным же Феофилакта Симокатты, Хормизд IV кроме ежегодной дани требовал также возвращения Ирану Персармении и Картли [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 17. 2].

В дальнейшем с византийскими послами плохо обращались. Их три месяца не отпускали на родину, после чего путанными дорогам отправили обратно [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 57, с. 446]. Тот факт, что персы везли послов объездными путями, объясняется, вероятно, тем, что они пытались скрыть от византийцев свои военные приготовления в приграничной зоне.

Император Тиберий I, узнав о провале переговоров, отдал приказ Маврикию начать военные действия [там же, с. 447; *Theophylac-*

tus Symocatta, 1887, § 3. 17. 3]. По данным Иоанна Эфесского, армия Маврикия насчитывала 200 тыс. воинов [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 17, с. 525]. В начале лета Маврикий направил Романа и Теодориха в набег на иранские области, лежащие за Тигром, а летом следующего 580 г. предпринял поход в Иран со стороны Аравии. В это же время персидский полководец Адармахан направился к городу Каллинику (Рака) в Осроене. Маврикию пришлось спешно выступить туда с отборными силами своей армии. Настигнув Адармахана, он разбил его [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 17. 3–11] (см. также: [Евагрий Схоластик, 1997, гл. 5. 20, с. 276])³².

Пока шли военные действия, Тиберий I снова отправил к Хормизду IV для переговоров придворного врача Захария. Однако шаханшах не проявил стремления к миру. Узнав о прибытии византийского посла, он не стал встречаться с ним, а выслал к нему для переговоров Андигана. Последний настаивал на прежних условиях заключения мира – византийцы ежегодно присылают персам деньги, выплачивавшиеся при Юстиниане I, уступают Ирану Арзанену, Персармению и Картли и отказываются от возвращения Дары. Однако Захарий соглашался уступить все эти страны только в обмен на Дару и без ежегодной уплаты денег. В ходе обсуждения этих условий Андиган стал угрожать, что Тамхосро, стоявший с войском близ Нисибина, будет отправлен в набег на византийскую территорию. Эта угроза привела к срыву переговоров [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 62, с. 451–456].

В следующем 581 г. Тамхосро двинулся в сторону г. Константины в византийской провинции Месопотамии. Там его поджидала армия Маврикия. В сражении Тамхосро погиб, а его войско было разбито [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 18. 1–2; *Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 26, с. 535] (см. также: [Евагрий Схоластик, 1997, гл. 5. 20, с. 276]).

Весной 582 г. Маврикий отбыл в Константинополь. Спустя несколько месяцев Тиберий I умер. Новым императором был провозглашен Маврикий (582–602). Вместо себя главнокомандующим византийскими войсками на иранском фронте он поставил Иоанна Мистакона, исполнявшего до этого должность стратига Армении [*Higgins*, 1939; *Феофилакт Симокатта*, 1957, с. 198, прим. 28].

³² Ср., тем не менее, версию Иоанна Эфесского [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 17, с. 524–525].

Приблизительно к этому времени относится сообщение «Картлис цховреба» о проводившихся Хормиздом IV преобразованиях в управлении Картлийским царством. В этом источнике сообщается следующее: «И помер Бакур, оставив малолетних детей, которые не могли удерживать царство.

Тогда царь персов Урмизд отдал Ран и Мовакан (Албания. – Авт.) сыну своему, коего звали Касре Амбарвез (будущий шаханшах Хосров II Парвиз. – И. С.). Пришел тот и сел в Барде, и стал сзывать *эриставов* картлийских: обещал им обильные добродетели и утвердил их владения в наследственность их грядущим поколениям и таковым лицемерием сманил их к себе. И отложились *эриставы*, и каждый сам приносил дань Касре Амбарвезу. А дети Бакура остались в горной Кахети. Дети же Мирдата – сына Вахтанга, которые правили в Кларджети и Джавахети, те остались в горах Кларджетских. Всей остальной Картли, Арменией и Аспураганом завладели персы и боролись с греками» [Джуаншер Джуаншериани, 1986, с. 97] (ср.: [Такайшвили, 1900, с. 41, прим. 2]).

Таким образом, принц Хосров Парвиз разделил Картли на несколько удельных владений (*эриставств*) и передал управление ими потомкам Вахтанга Горгасала. Дети Бакура V получили в наследственное владение Кахетию и Мтиулети [Такайшвили, 1900, с. 41, прим. 2], впоследствии они же распространили свою власть на Уджарму, Кухети и Эрети [Такайшвили, 1900, с. 43, прим. 4] (Белоканский, Закатальский и Кахский районы совр. Азербайджанской Республики [Мухелишвили, 1982, с. 16]). За потомками же царевича Мирдата, младшего сына Вахтанга Горгасала, были оставлены Кларджети и Джавахети [Такайшвили, 1900, с. 41, прим. 2], правда, на первое время правителем там был поставлен Гуарам Багратуни, который по матери приходился Вахтангу Горгасалу внуком [там же, с. 41, прим. 4].

Вся остальная часть Закавказья находилась под непосредственным управлением самого принца Хосрова Парвиза. Его резиденция находилась в городе Партаве. Туда стали стекаться и налоги с *эриставств*, находившихся под управлением потомков царя Вахтанга Горгасала [там же, с. 41, прим. 2].

В 586 г. Давид Сагаруни был назначен марзбаном Персармении. Приблизительно в это же время Гуарам Багратуни, до этого временно исполнявший должность правителя Кларджети, был переве-

ден на пост правителя Картли [Очерки истории Грузии, т. 2, 1988, с. 159–161].

По мнению А. А. Богверадзе и ряда других грузинских исследователей, Гуарам Багратуни еще в 572 г. перешел на сторону Византии, после чего император назначил его правителем Картли с титулом куропалат; позднее же шаханшах Хормизд IV сохранил за Гуарамом эту должность [там же, с. 161]. Но такая версия плохо согласуется с данными грузинских источников и с ходом событий на ирано-византийском пограничье. По сообщению «Картлис Цховреба», картлийские эриставы просили императора назначить им царя из потомков картлийских царей. Император удовлетворил их просьбу и назначил царем Гуарама, который по матери приходился внуком Вахтангу Горгасалу. При этом Гуараму был вручен византийский титул куропалат [Джуаншер Джуаншериани, 1986, с. 98; Такайшвили, 1900, с. 42–43, прим. 4]. Согласно же «Обращению Картли», эриставы сами выбрали Гуарама правителем [Такайшвили, 1900, с. 42] (см. также: [Сумбат Давитис-дзе, 1979, с. 45 прим. 12]). Сведения об этих событиях содержатся также в сочинении Сумбата Давитис-дзе [Сумбат Давитис-дзе, 1979, с. 27–29], но они плохо согласуются с данными других источников и по большей части легендарны.

Версиям «Картлис Цховреба» и «Обращения Картли» об обстоятельствах восшествия Гуарама Багратуни на трон Картли не противоречит находка монеты, датированной «7-м годом Хормизда» (586 г.). На ней изображены монограмма ГУРГЕН и портрет Хормизда IV [Пахомов, 1970, с. 18]. Грузинскими исследователями ГУРГЕН единодушно идентифицируется с Гуарамом Багратуни [Очерки истории Грузии, 1988, т. 2, с. 161, 163]. Отсюда следует, что последний уже позднее, в 589 г., перешел на сторону Византии, после чего ему и был вручен титул куропалата.

Итак, грузино-сасанидская монета позволяет датировать назначение Гуарама правителем Картли приблизительно 586 г., т. е. одновременно с назначением Давида Сагаруни марзбаном Персармении. Как можно предполагать, назначение Гуарама Багратуни правителем Картли произошло не без участия принца Хосрова Парвиза, резиденция которого по-прежнему находилась в Партаве. Последнее позволяло ему превосходно ориентироваться в обстановке, складывавшейся в Картли. Ему было известно, что

среди азнауров продолжали преобладать антииранские настроения, близкие к мятежным, и вручение в этих условиях власти престарелому, но очень энергичному и влиятельному Гуараму, внуку Вахтанга Горгасала, могло привлечь на его сторону значительную часть картлийского общества и приглушить мятежные настроения, исходившие от азнауров. Тем не менее самоутверждение Гуарама в новой должности проходило в очень трудной борьбе с местными дворянами, о чем свидетельствуют следующие слова Сумбата Давитис-дзе: «Но с тех времен, когда лишились царства потомки Горгасала, до них (Багратуни / Багратиони. – И. С.) в Картли господствовали азнауры, а конец власти азнауров Картли пришел по причине их злых деяний» [*Сумбат Давитис-дзе, 1979, с. 28*].

Назначение Гуарама правителем Картли было выгодно персам еще и по той причине, что он был связан с картлийской царской династией не по мужской, а по женской линии, и в перспективе не мог бы претендовать на царский титул, но, с другой стороны, поскольку родство Гуарама с картлийской династией было очень близким, то это помогло Ктесифону сгладить в Картли впечатление от упразднения в этой стране царского трона.

Военные действия на ирано-византийской границе возобновились в 583 г. Весной этого года персидский военачальник, носивший титул хардариган, осадил г. Афумон в Арзанене, а Иоанн Мистакон тогда же напал на близлежащую крепость Акбас. Хардариган ночным маршем вышел к Акбасу и внезапно атаковал византийцев с тыла. Понеся значительные потери, византийцы ударились в бегство [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 1. 12*]. Летом того же 583 г. Иоанн Мистакон крупными силами вторгся в Арзанену, но опять был разбит хардариганом и с остатками своих войск отошел на византийскую территорию [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 1. 9. 4–11*]. Это вынудило императора Маврикия снять Иоанна Мистакона с должности главнокомандующего и назначить на нее своего зятя Филиппика [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 1. 13. 1–2*] (не ранее 14 августа 583 г. – см.: [*Феофилакт Симокатта, 1957, с. 199, прим. 40*]). Уже осенью того же 583 г. Филиппик предпринял успешное наступление на иранскую провинцию Забдицена [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 1. 13. 3–12*], после чего совершил удачный набег на Арзанену [*ibid., § 1. 14. 1*], но весной следующего года тяжело заболел и отбыл в Константинополь [*ibid., § 1. 14. 5, 10*].

Весной 585 г., когда Филиппик вернулся в действующую армию, в Амиду прибыл иранский посол Мебод для переговоров [ibid., § 1. 15. 1]. Н. В. Пигулевская высказала предположение, что *Мебод* – это не имя, а среднеперсидское обозначение зороастрийского жреца – *мобед* [Пигулевская, 1946, с. 72]³³. Однако, не известно ни одного примера, когда мобеды выполняли бы роль дипломатов. Более вероятно, что Мебод – это не жрец, а военачальник, который в связи с несколько более ранними событиями фигурирует у Феофилакта Симокатты как полководец *Сарнахорган* [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 15. 7, 11], а у Менандра Протектора – как *Мебод Саннахозриган* (о нем см. выше) [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 48, с. 424–426]. Эту точку зрения можно обосновать и тем фактом, что, по данным Менандра Протектора, Мебод и до этого выполнял дипломатические поручения шаханшахов Хосрова I и Хормизда IV [там же, отр. 52, с. 437]. Кроме того, по сообщению Феофилакта Симокатты, Мебод в том же 585 г. командовал правым крылом персидского войска в сражении у реки Арзамон (см. ниже) [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 2. 3. 3], а позднее, в 589 г., этот же полководец упоминается Феофилактом Симокаттой как «Мебод сын Сурена», когда тот возглавлял персидское войско в сражении при Мартирополе [ibid., § 2. 5. 14].

На встрече с Филиппиком Мебод заявил о готовности Хормизда IV заключить перемирие в обмен на выплату византийцами денег, однако это предложение было отклонено. Через несколько дней к Филиппику прибыл другой иранский посол, озвучивший то же условие заключение перемирия, но император Маврикий приказал прервать переговоры и начать военные действия [ibid., § 2. 15].

Филиппик вторгся в иранскую провинцию Забдицена (Аравастан). Там у р. Арзамон состоялось крупное сражение, в котором иранское войско возглавлял персидский полководец, носивший титул хардариган. Под его командованием тогда и состоял военачальник Мебод, о котором говорилось выше. На стороне византийцев сражался аварский военачальник Апсих. Феофилакт Симокатта четырежды упоминает об этом военачальнике: в первый раз как о «гунне», находившемся в составе византийской армии [*Theophylac-*

³³ См. также: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 200, прим. 60]. Ср. также перевод Н. В. Пигулевской *мобед* вместо *Мебод* в тексте Иоанна Эфесского [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 12, с. 520].

tus Symocatta, 1887, § 1. 14. 5], во второй раз – в связи с его участием в сражении у р. Арзамон, причем Апсих со своим войском стоял на левом фланге византийского войска [ibid., § 2. 3. 1], и еще дважды – в связи с событиями во Фракии в 601 и 602 гг., когда Апсих выступал в качестве военачальника аварского кагана [ibid., § 8. 5. 6, 13].

Дополнительный свет на византийско-аварский союз в этот период проливает сообщение Феофана Исповедника о том, что в год своей смерти (582 г.) император Тиберий, «купив рабов язычников, устроил из них полк под своим именем, одев и вооружив 5000, и дал им воеводою Маврикия комита федератов, а его помощником Нарсеса. И послал их против персов» [Феофан Византиец, 1884, с. 192–193]. Представляется очевидным, что этими язычниками были авары. Таким образом, данные Феофана Исповедника свидетельствуют о том, что заключение в 578 г. союза с аварами позволило Византии на какое-то время приостановить набеги славян (славян), а спустя три года этот союз вылился в привлечение пятитысячного аварского войска во главе с Апсихом к войне против Ирана.

В сражении у р. Арзамон византийцы одержали победу над войском хардаригана и преследовали его до крепости Дары [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 2. 3–6]. Вслед за этим Филиппик перешел в Арзанену и занялся ее разграблением. Хардариган же, оправившись от поражения, направился за Филиппиком, нанес ему сокрушительное поражение и заставил отступить на византийскую территорию. Отступая, Филиппик потерял весь арьергард. Столь неудачный исход кампании вынудил Филиппика передать командование войском Ираклию, отцу будущего императора Ираклия-младшего [ibid., § 2. 7–9]. До наступления зимы Ираклий успел совершить успешный набег на иранские области за Тигром [ibid., § 2. 10. 1–5].

Весной следующего 586 г. Филиппик, будучи больным, передал большую часть войска Ираклию и приказал ему атаковать территорию собственнo Ирана [ibid., § 2. 10. 6–7]. В числе взятых Ираклием крепостей был Беиудаес, при штурме которого отличился некто Сапир, первым взобравшийся на крепостную башню [ibid., § 2. 18. 7–25]. По мнению П. Жубера, Сапир (Σάπειρ) – это, возможно, не имя, а этноним *savir* [Goubert, 1951, vol. I, p. 101, п. 5] (см. также: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 202, прим. 31]). Это предположение представляется вполне вероятным и мне.

Весной 588 г. император Маврикий снял Филиппика с должности командующего и назначил вместо него Приска. Однако армия не приняла этого назначения и подняла мятеж. Персы тем временем развернули наступление [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 1–3; *Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 6. 4–6]. В середине мая в их руках оказался Мартирополь – город был передан персам комендантом города Ситтой [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 5. 11–14; *Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 6. 14] (армянская форма этого имени – *Цума*).

Сразу же вслед за этим Филиппик, возвращенный императором на должность командующего, направился с войсками к Мартирополю. Хормизд IV направил против Филиппика Мебода сына Сурена. Из Армении на помощь Мебоду был направлен полководец Афрат. Соединившись, персы разбили Филиппика и тем самым отстояли Мартирополь [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 5. 11–16], однако Мебод погиб в битве [*ibid.*, § 3. 6. 3] (см. также: [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 6. 14]).

Император Маврикий снова снял Филиппика с поста командующего и назначил Коментиола. Тот сразу же направился к крепости Сисарван близ Нисибина, куда перешел Афрат. Афрат пал на поле боя, а его войско было разбито [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 6. 1–4].

Разгром Афрата явился тяжелой потерей для Ирана [*Пигулевская*, 1946, с. 80; *Гумилёв*, 1967, с. 124], но военные ресурсы персов были далеко не исчерпаны, и они вполне были способны на реванш в этой войне. Однако победа византийцев при Сисарване оказалось важной не только в военном, но и в стратегическом плане, так как, хотя и на время, но все же ослабила Сасанидское государство, а последнее подвигло к нападению на Иран арабов. Два арабских вождя, воспользовавшись сложившейся ситуацией, разграбили юго-западные области Ирана вплоть до Евфрата [*Noldeke*, 1879, S. 270; *Mohl*, 1938, vol. 6, p. 566]. Однако, что было еще опасней, одновременно с этим в войну против Ирана вступил Тюркский каганат [*Noldeke*, 1879, S. 268–269; *at-Tabari*, 1879, ser. I, p. 991; *Mohl*, 1938, vol. 6, p. 568].

Л. Н. Гумилёв предполагал, что тюрки согласовывали свои действия против персов с Византией [*Гумилёв*, 1967, с. 126]. В другом месте своей работы он со ссылкой на сообщение «Картлис цховреба» говорит о том, что тюрки и византийцы не заключали между

собой союза, но координировали свои действия через Гуарам Багратуни [Гумилёв, 1967, с. 120]. Однако данные источника, на которые ссылается Л. Н. Гумилёв, не содержат каких-либо намеков на возможность указанной координации: «Тогда кесарь выслал куropалату Гуараму великие сокровища и повелел ему на те сокровища собрать и вывести с севера ополчение и, присовокупив к нему воинов картлийских, отправить их в Персию. Гуарам же поступил так: вывел овсов, дурдзуков и дидоев и дал им в предводители эриставов картлийских. Вступил в Адарбадаган и приступил к захвату. И таковые беды и неурядицы свалились на персов» [Джуаншер Джуаншериани, 1986, с. 98].

Здесь следует также отметить, что после заключения в 570 г. византийско-аварского договора, который и вызвал нападения Тюркского каганата на Византию, византийско-аварские отношения продолжали расширяться и углубляться. Иначе говоря, византийско-аварский союз в 589 г. еще не успел потерять своей актуальности и продолжал оставаться главным раздражителем для тюрков. Да и византийцы едва ли успели забыть о тюркских атаках в Крыму. Следовательно, в этот период ни у Византии, ни у Тюркского каганата не было поводов для нового сближения друг с другом. Да и общеполитическая ситуация не требовала согласования между тюрками и византийцами своих действий против Ирана – тюркский каган просто воспользовался благоприятной ситуацией и, пока наиболее боеспособные персидские части были связаны военными действиями на западе, напал на кавказские и среднеазиатские провинции Ирана. И в этом смысле утверждение С. Б. Сорочана о том, что Тюркский каганат в этот период принимал «участие в войне с персами на стороне ромеев» [Сорочан, 2013, с. 149], представляется необоснованным, так как оно не опирается на источники.

Со стороны Кавказа наступление на Иран предприняли кавказские подданные тюркского кагана – хазары. По сообщению ат-Табари, их нападению подверглись Армения и Азербайджан [at-Tabari, 1879, ser. I, p. 991]. По данным же Фирдоуси, хазары прошли в Закавказье по «хазарской дороге» [Mohl, 1938, vol. 6, p. 566]. Л. Н. Гумилёв идентифицировал ее с Дарьяльским проходом [Гумилёв, 1967, с. 125]. Однако более вероятным представляется, что речь должна идти о Дербентском проходе. На это указывают следующие факты.

Если бы нападение хазар происходило через Дарьяльское ущелье, то оно бы затронуло территорию Картли, а это нашло бы отражение в грузинских источниках, но поскольку все грузинские хроники молчат об этом рейде, то можно полагать, что он не достиг территории Картли. Кроме того, для хазар путь через Дарьял являлся кружным: поскольку они локализируются на Нижнем Тереке – до западной части волжской дельты [Семёнов, 2011, с. 46–50], то им географически значительно ближе был Дербентский проход, который, кстати, был им и лучше знаком. При этом новые дербентские укрепления не являлись столь уж непреодолимым препятствием: как показывают более поздние события, эти фортификации неоднократно брались штурмом, в том числе теми же хазарами. И наконец, использование иранским автором наименования «хазарская дорога» свидетельствует о том, что речь идет о традиционном торговом пути, который в военное время служил маршрутом для переброски хазарских войск. Таковым и в предшествующий, и в последующий периоды являлся путь вдоль западного берега Каспийского моря, т. е. через Дербент.

В «Картлис цховреба» сообщается следующее: «Вслед за этим, спустя немного лет (после назначения принца Хосрова Парвиза правителем Албании и Картли. – *Авт.*), в Персии случилась великая смута, ибо вторгся в нее царь турок; пришли греки, схватились с персами в Междуречье, обратили их в бегство и вступили в Персию и приступили к ее завоеванию. Тогда Касре Амбарвез покинул Ран и Картли и двинулся на подмогу отцу своему» [Джуаншер Джуаншеряни, 1986, с. 98] (ср.: [Такайшвили, 1900, с. 42, прим. 4]).

Здесь, несомненно, речь идет о поражении персов от византийцев при Сисарване и о нападении тюрков на Иран. Что же касается ухода принца Хосрова Парвиза из Закавказья, то оно, вероятно, было вызвано наступлением хазар, а вовсе не стремлением помочь отцу в войне против тюрков и византийцев, так как поражение персов от византийцев при Сисарване имело место несколько позднее. Отсюда следует, что возвращение Хосрова Парвиза в Ктесифон было ничем иным, как отступлением от прорвавшихся в Закавказье хазар.

Хазары к этому времени были уже включены в состав Тюркского каганата, и несомненно, что их выступление в Закавказье было спланировано в ставке тюркского кагана. Судя по всему, основная задача хазар состояла в отвлечении внимания персов от ситуации

в Средней Азии, где тюркский каган сосредоточил главные силы, которые и должны были произвести решающую атаку. Разумеется, при этом хазары оттянули на себя и определенную часть войск противника.

Успех хазарских войск в Закавказье был ошеломительным, а последовавшие за этим нападение арабов, наступление тюркского кагана в Средней Азии и успех византийцев под Нисибином поставили Иран на грань катастрофы. Судя по всему, именно в это время Гуарам и перешел на сторону византийцев; как предполагалось выше, Маврикий сохранил за ним власть над Картли и дал ему титул куропалата. Гуараму были также направлены деньги, на которые он нанял войска «овсов, дурдзуков и дидо» и, поставив во главе их картлийских эриставов, направил в набег на Адурбадаган [Такайшвили, 1900, с. 124, прим. 3]. Таким образом, измена Гуарам стала для персов вдвойне тяжелой.

Главную опасность для Ирана в это время представляли тюрки. Против них шаханшах Хормизд IV направил Варахрана Михра, правителя Хорасана. Этот полководец, известный в позднейшей персидской традиции как Бахрам Чубин, происходил из парфянского рода Михр [Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 18. 6, 10]. Несмотря на малочисленность своего войска, он разбил тюркскую армию и, преследуя отступающего противника, глубоко вклинился на его территорию³⁴. После успешной кампании в Средней Азии Варахран Михр был направлен на Кавказ. Феофилакт Симокатта сообщает только о противоборстве Варахрана с византийскими войсками, но, как обоснованно предполагала Н. В. Пигулевская, в задачу этого военачальника входило и вытеснение из Закавказья хазарских войск [Пигулевская, 1946, с. 82]. Что же касается картлийских войск и войск «овсов, дурдзуков и дидо», которые Гуарамом Багратуни были привлечены к набегу на Адурбадаган, то они «вернулись к себе, ибо как только персы разделились с турками, картлийцы оробели, и напал на них страх и трепет перед персами. И начал сей куропалат Гуарам укреплять крепости и города» [Джуаншер Джуаншериани, 1986, с. 98].

Как сообщает Феофилакт Симокатта, Хормизд IV направил Варахрана против Свани, и тот, опустошив эту страну и переправив

³⁴ Реконструкцию хода военных действий см.: [Гумилёв, 1960; Гумилёв, 1967, с. 126–132].

захваченные там трофеи в Иран, отошел в Албанию к р. Аракс [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 6. 7–8, 15–16]. Но в свете данных цитировавшегося выше грузинского источника, надо полагать, что атакам Варахрана Михра подверглась не только Свания, но и другие области Грузии, в том числе и Картли. Внимание же византийского историка именно к Свании объясняется только тем, что на тот момент эта область входила в состав византийских владений. Что же касается последующего отхода Варахрана в Албанию, то он, скорее всего, был связан с подходом в Лазику византийских войск во главе со стратигом Романом.

Роман прошел из Лазики в Албанию, а Варахран, намереваясь заманить его вглубь иранской территории, стал отходить. Он переправился через Аракс и отошел к Гандзаку. Роман продвигался за ним, но Варахран, маневрируя, снова вышел к Араксу и оттуда стал совершать набеги на византийскую территорию. Чтобы не оказаться отрезанным от Византии, Роману пришлось отступить в Албанию. Там он, несмотря на численное превосходство противника, решил вступить в решающее сражение. Он отобрал из своего войска 10 тыс. наиболее боеспособных воинов и, приказав остальным охранять лагерь, выступил навстречу Варахрану.

Приблизившись к противнику, Роман бросил в атаку 2 тысячи воинов. Те смяли выступившее против них персидское войско и, прижав его к отвесному берегу р. Аракс, нанесли ему значительный урон. Византийцы преследовали персов вплоть до их лагеря, после чего вернулись к своим главным силам.

После этого оба войска вышли в равнинную часть Албании и сблизились у Аракса. Разделенные рекой противники два дня простояли друг против друга, а на третий день парламентар персов предложил византийцам дать возможность персам беспрепятственно форсировать Аракс и вступить в решающее сражение. Роман дал согласие. На следующий день Роман отошел от реки, а персы перешли ее и устроили лагерь на левом берегу Аракса. Сражение началось на следующий день.

В битве византийцы сильно потеснили вражеский центр, и Варахран был вынужден перебросить туда часть войска с левого фланга. После этого византийцы ожесточенно набросились на ослабленный фланг противника и, смяв его, обратили в бегство все персидское войско [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 7. 2–18].

Узнав о поражении Варахрана, Хормизд IV приказал ему сдать командование войсками и явиться ко двору. Однако Варахран настроил своих воинов против шаханшаха и поднял мятеж. Направленное против мятежника войско перешло на сторону Варахрана. Вслед за этим Варахран провел всинский набор в Адурбадагане и направился со своей армией в Ктесифон.

Недовольство Хормиздом IV зрело не только в войсках. Еще до того, как Варахран подошел к Ктесифону, там созрел заговор против шаханшаха. Главой заговорщиков являлся Бестам, шурин Хормизда IV. Бестам силой освободил из тюрьмы своего брата Биндою, посаженного туда Хормиздом IV, а затем ворвался во дворец, арестовал шаханшаха и ослепил его. Новым шаханшахом Бестам и Биндой посадили одного из сыновей Хормизда IV – Хосрова II Парвиза (590–628) [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 4. 3. 5–15; 7. 1].

Варахран тем временем, ожидая исхода событий, стоял лагерем в Ассирии, у р. Большой Заб, а в это же время стратиг Армении Иоанн Мистакон осаждал Двин и разорял Адурбадаган [Феофан Византиец, 1884, с. 200–201; Себеос, 1939, гл. 4]. Но персам было уже не до византийцев: главную опасность для Ирана в этот период представляли мятежные войска во главе с Варахраном. И в первую очередь Хосрову II было необходимо разбить мятежников. Несмотря на то, что Хосров II не очень доверял своим военачальникам, ему все же пришлось выступить с армией в Ассирию. Там в ходе боев с войсками Варахрана он приказал арестовать нескольких командиров, заподозренных в связях с мятежниками. Это не снискало ему любви в армии, на которую, кроме того, разлагающе действовали письма, подсылаемые Варахраном. В итоге армия взбунтовалась и перешла на сторону Варахрана, а Хосров II и находившийся при нем Бестам были вынуждены бежать [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 4. 9. 1–10]. Варахран вступил в Ктесифон и был провозглашен шаханшахом.

Шаханшах Хосров II и его сторонники сочли разумным искать убежища в Византии. Император Маврикий, узнав о неожиданном прибытии в Византию иранского шаханшаха, отдал приказ сопровождать его в г. Иераполь и оказывать ему царские почести. Вслед за этим Маврикий усыновил Хосрова II и, тем самым, признал его права на иранский трон. Он передал Хосрову II пленных персидских воинов и выделил ему значительную сумму денег для раздачи

оставшимся верными ему войскам [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 5. 2. 6]. Стратигу Востока Нерсесу и стратигу Армении Иоанну Мистакону был отдан приказ о подготовке войск к походу против Варахрана [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 5. 2. 8].

Хосров II отправил Бестама в Персармению для того, чтобы набрать там войска для борьбы с Варахраном. Брат же Бестама, Биндой, оказавшись в руках узурпатора, был взят под арест, но сумел бежать. Добравшись до Адурбадагана, он встретил брата, и они уже вдвоем, используя все свое влияние, занялись воинским набором. В Персармении ими было собрано 15 тыс. воинов, а в Адурбадагане – 8 тыс. Эти войска были присоединены к армии Иоанна Мистакона и весной 591 г. вместе с ним направились к Ктесифону, куда несколько ранее выступили войска во главе со стратигом Востока Нерсесом и Хосровом II.

Варахран выступил им навстречу и попытался воспрепятствовать соединению двух византийских армий, но это ему не удалось [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 5. 8. 2–3; 9. 3]. Византийцы взяли Селевкию и Ктесифон [*ibid.*, § 5. 6. 7, 10], а затем вступили в сражение с Варахраном у р. Малый Заб. Варахран был разбит [*ibid.*, § 5. 9. 10–12; 10. 1–2]. Преследуя его, Хосров II навязал ему сражение близ г. Гандзака и одержал там решительную победу [*ibid.*, § 5. 10. 4–12; Себеос, 1939, гл. 5]. Варахрану пришлось бежать в Тюркский каганат, и вскоре он там погиб [Себеос, 1939, гл. 5; *Феофан Византиец*, 1884, с. 202–203].

Хосров II, вернувшись в Ктесифон, расправился там со всеми вельможами, так или иначе замешанных в мятеже, а еще раньше полководец Хосрова II Мебод перебил в Ктесифоне множество евреев, открыто поддерживавших узурпатора [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 5. 7. 5, 10].

Итак, с помощью византийских войск Хосрову II удалось вернуться в Иран и утвердиться на троне, но помощь императора Маврикия обошлась Сасанидской державе очень недешево: по договору, заключенному в 591 г., весь запад Большой Армении, а также г. Нисибин и значительная часть Картли были уступлены Византийской империи. По словам Себеоса, к Византии отошли следующие территории: «страны сирийские – весь Аруастан до города Низибина; из земли армянской – страна танутираканского княжества, до Арарата и города Двина, до берегов бзунийского моря и

Арвеставана; большая часть Иверии до города Тифлиса» [Себеос, 1939, гл. 5] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 35]).

Таким образом, ирано-византийская война 572–590 гг. завершилась. В ходе нее проявилось крайнее нежелание Сасанидов идти на какие-либо территориальные уступки Византии в этом регионе. Так, например, заключавшиеся временные перемирия Хосров I, как правило, отказывался распространять на Кавказ. Еще один штрих, характеризующий повышенное внимание Сасанидов к этому региону, состоит в том, что воцарившийся в Иране шаханшах Хормизд IV назначил наместником Албании и Картли своего сына Хосрова (будущий шаханшах Хосров II).

В длительном военном противоборстве с Византией значение Кавказа для Ирана непрерывно усиливалось. Вследствие этого Сасаниды постепенно отказывались от практики притеснения кавказских христиан и навязывания им зороастризма и делали максимум возможного для привлечения на свою сторону симпатий военно-политической элиты Армении, Албании и Картли. Виднейшие армянские нахарары назначались на крупные административные и военные посты в различных частях Сасанидского государства.

Усиление этих тенденций во внутренней политике Ирана происходит в правление Хосрова II и его преемников. Вследствие этого усиливается интеграция населения кавказских провинций Ирана в общеполитическое и культурное пространство Сасанидского государства [Хуршудян, 2003, с. 22–23]. На Кавказе в этот период прекращаются крупные антисасанидские восстания, а закавказские войска принимают активное участие во всех последующих войнах Сасанидского государства до самого его падения.

Литература

- Айбабин А. И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь, 1999.
- Алиев И. Г., Асланов Г. М. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 3. Орджоникидзе, 1975.
- Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

- Арутюнова-Фиданян В. А. К вопросу об армяно-халкидонитской общине (VII в.) // *Автібшров: К 75-летию академика РАН Г. Г. Литаврина / ИВИ РАН; Отв. ред. И. С. Чичуров. СПб., 2003. (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).*
- Ал-Баладзори. Книга завоевания стран [Текст 4-х глав] / Текст и пер. с арабск. П. К. Жузе // *Материалы по истории Азербайджана. Вып. 3. Баку, 1927.*
- Вессьер де ла Э. Дяди и братья: каганы Ашина и тюркский словарь родства // *Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. II. Самарканд, 2014.*
- Гаджиев М. С. Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // *Дагестан в эпоху Великого переселения народов (Этногенетические исследования). Махачкала, 1998.*
- Гаджиев М. С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. № 1. Махачкала, 2006а.*
- Гаджиев М. С. Этапы градостроительной и фортификационной деятельности Сасанидов на Восточном Кавказе // *Ирано-дагестанские культурные и исторические связи: история и перспективы развития. Махачкала, 2006б.*
- Гаджиев М. С., Касумова С. Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М., 2006.
- Гаджиев М. С. Градостроительная и фортификационная деятельность Кавада I в Кавказской Албании // *Диалог городской и степной культуры на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова 2–6 октября 2011 года. Астрахань, 2011.*
- Гаджиев М. С. Хумара: некоторые строительные параллели и проблема датировки укреплений // *Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова / Отв. ред. В. И. Козенкова. М., 2013.*
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Гошладзе В. И. Политическое развитие Картли с начала VI в. до конца 30-х гг. VII в. / Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1979.
- Гумилёв Л. Н. Война 589 г. и Гератская битва // *Изв. отделения общественных наук АН Тадж. ССР. 1960. № 2(23).*
- Гумилёв Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // *Византийский временник. Т. XX. Л.–М., 1961.*
- Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер., введ. и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986.

- Евагрий Схоластик*. Церковная история / Пер. СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен В. В. Серповой; примеч. А. М. Калинина. М., 1997.
- Ибн-ал-Факих*. Книга стран / Пер. Н. К. Караулова // СМОМПК. Вып. 31. Тифлис, 1902.
- Ибн-Хаукаль*. Из «Книги путей и царств» / Пер. Н. К. Караулова // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908.
- Иованнес Драсханакертци*. История Армении / Пер. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986.
- Ал-Истахрий*. Книга путей царств / Пер. Н. К. Караулова // СМОМПК. Вып. 29. Тифлис, 1901.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Колесников А. И.* Новые сведения о расселении хазар в Кавказской Албании // Православный палестинский сборник. Вып. 35(98). Сборник памяти Н. В. Пигулевской / Отв. ред. О. Г. Пересыпкина. СПб., 1998.
- Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, пер., комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.
- Круглов Е. В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.
- Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 2. 518–602 гг. СПб., 1996.
- Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Пер. П. К. Жузе. Баку, 1940.
- Мерперт Н. Я.* Авары в Восточной Европе // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М, 1958.
- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
- Мовсэс Каланкатуаци*. История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., предисл. и комментарий. Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984.
- Могаричев Ю. М.* Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. Симферополь, 2000.
- Ал-Мукаддасий*. Лучшее из делений для познания климатов / Пер. Н. К. Караулова // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908.
- Мухелишвили Д. Л.* Из исторической географии Восточной Грузии (Шахи и Гогарена). Тбилиси, 1982.
- Очерки истории Грузии. Т. 2. Тбилиси, 1988.
- Пахомов Е. А.* Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.
- Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.–Л., 1946.
- Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.–Л., 1951.

- Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.
- Ромашов С. А. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. XI. Wiesbaden, 2001.
- Ромашов С. А. От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Семёнов И. Г. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002.
- Семёнов И. Г. Локализация савир по данным Прокопия Кесарийского и «Армянской географии» VII века // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Астрахань, 2–6 октября 2011 года. Астрахань, 2011.
- Семёнов И. Г. Политические отношения савир с Ираном и Византией в первой трети VI века // *Caucasica*. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 2 / Под ред. В. А. Захарова. М., 2013.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории культуры. Ч. I. Харьков–Москва, 2013.
- Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах / Пер. введен. и прим. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979.
- Такайшвили Е. С. Источники грузинских летописей: Три хроники // СМОМПК. Вып. 28. Тифлис, 1900.
- Феофилакт Симокатта. История / Вступ. ст. Н. В. Пигулевской; Пер. С. П. Кондратьева; Прим. К. А. Осиповой. М., 1957.
- Халилов Дж. А., Аразова Р. Б., Ахундов Т. И., Кошкарлы К. О. Новые памятники Северо-Восточного Азербайджана // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку, 1982.
- Хуршудян Э. Ш. Армения и Сасанидский Иран (Историко-культурологическое исследование). Алматы, 2003.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана»: «Бревиарий» Никифора / Тексты, переводы, коммент. М., 1980.
- Шихсаидов А. Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986.
- Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.
- Bury J. B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). Vol. II. London, 1899.
- Chavannes E. Documentes sur les Tou'kiue (Turcs) occidentaux. // Сб. трудов Орхонской экспедиции. Т. 6. СПб., 1903.

- Dobrovits M.* "They Called Themselves Avar" – Considering the Pseudo-Avar Question in the Work by Theophylactos // *Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday* / Ed. by M. Comparetti, P. Raffeta, G. Scarcia. Venezia: Cafoscarina, 2006.
- Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton (N.Y.): Princeton University Press, 1954 (Princeton Oriental Studies. Vol. 16).
- Evagrius Scholasticus.* The ecclesiastical history of Evagrius with the scholia / Ed. with introduction, critical notes, and indices by J. Bidez; L. Parmentier. London: Methuen & Co., 1898 (Ser. "Byzantine texts ed. by J.B. Bury").
- Franke O.* Geschichte des Chinesischen Reiches. Bd. 3. Berlin, 1935.
- Gadjiev M. S.* On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex // Iran and the Caucasus. Vol. 12. No. 1. Yerevan–Leiden, 2008.
- Goubert P.* Byzance avant l'Islam. Vol. I. Paris, 1951.
- Haussig H. W.* Theophilakts Exkurs über die Skythischen Völker // Byzantion. Vol. XXIII. Bruxelles, 1954.
- Haussig H. W.* Die Quellen über die zentralasiatische Herkunft der europäischen Awaren // Central Asiatic Journal. II. [1957].
- Ioannes Ephesinus.* Historia Ecclesiastica pars tertia / Ed. E. W. Brook. Parisiis, 1935.
- Ioannes Malalas.* Chronographia / Ex recensione L. Dindorfii. Bonnae, 1831.
- Joshua the Stylite.* The Chronicle of Joshua the Stylite, composed in Syriae A.D. 505 / With a Translation and Notes by W. Wright. Cambridge, 1882.
- Lebeau Ch.* Histoire du Bas-Empire / Ed. M. Saint-Martin, M. de Brosset. Vol. X. Paris, 1824.
- Ludwig D.* Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Münster, 1982.
- Maenchen-Helfen O. J.* The World of the Huns (Studies of Their History and Culture / Ed. by Max Knicht. Berkley–Los Angeles: University of California Press, 1973.
- Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.
- Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: ethnologische u. historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903.
- Marquart J.* Die altbulgarische Ausdrücke in Inschriften von Catalar und die altbulgarischen Fürstenliste // Изв. Русского Археологического института в Константинополе. Т. 15. 1911.
- Marquart J.* Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert // Ungarische Jahrbücher (Uralj-Altäische Jahrbücher). 4. [1924]
- Menander Protector.* Fragmenta / Ed. C. Müller // Fragmenta historicorum graecorum. Vol. IV. Parisiis, 1868; Paris, 1928.

- Menanderi Fragmenta / Historici Graeci minores. Vol. 11 / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1871.
- Minorsky V. Studies in Caucasian History // Cambridge Oriental Series. № 6. London, 1953.
- Mohl J. Le Livre des Rois. Vol. 6. Paris: Imprimerie nationale, 1938.
- Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I–II. Berlin. 1958.
- Noldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879.
- Tha'alibi. Histoire des rois des Persers / Trad. par H. Zotenberg. Paris, 1900.

Список сокращений

- Асолик, 1864 – Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия. Переведена с арм. и объяснена Н. Эминым. М., 1864.
- Иоанн Эфесский, 2000 – Главы из «Церковной истории» Иоанна Эфесского // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.
- Менандр Протектор, 1860 – Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.
- Себеос, 1862 – История императора Иракла: Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с арм. К. Патканьяна. СПб., 1862.
- Себеос, 1939 – История епископа Себеоса / Пер. с 4-го исправленного армянского издания, предисл. и коммент. Ст. Малхасянца. Ереван, 1939.
- СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
- Феофан Византиец, 1884 – Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского; предисл. О. М. Бодянского. М., 1884.
- at-Tabari, 1879 – Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis / Ed. M.J. de Goeje. Ser. I. Lugduni Batavorum, 1879.
- Theophylactus Symocatta, 1887 – Theophylacti Symocattae historiae / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.

І. Г Семёнов

Кавказ у політичних взаємовідносинах Ірану з Візантією і Тюркским каганатом в 556–591 роках

Резюме

Статтю присвячено аналізу подій на Кавказі в другій половині VI – на початку VII ст., під час останніх ірано-візантійських воєн. На основі порівняльного аналізу даних вірменських, грузинських, візантійських, сирійських та мусульманських джерел автор статті відзначив, що активними учасника-

ми цих подій були не лише візантійці, перси, албанці, вірмени та грузини, а й тюрки, савіри, хозари, алани та інші північні народи. В результаті, авторів дослідження вдалося дійти до висновку, згідно з яким в тривалому військовому протистоянні з Візантією значення Кавказу для Сасанідського Ірану безперервно посилювалося. Внаслідок цього Сасаніди поступово відмовляються від практики утиску кавказьких християн та нав'язування ним зороастризму і роблять максимум можливого для привертання на свій бік симпатій військово-політичної еліти Вірменії, Албанії та Картлі.

Ключові слова: Сасанідський Іран, Візантія, савіри, утигури, алани, хозари, Тюркський каганат, Кавказ, Вірменія, Албанія, Картлі (Іберія), Дербент.

И. Г. Семёнов

**Кавказ в политических отношениях Ирана
с Византией и Тюркским каганатом в 556–591 годах**

Резюме

Статья посвящена анализу событий на Кавказе во второй половине VI – начале VII вв., во время последних ирано-византийских войн. На основе сопоставительного анализа данных армянских, грузинских, византийских, сирийских и мусульманских источников автор статьи отметил, что активными участниками этих событий были не только византийцы, персы, албанцы, армяне и грузины, но также тюрки, савиры, хазары, аланы и другие северные народы. В конечном итоге, автору исследования удалось прийти к выводу, согласно которому в длительном военном противоборстве с Византией значение Кавказа для Сасанидского Ирана непрерывно усиливалось. Вследствие этого Сасаниды постепенно отказываются от практики притеснения кавказских христиан и навязывания им зороастризма и делают максимум возможного для привлечения на свою сторону симпатий военно-политической элиты Армении, Албании и Картли.

Ключевые слова: Сасанидский Иран, Византия, савиры, утигуры, аланы, хазары, Тюркский каганат, Кавказ, Армения, Албания, Картли (Иберия), Дербент.

I. G. Semenov

**Caucasus in the Political Relationships
of Iran with Byzantium and Turk Kaganate in 556–591 AD**

Summary

This article is dedicated to the analysis of events on Caucasus in the second half of VI – beginning of VII centuries AD., during the last Iranian-Byzantium wars. According to the data of comparable analysis of Armenian, Geor-

gian, Byzantine, Syrian and Moslem sources the author of this article marked that the active participants of these events were not only the Byzantines, Persians, Albanians, Armenians and Georgians, but also the Turks, Savirs, Khazars, Alans and other North peoples. As a result, author of research succeeded to come to the conclusion that the value of Caucasus increased for Sasanid Iran continuously in the protracted military opposing with Byzantium. Hereupon Sasanids gradually were renouncing a practice of oppression of the Caucasian Christians and imposing by him zoroastrianism and they were doing at most possible for bringing on their side the liking of military-political elite of Armenia, Albania and Kartli.

Keywords: Sasanid Iran, Byzantium, Savirs, Utigurs, Alans, Khazars, Turk kaganate, Caucasus, Armenia, Albania, Kartli (Iberia), Derbent.

В. С. Флёров

**ЗАМЕТКИ О ХАЗАРСКИХ КИРПИЧАХ,
БЛОКАХ И КРЕПОСТЯХ¹**

Тема кирпичных и белокаменных крепостей не принадлежит к числу особо популярных в хазарской археологии. Авторов, занимающихся ею непосредственно, единицы. Причины такого состояния объективны: раскопки крепостей требуют больших денег и выполнения громадного объема земляных работ. Сегодня раскопки хазарских крепостей в бассейне Дона вообще не ведутся. В первые годы текущего столетия небольшие работы на Украине на городищах Кабаново, Чугуевском и ряде других еще вел Г. Е. Свистун [Свистун, 2008; Свистун, 2012], параллельно работая над общими вопросами строительных материалов лесостепных крепостей Хазарского каганата [Свистун, 2007]. Концепция Г. Е. Свистуна о фортификации крепостей и ее происхождении пока не сложилась в полной мере. Нельзя не упомянуть и В. В. Колоду, который в процессе картографирования городищ Северского Донца выявляет новые [Колода, 2010].

Целенаправленно проблемой происхождения метрологии строительных материалов и крепостей Хазарского каганата в течение ряда лет занимается Г. Е. Афанасьев, посвятивший ей несколько статей. Его взгляды вполне оформились и сводятся к тому, что вся хазарская система мер наследовала византийскую, не отступая от последней ни на йоту. Автор своеобразными расчетами пытается доказать, что все без исключения размеры блоков, и особенно кирпичей, хазарских крепостей, как и самих крепостей, так или иначе кратны византийским стопе, футу и более мелким единицам. Сама идея проверить, в какой мере в хазарской фортификации воплотились византийские меры длины, должна приветствоваться. Другое

¹ Статья поступила в редакцию в апреле 2015 г.

дело – как она претворяется в жизнь, что служит источниковой базой, как и какими методами источники обрабатываются.

Не ставлю целью комментировать буквально все положения работ Г. Е. Афанасьева. Тезисно, учитывая небольшие объемы настоящего издания, коснусь лишь того, что в первую очередь привлекло мое внимание в его статье в столь солидном издании, как «Поволжская археология» [Афанасьев, 2012а]. В ней методика автора в работе с источниками нашла концентрированное выражение. По ходу дела обращаюсь и к другим его работам. Одна из задач данных заметок – обратить внимание на то, что читатель, не имеющий собственного опыта работы со строительными материалами Хазарского каганата, может не заметить в построениях Г. Е. Афанасьева.

О системе ссылок в работах Г. Е. Афанасьева. Указывая на аналогии размерам хазарских кирпичей, автор оперирует ссылками на *единичные* размеры кирпичей из самых разных памятников на обширной территории Византийской империи. Метод выборочного использования размеров кирпичей давно устарел. Да и сам автор отметил, что римские, византийские стопы были переменны [Афанасьев, 2012а, с. 34]. Единственно допустимый метод – сопоставление серий размеров кирпичей одного памятника с сериями другого. Необходимо указывать размеры серий кирпичей, а главное – их преобладающие размеры в памятнике, на кирпичи которого делается ссылка. Чем больше выборки параметров, тем точнее сравнения. Наиболее оптимальный вариант, когда взятая для сравнения выборка уже структурирована, т. е. в ней выделены статистически преобладающие, периферийные, менее распространенные и даже единичные размеры. Это самое общее замечание, относящееся к методике работы с кирпичами в целом.

Собирание серий параметров – работа длительная, трудоемкая и далеко не всегда обеспеченная необходимыми публикациями, но иного пути исследования нет. В этом я убедился на собственном опыте систематизации размеров византийских кирпичей на севере Балканского полуострова и кирпичей с территории Первого Болгарского царства. В качестве образца здесь представлена одна из таблиц, *открытая для постоянного пополнения* (табл. 1). Она показывает, насколько полнота выборки меняет представление о размерах кирпичей каждого памятника. Достаточно сравнить большую (но не окончательную!) выборку размеров из Туиды с незначительными и еще неполными выборками из других памятников.

Таблица 1

Кирпичи из памятников Болгарии II–VI вв.

Кирпичи квадратные (допустимое отклонение от квадрата 2 см.) и полуформатные от них	Кирпичи прямоугольные	СВИЩОВ, конец I – середина IV в.	ТУИДА, IV – начало VII в.	МАРКЕЛИ, конец IV – начало V в.	ХИСАР, конец V – начало VI в. Базилики №7, 8	ЯНТРА, первая половина IV в. Базилика I	ЯНТРА, V–VI вв. Базилика II
1	2	3	4	5	6	7	8
47,5 : 46 : 4					+		
46 : 46 : 5							+
44 : 44 : 5					+		
43,5 : 42,5 : 3,5							+
43,5 : 41 : 3,5							+
41 : 41 : 4							+
40 : 40 : ?			+				
40 : 39 : ?			+				
34 : 34 : 4,5			+				
34 : 34 : 4			+				
34 : 34 : 3					+		
34 : 32 : 4					+		
полуформат 34 : 16 : 5		+					
33,8 : 33,2-4 : 4,8			+				
33,5 : 33 : 4,5-8			+				
почти полуформат 33,4 : 15,8 : 4			+		+		
33 : 33 : 4,5			+				

1	2	3	4	5	6	7	8
полуформат 33 : 16 : 4							
32,5 : ? : 4,5			+				
32,5 : ? : 4			+				
32-31 : 31 : 4			+				
полуформат 32 : 15 : 3,5					+		
31,5 : 30 : 3,2			+				
31 : 31 : 5-3			+				
31 : 31 : 4						+	
почти полуформат 31 : 17,6 : 3,7			+				
31 : 16 : 4		+					
31 : 30,6 : 3,6			+				
31 : 30 : 4 - 3,2			+				
31 : 29,5 : 4			+				
31 : 29 : 5-3			+				
	31 : 28 : 4,5		+				
30,5 : 30 : 4-3,6			+				
30,5 : 30,5 : 3,5			+				
30,3 : 29 : 3,7			+				
30 : 30 : 4-3			+				
полуформат 30 : 16 : 4		+					
полуформат 30 : 15 : 3			+				
30 : 29,5 : 4 - 3,5			+				
30 : 29 : 5-4			+				
30 : 28 : 4,5			+				
29,8 : 29,5 : 4,8			+				
29,5 : 29 : 4,7			+				
полуформат 29,5 : 15 : 3,5			+				
29,5 : 28 : 5			+				
29,5 : 27 : 4			+				
29 : 29 : 4,3			+				
полуформат 29 : 14,8 : 4,7			+				
29 : 28 : 4						+	

1	2	3	4	5	6	7	8
29 : 27,4 : 3,2			+				
28,5 : 28,5 : 4,5			+				
28,5 : 28,5 : 4						+	
28,5 : 28,5 : 3,2			+				
28,5 : 28 : 4,5			+				
28 : 27,5 : 4						+	
28 : 27 : 4						+	
28 : ? : 3,5			+				
27 : ? : 4,5			+				
27 : 27 : 4						+	
27 : ? : 3,5			+				
27 : 16 : 4						+	
20 : 20 : ?				+			

Составлено по: ТУИДА: Щерева, Вачева, Владимирова-Аладжова, 2001, с. 81–82; МАРКЕЛИ: Аладжов, 2006; СВИЦОВ: Вълков, 1965, с. 27, 29; ХИСАР: Цонев, Маджаров, 1965, с. 17; ЯНТРА: Иванов Т., 1963.

При изучении табл. 3 из статьи Г. Е. Афанасьева (воспроизводится здесь: см. илл. 1) возникает закономерный вопрос: *какой базой источников пользовался автор* при ее составлении? Вопрос относится в первую очередь к кирпичам крепостей Семикаракорской и Саркела (Левобережное городище).

К настоящему времени собрана значительная информация о кирпичах Семикаракорской крепости [Флёров, 2009а]. Прежде всего, это более 3873(!) замеров *толщины кирпичей*. Г. Е. Афанасьев счел возможным проигнорировать эти данные со следующей аргументацией, причем не в основном тексте, а в примечании: «Группировка кирпича на основе толщины носит дескриптивный характер. Она непригодна для сравнительного анализа первоисточника и данных нарративных документов, в которых разнообразие кирпича описывается размерами его сторон» [Афанасьев, 2012а, с. 35, примеч. 1]. Принять такое объяснение всерьез невозможно. Дескриптивный статистический показатель – это не что иное, как статистический показатель, предназначенный для *структурирования и обобщения данных*, т. е. решения той задачи, которую Г. Е. Афанасьев и поставил перед собою. Уточню: англ. descriptive (описательный) – в научной методологии – представленный в виде *точного описания* характера и последовательности каких-либо собы-

тий, явлений. Это прямо относится к массовым замерам толщины кирпичей. Действительно, данные о толщине семикаракорских кирпичей представлены мною не в виде бессистемного перечня, но структурированы от минимальных (4 см) до максимальных (8,5 см): а) по отдельным участкам городища и б) суммарно в итоговой таблице [Флёров, 2009а, с. 499, табл. 8]. Отдельно выполнено сравнение толщины углов кирпичей и центральной его части [там же, с. 500–503, табл. 9].

Изучение обломков кирпичей по толщине при отсутствии иных показателей (в случае с обломками – ширины и длины) столь же обязательно, как изучение тысяч обломков сосудов с поселений (или ограничимся только целыми формами из могильников?).

Допускаю, что Г. Е. Афанасьев не стал учитывать громадный объем информации о толщине кирпичей, поскольку она «непригодна» для той методики работы с первоисточником, которую он создал для себя. Изучать кирпичи, археологический источник, у которого всего-то три метрических признака, отбрасывая при этом один из них – нонсенс. Объяснение автора выглядит странным: толщина кирпичей не упоминалась в нарративных источниках.

Использованы ли Г. Е. Афанасьевым и по каким источникам все ранее опубликованные замеры целых обожженных семикаракорских кирпичей? Это: а) квадратные, 76 экз., и б) прямоугольные целые и имеющие по два замера, 52 экз. [Флёров, 2009а, с. 505–511, табл. 11, 12, 13]. Использует ли он опубликованные замеры, пусть и не столь многочисленные (22 экз.), сырцовых кирпичей [Флёров, 2009б, с. 480; ссылки на эту работу в статье Г. Е. Афанасьева нет]? Кстати, размеры сырцовых кирпичей, возможно, окажутся несколько более стандартизированными, нежели параметры обожженных, т. е. более пригодными для сравнения с византийскими мерами². Итого, по Семикаракорскому городищу известны данные о 154(!) целых кирпичях.

О кирпичах Саркела. Г. Е. Афанасьев, не объясняя причин, не нашел необходимым упомянуть опубликованные В. Е. Флёровой

² Это наблюдение еще нуждается в проверке. В ходе раскопок Семикаракорского городища в 1971–1974 гг. я по неопытности в то время упустил возможность сделать десятки, если не сотни, замеров сырцовых кирпичей. Полагаю, что их размеры показали бы большую вариабельность. Как я могу сейчас судить по полевым чертежам кладок, наряду с квадратными, встречались полуформатные (в половину размера квадратного) и прямоугольные сырцовые кирпичи.

(Нахапетян) замеры кирпичей Саркела [Флёрова, 1997, с. 47, 48]. Результаты проведенной ею систематизации сгруппированы в таблицы: а) количественного распределения форматов меченых кирпичей и б) соотношения типов меток и форматов кирпичей [там же, с. 167]. В последней таблице зафиксированы 53(!) размера саркелских кирпичей с учетом их длины и ширины. В связи со специфической направленностью исследования, автор не учитывала толщину кирпичей, что еще более увеличило бы разнообразие форматов. Вариабельность кирпичей Саркела, даже без учета замеров, ярко отражена в иллюстративном материале работы В. Е. Флёровой [там же, с. 112–166]. В еще большей степени она заметна при непосредственной работе с натурными образцами кирпичей в фондах музеев. Несмотря на кажущуюся простоту формы кирпича (не сравнить, скажем, с керамическими сосудами), их осмотр дает ту информацию, которая не восполняется перечислением размеров. Позднее к параметрам кирпичей Саркела обращался с соответствующими комментариями и автор этих строк [Флёров, 2009а, с. 512–515].

Не упоминает Г. Е. Афанасьев 126(!) вторично использованных саркелских кирпичей из местонахождения у х. Овчинников неподалеку от Саркела. Первоначально были изданы общие сведения о размерах кирпичей этой серии [Флёров, Ермаков, 2006а, с. 81–83], позднее поштучные [Флёров, Ермаков, 2006б, с. 93–97]. Ценность коллекции из х. Овчинников в том, что в ней учтены не только ширина и длина кирпичей, но и толщина их. Тогда же опубликованы и замеры 17-ти вновь найденных саркелских кирпичей из Правобережного Цимлянского городища [там же, с. 97]. Итого, вне своего исследования Г. Е. Афанасьев оставил 135 саркелских кирпичей. Для статистики размеров кирпичей Саркела это более чем значимая выборка.

Не указано количество измеренных кирпичей из других городищ, включенных в таблицу Афанасьева. Последнее делает ее еще более ущербной, поскольку в публикациях упоминаются лишь единичные размеры кирпичей городищ Алексеевского, Колтуновского, Красного, Таманского, Фанагории (см. ниже).

Для получения достоверных результатов надо иметь равные по численности выборки размеров кирпичей с каждого памятника. В таблице Г. Е. Афанасьева количественная характеристика вообще отсутствует. Вместо количества кирпичей того или иного размера стоят знаки «х».

Итак, база источников, на которую Г. Е. Афанасьев опирался при составлении таблицы, осталась неизвестной. Из его таблицы нельзя заключить, размеры скольких кирпичей учтены и какая доля кирпичей из каждого из включенных в нее городищ соответствует греческой стопе, а какая не соответствует.

Приходится повторить вопрос: все ли ниже-донские кирпичи из Семикаракор, Саркела, Овчинникова и Правобережного Цимлянского учел Г. Е. Афанасьев? Насколько мне известно, в отечественной литературе такого массива измерений кирпичей нет вообще (не учитываю древнерусские). Этой выборки с лихвой достаточно для выполнения той задачи, которую он поставил перед собою: выяснить степень использования византийских (греческих) мер длины в изготовлении кирпичей в Хазарском каганате. На деле же он а priori уверен, что кирпичники каганата ни на дактиль от византийских мер длины не отклонялись. Отсюда и появился его метод доказательства, представленный вместе с полученными результатами в его упомянутой таблице [Афанасьев, 2012а, с. 36, табл. 3].

Вместо того чтобы соотнести реальные размеры кирпичей с византийской (греческой) стопой, Г. Е. Афанасьев в основу типологии кладет *предполагаемый* размер формовочного «ящика», сторона которого должна быть непременно равна стопе или кратна стопе. Иные размеры даже не рассматриваются. Мало того, он уверен, что на всей территории бассейна Дона для изготовления рамок пользовались исключительно доскою толщиной в 1 дактиль (около 2 см). Иная толщина также не предполагается. Сама толщина стенок рамки понадобилась для обоснования трудно доказуемого тезиса о том, что замеры рамки производились двумя способами – по внешней и по внутренней стороне рамки. «Если при изготовлении рамки она замерялась по внешней стороне, то размеры получаемого кирпича до его сушки будут на 2 дактиля меньше. Если же замеры проводились по внутренней стороне, размеры кирпича до его сушки будут равны заданным». Полагаю, что читатель должен сам внимательно разобраться в структуре таблицы Г. Е. Афанасьева. Я затрудняюсь определить, как хазарские кирпичники задавали размеры рамки: по внешней или внутренней стороне, или по обеим.

Для того чтобы все-таки объяснить многообразие реальных размеров, Г. Е. Афанасьев прибегает к градуированию усадки кирпичей: на 5, 7 и 10%. Откуда взята степень усадки хазарского кирпича в пределах 5–10%, не объясняется, как и то, почему не учитывает-

ся усадка на 6, 8, 9% и «более». Понятно, что, взяв за исходные не реальные размеры археологических кирпичей, а заранее взятые величины, автор получил заведомо предсказуемые результаты. Так, поскольку взято пять градаций размеров формовочного ящика ($\frac{3}{4}$, 1, $1\frac{1}{3}$, $1\frac{1}{2}$, 2 стопы), то возникают и по пять типов сырцового и обожженного кирпича.

Об усадке. Несколько лет изучением технологии изготовления семикаракорских кирпичей занимается С. Ф. Токаренко³. Установлены состав глин, естественные примеси, температура обжига, водопоглощение и т. д. Первые результаты опубликованы [Токаренко, 2009]. В дальнейшем С. Ф. Токаренко приступил к опытному воспроизведению процесса изготовления семикаракорских кирпичей от добычи глины до обжига. Посвященная этим опытам статья принята к публикации (Поволжская археология, № 1, 2015). С разрешения автора, воспользуюсь его наблюдениями, относящимися к изменениям размеров кирпичей в ходе всего процесса изготовления. Так, расхождения в размерах полученных кирпичей вызываются массой причин, которые могут накладываться друг на друга. Это разница в размерах форм при их изготовлении, при износе форм («расходились» при набивке в них глины и, соответственно, увеличивались), *различная усадка* глиняного теста в зависимости от влажности сырья, различные виды сырья, плотность набивки теста в форму и т. д. Но изначально величина усадки зависит от природы материала (глины), количества отощителя (природного песка и добавленной травы) и начальной влажности массы при формовке (в опыте влажность составляла 25–27%).

В ходе эксперимента была изготовлена форма размером 25 : 25 : 7 см, в которой было сформовано 20 заготовок кирпича для последующего обжига каждой в отдельности (илл. 2, 3). *Полная усадка* – *изменение размеров от формы до готового изделия* – составила от 8,2 до 13,3%. На этом фоне градация усадки по Г. Е. Афанасьеву (5, 7, 10%) выглядит искусственной.

Нарушение квадратности кирпича. Есть весьма показательный признак в размерах хазарских квадратных кирпичей, «мелочь», никогда ранее в нашей хазароведческой литературе не упомянутая, но замеченная в зарубежной [Иванов Р., 2006, с. 141 (автор

³ Токаренко Сергей Фёдорович, выпускник химического факультета Ростовского-на-Дону университета, главный технолог керамического производства Народный художественный промысел ЗАО «Аксинья».

приводит библиографию)). Заключается она в том, что у большого количества квадратных кирпичей одна пара противолежащих сторон часто оказывается короче другой пары. Разница может составлять от 0,5 до 1 см, иногда до 2 см (например, 25 : 24,5 см). Это говорит о том, что кирпичники не очень строго придерживались стандартов при изготовлении формовочных рамок. Но такие расхождения могут объясняться и особенностями соединения сопредельных стенок рамки. Поэтому столь важно учитывать оба замера кирпича, длину и ширину. Кроме того, среди кирпичей из Семикаракор и Саркела, которые мне пришлось измерять самому, много перекошенных, когда одна сторона была короче противолежащей или углы не были прямыми. Таких много среди саркелских кирпичей в серии из х. Овчинников. Назовем эти отклонения «нарушение квадратности» кирпича. Но есть иной вопрос, о котором мне уже приходилось писать: *была ли у хазарских строителей реальная необходимость строго придерживаться стандартных размеров кирпича* [Флёров, 2009а, с. 513]? Этот вопрос уведет нас в сторону строительных технологий. Отмечу только, что кладка сырцовых стен Семикаракорской крепости велась чрезвычайно небрежно, а швы между кирпичами были неравномерны. То же самое, вероятно, было в крепости Красная (сужу по фото: [Афанасьев, 2012а, с. 33, рис. 2: Г]).

Нарушения квадратности кирпичей фиксируются в I–VI вв. на севере Балканского полуострова в римско-византийских памятниках (табл. 1). В Хазарском же каганате это явление получило гораздо более широкое распространение.

О формовочных рамках. В данных заметках это частный вопрос, и я поднимаю его исключительно в связи с публикуемыми Г. Е. Афанасьевым рисунками рамок с одной, двумя и даже тремя ячейками (происхождение рисунков не указано: [там же, с. 33, рис. 3: А]). Споры о том, какие рамки использовали в Хазарском каганате, беспредметны – нам они неизвестны. По моим наблюдения, современные рамки, используемые в полукустарном (не механизированном) производстве сырцовых и обожженных кирпичей, сплошь одноячейстые (по материалам Северной Африки, Йемена, Индии и т. д.). Лишь в одном случае удалось выявить рамку с двумя ячейками для изготовления кирпичей небольших размеров (Тунис). Этнографические рамки с четырьмя ячейками мне пока не известны.

Подведем некоторые итоги по квадратным ниже-донским кирпичам. Градации на «типы» Г. Е. Афанасьев отразил и в дендрограмме [Афанасьев, 2012а, с. 33, рис. 3: Б]. Дендрограмма фиксирует только региональное деление форматов кирпичей (см. ниже). Имеющиеся в нашем распоряжении измерения квадратных кирпичей Саркела, саркелских кирпичей из х. Овчинников и Правобережного Цимлянского городища, Семикаракорской крепости дают иную картину: их размеры составляют *непрерывную череду* от 34 : 34 см до 22 : 21 см, притом что измерения производились с шагом в 0,5 см. Никакого членения длины кирпичей с шагом в половину или треть стопы, в дактиль (что принято за основу типологии в таблице Г. Е. Афанасьева), не существовало. Только ориентировочно можно говорить о преобладании кирпичей со стороной от 25,5 до 24 см. Проблема в том, что пока не накоплена надежная по численности выборка измерений. Некоторую подсказку дают замеры толщины 3873 обломков семикаракорских кирпичей (отвергнутую Г. Е. Афанасьевым). Абсолютно преобладающих, т. е. составляющих более 50%, по толщине среди них нет. Общий диапазон толщины от 4 до 8,5 см. Зафиксирована и толщина в 9 см [Раппопорт, 1959, с. 38, примеч. 11]. По частоте встречаемости выделяется лишь группа кирпичей толщиной в 5 см, на их долю приходится всего 26,6% учтенных. Весьма вероятно, что и кирпичи размером от 25,5 до 24 см составляют такой же процент от остальных, даже без учета нарушения квадратности. Для основной массы кирпичей толщина коррелирует с длиной и шириной. С поступлением новых находок этот тезис будет уточняться. Более подробные комментарии к размерам семикаракорских кирпичей см.: [Флёров, 2009а, с. 504–507].

Полуформатные и прямоугольные кирпичи. Помимо квадратных с неустойчивыми размерами кирпичей, распространение имели полуформатные (половина от квадрата) и прямоугольные. Проще всего обстоит дело с *полуформатными* – производными от квадратных кирпичей. В Семикаракорской крепости их выделка связана с технологией кладки – ширина стены составляла 5 рядов квадратных кирпичей + 1 ряд полуформатных, половинчатых [Флёров, 2009а, рис. на с. 530, рис-фото 15]. Таким образом, каждый шестой кирпич среди семикаракорских должен быть полуформатным. Иногда сырцовые квадратные кирпичи просто рассекали пополам.

Сложнее ситуация с *прямоугольными* кирпичами, причем их не всегда возможно отделить от полуформатных из-за неустойчивости

ширины последних (как и ширины квадратных – «отклонение от квадратности»). Кирпич размерами 24,5 : 12 : 4,5 см, несомненно, полуформатный с ничтожным отклонением длины на 0,5 см (ср.: 24 : 12 : 4,8 см). С отнесением же кирпича размером 26 : 12 : 5,5 см к полуформатным или прямоугольным возникают проблемы, если только формально придерживаться пропорции 1 : 0,5. Все это лишь показатель того, что для кладки стен Семикаракорской крепости такие нарушения указанной пропорции не имели ни малейшего значения. Допустимы и большие.

Прямоугольные кирпичи представлены в Саркеле, и не заметить этого невозможно. Причем их пропорции⁴ различны, а точнее – бессистемны (несколько примеров представлены в табл. 2).

Таблица 2

Саркел. Прямоугольные кирпичи

Размеры кирпича (см)	Пропорции
30 : 20	1 : 0,66
29 : 24	1 : 0,82
28 : 22	1 : 0,78
27 : 11	1 : 0,41
20 : 16	1 : 0,80

Составлено по: [Флёрова, 1997, с. 166, 167].

Кирпичи прямоугольные с разными пропорциями и размерами можно видеть в издании М. И. Артамонова [Артамонов, 1935, с. 91, 92] (эти данные были переопубликованы мною: [Флёров, 2009а, с. 531, 532]). Установить их долю в общей массе кирпичей на сегодня невозможно, но она была значительной. Нет ответа на вопрос о назначении кирпичей нестандартных пропорций и размеров в конкретных памятниках. Для Саркела причина этого состоит в почти полном разрушении кладок его стен на протяжении XVIII–XIX вв. В кладках Семикаракорской крепости они встречаются без определенной системы. Последнее заставляет предполагать, что изготовители рамок позволяли себе значительные отступления от основных местных «стандартов» своей продукции: нарушали «квадратность кирпичей» и не только. Тем не менее можно попытаться свести все

⁴ Пропорции – важнейших признак, который должен учитываться при изучении кирпичей. Впервые использован автором [Флёров, 2011, с. 148, 149].

размеры нестандартных прямоугольных кирпичей к римско-византийским единицам. Но тут же возникает вопрос: насколько строители Саркела и Семикаракорской крепости знали весь набор таких единиц? Не будем забывать, что строители – это местное население, о чем недвусмысленно свидетельствуют знаки-метки на кирпичах.

Редкие форматы кирпичей – особая тема. Самый яркий образец – саркелский обожженный кирпич 46 : 13 : 7 см [Раппопорт, 1959, с. 38, примеч. 11]. Данный кирпич представляет иную традицию кирпичного ремесла, не получившую на Нижнем Дону распространения. Некоторое сходство по длине и толщине в нем улавливается с сырцовыми кирпичами городищ Правобережного Цимлянского, Таманского, Шелковского, Верхнего Чир-юрта [Флёров, 2011, с. 148, 149]. *В целом же при изучении кирпичей не следует кирпич редких для конкретного памятника (региона) пропорций и размера относить к «случайным».* Такие, как этот «случайный», могут быть распространенными на других памятниках. Возникает проблема дифференциации кирпичей с отклонениями от стандартов и кирпичей разных традиций. Так, в Правобережной Цимлянской крепости представлены сырцовые кирпичи со значительными колебаниями толщины – от 6,5 до 10 см (табл. 3)

Т а б л и ц а 3
Правобережная Цимлянская крепость.
Сырцовые кирпичи.

Квадратные	Полуформатные	Прямоугольные
	40 : 20 : 10	
	40 : 20 : 8	
37 : 35 : 8,5		
36 : 36 : 9	36 : 18 : 8	36 : 28-27 : 9
36 : ?? : 8		36 : 28-27 : 8
36 : 36 : 8,5		
36-35 : 36-35 : 9		
36-35 : 36-35 : 8	36 : 17 : 8	
36-35 : 36-35 : 7		
	35 : 18 : 8	
35 : 35 : 8		
	35 : 17 : 8	
?? : 35 : 7		
35 : 35 : 6,5		

Не случайно обращено внимание на толщину (не учитываемую Г. Е. Афанасьевым), от которой зависели объем и вес кирпича [Флёров, 2013, с. 48, 49]. Это лишь один из примеров. В целом же эта традиция изготовления кирпичей представлена и в крепостях на р. Тихая Сосна, но там встречены и иные форматы: от 55 : 50 : 8–7 до 45 : 30 : 8–7 см. На Правобережном городище лишь один обожженный кирпич («плита», по выражению С. А. Плетнёвой: [Плетнёва, 1994, с. 332]) имеет размеры 55 : 36 : 5 (не 7–9 см!), но он принесен из Саркела. Попутно отмечу низкое качество кирпичей городища Красного в сравнении с обожженными кирпичами Нижнего Дона: «Глиняная формовочная масса насыщена крупными стеблями соломы, травы, половой, попадают зерна злаков. Обжиг кирпичей не качественный» [Красильников, 1986, с. 255]. Не исключено, что повышенная толщина кирпичей Красного предохраняла от деформации (излома) их сырые заготовки. Встает вопрос о зависимости толщины кирпича от качества сырья и вида примесей. На Нижнем Дону использование соломы в примесях не отмечено. Что касается формы кирпичей Красного, то К. И. Красильников, в отличие от Г. Е. Афанасьева, отметил, что кирпичи Красного подразделяются на три формата: два прямоугольных и один квадратный (там же), хотя правильнее говорить о двух – квадратном и прямоугольном. Не нужен кластерный анализ, чтобы увидеть, что кирпичи ниже-донских Семикаракорского и Левобережного городищ (по Г. Е. Афанасьеву – группы «А») в массе имеют иное происхождение, нежели кирпичи из городищ Колтуновское и Красное долины Тихой Сосны (группа «Б») [Афанасьев, 2012а, с. 35]. Для полного же сравнения выборки с двух этих городищ мизерны, а с третьего городища, Алексеевского, особенно (см. ниже о статистике). Но имеет смысла сравнивать их с сырцовыми кирпичами иной традиции из Правобережного Цимлянского городища (табл. 4), не ограничиваясь указанием на соразмерность кирпичей из таблицы Афанасьева 1 1/3, 1 1/2 стопам (ср.: илл. 1).

Таблица 4

*Кирпичи городищ на р. Тихая Сосна
и сырцовые кирпичи Правобережного Цимлянского (ПЦГ)*

Размеры кирпича	Формат кирпича	Алексе- евское	Колту- новское	Красное	ПЦГ
55 : 50 : 8-7	квадратный			+	
55-50 : 30-25 : 8-7 плохой обжиг	<u>прямоугольный</u>			+	
46 : 45 : 8-7	квадратный			+	
46-40 : 46-40 : 8-7 плохой обжиг	квадратный			+	
46-30 : 40-30 : 7-4 сырцовый	<u>прямоугольный</u>		+		
45 : 42 : 8-7 плохой обжиг	<u>прямоугольный</u>			+	
45 : 30 : 8-7 плохой обжиг	<u>прямоугольный</u>			+	
40 : 40 : 8-7 плохой обжиг	квадратный			+	
40 : 20 : 10 сырцовый	полуформатный			+	+
40 : 20 : 8	полуформатный				+
40 : ? : 8	форма?	+			
37 : 35 : 8,5	квадратный				+
36 : 36 : 9	квадратный				+
36 : 36 : 8,5	квадратный				+
36 : 28-27 : 9-7	<u>прямоугольный</u>				+
36 : 18 : 8	полуформатный				+
35,5 : 35,5 : ? плохой обжиг	квадратный	+			
35 : 35 : 8	квадратный				+
35 : 35 : 7	квадратный				+
35 : 35 : 6,5	квадратный				+

Чрезвычайно любопытно, что форматы кирпичей городища Красное вызвали затруднение у его исследователя К. И. Красильникова при сравнении их с византийскими: «сравнивая строительные материалы форта⁵ Красное городище с кирпичами, используемыми в строительном деле Византии, нельзя не заметить очевидные расхождения в размерах». Но и это не остановило автора, неукоснительно следующего византийской линии Г. Е. Афанасьева, подыскать объяснения при помощи бессистемных ссылок на разные памятники византийского времени [Красильников, Красильникова, 2014, с. 420]. У самого Г. Е. Афанасьева нет столь откровенного признания несхожести кирпичей Красного и византийских, но представлены обычные для него бессистемные ссылки на разновременные кирпичи из обширных территорий [Афанасьев, Красильников, 2012, с. 217].

То же самое относится и к планам крепостей (иных строений). Недопустим в ссылках громадный хронологический разброс (равно и географический). В публикациях Г. Е. Афанасьева он достигает сотен лет. Например, сравнивается городище Красное, IX(?) в. на Среднем Дону с монастырем Св. Екатерины⁶ на Синае, VI в. [там же, с. 211]. Тем не менее остановимся на этом примере. Предупреждая о невозможности определить длину стен городища Красное до полного их вскрытия, Г. Е. Афанасьев все-таки предлагает абсолютно точные цифры: 250 x 250 x 200 x 250 футов. Далее следует: «Сопоставляя византийские параметры с наблюдениями П. Андервуда, изучавшего параметрические характеристики построек византийских архитекторов эпохи Юстиниана, мы находим общее: в обоих случаях использованы размеры, кратные 10. Более того, П. Андервуд заметил, что при проектировании сооружений византийские архитекторы очень часто использовали размеры в 50 футов. Действительно, в качестве примера такой кратности при возведении оборонительных сооружений можно привести монастырь Святой Елены на Синайском полуострове, основанный в IV в.» [там же].

План монастыря доступен по многочисленным изданиям. Длина его стен: северная стена 87,5 м/280,1 фута, восточная стена

⁵ К. И. Красильников не объясняет, что побудило его использовать для Красного определение «форт».

⁶ Г. Е. Афанасьев ошибочно называет его монастырем «Святой Елены» [Афанасьев, Красильников, 2012, с. 21].

85,5 м/273,7 фута, южная стена 80 м/256,1 фута, западная стена 77,5 м/ 248 футов. Оценить данные цифры и степень их кратности 10-ти и 50-ти я предоставляю читателям. Отмечу лишь, что сравнивать длину не раскопанных стен городища Красное со стенами монастыря Св. Екатерины некорректно, в том числе и по причине явного различия в планах этих памятников (илл. 6).

Попробуем в качестве эксперимента, не более, и для сравнения пересчитать в футы длину стен городища Семикаракоры, более исследованного, чем Красное, и более напоминающего своим планом монастырь Св. Екатерины. По внешним стенам получим: северная 656,4 фута, восточная 672,4 фута, южная 742,8 фута, западная 608,3 фута. Стены цитадели: северная 294,6 фута, западная и восточная по 272,2 фута, южная 281,8 фута. О кратности 10-ти или 50-ти говорить трудно.

Вернемся к городищу Красное. При повышенном внимании Г. Е. Афанасьева и К. И. Красильникова к византийским кирпичам несколько странным выглядит следующее. В их совместной публикации на чертеже крепостной стены городища Красное кирпичи имеют вид сформованных крайне небрежно. Их размеры неупорядоченные и очень разнообразные; многие перекошены и только некоторые прямоугольны. На них нет трещин. Заметны широкие швы между кирпичами. В целом этот чертеж воспринимается как выполненный непосредственно на раскопках, т. е. оригинальный [Афанасьев, Красильников, 2012, с. 224, рис. 10]. Совершенно по иному выглядит тот же участок стены в другой публикации [Красильников, Красильникова, 2014, с. 425, рис. 3: 1]. На нем кирпичи имеют прямые углы, но покрыты трещинами. Кладка достаточно упорядочена, швы менее заметны. Остается надеяться, что соавторы найдут возможность прояснить, каким из этих двух чертежей можно пользоваться.

Толщина кирпичей городища Самосделка. Важность такого признака, как толщина, можно продемонстрировать на примере самосделских кирпичей. В данном случае не имеет значения, признавать нижние слои городища Самосделка за принадлежащие Итилю или не признавать [Афанасьев, 2011, с. 108; Флёров, 2011, с. 113–115]. Вне зависимости от проблемы местонахождения Итиля, хазароведы не могут обойти вниманием кирпичи Самосделки как один из источников для ее решения путем сравнения, прежде всего, с кирпичами ниже-донских городищ. Информация о кирпи-

чах Самосделки пока невелика. Массовых замеров нет. В этих условиях имеет значение даже разделение их размеров на редкие и распространенные без указания количества тех и других, как делают это исследователи городища (табл. 5).

Таблица 5

*Городище Самосделка.
Кирпичи квадратные, обожженные*

40 : 40 : 9	встречаются редко
40 : 40 : 8	
39 : 39 : 9	
39 : 39 : 8	
34 : 32 : 8	
от 33 : 33 : 7 - 4 до 30 : 30 : 7 - 4	
32 : 32 : 9	
32 : 32 : 8	
32 : 32 : 7	
31 : 31 : 7 - 4	
30 : 30 : 7 - 4	
от 27,5 : 27,5 : 6,5 до 26 : 26 : 6,5	
25 : 25 : 5 - <u>3,5</u>	распространённые размеры
25 : 25 : <u>4</u>	
24 : 24 : 5 - <u>3,5</u>	
23,5 : 23,5 : 5 - <u>3,5</u>	
23 : 23 : 5 - <u>3,5</u>	
22,5 : 22,5 : 4 - <u>3,5</u>	
22,5 : 21 : 4	
22 : 22 : 4 - <u>3,5</u>	
21 : 20 : <u>3,5</u>	

Составлено по: [Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006].

Самосделские «распространенные» кирпичи по двум горизонтальным параметрам, безусловно, находят соответствия среди ниже-донских (хотя без статистики нельзя определить, какие размеры в этой серии преобладают). Однако сходство на этом закан-

чивается, так как нельзя не заметить группу самосделских кирпичей толщиной в 3,5 см, совершенно не характерную для кирпичей Саркела и Семикаракорской крепости. В последней найден лишь один кирпич размером 23 : 23 : 3 см. Нехарактерны для Нижнего Дона кирпичи группы «редкие» с размерами от 40 : 40 : 9 до 31 : 31 : 7–4 см.

В совокупности это позволяет ставить вопрос об особенностях кирпичной традиции на городище Самосделка. К ним относится полное отсутствие на самосделских кирпичах знаков (меток) и худшее качество. Но, как бы то ни было, кирпичи Самосделки до времени не следует исключать из дискуссии о параметрах хазарских кирпичей, если, разумеется, вести ее с учетом их толщины. В полной мере такая дискуссия развернется после уточнения хронологии нижних слоев городища. В связи с этим надо учесть встреченный на городище пятиугольный кирпич (мне известен лишь один экземпляр из городища Самосделка; их статистика не определена). Заметное распространение такие кирпичи получают в постхазарское время.

В русле исследований о кирпичах с территории Хазарского каганата наряду с кирпичами Самосделки должны оставаться кирпичи и других памятников хазарского времени, имеющие размеры хазарских кирпичей или близкие к ним. В этом отношении представляют интерес и кирпичи Орен-калы. Из публикации в публикацию Г. Е. Афанасьев упрекает ряд исследователей, включая П. А. Раппопорта и автора данной статьи, в упоминании кирпичей Орен-калы, но не приводит мнение А. Л. Якобсона о возможном датировании среднего пояса орен-калинской кладки VIII–IX вв. [*Раппопорт*, 1959, с. 39, примеч. 15]. Только с уточнением хронологии строительства Орен-калы проблема будет решена.

Поставленный Г. Е. Афанасьевым вопрос об использовании в кирпичном производстве Хазарского каганата византийских (греческих) линейных мер заслуживает внимания, но начинать его рассматривать все-таки следует не с реконструкции размеров формовочных рамок и толщины их стенок, а с систематизации размеров самих кирпичей и с учетом трех параметров – длины, ширины и толщины. Другими словами, за основу надо брать сам археологический источник. Что касается усадки при сушке (основа в типологии Г. Е. Афанасьева), то без лабораторных исследований определить ее в каждом конкретном случае невозможно (для памятника

в целом и для серий кирпичей разных размеров с одного памятника). Пока это делает, и только для кирпичей Семикаракорской крепости, как упоминалось выше, С. Ф. Токаренко.

Статистика размеров кирпичей и блоков. Для реконструкции системы мер, применявшейся в производстве хазарских кирпичей, неизменным условием является использование максимально возможных выборок. Размеры из малых не дают гарантии того, что именно в них находящиеся кирпичи (а не иные) являются основными для данного памятника (строения). Только представительная выборка позволит выделить размеры и формы кирпичей: а) преобладающие, б) менее распространенные, в) редкие, г) единичные, д) нестандартные. Точно так же и только на основе репрезентативного количества можно сравнивать кирпичи двух и более памятников, как синхронных, так и в хронологических срезах, в поисках прототипов.

К сожалению, нынешняя ситуация такова, что большие выборки, могущие стать основой для надежных заключений по хазарским кирпичам, не накоплены. Даже относительно большое количество замеров кирпичей Семикаракорской крепости (может быть, исключая толщину) не стоит переоценивать. Репрезентативность выборки должна соотноситься с общим количеством фактов. По моим самым приблизительным расчетам, для оборонительных стен Семикаракорской крепости произведено не менее 2 млн шт. кирпича, в основном сырцового.

Некорректно использовать для выводов «среднестатистические» размеры, как делает Г. Е. Афанасьев в отношении блоков Маяцкой крепости [Афанасьев, 2010, с. 131, 132]. По его вычислениям по 902 блокам, их средние размеры должны были составлять 41,8 x 29,5 x 22,3 см.

Пользуясь списком размеров маяцких блоков из развалин стен Маяцкой крепости [там же, с. 138–148], я получил следующие неожиданные цифры, которые и предлагаю для сравнения со среднестатистическими.

Блоков длиной **42 см⁷** оказалось всего **33 экз. = 3,65%.**

Поскольку округлять 29,5 см в ту или иную сторону равно некорректно, сделаны выборки блоков отдельно шириною в 29 и в 30 см.

Блоков шириною **29 см** оказалось **24 экз. = 2,66%.**

Блоков шириною **30 см** оказалось **56 экз. = 6,20%.**

⁷ Размеры блоков указаны без десятых долей, поэтому 41,8 см округлены до 42 см.

Блоков толщиной **22 см** оказалось **54 экз. = 6,0%**.

Итак, среднестатистическим показателям размеров соответствуют от 2,66 до 6,20% блоков Маяцкой крепости.

Еще более интересные результаты оказались по поиску блоков с идеальными среднестатистическими размерами и пропорциями, рассчитанными Г. Е. Афанасьевым – $1\frac{1}{3} \times 1 \times 2\frac{2}{3}$ византийского фута. Удалось обнаружить *единственный блок* размером **42 x 29 x 22 см** и также *единственный* **42 x 30 x 23 см** из 902 учтенных. К ним можно прибавить, уже размывая среднестатистические размеры, блоки: 42 x 32 x 21 | 42 x 30 x 26 | 42 x 32 : 20 | 42 x 32 x 30 | 42 x 32 x 27 | 42 x 29 x 26 | 42 x 28 x 19 см.

Следующий раздел данной статьи посвятим **проблеме пересчета на футы размеров хазарских крепостей**. Эта тема в публикациях Г. Е. Афанасьева также заслуживает внимания, а в равной степени и критического разбора.

В недавней статье Г. Е. Афанасьев предпринял реконструкцию выноса на местность проекта Маяцкой крепости (илл. 4: 1): «Вдоль обрыва коренного берега протягивается прямая, на которой откладывается отрезок АВ, равный 400 футам. От концов отрезка (из точек А и В) откладывается во внутрь по 50 футов, где отмечаются точки Е и F. Из полученных точек (с помощью диоптра Герона или применяя метод построения египетского треугольника) восстанавливаются перпендикуляры. Из точек А и В строятся окружности с радиусом в 300 футов (= 93,69 м. – В.Ф.) до пересечения с восстановленными перпендикулярами. Точки пересечения окружностей с перпендикулярами и будут вершинами трапеции (точки С и D) со сторонами АВ–АС–CD–DB заданных размеров 400 x 300 x 300 x 300 футов» [Афанасьев, 2010, с. 134, 135, рис. 10; Афанасьев, 2012а, с. 41, рис. 6: Б]; та же версия реконструкции: [Афанасьев, 2013].

Приведенному описанию предпослана ссылка на рекомендации Флавия Вегеция Рената (конец IV – начало V в.) по построению лагеря. Были ли они известны строителям крепости, как и диоптр Герона? Неясно и более важное для нас: зачем понадобилось возводить крепость непременно в форме симметричной трапеции, а не иного плана (ср. с прямоугольным Саркелом), со столь сложной разметкой на местности? Действительно ли они смогли выполнить разметку с такой точностью, что получили крепость со стенами в 400, 300, 300 и 300 футов и не ошиблись на фут или два?

Обратимся к археологической реальности, отраженной в плане Маяцкой крепости, частично установленной в ходе раскопок, проводившихся экспедицией под руководством С. А. Плетнёвой при участии Г. Е. Афанасьева [Афанасьев, 2012а, с. 39, рис. 4]. Реальность такова: раскопками установлены направления достаточно протяженных отрезков только двух стен – юго-восточной и юго-западной. Сравнивая реконструированный Г. Е. Афанасьевым план и план раскопок экспедиции, получим нижеследующие результаты (илл. 4: 1, 2) (при дальнейшем чтении обращаться к этим рисункам).

(1) В первую очередь обратим внимание на то, что *юго-западная стена не прямоугольная*, как обозначено на реконструкции Г. Е. Афанасьева. Ее отрезки, разделяемые воротами, имеют разное направление, угол между ними примерно $172\text{--}173^\circ$.

(2) Раскопанный южный угол крепости равен примерно 116° . На реконструкции Г. Е. Афанасьева он же, угол BDC, – примерно 100° .

(3) Короткий, чуть более 4 м, вскрытый отрезок северо-восточной стены позволяет, хотя и приблизительно (на основе маломасштабной публикации), восстановить ее направление и величину восточного угла крепости между нею и юго-восточной стеной. Он равен примерно $97\text{--}98^\circ$. По реконструкции Г. Е. Афанасьева, этот угол равен 100° . Итог: *план Маяцкой крепости – асимметричная трапеция, а вероятнее всего, неправильный четырехугольник*.

(4) О том, что *реконструкция Г. Е. Афанасьева изначально неверна*, свидетельствуют и следующие сравнения. По Г. Е. Афанасьеву, отрезки BF и AE равновелики – по 50 футов. По моим промерам, отрезок BF равен 83 футам (26 м), отрезок AE равен 58 футам (18 м). Это различие покрывает даже неизбежную погрешность при моих замерах по маломасштабным чертежам.

(5) Остается добавить, что неоправданной оказалась ссылка Г. Е. Афанасьева на П. Андервуда об упоминавшейся выше кратности размеров византийских крепостей времен Юстиниана 10 футам и частому использованию в них размера 50 футов. Не буду выходить за рамки темы данных заметок и лишь отмечу, что византийские постройки, и не только эпохи Юстиниана, чрезвычайно разновелики, а их очертания приравнивались к рельефам местности (например: [Динчев, 2006; Аладжов, 2010]). В целом же сведения о византийских крепостях, а тем более рекомендации римских и византийских авторов о строительстве крепостей и строительных материалах надо использовать с большой осторожностью, учитывая

разные уровни строительной и общей культуры Византии и Хазарского каганата.

Мы подошли к важнейшему требованию реконструкции планов четырехугольных хазарских крепостей. Для относительно достоверной реконструкции всей крепости надо иметь раскопанными все четыре угла, еще лучше в сочетании с достаточно протяженными отрезками стен. Либо иметь раскопанными достаточно протяженные отрезки всех четырех стен, чтобы получить возможность высчитать величину углов. Но и при этом надо убедиться, что стены крепости прямолинейны. Наконец, учитывать возможное приспособление крепости к окружающему рельефу.

Что же у нас есть, и чего нет из этого для Маяцкой крепости? Раскопан только один угол, южный. Три прочие не вскрыты. Установить направление и длину северо-западной стены, самой длинной у крепости, поставленной на краю обрыва к р. Тихая Сосна, нельзя, так как неизвестны прилегающие к ней углы (северный и западный). По реконструкции Г. Е. Афанасьева, ее длина (отрезок АВ) – 400 футов (124,9 м), что до раскопок невозможно проверить. Нельзя установить длину северо-восточной стены, так как не раскопаны примыкающие к ней углы (северный и восточный). При этом предложенную мною реконструкцию можно и не брать в расчет.

Общий итог очевиден: Маяцкая крепость не имела реконструированных Г. Е. Афанасьевым очертаний и размеров, прежде всего, из-за разницы в величине южного и восточного углов. Длина трех стен крепости остается неизвестной ни в метрах, ни в футах. Наконец, отмечу, что и общая длина юго-западной стены, наиболее раскопанной, остается под вопросом из-за неясности точки стыка с сопредельной северо-западной стеной. По этим причинам «инструментальные обмеры» Маяцкой крепости, 94 x 125 м [Афанасьев, 2012, с. 44], не могут быть приняты, как и реконструкция плана.

На очень приблизительном плане С. Н. Замятнина Верхне-Ольшанской крепости на той же Тихой Сосне [Замятнин, 1921; Флёров, 2012, илл. 2] видно, что она имела очертания неправильного четырехугольника, как и недалеко расположенная Маяцкая. Показательно, что очертания (направления стен) западной стороны Верхне-Ольшанского городища подчинялись повороту берегового обрыва, а не сложным геодезическим расчетам строителей. Противолежащий же восточный угол тяготел к 90°. В общих чертах обе крепости построены в одной традиции.

Кто строил Маяцкую крепость? В русле исключительно византийской направленности Г. Е. Афанасьев привлекает еще один неожиданный аргумент: находка надписи № 17 из двух рун, «сделанной значительно более глубокой, чем другие надписи резьбой» [Афанасьев, 2012б]. Надпись имеет глубину 1,5–2 мм, действительно, значительную для граффити и надписей (0,5–3 мм, очень редко до 5 мм), но нехарактерную для знаков каменотесов (о глубине знаков и надписей: [Нахапетян (Флёрова), 1990, с. 63–79; Кызласов, 1990]. Заметная глубина начертания вызвана тем, что «надпись нанесена на бугристую поверхность рваного камня» [Кызласов, 1990, с. 19]. Оба знака (в сводной таблице И. Л. Кызласова № 28 и № 5) повторяются в рунических надписях Маяцкого (2/2 и 8/5 – число знаков/число надписей). Причем оба знака не являются специфическими для донской руники, а встречаются в надписях всей степной Евразии до Орхона [Васильев, 1983, с. 7; Кызласов, 1994, табл. XXIII, № 30 и 32; с. 261 – надпись имеет обозначение «Д-20 Маяцкое-17»]. Всего на Маяцком найдено 18 рунических надписей. Первоначальное положение валуна (заготовка блока?) с надписью М17 неизвестно.

О надписи Г. Е. Афанасьев пишет буквально следующее: «Бросается в глаза, что две буквы, из которых состоит эта надпись, тождественны (? – В. Ф.) написанию греческих букв – ΥΣ. По своей палеографии они напоминают начертания двух последних букв в знаменитой византийской криптограмме из Эфеса ΙΧΘΥΣ...». Далее на основании указанного сопоставления ставится вопрос о «практическом пребывании и участии византийских архитекторов и мастеров в строительстве этой (Маяцкой. – В. Ф.) крепости» [Афанасьев, 2012б].

Тема «греческих букв» развивается в другой публикации, в которой Г. Е. Афанасьев в качестве образца рунических тестов воспроизводит прорисовку длинной надписи М10, выполненной донским письмом [Афанасьев, 2012в]. Возникает вопрос, почему же он не увидел в верхней строке этого текста те же знаки Σ и Υ, стоящие порознь среди множества остальных *рунических* и то, что знак Σ дан здесь в зеркальном изображении? Наконец, почему автору не бросилось в глаза, что руна Σ присутствует в маяцких надписях М4 и М7? Последняя опубликована И. Л. Кызласовым рядом с надписью М17. Обратим внимание на важную деталь: И. Л. Кызласов публикует знак Υ развилкой вниз(!) [Кызласов, 1990, с. 30, рис. 4].

У Г. Е. Афанасьева развилка направлена вверх [Афанасьев, 2012б, с. 262, рис. 1], что и придает знаку «греческий вид». Также развилкой вниз изображен тот же знак в надписях М16 и в надписи с полем № 37 [Кызласов, 1990, с. 38, 39, рис. 11, 12]. В таком же положении он стоит и в сводной палеографической таблице И. Л. Кызласова [там же, с. 40]. В целом же знаки Υ и Σ, особенно первый, распространены очень широко, перечень литературы займет несколько страниц. Несколько примеров. В Плиске известны оба знака, а кроме того – своеобразная многочленная «сигма» [Михайлов, 1955, с. 123, обр. 61] (см. также: [Иванов Ст., 2003, с. 225]). Трехчленная «сигма» в длинной надписи найдена в Харьковской области [Колода, 2014]. Возможно, знак Υ входит в состав рунической надписи на астрагале из славянского Животинного городища [Винников, 2014, с. 310, рис. 66: 14]. Комментарии к тезису Г. Е. Афанасьева об аланском языке населения Маяцкого комплекса со ссылкой на С. А. Яценко будут здесь не к месту. Но не могу не напомнить, что недавно рядом с Маяцким городищем в дополнение к уже известному катакомбному открыт ямный могильник с характерными признаками тех же постпогребальных обрядов, что и на первом [Сарапулкин, 2014]. Из сказанного выше следует, что на вопрос «о практическом пребывании и участии византийских архитекторов и мастеров в строительстве этой [Маяцкой] крепости» придется ответить отрицательно. Во всяком случае, как повод для такой постановки вопроса «греческая» надпись оказалась более чем несостоятельна.

Еще о реконструкциях. Вернемся к кирпичной Семикаракорской крепости и рассмотрим проблемы реконструкции ее плана. Они оказались те же, что и для Маяцкой крепости: нехватка исходной информации. Предлагаемая реконструкция Семикаракорской крепости еще далека от совершенства, в значительной мере ориентирована на рельеф, т. е. «валы» – расплывшиеся остатки стен из сырцовых кирпичей (илл. 5). Топографической основой реконструкции стал план крепости (инструментальная съемка).

Начнем с внешнего контура. Реальная длина всех стен крепости после раскопок 1971–1974 гг. осталась неизвестной, однако в результате их были установлены: 1) размер северо-восточного угла – 85°; 2) точное направление двух отрезков северной стены. Кстати, направление их было различным, как и у отрезков юго-западной стены Маяцкой крепости; 3) точное направление отрезка восточной

стены от северо-восточного угла до развалин донжона (курганообразная насыпь).

Направления же западной и южной стен восстанавливались по рельефу, т. е. со значительными допусками. Соответственно, величина северо-западного (103°) и юго-западного углов (84°) имеют допуски не менее чем $\pm 1,0-1,5^\circ$. Незначительность допуска только кажущаяся, так как при длине крепостных стен в среднем 200 м малейшие изменения величины углов с неизбежностью влекут изменение длины стен на несколько метров.

При размещении крепости на местности руководитель строительства допустил значительный просчет. Вся крепость стояла на практически ровном участке, но на месте будущего юго-восточного угла начинался резкий скат в сторону поймы р. Салок, русло которой проходит вдоль восточной стороны крепости. Этот скат и не был учтен. Ошибку надо было исправлять, в результате чего юго-восточный угол пришлось «срезать». Если бы не это, то юго-восточный угол составлял бы примерно 88° . Итак, при всех допусках «создать» симметричный план крепости, кратный 10 или 50 футам, не удастся. Тем более невозможно приблизить очертания крепости к квадрату или прямоугольнику.

Лишь отдаленно к очертаниям квадрата приближается план цитадели Семикаракорской крепости. Для его реконструкции имелось только два надежных элемента: установленные раскопками направления северной и южной стен и расстояние между ними. Длина же всех четырех стен и углы между ними только приблизительно определены по рельефу. В реконструкции примерно равновеликими оказались лишь противолежащие восточная и западная стены. В реальности же одна может быть короче другой. Но даже при этом реконструированный план цитадели является четырехугольным с разной величиной углов, из которых ни один не является прямым.

У меня только одно объяснение появлению крепости с разновеликими по протяженности стенами и разновеликими углами и такой же асимметричной цитаделью: *Семикаракорскую крепость строили «на глазок»*, лишь соизмеряя ее площадь с потребностями размещения в ней намеченных объектов, предполагаемой численности гарнизона и части окрестного населения, лошадей и скота, запасов фуража на случай вражеских набегов. Никакие рекомендации византийских строителей и приборы в разметке плана Семикаракор-

ской крепости на местности явно не использовались (как и Маяцкой). Не удивляет и ошибка с юго-восточным углом крепости.

Такой же асимметричной, не кратной в своих размерах числам 10 или 50, была и кирпичная крепость на р. Тихая Сосна, остатки которой скрывает городище Красное, входящее в одну оборонительную систему с Маяцкой. По данным К. И. Красильникова, стены («валы») городища имели разную длину: 66, 52, 64, 68 м [Красильников, 1986, с. 255]. Однако существует проблема графического изображения плана Красного. В публикациях он выглядит как схема: валы обозначены условно лентой одной ширины. Вопросы вызывают равномерно скругленные углы, каковыми они не могут быть. Таким образом, реальная длина каждой стены, форма и размеры углов остаются неустановленными. За отсутствием этой важнейшей информации сегодня невозможно укладывать план крепости Красное ни «в римско-византийскую традицию», как преждевременно делают Г. Е. Афанасьев и К. И. Красильников [Афанасьев, Красильников, 2012, с. 218]⁸, ни в какую-либо иную. В то же время нельзя не заметить, что на план крепости повлияло ее удачное расположение между двумя оврагами.

Наконец, не может быть принята версия о недостроенности крепости Красное. Следуя за ней, придется признать недостроенной и Семикаракорскую крепость, стены которой сохранились на ту же высоту, что и Красного. С. А. Плетнёва посчитала недостроенной Правобережную Цимлянскую крепость [Плетнёва, 1993]. Итого, в Хазарском каганате могут появиться уже три «недостроенные» крепости.

Г. Е. Афанасьев не ограничился в своих публикациях рассмотрением археологических материалов, но и предложил историческое обобщение: альянс Византии и Хазарского каганата против Арабского халифата, одним из практических шагов которого стала миссия «протоспафария Ивана по укреплению аланских крепостей на перевальных путях в Закавказье» [Афанасьев, Красильников, 2012, с. 209]. Речь идет о тексте на ленте из Мощевой Балки. Основанием стала ссылка на тезисы С. Н. Малахова [Малахов, 2004]. Ранее Г. Е. Афанасьев только мимоходом высказал предположение о миссии Иваниса с опорой на ту же публикацию С. Н. Малахова [Афанасьев, 2011, с. 118]. Сам же С. Н. Малахов тоже сде-

⁸ К городищу Красное и публикациям о нем автор намерен еще вернуться.

лал лишь предположение: «Появление протоспафария Ивана в Западной Алании *могло быть* (! – кусив мой. – В. Ф.) вызвано теми же обстоятельствами, какие привели спафарокандидата Петруну Каматира в Подонье, на западную границу Хазарии» [Малахов, 2004, с. 122]. Далее С. Н. Малахов развил свое «могло быть», но не превратил его в безоговорочное утверждение. Итак, предположение одного автора, С. Н. Малахова, через промежуточный этап трансформировано в утверждение другого, Г. Е. Афанасьева⁹. Что касается реальной информативности текста на ленте, то она ограничена, самой же ленты как археологического источника – ничтожна. Этническая принадлежность самого «Ивана» дискуссионна [Сорочан, Флёров, 2015; Виноградов, 2013].

* * *

В настоящее время изучение хазарского кирпича и всего с ним связанного (размеров, технологии, системы кладки) находится на начальной стадии. Остро сказывается недостаток археологических источников. Что должно стать основным направлением в изучении кирпичного производства в Хазарском каганате? На мой взгляд, в первую очередь необходимо выяснить, пережили ли византийские или иные привнесенные образцы трансформацию в местных условиях или же они воспроизводились без изменений, включая размеры и пропорции? При этом следует ожидать, что местные кирпичники далеко не всегда соблюдали чужие «стандарты». Ведь и сами новые для них «стандарты» были далеко не стандартными.

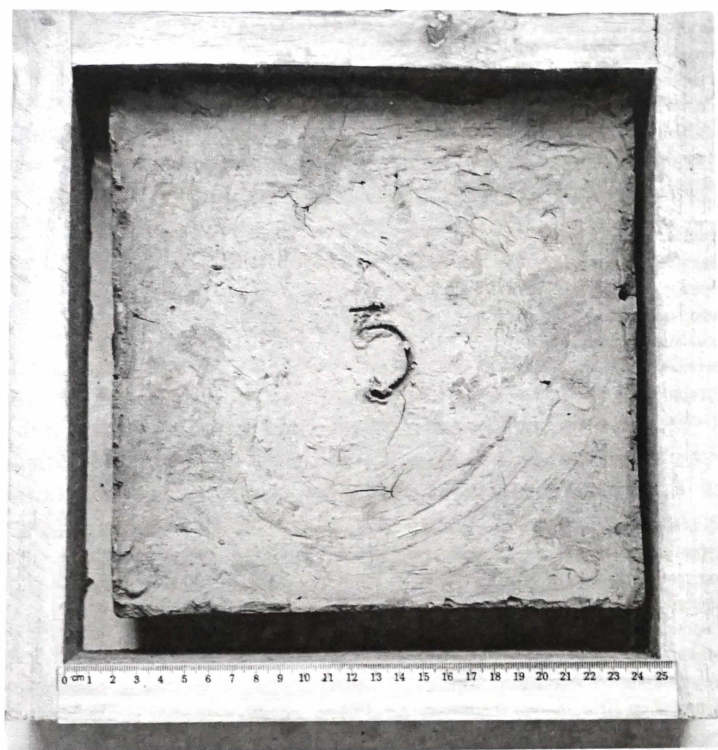
Что касается крепостного строительства, то византийская фортификация воплотилась в Хазарском каганате лишь в Правобережной Цимлянской крепости, Хумаре и особенно в Саркеле. Обратим внимание на один объединяющий их признак – башни. В иных более или менее раскопанных хазарских крепостях башен нет (неясна ситуация с Семикаракорской крепостью, угловых башен в ней определено не было, но был донжон). В то же время башни трех указанных крепостей простейшие по форме – четырехугольные. Башни более сложной конфигурации, известные в Византии, – круглые, треугольные, пятиугольные, в форме утюга, с округлой передней стеной и др. – в Хазарском каганате не обнаружены.

⁹ Такая трансформация – явление широко распространенное и неистребимое в археологической науке.

сырцовый кирпич					
	1	2	3	4	5
размер формовочного ящика в гр. стопах	¼ стопы	1 стопа	1½ стопы	1½ стопы	2 стопы
размер формовочного ящика в сантиметрах	23,61	31,48	41,97	47,22	62,96
усадка кирпича на 5%	22,43	29,91	39,87	44,86	59,81
усадка кирпича на 7%	21,96	29,28	39,03	43,91	58,5
усадка кирпича на 10%	19,45	28,33	37,77	42,5	56,66
усадка кирпича на 5% - двойной дактиль	18,49	25,97	35,93	40,92	55,87
усадка кирпича на 7% - двойной дактиль	18,01	24,34	35,09	39,97	54,56
усадка кирпича на 10% - двойной дактиль	17,31	24,39	33,83	38,56	52,71
Семикаракорское городище	x	x			
Левобережное городище	x				
Правобережное городище			x		
Таманское городище				x	
Фанагорийское городище		x		x	
Колтуновское городище		x	x	x	
Красное городище			x	x	x
Алексеевское городище		x			
обожжённый кирпич					
	6	7	8	9	10
размер формовочного ящика в гр. стопах	¼ стопы	1 стопа	1½ стопы	1½ стопы	2 стопы
размер формовочного ящика в сантиметрах	23,61	31,48	41,97	47,22	62,96
усадка кирпича на 5%	22,43	29,91	39,87	44,86	59,81
усадка кирпича на 7%	21,96	29,28	39,03	43,91	58,5
усадка кирпича на 10%	19,45	28,33	37,77	42,5	56,66
усадка кирпича на 5% - двойной дактиль	18,49	25,97	35,93	40,92	55,87
усадка кирпича на 7% - двойной дактиль	18,01	24,34	35,09	39,97	54,56
усадка кирпича на 10% - двойной дактиль	17,31	24,39	33,83	38,56	52,71
Семикаракорское городище	x	x			
Левобережное городище	x	x	x		
Правобережное городище		x			x
Таманское городище		x			
Фанагорийское городище					
Колтуновское городище					
Красное городище			x	x	x
Алексеевское городище					

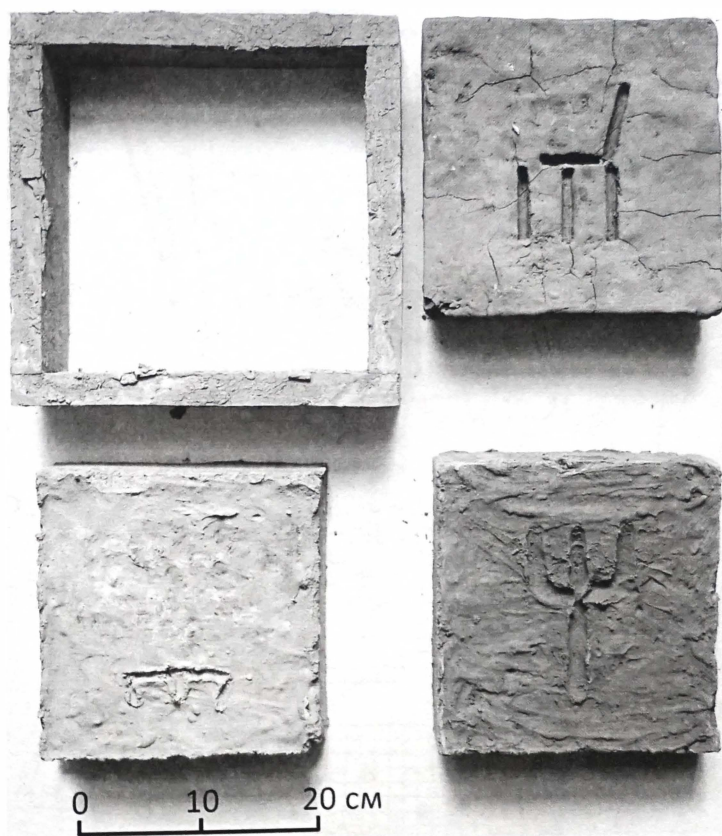
Илл. 1.

Типы донских кирпичей и соотношение их длины с византийскими линейными мерами на основе греческой стопы по: Г. Е. Афанасьев, 2012а, табл. 3



Илл. 2.
Усадка.

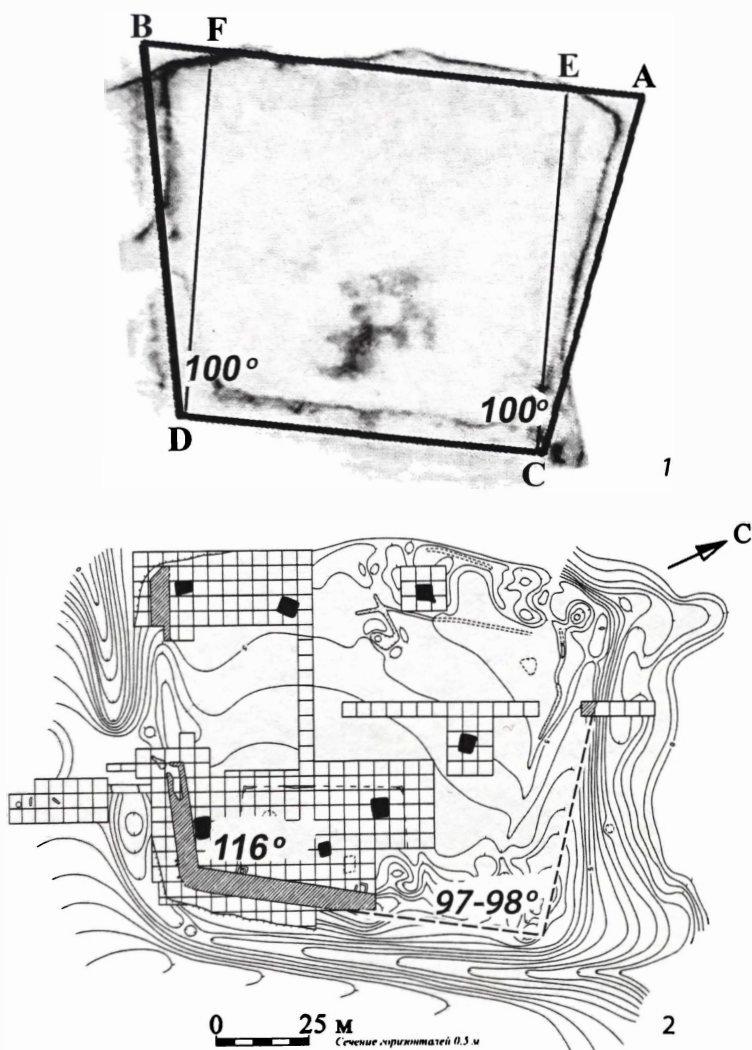
Сравнение размеров формовочной рамки и опытного образца
кирпича после обжига



Илл. 3.

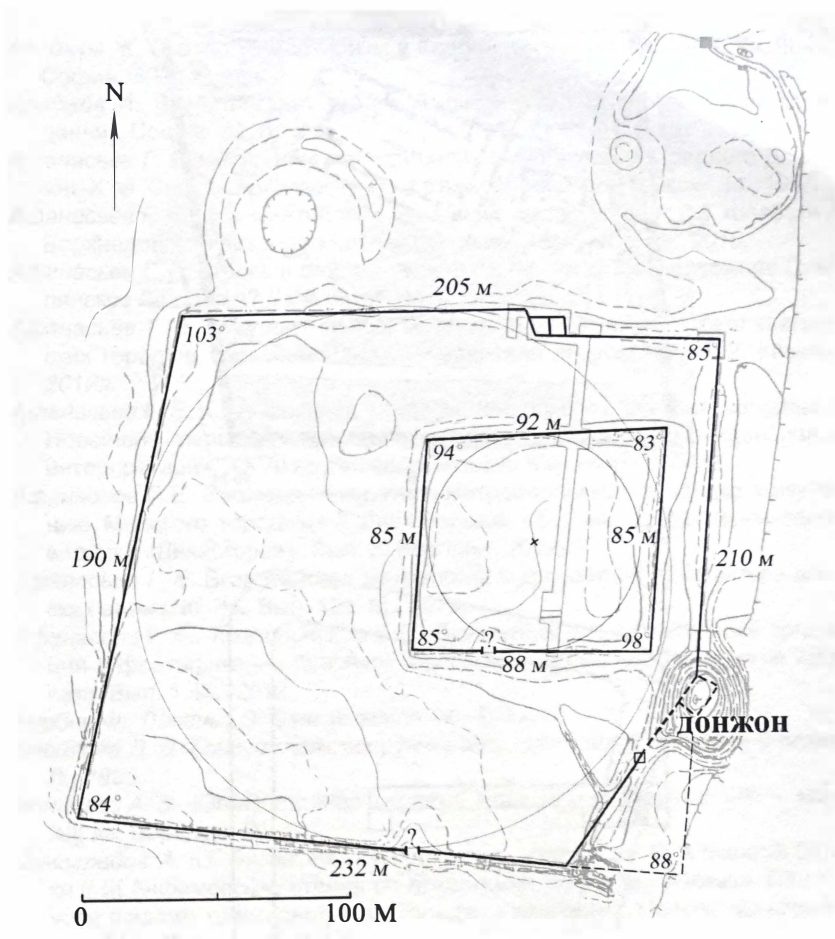
Усадка.

Сравнение размеров формовочной рамки и опытных образцов
кирпича после обжига



Илл. 4.

Маяцкая крепость: 1 – реконструкция Г. Е. Афанасьева (2012а, рис. 6: А) разбивки плана крепости виде равносносторонней трапеции на местности; 2 – план крепости с реконструкцией западного угла



Илл. 5.
Семикаракорская крепость.
Вариант реконструкции В. С. Флёрова

Литература

- Аладжов Ж. Отново за мартириум в Карбонатска крепост // ПБА. Кн. III–IV. София, 2006.
- Аладжов А. Византийският град и българите VII–IX (по археологически данни). София, 2010.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. Серия «Археологические открытия на новостройках». М., 1987.
- Афанасьев Г. Е. О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк, 2010.
- Афанасьев Г. Е. Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // РА. 2011. № 3.
- Афанасьев Г. Е. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. № 2. Казань, 2012а.
- Афанасьев Г. Е. К изучению эпиграфики памятников Маяцкого городища // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012б.
- Афанасьев Г. Е. Эволюция теоретико-методологического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 3. Воронеж, 2012в.
- Афанасьев Г. Е. Византийская метрология в крепостной архитектуре донских алан // КСИА. Вып. 129. М., 1972.
- Афанасьев Г. Е., Красильников К. И. Византийские архитектурные традиции в фортификации Красного городища // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1. М., 2012.
- Бурбон Ф., Лаваньо Э. Святая земля. М., 2001.
- Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
- Винников А. З. Юго-Восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. Воронеж, 2014.
- Виноградов А. Ю. Византийская лента протоспафария из Мощевой балки // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси. Краснодар, 2013.
- Вълов В. Антични некрополи в Свищовско // Археология. Кн. 1. София, 1965.
- Динчев В. Ранновизантийските крепости в България и съседните земи (в диоцезите Thracia и Dacia). Разкопки и проучвания. Кн. XXXV. София, 2006.
- Замятнин С. Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах (извлечение из дневников) // Воронежский историко-археологический вестник. Вып. 2. Воронеж, 1921.
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // РА. 2006. № 4.

- Иванов Румен. Строителна керамика от Долния Дунав // Археология на българските земи. Т. II. София, 2006.
- Иванов Ст. Съпоставка на знаците от крепостните стени на Плиска // Плиска-Преслав. Т. 9. Шумен, 2003.
- Иванов Т. Разкопки в кастела Ятрум през 1962 // Археология. Кн. 4. София, 1963.
- Колода В. В. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // Древности 2010. Харьков, 2010.
- Колода В. В. Тюркская руническая надпись из лесостепной Хазарии // Поволжская археология. № 3. Казань, 2014.
- Красильников К. И. Крепость салтово-маяцкой культуры // АО—1984. М., 1986.
- Красильников К. И., Красильникова Л. И. К вопросу о строительной тенденции форта Красное городище // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк, 2014.
- Кызласов И. Л. Рунические надписи Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.
- Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Малахов С. Н. Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви. 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византистов. М., 2004.
- Михайлов Ст. Археологически материали от Плиска (1948–1951) // Известия на Археологическия институт. Кн. XX. София, 1955.
- Нахапетян (Флёрова) В. Е. Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.
- Плетнёва С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 г. // МАИЭТ. Т. IV. Симферополь, 1994.
- Плетнёва С. А. История одного хазарского поселения // РА. 1993. № 1.
- Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА № 75. М.–Л., 1959.
- Сарапулкин В. А. Новые погребения Маяцкого селища // РА. 2014. № 2.
- Свистун Г. Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца // Харьковский археологический сборник. Вып. 2. Харьков, 2007.
- Свистун Г. Е. Фортификация Кабанова городища // Харьковский археологический сборник. Вып. 3. Харьков, 2008.
- Свистун Г. Е. Фортификация Чугуевского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время. Донецк, 2012.
- Сорочан С. Б., Флёров В. С. Лента из Мошевой Балки. Проблема толкования источника. РА. 2015. № 2.

- Токаренко С. Ф. Технология изготовления кирпичей Семикаракорской крепости. Опыт реконструкции // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.
- Флёров В. С. Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009а.
- Флёров В. С. Семикаракорская крепость Хазарского каганата: строительство из сырцового кирпича, технология, сроки // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009б.
- Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Москва–Иерусалим, 2011.
- Флёров В. С. Верхне-Ольшанское городище: извлечение из Отчета о раскопках в 1991 г. // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, 2012.
- Флёров В. С. Вес как признак в классификации кирпичей и плинфы // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2013.
- Флёров В. С., Ермаков С. Н. Цимлянское водохранилище – зона археологического бедствия (по итогам работы экспедиции «Хазарский проект» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21. Азов, 2006а.
- Флёров В. С., Ермаков С. Н. Исследование и проблема сохранения городищ хазарского времени на Нижнем Дону. Третий полевой сезон экспедиции «Хазарский проект» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 22. Азов, 2006б.
- Флёрова В. Е. Граффити Хазарии. М., 1997.
- Цонев Д., Маджаров К. Две новооткрыти базилики в Хисар // Археология. Кн. 1. 1965.
- Щерева И., Вачева К., Владимирова-Аладжова Д. Туида–Сливен 1 // РП. Кн. XXVIII. София, 2001.

Сокращения

- АО – Археологические открытия. М.
- КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, Крым.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.
- ПБА – Приноси към българската археология. София. България
- РА – Российская археология. М.
- РП – Разкопки и проучвания. София, България

В. С. Фльоров

Нотатки про хазарську цеглу, блоки та фортеці

Резюме

Статтю присвячено критичному аналізу публікацій Г. Є. Афанасьєва про переважання візантійських мір довжини в розмірах хазарських цегли, блоків та фортець. Автор "Нотаток" в принципі підтримує тезу про вплив Візантії на виробництво цегли і блоків в Хазарському каганаті, але "теоретико-методологічний підхід" Г. Є. Афанасьєва до проблеми вважає неприйнятним. Автор не знаходить візантійського впливу на хазарську фортифікацію, за винятком фортець Саркел, Правобережна Цимлянська та Хумара.

В. С. Флёров

Заметки о хазарских кирпичах, блоках и крепостях

Резюме

Статья посвящена критическому анализу публикаций Г. Е. Афанасьева о превалировании византийских мер длины в размерах хазарских кирпичей, блоков и крепостей. Автор «Заметок» в принципе поддерживает тезис о влиянии Византии на производство кирпичей и блоков в Хазарском каганате, но «теоретико-методологический подход» Г. Е. Афанасьева к проблеме считает неприемлемым. Автор не находит византийского влияния на хазарскую фортификацию, за исключением крепостей Саркел, Правобережная Цимлянская и Хумара.

V. S. Flyorov

Notes about the Khazar Bricks, Blocks and Fortresses

Summary

This article is dedicated to the critical analysis of G. Ye. Afanasiev's publications about predominating of the Byzantine linear measures in the sizes of the Khazar bricks, blocks and fortresses. The author of "Notes" in principle supports a thesis about influence of Byzantium on the production of bricks and blocks in the Khazar kaganate. However he considers that "theoretical-methodological approach" of G. Ye. Afanasiev to the problem is unacceptable. Author does not find Byzantine influence on Khazar fortification, except for the fortresses of Sarkel, Right-Bank Tsymlyanskaya and Humara.

III

Памяти С. Г. Кляшторного

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КЛЯШТОРНОГО (1928–2014)

С. Г. Кляшторный родился 4 февраля 1928 г. в Гомеле (Белоруссия). Закончил кафедру тюркской филологии Ленинградского университета (1950) и всю жизнь проработал в Ленинграде – Санкт-Петербурге, до последнего года жизни заведовал сектором Центральной Азии и отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. С. Г. скончался в Санкт-Петербурге 21 сентября 2014 г. Его учителем был А. Н. Бернштам, востоковед и археолог, занятия с ним повлияли на жизненные и научные интересы С. Г. – через всю жизнь он пронес любовь к истории и культуре Центральной Азии. Эта любовь не сводилась к филологическому анализу экзотических текстов, хотя избранные С. Г. Кляшторным для исследования источники можно считать едва ли не самыми «экзотическими» в Евразии – это были древнетюркские рунические надписи.

Эпиграфические исследования не могут ограничиваться кабинетным чтением текстов – С. Г. Кляшторный много сил и энергии отдал экспедициям, изучению памятников эпиграфики на месте. С. Г. гордился своими экспедициями в Монгольской степи и Гоби, где нужно было уметь ездить верхом, с увлечением рассказывал о быте современных ему «батыров».

Фундаментальные работы С. Г. Кляшторного по ранней истории тюркских народов и тюркской рунической письменности стали классическими и переведены на многие языки. Достаточно назвать монографии: «Древнетюркские рунические памятники как источник по

истории Средней Азии» (М., 1964); «История Центральной Азии и памятники рунического письма» (СПб., 2003); «Государства и народы Евразийских степей: древность и средневековье» (в соавторстве с Т. И. Султановым). (СПб., 2004); «Степные империи древней Евразии» (в соавторстве с Д. Г. Савиновым). (СПб., 2005); «Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии» (М., 2006); «Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей». (СПб., 2010) без которых невозможно ныне представлять историю евразийской степи.

Основной темой исследований была интерпретация древнетюркских памятников как аутентичных источников по истории тюркоязычных народов. Он продемонстрировал общий фон развития событий в Центральной Азии на основе орхоно-енисейских текстов, что вводило прошлое Евразии и ее кочевые народы в контекст всемирной истории. Занимаясь тюркологией и монголоведением, С. Г. Кляшторный активнейшим образом участвовал в научных конференциях в России и за рубежом. В 2005 г. он был награжден Золотой медалью Постоянной международной алтаистической конференции (Gold Medal of the Permanent International Altaistic Conference). В заслуги С. Г. Кляшторного входит и то, что он возобновил после шестнадцатилетнего перерыва серийное издание «Тюркологического сборника», и ранее, и позднее занимавшего важное место в научной жизни. Показателен интернациональный состав авторов, участвующих в этом тюркологическом издании.

Первоначально интересы С. Г. Кляшторного были связаны по преимуществу с историей Восточного Туркестана, но история евразийской степи «диктовала» исследователю свои вопросы: среди них проблема хазарских рунических надписей Восточной Европы, нечитаемых по сей день (ее С. Г. рассматривал, исследуя надпись из района Саркела: [Флёров, Кляшторный, 1993]. Хазары не могли не занимать С. Г. Кляшторного, хотя он оставался верным своим центральноазиатским приоритетам: будучи редактором первого тома фундаментальной «Истории татар» (Казань, 2002), он поручил дать материал по Хазарскому каганату и его соседям соавтору этой мемориальной заметки. С тех пор сотрудничество с С. Г. Кляшторным по хазарской проблематике не прекращалось: В. Я. Петрухин пользовался консультациями С. Г. Кляшторного при издании источников по хазарам, в том числе нашумевшего в конце прошлого века «Киевского письма», завершавшегося хазарской рунической «резолю-

цией»; С. Г. сомневался в адекватности трактовки «резолуции», предложенной О. Прицаком, – во втором российском издании письма пришлось прибегнуть к специальному разысканию иных возможностей трактовки (см.: [Напольских, 2003]).

Существенными для понимания начальной истории хазар являются их азиатские корни – этой проблеме была посвящена статья С. Г. Кляшторного, опубликованная в трудах первого международного colloquium по хазарам [Кляшторный, 2005]. С. Г. Кляшторный становится постоянным автором «Хазарского альманаха» – в томе 8 он публикует статью о ранних свидетельствах славяно-тюркских контактов [Кляшторный, 2009], в томе 9 – об имперской традиции у тюрков [Кляшторный, 2011].

С. Г. подчеркивал, что по основной специальности он далек от русистики, но в последние годы он активно сотрудничал с отделом Восточной Европы ИВИ РАН, самым активным академическим подразделением, изучающим этот регион в древности и раннем средневековье. С. Г. Кляшторный регулярно выступал на чтениях, посвященных памяти В. Т. Пашуто.

С. Г. Кляшторного давно впечатлило раннее известие ал-Куфи (X в.) о переселении 20 тысяч семей славян (ас-сакалиба) в результате похода арабского полководца Мервана против хазар в 737 г.: переработанная версия ранней статьи о древнейшем упоминании славян в Нижнем Поволжье (1964 г.) была издана им в «Хазарском альманахе» [Кляшторный, 2009]. Хотя никаких известий о присутствии славян в Поволжье, тем более на Кавказе, в столь ранний период не существует, С. Г. увлекся гипотезой о славянстве именковской археологической культуры в Среднем Поволжье. Эта увлеченность евразийскими аспектами славяно-русской истории сказалась и на предложенной им тюркской этимологии имени *Киев/Київ* [Кляшторный, 2009]. В целом С. Г. был далек от какого бы то ни было «национального романтизма», и его работы по евразийской проблематике отличает взвешенность научной позиции.

Трудами С. Г. Кляшторного создана прочная основа для понимания культурных и исторических процессов в Евразии, значение которых отнюдь не ограничивается древним периодом. С. Г. Кляшторный отличался редким дружелюбием, помогая молодым ученым и общаясь с ними как с равными ему коллегами. Коллеги сохраняют благодарную память об этих счастливых встречах.

Т. М. Калинина, В. Я. Петрухин

Литература

- Кляшторный С. Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары. Москва–Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2005. С. 259–264 (Jews and Slavs, vol. 16).
- Кляшторный С. Г.* Ранние свидетельства славяно-тюркских контактов // Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, Нац. АН РУ, 2009. С. 227–235.
- Кляшторный С. Г.* Имперский фон древнетюркской цивилизации // Хазарский альманах. Т. 9. Киев–Харьков. Национальная Академия наук Украины. 2010–2011. С. 98–106.
- Напольских В. В.* К чтению так называемой «Хазарской надписи» в Киевском письме // Норман Голб и Омелян Прицак. Еврейско-хазарские документы X века. Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. Иерусалим–Москва, 2003. С. 211–225.
- Флёров В. С., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись с Правобережного Цимлянского городища // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 210. Археология и современность. М., 1993. С. 91–93.

ВСЕГО ТРИ ВСТРЕЧИ **(памяти Сергея Григорьевича Кляшторного)**

Я искренне сожалею, что не был его другом, я бы очень этим гордился...

Я просто не мог им стать: в силу разницы в возрасте, неравнозначности научного и житейского опыта, из-за редких встреч и значительности расстояний (я – в Харькове, он – в Питере), по причине различия сфер научного приложения личных интересов... и многого другого, что всегда заставляло меня подумать, прежде чем обратиться к нему. Но мне всегда хотелось с ним общаться, хотя это удовольствие я смог себе позволить всего четыре раза: трижды при личной встрече на конференциях и единожды – по электронной почте в печально памятном 2014 году, незадолго до его ухода. Те, кто жил и творил рядом с ним, знают его лучше и скажут об этом. Как человек науки, я понимаю – это брешь «ниже ватерлинии»: несмотря на сотни его работ, он не смог передать все свое богатство знаний кочевого евразийского мира, накопленное им за десятилетия полевых сезонов. К его трудам будет возвращаться еще не одно поколение. Мои же воспоминания – это чисто личные впечатления о встречах и разговорах с близким по духу человеком, отсутствие которого вызывает чувство большой печали и невосполнимой утраты.

Впервые я увидел Сергея Григорьевича на трибуне во время его внепрограммного выступления на Втором международном хазарском коллоквиуме в Подмоскowie (Королёво) в 2002 г. Этот невысокий энергичный человек своей живой, эмоциональной речью привлек безусловное внимание присутствующих коллег и, казалось, заполнил собою полупустой зал (излишне большой для такого камерного собрания). Привлекало не только то, что человек был, как говорится, «в теме», но от него исходила свежесть и непосредственность восприятия того, о чем он говорил, вернувшись практически

«с поля». Его доклад вызвал интерес, так как касался малоизученных страниц начальной (азиатской) истории хазар, и вызвал массу вопросов. Его ответы на них не звучали как утверждения, а были приглашением к обсуждению, раздумьями, вариантами возможного толкования, что вовлекало в разговор практически всех присутствующих¹. Я искал с ним встречи для беседы, и не только для того чтобы обсудить его доклад и получить более детальные разъяснения по каким-то вопросам, – мне он был по-человечески интересен...

При нашей встрече конкретно-научная часть разговора по теме его доклада быстро иссякла и перетекла в беседу на более близкую мне тему: «взаимоотношения кочевников и их оседлых соседей». Хронологическая и географическая широта его эрудиции могла бы подавить, но легкость подачи им фактического материала (не обремененная научно-методическим «фундаментализмом»), пересыпаемая воспоминаниями, рассказами о забавных случаях, приглашала к совместному размышлению и выводам, что делало наш разговор не только, безусловно, полезным, но и приятным. Он живо, а не из вежливости, интересовался нашими салтовскими материалами Северского Донца, что-то переспрашивая и уточняя. Я не чувствовал разницы в возрасте и научном положении. Сейчас я понимаю, что Сергей Григорьевич был не только глубоким ученым (теоретиком и практиком), блестящим рассказчиком, но и собеседником «от Бога», что так редко сочетается в человеке вообще, а в нашей научной среде встречается и того реже, к сожалению. Наша беседа подтолкнула меня ко многому...

В том же 2002 г. во время одной конференции в Санкт-Петербурге мне удалось встретиться с ним в его кабинете (в одном из «царственных» домов на берегу Невы близ Зимнего дворца). Мы встретились как давние знакомые, обменялись книгами. Беседа была недолгой, но душевной. Меня интересовала российская научная литература, которой тогда (как и теперь) не хватало в Украине, а его – новые наработки по кочевникам в нашей стране. Увидев, что я рассматриваю его «научные апартаменты», заваленные раскрытыми книгами, какими-то картами, рулонами (чертежи?), он так просто, мимоходом, сообщил, что это «охотничий зал» одного из братьев российского монарха, – и вновь вернулся к беседе. Если

¹ Через несколько лет материалы этого доклада были реализованы в статье: Кляшторный С. Г. Азиатский аспект ранней истории хазар // Евреи и славяне. Т. 16. Москва–Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2005, с. 259–264.

наша первая встреча обогатила меня новыми мыслями, то вторая пополнила, кроме того, и мою библиотеку книгами и надеждами на продолжение наших научных отношений. В то время хазароведение было на подъеме, и я расставался с Сергеем Григорьевичем в предвкушении скорой встречи уже в Украине.

Третий раз мы увиделись год спустя на хазароведческом симпозиуме в Харькове. Я с удовольствием стал практически его личным гидом по Верхнесалтовскому комплексу. Он много спрашивал и внимательно слушал, периодически вздыхал, испытывая гнетущее впечатление от диссонанса научного значения и величия эпонимного памятника и нынешнего его состояния, а также от убожества местного археологического музея. Чувствуя себя хозяином (а я много лет копал этот памятник), я был горд тем, что мы принимаем светил хазароведения на Харьковщине, но (боже мой!) как же мне было стыдно за археологическое состояние Верхнего Салтова! Сергей Григорьевич молчал, ни слова упрека или сожаления, но его глубокие вздохи и печальный взгляд при виде варварских разрушений памятника были красноречивее многих слов... В те дни мы беседовали о его пребывании в Монголии, и его рассказы о нетронутых современным человеком древностях азиатской части Великой степи звучали как альтернатива состоянию наших салтовских памятников. Его рассказ был обращен не столько к нам (уже не помню, кто еще был при разговоре), сколько к его личному прошлому... К тому времени, вероятно, в связи с возрастом, он уже прекратил свои экспедиции. Сколько же светлой печали было в его вдохновенных словах и даже в паузах, когда он замолкал, как я полагаю, вновь живо переживая то, что многие годы наполняло его жизнь.

А на самом симпозиуме он, по просьбе организаторов, повторил свой прошлогодний доклад о начальных этапах хазарской истории², добавив к нему некоторые новые аспекты осмысления материала. В 2004 г. этот доклад впервые был издан, причем на украинском языке³. И мне приятно вспоминать, что перевод этой работы прошел с моим участием.

² Приглашение Сергея Григорьевича и повторное чтение доклада по той же теме было связано с тем, что на Хазарском коллоквиуме в Королёво большинство украинских специалистов по хазароведению и изучению салтовской культуры не смогли присутствовать.

³ Кляшторний С.Г. Азійський аспект ранньої історії хозар // Хазарський альманах. Т. 2. Харків, 2004, с. 47–51.

Последующие десять с небольшим лет мы не общались (разные страны и разные дороги), хотя я старался следить за его публикациями, которые не часто, но попадали в мои руки. Последнее наше общение было эпистолярным. Я работал над одной местной находкой с руническим текстом и нуждался в консультации специалиста, каковым и был Сергей Григорьевич. Зная, что он болеет, и понимая, что таких, как я, в его жизни было немало, я все же надеялся на ответ. Он быстро откликнулся, уверив, что помнит меня (он даже привел известные лишь нам двоим эпизоды нашей последней встречи в Харькове). Извинившись, что не может быть полезным (он по-мужски скрывал свой недуг), он посоветовал мне обратиться к своему оппоненту по трактовке тюркского рунического письма – Леониду Романовичу Кызласову. И в этом я вижу еще одну положительную грань человеческого характера и научного мышления Сергея Григорьевича – умение признавать заслуги оппонента и принцип «дело – прежде всего».

Вот таким он остался для меня: интересным ученым, пытливым, энергичным исследователем с богатейшим полевым опытом, многогранной личностью и талантливым рассказчиком, человеком, умевшим радоваться жизни и радовать своей жизнью окружающих. Вы, Сергей Григорьевич, оставили после себя богатейшее научное наследие, которое будет востребовано наукой многие и многие годы и, что важно лично для меня, – светлую память и незабываемый образ увлеченного, духовно богатого человека.

С уважением и скорбью
В. В. Колода (Харьков)

ИЗ КОРОТКИХ ВСТРЕЧ С С. Г. КЛЯШТОРНЫМ

Первое мое знакомство с Сергеем Григорьевичем Кляшторным было заочным. На Правобережном Цимлянском городище среди массы обломков костей был обнаружен один с несколькими вырезанными руническими знаками. Они были настолько небрежно выполнены, что, казалось, их невозможно прочитать. Было сомнение, знаки ли это вообще. Не решаясь сам разрешить этот вопрос, я без особой надежды отправил фотографию и прорисовку надписи Сергею Григорьевичу. Ему удалось ее прочитать. Таких кратких надписей найдено много на территории Хазарского каганата. Важным было то, что руническая письменность, как тогда выяснилось, была известна и населению ниже-донской крепости. На Правобережном Цимлянском городище эта находка первая и пока единственная.

В этом непримечательном эпизоде с прочтением рунической надписи на кости меня удивило совершенно другое, на что вряд ли кто и внимание обратил. В публикации первой стоит фамилия «Флёров», а «Кляшторный» – на втором месте. И это притом, что и перевод, и комментарии к нему принадлежат Сергею Григорьевичу. И он много старше меня по возрасту. И наконец, формально он – на «К», а я – на «Ф». Тем не менее Сергей Григорьевич настоял именно на такой очередности фамилий, с которой публикация и была издана [Флёров, Кляшторный, 1993]. В любом случае, этот маленький эпизод как нельзя лучше характеризует С. Г. Кляшторного как человека. Особенно на фоне того, что мы видим во многих публикациях: без учета вклада каждого из соавторов, да и просто, игнорируя порядок букв в алфавите, на первом месте оказывается фамилия директора, «начальника», «руководителя» и прочих из административной иерархии.



Фото 1.

Директор болгарского Института археологии
Рашо Рашев и С. Г. Кляшторный.
Казань, 2007 г.



Фото 2.

С. Г. Кляшторный председательствует на одной из секций
XXV Чтений памяти В.Т. Пашуто.
Москва, апрель 2013 г.

*Фото 3.*

С. Г. Кляшторный. XXV Чтения памяти В.Т. Пашуто.
Москва, апрель 2013 г.

Другой эпизод из деятельности С. Г. Кляшторного как тюрколога. В 1978 г. на Маяцком городище был обнаружен блок с тремя строками надписей из десятков рунических знаков. Я был свидетелем события и помню неописуемый восторг, который охватил не только начальника экспедиции С. А. Плетнёву, но и всех ее участников. Блок со всем тщанием был упакован и машиной отправлен в Ленинград в Гос. Эрмитаж. Все надежды на прочтение самых длинных рунических надписей с территории Хазарского каганата возлагались на С. Г. Кляшторного. Но шли месяцы, а расшифровка не продвигалась. В конечном счете Сергей Григорьевич надпись так и не прочитал. В последующих затем публикациях С. А. Плетнёвой и ее сотрудников эта попытка не упоминается. Почему о ней вспомнил я? Со временем я стал оценивать заключение С. Г. Кляшторного о нечитаемости длинных маяцких текстов как высококвалифицированную экспертизу. Для истории и языка населения северной окраины Хазарского каганата она имеет большое значение, ибо открывает путь к прочтению маяцких надписей на иной основе, возможно – на иранской.

Последняя моя встреча с С. Г. Кляшторным была на XXVI Пашутиных чтениях в апреле 2014 г., где в одном из заседаний средневековой секции он председательствовал. Прогуливаясь с ним в

перерыве по коридору Института всеобщей истории, где проходили чтения, я слушал занимательные рассказы Сергея Григорьевича из его жизни. Вот тут-то неожиданно выяснилось, что он, будучи еще студентом первого курса, участвовал в раскопках Саркела под руководством М. И. Артамонова. Об этом факте его биографии я не знал и был поражен тем, что со мною говорит человек из столь далекого прошлого. Как я ни упрасивал его написать хоть страничку воспоминаний о легендарной экспедиции, он отнекивался, ссылаясь на занятость. Действительно, занят он был всегда. А спустя несколько месяцев Сергей Григорьевич ушел из жизни, один из последних могикан Волго-Донской экспедиции¹.

Запомнился облик С. Г. Кляшторного во время этого, кажется последнего его приезда в Москву. Плотная фигура, без малейшего намека на сгорбленность, а ведь ему было немало лет, подвижный, в строгом сером костюме-тройке. Сергей Григорьевич был небольшого роста, но об этом совершенно забывалось, как только он начинал говорить. Мгновенно чувствовалось, что перед тобою настоящий ученый с громадной эрудицией, и обаяние его интеллекта вызывало неизменную симпатию.

В. С. Флёров

Литература

Флёров В. С., Кляшторный С. Г. Руническая надпись с Правобережного Цимлянского городища // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 210. Археология и современность. М., 1993. С. 91–93.

¹ В мае 2014 г. ушел из жизни еще один участник Волго-Донской экспедиции – Игорь Сергеевич Каменецкий.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
I. К 120-летию А. П. Ковалевского	7
А. И. Митряев ТВІР ІБН ФАДЛАНА У ДОСЛІДЖЕННЯХ А. П. КОВАЛІВСЬКОГО	7
Ю. М. Кочубей МІЖНАРОДНИЙ РЕЗОНАНС НАУКОВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ А. П. КОВАЛІВСЬКОГО	19
Е. Г. Циганкова, О. Д. Василюк ПЕРШИЙ ХАРКІВСЬКИЙ ПЕРІОД АНДРІЯ КОВАЛІВСЬКОГО	24
А. П. Ковалевский БАШКИРЫ В X ВЕКЕ ПО ДАННЫМ ИБН ФАДЛАНА	35
II. Статьи и публикации	65
В. С. Аксёнов ПУГОВИЦЫ ИЗ РАКОВИН МОЛЛЮСКОВ У АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца)	65
О. Б. Бубенок К ВОПРОСУ ОБ ОГНЕПОКЛОННИКАХ В СТРАНЕ КАШАКОВ	82
Т. М. Калинина ЙАКУТ: ПЕРВОИСТОЧНИКИ НЕКОТОРЫХ СВЕДЕНИЙ О ХАЗАРИИ И ХАЗАРСКОМ МОРЕ	96
В. В. Колода УНИКАЛЬНЫЙ ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕЛИЩЕ МОХНАЧ-П	111
Ю. М. Могаричев, В. В. Майко ТЕПСЕНЬСКАЯ БАЗИЛИКА И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ФУЛ	130

Д. А. Моисеев ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ РАСКОПОК СЕМИКАРАКОРСКОГО ГОРОДИЩА (конец VIII – начало IX вв.).....	156
С. М. Омаров ВЕЛИКИЙ МОНГОЛЬСКИЙ КУРУЛТАЙ 1235 РОКУ В КОНТЕКСТІ ПОЛІТИЧНОГО СТАНОВЛЕННЯ РАХ MONGOLICA	180
Л. Ю. Пономарёв ОДНОКАМЕРНЫЕ ПОСТРОЙКИ САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА	193
И. Г. Семёнов КАВКАЗ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ИРАНА С ВИЗАНТИЕЙ И ТЮРКСКИМ КАГАНАТОМ В 556–591 ГОДАХ	234
В. С. Флёров ЗАМЕТКИ О ХАЗАРСКИХ КИРПИЧАХ, БЛОКАХ И КРЕПОСТЯХ	299
III. Памяти С. Г. Кляшторного	337
Т. М. Калинина, В. Я. Петрухин ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КЛЯШТОРНОГО (1928–2014)	337
В. В. Колода ВСЕГО ТРИ ВСТРЕЧИ (памяти Сергея Григорьевича Кляшторного)	341
В. С. Флёров ИЗ КОРОТКИХ ВСТРЕЧ С С. Г. КЛЯШТОРНЫМ	345

Научное издание

Хазарский альманах

Том 13

Главный редактор О. Бубенок
Технический редактор Т. Мاستюгина
Корректор И. Подольская
Верстка О. Волкова

Подписано в печать 01.10.2015
Формат 70х100/16. Печать офсетная.
Печ. л. 22. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-7576-0341-4



Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

